4536

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ,

написаннымъ Н. ДЕНИСЮКЪ.

Выпускъ четвертый.

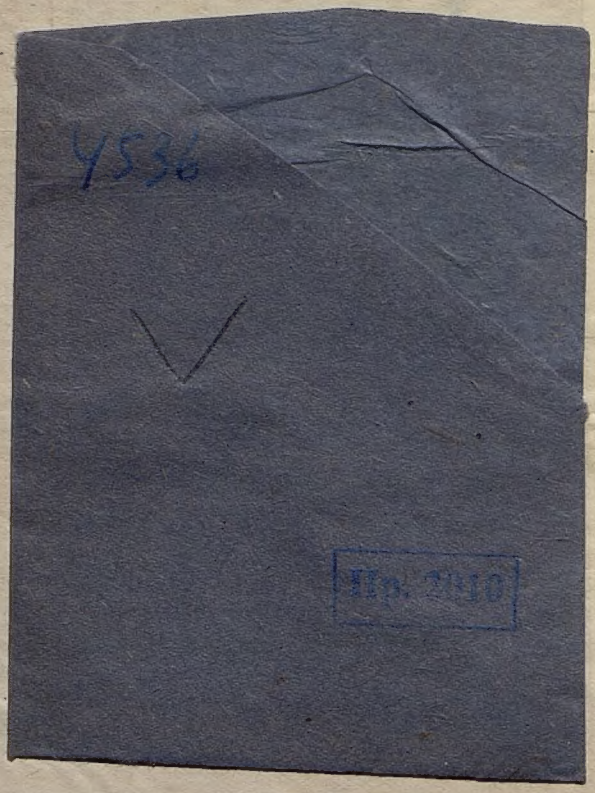
(1882—1888 гг.)

Въ четвертый выпускъ вошли статьи:

К. К. Арсеньева, А. И. Введенскаго, М. Протопопова, В. Сорокина, П. К. Щебальскаго и др.; статьи: изъ „Вѣстника Европы", „Русскаго Вѣстника", „Вѣка", „Дѣла", „Новаго Времени", „Русской Мысли", „Гражданина" и т. д.

Цѣна

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Покровка, Лялинъ переулокъ, собств. домъ.
1905.


4536

Пр. 1955 г.

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ,

написаннымъ Н. ДЕНИСЮКЪ.

Выпускъ четвертый.

(1882—1888 гг.)

Въ четвертый выпускъ вошли статьи:

К. К. Арсеньева, А. И. Введенскаго, М. Протопопова, В. Буренина, П. К. Щебальскаго и др.; статьи: изъ „Вѣстника Европы", „Русскаго Вѣстника", „Вѣка", „Дѣла", „Новаго Времени", „Русской Мысли", „Гражданина" и т. д.

4536

БИБЛИОТЕКА СВЕРДЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. А. М. ГОРЬКОГО

Цѣна 1 р.

527

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Покровка, Лялинъ переулокъ, собств. домъ.
1905.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

ОГЛАВЛЕНІЕ

четвертаго выпуска.

Стр.

„Письма къ тетенькѣ". **А. И. Введенскій** 1

Торжествующая сатира. **М. М. К.** *(Гражданинъ, 1882 г., № 82)* 8

„Современная идиллія". **А. И. Введенскій** 12

„Письма къ тетенькѣ". **П. К. Щебальскій.** *(Русскій Вѣстникъ, 1882 г., № 8).* 25

Новый Щедринскій сборникъ. („Современная идиллія"). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 11).* 38

Критики Щедрина. **А. И. Введенскій** 46

Характеристики современныхъ дѣятелей. (М. Е. Салтыковъ). **М. Протопоповъ.** *(Дѣло, 1883 г., № 6)* 54

„Пошехонскіе разсказы". **А. И. Введенскій** 70

Щедринъ. **В. Куницкій.** *(Вѣкъ, 1883 г., № 4).* 74

„Запутанное дѣло". (Дореформенная Россія и эпоха первыхъ преобразованій). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 1).* . . . 88

„Губернскіе очерки". (Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 1)* 93

„Сатиры въ прозѣ". (Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 1)* 100

„Больное мѣсто". (Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 3)* 104

Хищники въ сатирѣ Щедрина. (Русская обществ. жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 3)* 116

Бюрократія въ сатирѣ Щедрина. (Русская общ. жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 3)* 129

Итоги литературной дѣятельности Щедрина. (Русская обществ. жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстн. Европы, 1883 г., № 5).* 134

„Письма къ тетенькѣ". *(Русская Мысль, 1883 г., № 2).* 146

Русская общественная жизнь въ сатирѣ Щедрина. *(Признаки времени; Письма о провинціи; Господа Ташкентцы; Дневникъ провинціала въ Петербургѣ; Помпадуры и помпадурши).* **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г.)* 152

Сатира Салтыкова. **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстн. Европы, 1883 г., № 5)* . . . 193

Щедринъ-публицистъ. (Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова). **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 4)* 208

Хандрящіе и ликующіе въ сатирѣ Щедрина. *(Дворянскія мелодіи; Дворянская хандра; Убѣжище Монрепо).* **К. К. Арсеньевъ.** *(Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 4)* 234

Стр.

Сказки. А. И. Введенскій 255
„Пестрыя письма“. А. И. Введенскій 261
Критическіе очерки. В. Буренинъ. *(Новое Время, 1885 г., № 3330)*. . . . 286
„Пошехонская старина“. А. И. Введенскій. 290
Новѣйшія произведенія Салтыкова. К. К. Арсеньевъ. *(Вѣстникъ Европы, 1888 г., № 1)* 327

ОГЛАВЛЕНІЕ

примѣчаній о журналахъ и авторахъ, статьи которыхъ помѣщены въ четвертомъ выпускѣ.

Стр.

П. К. Щебальскій 25
Журналъ „Вѣкъ“. 74
К. К. Арсеньевъ 88
Журналъ „Русская Мысль“. 146

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей четвертаго выпуска въ тематическомъ порядкѣ.

Письма къ тетенькѣ. Статьи: Стр.
А. И. Введенскаго 1
П. К. Щебальскаго. 25
М. Протопопова 54
К. К. Арсеньевъ. 131
„Русской Мысли“. 146

Современная идиллія. Статьи:
„Гражданина“ 8
А. И. Введенскаго 12,46
К. К. Арсеньева 38

Новый Нарциссъ. Статьи:
М. Протопопова 60
К. К. Арсеньева 183

Пошехонскіе разсказы. Статьи:
А. И. Введенскаго 70
К. К. Арсеньева 330

Запутанное дѣло. Статьи:
К. К. Арсеньева 88

Губернскіе очерки. Статьи:
К. К. Арсеньева 93

Стр.

Сатиры въ прозѣ. Статьи:
К. К. Арсеньева 100

Больное мѣсто. Статьи:
К. К. Арсеньева 104,136

Благонамѣренныя рѣчи. Статьи:
К. К. Арсеньева 116, 129, 239

За рубежомъ. Статьи:
К. К. Арсеньева 132

Признаки времени. Статьи:
К. К. Арсеньева 154, 166, 171

Письма о провинціи. Статьи:
К. К. Арсеньева 154, 158, 160, 167

Господа Ташкентцы. Статьи:
К. К. Арсеньева. 165, 181

Дневникъ провинціала. Статьи:
К. К. Арсеньева 155, 159, 186

Помпадуры и помпадурши. Статьи:
К. К. Арсеньева 157, 161, 179

Дворянскія мелодіи. Статьи:
К. К. Арсеньева 234

Дворянская хандра. Статьи:
К. К. Арсеньева 236

Въ средѣ умѣренности и аккуратности. Статьи:
К. К. Арсеньева 244

Круглый годъ. Статьи:
К. К. Арсеньева 247

Сказки. Статьи:
А. И. Введенскаго 255

Пестрыя письма. Статьи:
А. И. Введенскаго 261
В. Буренина 286
К. К. Арсеньева 333

Пошехонская старина. Статьи:
А. И. Введенскаго 290

Св
„
К
„
Н

„Письма къ тетенькѣ“ [1]).

Значеніе сатирическихъ произведеній Щедрина заключается въ томъ, что въ нихъ отражаются чувства и мысли русскаго общества, переживающаго, по выраженію сатирика, временное упраздненіе развитія, временный секвестръ на мысль и погруженіе общества въ безпросвѣтную агонію. Должно надѣяться, что эти „средства охраненія“ дѣйствительно временны, что въ концѣ-концовъ будетъ понято, что безсрочный маразмъ можетъ принести только смерть. „Но, вѣдь, и временно сознавать себя заключеннымъ въ съѣзжій домъ ужасно оскорбительно“, говоритъ Щедринъ. И вотъ это-то оскорбленное чувство и составляетъ преобладающій, почти исключительный мотивъ его сатиръ въ послѣдніе годы.

Авторъ все новыми и новыми штрихами очерчиваетъ то же нескончаемое горе русскаго общества—сознаніе, что „совсѣмъ благородныя мысли изъ употребленія вышли“, а люди, совсѣмъ не причастные высокимъ мыслямъ и чувствамъ, не имѣя ничего за душой, кромѣ праха, маскируютъ этотъ прахъ громкими фразами: казнокрадъ закатываетъ глаза, говоритъ о святости собственности; кровосмѣситель старается пламенѣть, утверждая, что семейство—святыня; шпіонъ рыдаетъ, заявляя о своемъ сочувствіи къ „заблуждающимся“. Печальное и тягостное состояніе! Съ одной стороны—приниженіе благородныхъ чувствъ, въ основѣ которыхъ лежатъ „человѣчность, самоотверженность и глубокая снисходительность къ людямъ“; съ другой—„идеалы, которые говорятъ: ходи въ струнѣ и никакихъ требованій, кромѣ физическихъ, не предъявляй“. И, среди этихъ „обольщеній, ошельмованные Струсберги и не по разуму усердные Булюбаши являются застрѣльщиками-обвинителями

[1]) Эта статья принадлежитъ А. И. Введенскому. (См. выпускъ III-й, стран. 284.)

общества въ его прошломъ и въ его настоящемъ: въ томъ, что оно—„интеллигенція“ и что оно—„бюрократія“; въ томъ, что оно, будто бы, повинно въ европейскомъ просвѣщеніи, а потому порочно; въ томъ, что оно презираетъ, будто бы, „народъ“, что оно чуждо народу, отрицая необходимость немедленно искоренить „нѣмца“, что оно бережетъ русскую кровь, не видя въ безполезномъ разбрасываніи ея по бѣлому свѣту необходимой „исторической задачи“ русскаго племени. Если бъ человѣкъ изъ милліонныхъ массъ прозрѣлъ и увидѣлъ, что́ совершается во имя его, если бъ онъ понялъ нашъ языкъ и наши общественные и литературные нравы, съ какою горечью онъ отвратилъ бы свои глаза отъ „господскаго“ народничества, съ какимъ отчаяніемъ въ душѣ онъ думалъ бы о будущемъ родного ему, настоящаго, невыдуманнаго народа!

Авторъ *Писемъ къ тетенькѣ* затрогиваетъ вопросъ объ „оторванности возвышенной мысли отъ почвы“. Фактъ этотъ, несомнѣнно, существуетъ. Но отчего же существуетъ онъ? Неужели таковъ ненизмѣнный удѣлъ возвышенной мысли и возвышенныхъ чувствъ? Конечно, нѣтъ! Дѣйствительная причина неособенной рѣшительности вліянія высокихъ мыслей и чувствъ на дѣйствительность, на жизнь практическую, обыденную, заключается въ томъ,

„что дѣйствительность черезчуръ уже ревниво оберегается отъ наплыва какихъ бы то ни было просвѣтленій и освѣженій; въ томъ, что просвѣтленія признаются вредными и вносящими въ жизнь извѣстныя осложненія, которыя полагаютъ препятствія къ слишкомъ безцеремонному обращенію съ ней (а это-то послѣднее и составляетъ цѣль всѣхъ вожделѣній); говоря другими словами—въ томъ, что между мыслью и дѣйствительностью воздвигается искусственная перегородка, которая дѣлаетъ послѣднюю непроницаемою для первой“.

Между тѣмъ, уличное празднословіе „такъ охотно идетъ съ дреколіемъ навстрѣчу мысли, возвышающейся надъ уровнемъ толпы“! Какое горькое чувство должно возникать въ современникахъ этого „похода съ дреколіемъ“! Какая нравственная и умственная немощь должна овладѣвать обществомъ въ эпохи подобной приниженности идейной жизни!

„Примѣры этой трупной немощи изобилуютъ, примѣры наглядные, для всѣхъ вразумительные,—говоритъ авторъ.—Приведу здѣсь одинъ, наиболѣе намъ близкій: такъ-называемую потребность „содѣйствія“. Слово это у всѣхъ на языкѣ и повторяется на всѣ лады, такъ что, казалось бы, только явись это желанное „содѣйствіе“, мы въ ту же минуту сѣли бы и

поѣхали. Но, именно, „содѣйствіе“-то и не является, а не является оно... какъ вы, однакожъ, думаете, почему оно не является...?“

Сатира Щедрина это—вопль измученной души, который только по недоразумѣнію, по недопониманію можетъ казаться „невиннымъ балагурствомъ“. Конечно, сатирикъ никогда не утверждалъ, что, „при современныхъ условіяхъ, *всѣмъ* нельзя жить, а въ томъ числѣ и Иванамъ-Непомнящимъ“. Онъ только говорилъ, что, „вообще, жизнь, обнаженная отъ благородныхъ мыслей и побужденій, постыла и невозможна, такъ какъ эта обнаженность уничтожаетъ самый существенный ея признакъ: способность развиваться и совершенствоваться“. И вотъ это-то сознаютъ и чувствуютъ русскіе люди, искренно преданные мысли о будущемъ нашей родины, всѣ, желающіе ей бла́га и процвѣтанія. Нельзя не остановиться на одной мысли, захватывающей одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашей жизни, и общественной и литературной. Мысль эта, на первый взглядъ, представляется простымъ преувеличеніемъ. Не одно благородное мышленіе въ умаленіи, говоритъ сатирикъ: самая способность толково и правильно выражаться—и та мало-по-малу исчезаетъ, такъ что въ скоромъ времени намъ, видимо, угрожаетъ „всеобщее косноязычіе“. Это косноязычіе уже есть, оно налицо, оно уже становится дѣйствительностью, и мысль сатирика—не преувеличеніе, а выраженіе дѣйствительно существующаго зла, грозящаго еще бо́льшею смутой въ умахъ.

Сатирикъ обращается съ нѣкоторыми разъясненіями къ „тетенькѣ“, т.-е. къ всероссійской публикѣ:

„Напиши ты ей,—говоритъ сатирику Глумовъ,—что очень ужъ она податлива стала. Либеральничаетъ, а между тѣмъ, съ Пафнутьевымъ шепчется, „Помонъ“ почитываетъ. Можетъ-быть, благодаря этой повадливости, и развелось у насъ такое множество гаду, что шагу ступить нельзя, чтобъ онъ не облѣпилъ тебя со всѣхъ сторонъ“.

И сатирикъ „пишетъ“ объ этой „повадливости“ публики. Онъ не винитъ ея въ повадливости преднамѣренной: „вы—милая; это рѣшено и подписано“, говоритъ онъ. Но сатирикъ не можетъ не винить ея въ „повадливости легкомысленной“, въ которой нѣтъ, конечно, вѣроломства и предательства, но результаты которой оттого не лучше. „Ради васъ,—говоритъ „тетенькѣ“ сатирикъ,—поступаются люди убѣжденіями, ради васъ вѣроломствуютъ, а вы, голубушка,

только вздрагиваете и спрашиваете себя: на чемъ же, однако, они покончатъ? къ какому придутъ относительно меня соглашенію?“ И не по желанію даже „тетенька“ не становится вѣроломною: ея не допустятъ до этого, такъ какъ ея привилегія „совсѣмъ другого сорта“ и заключается въ претерпѣніи. Роль, на которую публика осуждена, совсѣмъ простая:

„Ей предоставлено жить безъ заботъ о себѣ. Истуканы такъ живутъ. Ихъ украшаютъ сусальнымъ золотомъ, ихъ размалевываютъ и даже проводятъ по нимъ рѣзцомъ штрихи, съ цѣлью сообщить чертамъ согласное съ обстоятельствами выраженіе, а они молчатъ да молчатъ“.

Въ ней нѣтъ даже простого желанія стать „однимъ изъ четырехъ колесъ катающейся колесницы“. Позорная картина!

Что́ касается „легкомысленной повадливости“, то виновность „тетеньки“ несомнѣнна, да и понятна: условій, благопріятствовавшихъ ея развитію, сколько угодно. Въ чемъ, напримѣръ, состояло наше воспитаніе? Сатирикъ припоминаетъ его въ нѣсколькихъ чертахъ и даетъ слѣдующіе отвѣты: хотя, въ смыслѣ буквальной правды, и нельзя сказать, что образованіе наше получилось на мѣдныя деньги, однако, это справедливо въ смыслѣ правды внутренней: денегъ на образованіе „швырялось съ три пропасти, но знаній пріобрѣталось на грошъ“, потому что и „люди, швырявшіе деньги, не имѣли понятія ни о томъ, что́ такое знаніе, ни о томъ, для чего оно нужно“. Вся цѣль „наукъ“ полагалась въ „исполненіи начальственныхъ предначертаній“; наука была частью привилегіи, проводившей рѣзкую черту, надъ которою значилось „мы съ вами“, люди досужіе, правящіе, и подъ которою стояло одно слово: „мужикъ“.

Сатирикъ напоминаетъ, какое это „позорное“ слово было во времена, еще даже не прошедшія: достаточно одного сравненія съ „мужикомъ“, чтобы пристыдить „правящаго младенца“. „Что локти на столъ положилъ—точно мужикъ!“ и проч. И что всего замѣчательнѣе, говоритъ сатирикъ: усерднѣе всѣхъ въ этомъ смыслѣ гвоздила Еремѣевна:

„Ахъ эти холопы! на какой бы служебной ступени они ни были поставлены, есть что-то горькое и слѣпое въ ихъ судьбѣ! Вѣчно пресмыкаться и вѣчно же видѣть въ этомъ пресмыканіи нѣчто неизбѣжное, почти заслуженное!“

Воспитанный такимъ образомъ и на такихъ основаніяхъ „правящій младенецъ“ достигалъ всего: разнообразнѣйшихъ правъ, привилегій, лакомствъ и наградъ. И для всего этого

требовались не знанія, а „патентъ“ и возможность сказать: „Слава-Богу, не мужикъ—и будетъ съ насъ“. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ скудное знаніе давало порывъ къ дальнѣйшему самообразованію. „Понятно,—говоритъ сатирикъ,—какое несмѣтное воинство шалопаевъ должно было оказаться въ результатѣ этой изумительной воспитательной муштровки, счастливо сочетавшей невѣжественность съ системой поощреній и премій за оную“. Вотъ эти-то безсильные „шалопаи“, часто не злые и не порочные люди, нерѣдко и даютъ изъ себя расхитителей, клеветниковъ, сыщиковъ и тѣхъ неслыханныхъ „публицистовъ“, „чудовищную помѣсь Мессалины и Марата, сумѣвшихъ соединить въ своемъ ремеслѣ распутство первой и человѣконенавистничество послѣдняго—картина бѣсовской вакханаліи“.

Что́ же удивительнаго, что въ такомъ обществѣ, какъ бы оно ни стремилось отрѣшиться отъ результатовъ „воспитанія“, существуетъ внутренній разладъ. Хищничество, предательство и вѣроломство еще способны возбудить негодованіе; что же касается такъ-называемой „шалости“, то, вѣдь, это—пустяки: „Помилуйте, сто́итъ ли изъ-за пустяковъ бурю въ стаканѣ воды поднимать! Шалость, въ понятіяхъ большинства, есть нѣчто граціозное, симпатичное. Шалость! да, вѣдь, это—почти терпимость! Вотъ, угрюмость, несообщительность, изолированность—это другое дѣло“.

Не сама ли жизнь говоритъ устами сатирика? Шалость, дѣйствительно, всюду процвѣтаетъ: нынѣ что́ стоитъ печатно наклеветать на человѣка, приписать ему мнѣнія, которыхъ онъ не раздѣляетъ, лишить его мнѣній, составляющихъ его завѣтное убѣжденіе, приписать знанія, которыхъ онъ не имѣетъ, и уличить въ незнаніи буквы „а“? И милая „тетенька“ находитъ это очень остроумнымъ и занятнымъ.—Ахъ, какъ ловко! какъ ловко!—повторяетъ она. Сатирикъ отмѣчаетъ эти черты современнаго отношенія публики къ печати. Онъ уличаетъ „тетеньку“, что она „потихоньку назначаетъ тайныя свиданія Пафнутьеву и Мартыну Задекѣ и что при этомъ нерѣдко присутствуетъ и Иванъ Непомнящій“, хотя тетенька и увѣряетъ, что совсѣмъ порвала связь съ ними. Это, конечно,—тетенькина „шалость“.—„Ахъ, милая!—говоритъ ей сатирикъ:—видно, поскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ“. Да и какъ не соблазнительно!—„Тетенькѣ все думается: вотъ сейчасъ сядетъ

Ноздревъ на полъ и пачнетъ проходящихъ женщинъ за подолы ловить! или: выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлою и распутною физіономіей, и начнетъ разсказывать, какая вчера „игра была“. Ну не умора ли!“ И тетенька любопытствуетъ, а Ноздревъ съ Расплюевымъ, по словамъ сатирика, пользуются этимъ и говорятъ: „Тетенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдаетъ!“

Сатирикъ даетъ тетенькѣ совѣтъ:

„Сдѣлайте, тетенька, усиліе! Не ходите въ рощу на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешептывайтесь съ Мартыномъ Задекою и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые только по упущенію отвлеклись отъ своего прямого назначенія—выкрикивать въ Охотномъ ряду патоку съ инбиремъ!“

Авторъ совѣтуетъ позабыть о „пропагандѣ сыска, клеветы и человѣконенавистничества“, убѣжденный, что въ дѣлахъ современности отъ самой „тетеньки“ зависитъ многое, почти все, и даже не отъ дѣятельнаго участія ея въ жизненномъ круговоротѣ, а просто, отъ характера ея отношеній къ жизненнымъ явленіямъ. Сатирикъ напоминаетъ тетенькѣ, что она—сила, что она должна сознать свою силу, но не для того, чтобы безразлично посылать поцѣлуи правдѣ и неправдѣ, а для того, чтобы дать нравственную поддержку добросовѣстному и честному убѣжденію.

„Право, безъ этой поддержки невозможно сдѣлать что-нибудь прочное. Идея прогресса проявляется въ обществѣ въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ—крайняя и жестокая, другая—чуждая насильственности и глубоко преданная интересамъ общественнаго роста и общественной самодѣятельности. Тактика негодниковъ, прикрывающихъ себя именемъ консерваторовъ, въ томъ, именно, и состоитъ, чтобъ смѣшать обѣ формы и заодно завинить ихъ. Но это безсовѣстная передержка—и ничего больше. Я знаю, впрочемъ, что вы и сами это понимаете; но именно потому-то и представляется страннымъ, что вы какъ-то чересчуръ ужъ робко выражаете ваше сочувствіе прогрессу. Будьте же поживѣе, милая! потормошите себя нѣсколько больше противъ обыкновеннаго! Подумайте: вѣдь, тутъ идетъ дѣло, по преимуществу, о васъ самихъ“.

Хотѣлось бы вѣрить, что въ обществѣ нашемъ есть элементы нѣсколько лучше тѣхъ, которые изображаются въ письмѣ Н. Щедрина. „Тетенька“—понятіе сложное и широкое. Есть публика и публика. И если одна не можетъ отрѣшиться отъ „шалостей“, то есть и другая, которой не привлекаетъ „пропаганда сыска, клеветы и человѣконенавистничества“. Тѣмъ печальнѣе думать, что „тетенька“, любящая шалости, не получитъ и не прочитаетъ „Письма“,

а если и получитъ, то, въ силу именно воспитанія, счастливо соединившаго невѣжественность съ системою поощреній, не пойметъ его. А другая „тетенька“, вслѣдствіе именно этого самаго обстоятельства, быть-можетъ, вынуждена будетъ „такъ жить, чтобы цѣлая зима показалась, яко нощь едина“. И тяжкое недоразумѣніе, результатъ умственной беззащитности, отличающей наше общество, будетъ попрежнему царить до поры до времени, пока пропаганда сыска и клеветы не потеряетъ своего положенія.

(1882).

А. И. Введенскій.

Торжествующая сатира [1]).

Невольно хочется сказать нѣсколько словъ о послѣдней сатирѣ г. Щедрина (*Современная идиллія*, „Отечественныя Записки“, сентябрь). Не разбирать ея, не оцѣнивать ея значеніе для современной литературы хотимъ мы: мы уже разъ замѣтили, что ожиданія, возлагаемыя на нашего сатирика, за послѣднее время систематично имъ не оправдываются. Все болѣе и болѣе подходитъ онъ подъ общій уровень, подъ шаблонныя рамки современнаго опошлившагося *либеральнаго* творчества; все больше и дальше выходитъ онъ на ту „улицу“, противъ которой возсталъ еще самъ недавно съ такимъ напускнымъ жаромъ и дѣланымъ пафосомъ... Нѣтъ, разбирать такія фельетонныя произведенія—игра, не стоящая свѣчъ. На грустныя мысли наводятъ онѣ—мысли о предметахъ, казалось бы, всякаго перваго, элементарнаго образованія, не говоря уже про эстетическое... Въ самомъ дѣлѣ, ликующее, выливаемое на голову читателя какъ помои изъ ушата, даже съ нескрытою нѣчѣмъ радостью (о чемъ?), описаніе самаго дна и разврата противоестественныхъ отношеній, самой что-ни-на-есть гадости закулисной жизни Петербурга—есть ли дѣйствительная задача сатиры, достойный трудъ того, кого одарилъ Богъ ея талантами! Говорятъ: „Это—современный реализмъ. Вокругъ мы видимъ еще хуже, еще гаже“. Пора бы, кажется, намъ скинуть съ себя этотъ туманъ, навѣянный, въ сущности, французскою порнографіей, перековерканною у насъ на свой ладъ, и пущенный въ оборотъ подъ именемъ реализма Зола и К°.

---

[1]) „Гражданинъ“, 1882 г., № 82. (См. выпускъ II-й, стран. 277.)

Мы не принадлежимъ къ числу утверждающихъ, что должно рисовать лишь показныя стороны жизни, не касаясь оборотной стороны медали. Безъ всякаго сомнѣнія, міръ униженныхъ, оскорбленныхъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, міръ несчастныхъ, сирыхъ и бѣдныхъ—есть одинъ изъ главныхъ отдѣловъ современнаго творчества. Жизнь, съ развитіемъ пресловутой цивилизаціи Запада, становится не легче, не лучше и обольстительнѣе, а тяжелѣе, мрачнѣе и безотраднѣе. На ряду съ безумною роскошью развивается поразительная нищета; на ряду съ пресыщеніемъ всѣми благами земными—люди умираютъ на улицѣ съ голоду... Нельзя закрывать на это глаза. Необходимо черпать и отсюда свои сюжеты и изъ этой тьмы брать своихъ героевъ. Современный романъ—отраженіе современной жизни. Бѣдна, жалка и неприглядна послѣдняя—и романъ и сатира должны коснуться ея темныхъ предѣловъ. Но значитъ ли это все, что правъ былъ г. Щедринъ со своею *современною идилліей*? Но странно, что даже тѣ, что̀ наиболѣе возставали противъ пошиба и тона его литературной дѣятельности послѣдняго періода, возставали, преимущественно, противъ политической ея тенденціи, противъ безсодержательной либеральной болтовни ея; но отчего не обратятъ вниманія на ея нравственную сторону? Есть кое-что достойное вниманія и въ ней. Какъ мы сказали, вы встрѣчаетесь здѣсь съ описаніемъ квинтъ-эссенціи разврата; но пусть бы еще только это. Допустимъ, что самый характеръ таланта сатирика не позволяетъ ему ничего видѣть другого среди „пира“ жизни... Но откуда же этотъ бодрый ликующій тонъ, это какое-то непонятное торжество при видѣ все обхватывающей грязи? Точно побѣдная, торжествующая надъ падшимъ врагомъ пѣсня! Кто же этотъ врагъ, кто палъ передъ пучиной такой гадости? Чье паденіе возбуждаетъ такой восторгъ въ сатирикѣ? Казалось бы, что, когда сатирикъ проникъ мысленнымъ взоромъ во всю глубь того, при видѣ чего возрадовалась его либеральная душа, долженъ былъ бы почувствовать онъ глубокое уныніе, сердечную боязнь за будущее столь въ корень развращеннаго общества. Ничуть не бывало. Какъ-будто, съѣвъ вкусный и хорошо приготовленный обѣдъ, онъ съ наслажденіемъ предается его переваркѣ... Другъ его Глумовъ идетъ на содержаніе къ *штучкѣ* мѣнялы купца Парамонова—и въ глубинѣ души, въ словахъ, хотя и полныхъ

псевдонимовъ, но очень ясныхъ, высказываетъ онъ невольную зависть къ благополучію своего друга... Напрасны были недавнія жалобы сатирика, что русская литература спустилась на *улицу*: онъ самъ всецѣло сошелъ въ нее и... возликовалъ. Чему же, однако, возликовалъ онъ? И почему отнесся онъ съ ликованіемъ ко всей грязи, съ такимъ знаніемъ и богатымъ опытомъ живописуемой имъ, какъ современная идиллія? Онъ будетъ правъ, когда скажетъ: на зеркало неча пенять, коли рожа крива. Но кто же можетъ восхищаться кривыми рожами? Какъ видите, все—вопросы и вопросы. Разгадка ихъ очень проста. Все дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, то, что́ рисуетъ сатирикъ, дорого и близко ему самому—и выходитъ, въ самомъ дѣлѣ, не мрачная сатира, а веселая идиллія... Во-вторыхъ, тутъ есть и другой умыселъ. Помимо ликующей ноты, надо отмѣтить и злорадную. Видите ли, либерализмъ теперь—не у кормила; не онъ правитъ рулемъ, ну, и необходимо доказать, что, благодаря этому, все опускается и тонетъ въ безднѣ грязи и всякой гадости. Онъ выхватываетъ изъ этой бездны своихъ героевъ—и говоритъ: вотъ до чего дошли, вотъ къ чему пришли! Вотъ,—такъ и сквозитъ изъ его строкъ,—къ чему приводитъ пренебреженіе либерализмомъ! Вотъ до чего мы дошли! И сатирикъ начинаетъ отъ души радоваться; ликующею побѣдною пѣсней разносятся по... терпѣливымъ страницамъ его фельетонная болтовня и чарующее петербургскихъ чиновниковъ остроуміе. На доброе здоровье! Ликованіе это, злорадство это не поколеблютъ того, что медленнымъ и вѣрнымъ шагомъ идетъ къ своей цѣли, помимо всякой болтовни и хлесткости журнальнаго пера. „Мнѣ странно и жаль,—писалъ Гоголь въ „Театральномъ разъѣздѣ“,—что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей комедіи. Это честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея—былъ смѣхъ; тотъ смѣхъ, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что́ проскользнуло бы мимо вниманія человѣка. Несправедливы тѣ, что́ говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ! Многое возмутило бы человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силой смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу...“ Такъ думалъ и чувствовалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ корифей русской сатиры. А тотъ, съ кѣмъ современные угодливые критики ставятъ его наравнѣ, если еще не дерзновенно выше,

думаетъ не то и пишетъ не такъ. Приходится пародировать слова Гоголя и говорить: было бы странно и дико въ сатирѣ, торжествующей современную грязь и развратъ, ликующей надъ паденіемъ человѣка въ ихъ омутъ—и все эту въ угоду либеральной тенденціи—искать *честнаго* лица. И въ самомъ дѣлѣ, для чего это *честное* лицо, когда выходитъ, что можно и должно восхищаться безчестными—и это будетъ такъ либерально? Да здравствуетъ же торжествующая сатира!

М. М. К.

„Современная идиллія“ [1]).

1.

Щедринъ, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей современной русской литературы, не обуреваемой инстинктами общественнаго застоя, постоянно является мишенью для всевозможной брани: его мысли извращаются, коверкаются для обвиненія; его языкъ, который имъ же самимъ названъ „рабьимъ“ и „езоповскимъ“, даетъ поводъ къ издѣвательствамъ и къ притворному непониманію; его старая, оригинальная, еще въ *Губернскихъ Очеркахъ* вполнѣ сказавшаяся манера писать — изображать уродливыя явленія жизни въ преувеличенно-юмористическихъ, причудливыхъ формахъ, доходящихъ до карикатуры—неоднократно давала поводъ говорить о „веселомъ балагурствѣ“ въ такихъ его произведеніяхъ, гдѣ сказывалось глубокое горестное чувство. Все это, конечно, мелко, ничтожно и не заслуживало бы ни малѣйшаго вниманія, но нужно разъ навсегда догадаться, что подобное явленіе невозможно только презирать...

Нетрудно понять непригодность обвиненій, воздвигаемыхъ противъ Щедрина. Посмотрите, напримѣръ, съ какою опредѣленностью и силою сказываются его идеалы и общественныя стремленія въ *Современной идилліи*. Щедрина, случалось, упрекали за однообразіе его произведеній; и этотъ упрекъ—какъ нельзя болѣе кстати для настоящаго объясненія съ врагами и друзьями. Дѣйствительно, невозможно не признать у Щедрина нѣкотораго однообразія въ воззрѣніяхъ: онъ не будетъ говорить завтра того, что́ не сказалъ бы сегодня; проходящія въ его сатирахъ явленія жизни завтра не явятся въ прельстительныхъ формахъ, если сегодня они вызываютъ отвращеніе; весь строй мыслей и убѣжденій Щедрина всегда одинаковъ — всегда то же стремленіе къ

---

[1]) Статья эта принадлежитъ А. И. Введенскому. (См. вып. III-й, стр. 284.)

истинѣ, то же желаніе покрыть позоромъ позорныя явленія нашей жизни и защитить отъ злобы все то, что̀ преслѣдуется незаслуженно. Таковъ Щедринъ всегда: онъ, дѣйствительно, однообразенъ, въ сравненіи съ современными „разносторонними“ людьми, сегодня не знающими, чему они поклонятся завтра.

По этой самой „разносторонности“ Щедрина необходимо допустить, что *Современная идиллія*, какъ и всякое другое произведеніе его, можетъ служить характеристикою воззрѣній и чаяній русскаго общества. Что̀ же говоритъ намъ это произведеніе нашего сатирика? Будемъ, не обинуясь, насколько это возможно, говорить безъ недомолвокъ, переводя „аллегорическій“ языкъ, очень понятный, впрочемъ, и самъ-по-себѣ, на обыкновенный, чтобъ устранить всякую возможность перетолковывать наши мысли.

Въ самомъ заглавіи сатиры, въ словахъ „современная идиллія“, есть горькая иронія, которая должна не нравиться тѣмъ, къ кому она относится. Въ наше время „идиллія“— немного смѣшное слово; но оно, по существу своему, далеко не такъ смѣшно и забавно. Идиллическій элементъ присущъ жизни, и гдѣ нѣтъ его, тамъ жизнь — бремя для однихъ, суровое поле борьбы для другихъ. Есть ли этотъ мечтательно-наивный элементъ въ нашей русской жизни? Есть ли въ ней возможность хоть на моментъ отрѣшиться отъ гнетущихъ дрязгъ общественной безурядицы, удалиться хоть въ семью что ли, на лоно природы, въ тихій дружескій кругъ и тамъ пожить спокойною жизнью личнаго удовлетвореннаго чувства — словомъ, отдохнуть хоть немного душою, чтобы со свѣжимъ запасомъ силъ выйти на работу общественнаго совершенствованія? Нѣтъ этого элемента въ нашей современности. Зато у насъ есть своя, особаго рода идиллія, современная, которая и составляетъ содержаніе сатиры Щедрина. Эта идиллія—не картина незлобиво-наивнаго душевнаго успокоенія и удовлетворенія, а глубокаго нравственнаго разврата, получившаго привилегію на спокойное существованіе. Тутъ и физическій развратъ, и продажа мысли, слова и дѣла, и гнусная эксплуатація, доходящая до открытаго разбоя и грабежа,—словомъ, безчеловѣчіе, прикрывающееся маскою такъ-называемой благонамѣренности.

Идиллія разврата и безмыслія — вотъ одно изъ печальныхъ явленій нашего времени. Авторъ характеризуетъ его

въ разныхъ мѣстахъ мѣткими выраженіями. Онъ говоритъ: „Одни мечутся изъ угла въ уголъ, а другіе даже дѣлаются участниками преступленій, въ надеждѣ, что *общее уголовное обвиненіе защититъ ихъ отъ притязаній обвиненія уголовно-политическаго.* Трудно отрицать фактъ, выражаемый этими словами.

Въ обществѣ, гдѣ возможенъ такой фактъ, естественно чувствовать, что надъ вами „что́-то виситъ: или трагедія или шутовство". Авторъ съ горечью говоритъ объ этомъ, допуская, что „въ сущности, впрочемъ, это—одно и то же, потому что бываютъ такія *жестокія шутовства,* которыя далеко оставляютъ за собою коллизіи самыя трагическія". И не „жестокое ли шутовство" въ томъ, что, по выраженію автора, „всякій, не исключая и несомнѣнныхъ гороховыхъ шутовъ, нынѣ пристраиваетъ себя къ внутренней политикѣ и, смотря по количеству ожидаемыхъ пироговъ, объявляетъ себя или благонамѣреннымъ, или *не*благонамѣреннымъ"? Разница въ этихъ терминахъ пустая, а между тѣмъ и изъ-за нея люди подсиживаютъ и калѣчатъ другъ-друга, „утруждая начальство". Дѣло дошло до того, что „угроза каторгой" есть самое обыкновенное мѣрило, съ помощью котораго одна „партія оцѣниваетъ мнѣнія и дѣйствія другой".

Не есть ли это жесточайшее „шутовство"? А между тѣмъ, вѣдь, авторъ здѣсь безъ всякихъ аллегорій говоритъ, очевидно, объ отношеніяхъ „благонамѣренной" печати нашей къ печати, доказывающей, что она *не*благонамѣренна.

Какія же желанія и стремленія выражаются въ вышеприведенныхъ мысляхъ Щедрина? Да пока только, чтобъ не было этого нравственнаго и физическаго гнета на людей *не*благонамѣренныхъ, дерзающихъ не быть благонамѣренными по предписанному „благонамѣренною" печатью образцу. Преступно ли такое желаніе? О, конечно, оно преступно съ извѣстной точки зрѣнія. А! говорятъ: такъ вы хотите свободы дышать и говорить, чтобы дѣлать ваше преступное дѣло общественнаго развращенія и искорененія „основъ"? Но есть въ этомъ маленькое недоразумѣніе. По мнѣнію *не*благонамѣренныхъ, сами господа „благонамѣренные" и дѣлаютъ именно дѣло общественнаго развращенія; не посылая „угрозъ каторгой", первые смѣютъ думать и утверждать, что враги родины нашей, передъ которыми никакія „основы" устоять не могутъ, и суть сами вторые. Дѣло,

конечно, трудное—найти истину; но оно становится окончательно безнадежнымъ, когда, въ качествѣ аргумента, является „угроза каторгой", вмѣсто честнаго спора. И въ обществѣ поселяется смута, нравственный кошмаръ, поражающій всѣ явленія жизни. Не жестокое ли „шутовство" — все это, не шутовство ли—эта манія доносовъ, развращающая общество перспективою наградъ, отместокъ, удовлетворенія вражды и проч., потому что изъ сотни доносовъ, навѣрно, девяносто пять совершаются во имя личныхъ побужденій? И вотъ, все это осмѣяно и заклеймено въ сатирѣ Щедрина.

Многое можно сказать, во имя права и справедливости, противъ господства и произвола „шутовства", за нравственную независимость личности, противъ нравственной приниженности личности, противъ правъ невѣжества и пошлости, противъ всякаго общественнаго безчеловѣчія, одуряющаго русскую землю! Не фразы все это, а живою кровью можно было бы написать требованія общественныхъ идеаловъ. Теперь пока это—аллегорія Щедрина, но аллегорія совершенно ясная, которой невозможно не понять, но которую невозможно и преслѣдовать, какъ невозможно это было въ отношеніи басенъ Крылова, потому что, кто согласился бы признать себя „гусемъ", возбудивъ преслѣдованіе противъ басни „Гуси"?

Но мы далеко отошли отъ „современной идилліи", отъ формъ, въ которыхъ она проявляется. Понятно и естественно, что, подъ вліяніемъ нравственнаго маразма, людямъ мысли и лучшихъ чувствъ человѣческихъ—не до идиллій. И вотъ, если жизнь, пользованіе ея благами, благораствореніе воздуховъ, изобиліе плодовъ земныхъ и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное спокойствіе,—все это достается на долю нравственныхъ уродовъ, по преимуществу, то Щедринъ имѣетъ право рисовать ихъ презрительно-забавнымъ тономъ. Но чего же и заслуживаютъ всѣ эти господа, какъ не презрѣнія и осмѣянія вообще, а въ наше время и ненависти, потому что они—сила въ современности! Посмотрите же, какая пошлая тля участвуетъ въ торжествѣ этой пошлой идиллій.

Вотъ, передъ вами домъ-особнячокъ, напоминающій Замоскворѣчье; уже домъ этотъ носитъ въ разсказѣ Щедрина отпечатокъ нравственной низости его обитателей. „Проѣзжему сдается, что тутъ пожирается несмѣтное коли-

чество пироговъ съ начинкой и другого серіознаго харча". Въ домѣ-особнячкѣ обитала Фаинушка, „штучка" купца Парамонова, привезенная имъ изъ гнѣзда „мѣняльной секты", села Зяблицына, откуда онъ и самъ былъ родомъ. Сначала онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Фаинушки мѣняльную богиню, но, разсмотрѣвъ ее ближе, купилъ ей домъ. Фаинушка была умна, отнеслась къ дѣлу серіозно, и скоро на одной изъ кладовыхъ на Калашниковской пристани красовалась надпись: „Оптовая торговля первой гильдіи купчихи Фаины Егоровой Стегнушкиной". Словомъ, авторъ разсказываетъ совсѣмъ обыкновенный случай вполнѣ благонамѣреннаго негодяйства, защищеннаго отъ всякаго подозрѣнія и наблюденія. Авторъ иногда уморительно смѣшно характеризуетъ эту пошлую жизнь. Въ нижнемъ этажѣ дома проживалъ „странствующій полководецъ" Полканъ Самсонычъ Редедя, „возвратившійся изъ земли зулусовъ, гдѣ онъ командовалъ войсками короля Сетивайо противъ англичанъ, а нынѣ метрдотель Фаинушки". Не будемъ спорить, что полководецъ Редедя, съ точки зрѣнія исторической критики, является лицомъ недостовѣрнымъ. Но онъ кстати въ этой россійской идилліи!

Смыслъ сатиры Щедрина совершенно ясенъ. Сопоставьте пошлую идиллію пошлыхъ людей съ тѣми нравственными и иными му́ками, въ которыхъ проживаетъ современное мыслящее поколѣніе. Какая печальная картина угнетенія живыхъ элементовъ общества среди мертвящей гадости! Тамъ пируютъ и дебоширствуютъ подонки человѣчества; здѣсь прячутся слабые, умилительно подлаживаясь подъ благонамѣренность, или прямо уже страдаютъ сильные, неспособные подлаживаться и потому недостигшіе даже ранга *не*благонамѣренныхъ.

Невесело среди „общества", живущаго такою смутною жизнью. Въ деревню нужно, на лоно природы, къ народной жизни, чтобъ отдохнуть отъ этого угара смутъ, доносовъ, нелѣпой борьбы. Но и здѣсь, въ деревнѣ, раскидывается изумительно нелѣпая картина того же попиманія и поощренія всякаго воровства и пройдошества, непониманія и травли мыслительной работы и, наконецъ, подозрѣнія противъ, именно, того, кто держится возможно дальше отъ сумятицы эгоистической борьбы людской, на комъ, по выраженію Щедрина, не тяготѣетъ „общее уголовное обвиненіе".

2.

Современная русская дѣйствительность представляетъ примѣры и доказательства, что разстояніе между трагическимъ и комическимъ несравненно меньше шага, который полагается между великимъ и смѣшнымъ. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, комичнѣе такихъ житейскихъ явленій, какъ прославленное Щедринымъ *торжество свиньи*, какъ знаменитый походъ противъ интеллигенціи, во имя самобытности народной, и пр. и пр.? Что̀, въ то же время, можетъ быть трагичнѣе всѣхъ этихъ явленій, смертоносно поражающихъ лишь не окрѣпшіе умы и сердца̀. Что̀ можетъ быть комичнѣе дворника, рѣшающаго вопросъ объ „опасности“ вашихъ общественно-политическихъ воззрѣній для ста-сорокамилліоннаго государства? И что̀ можетъ быть трагичнѣе положенія общества, когда совершаются въ немъ столь комичныя вещи? Что̀ комичнѣе и, въ то же время, трагичнѣе торжества противообщественныхъ инстинктовъ, хищничества, соединеннаго съ поразительною жестокостью, разврата, соединеннаго съ охраненіемъ „основъ“, и доноса, соединеннаго съ гоненіемъ на безкорыстное слово?

Но самое болѣзненное и жгучее соединеніе трагическаго элемента съ комическимъ испытываетъ въ своей дѣятельности писатель. Не чернилами приходится писать ему, при видѣ пораженія практическою пошлостью самыхъ святѣйшихъ убѣжденій его, дорогихъ его идеаловъ и упованій: на концѣ пера его скопляется живая человѣческая кровь, разбавленная желчью, и онъ пишетъ этою желчью и кровью, а на бумагѣ являются изображенія пошленькихъ героевъ современности, трагизмъ которой скрывается за внѣшнимъ комизмомъ всѣхъ этихъ „торжествующихъ свиней“, Дыбъ, Удавовъ и т. п. Это ли не соединеніе элементовъ трагическаго и комическаго въ нераздѣльное цѣлое?

Въ сатирахъ Щедрина постоянно замѣчается это соединеніе комическаго съ трагическимъ. Читая ихъ, невозможно не смѣяться, а прочитавъ ихъ, невозможно не уносить съ собою горькаго чувства. Вмѣстѣ съ авторомъ, вы, съ нѣсколько злымъ и отвратительнымъ чувствомъ, слѣдите, въ какихъ пошлыхъ очертаніяхъ выдѣляется передъ вами иной торжествующій герой современности; презрѣніе къ нему автора радостно и тревожно волнуетъ и васъ; святая для

васъ, попранная жизнью правда является въ сатирѣ мстительною и карающею. Рядомъ съ этими чувствами возникаетъ жгучее и тягостное сознаніе, что въ жизни нашей дѣла́ идутъ такимъ порядкомъ, что въ ней торжествуетъ то, что́ въ сатирѣ является, въ своей настоящей наготѣ, достойнымъ презрѣнія и осмѣянія. Можно ли ограничиться однимъ смѣхомъ надъ этою картиной? Въ самой сатирѣ Щедрина, послѣ комическихъ сценъ, вызывающихъ у васъ презрительный смѣхъ, идутъ многія страницы горькихъ жалобъ на удивительную нелѣпицу и несообразность многихъ явленій нашей жизни. Презрительный смѣхъ—не „балагурство“ и не развлеченіе; онъ громко раздается отвѣтно во всякой живой душѣ также презрѣніемъ и ненавистью, и къ каждой сатирѣ Щедрина можно бы поставить эпиграфомъ: „Имѣяй очи видѣти да видитъ, имѣяй уши слышати да слышитъ“.

Всякому человѣку свойственно жить и мыслить, т.-е. пользоваться дарами природы и Провидѣнія, посланными на его долю. Неужели же глаза даны человѣку только затѣмъ, чтобы плакать, руки—чтобы натирать на нихъ мозоли, сердце—чтобы бояться и скорбѣть, и мозгъ—чтобы понимать приказанія? Не право ли человѣка очами видѣть, ушами слышать, головою мыслить? Естественъ и простъ тотъ идеалъ человѣческой свободы, который въ каждомъ человѣкѣ видитъ, именно, только человѣка и хочетъ, чтобы каждому человѣку не было чуждо все человѣческое. Можно ли приказать человѣку не видѣть солнечнаго свѣта, мыслить не такъ, какъ онъ мыслитъ? Истиной никто не обладаетъ; но право каждаго—посильное стремленіе къ ней. Сатира Щедрина всегда и является защитой правъ нравственной личности человѣка, осмѣивая все, что́ нарушаетъ эти права́, и показывая результаты нарушеній—тѣ безплодныя формы жизни, которыя возникаютъ и растутъ во тьмѣ безмыслія.

Современная идиллія переноситъ насъ въ сферу русской современной идилліи—въ одинъ изъ тѣхъ „непримѣтныхъ“ русскихъ городовъ, которые „стоятъ въ нашей родинѣ, какъ точки, какъ значки“. Гоголю, рядомъ съ этими „непримѣтными“ городами, рисовалась „бѣдная“ природа, которая „не развеселитъ и не очаруетъ взора“. Но, Боже, какая бѣдпота и умственная немощь рисуются въ городѣ, изображаемомъ сатирою! Какимъ немощнымъ и жалкимъ существомъ является

въ этой бѣдностѣ и немощи тотъ „интеллигентный“ человѣкъ, котораго авторъ олицетворяетъ въ разсказчикѣ и Глумовѣ, этихъ двухъ людяхъ „умѣренно-либеральнаго направленія“, о которыхъ, однако, идетъ слухъ, будто бы они, сидя въ своихъ квартирахъ, „распускаютъ революцію“.

Эти „умѣренно-либеральные люди“ русской земли глубоко комичны сами-по-себѣ; еще комичнѣе ихъ положеніе въ качествѣ подозрѣваемыхъ въ „распусканіи революціи“. Авторъ осмѣиваетъ не только подозрѣніе и подозрѣвающихъ, но и подозрѣваемыхъ—всѣ они, въ совокупности, во всей своей цѣлости, представляютъ изумительную картину общества. Въ общемъ, картина эта получается такою: на неподвижномъ фонѣ соннаго общества являются борющимися два элемента—блюстители „благонадежности“, рѣющіе надъ правымъ и виновнымъ, и подозрѣваемые въ „распусканіи революціи“ умѣренно-либеральные люди. Само-собою разумѣется, эти умѣренно-либеральные люди повинны въ революціи только развѣ тѣмъ, что, какъ зайцы отъ гончихъ, стараются скрыться куда-нибудь. Умѣренно-либеральные люди, попросту говоря,—трусливые люди, совершенно пасующіе передъ „гороховымъ пальто“,—только о томъ и заботятся, чтобы какъ-нибудь не оказаться неблагонамѣренными, и, разумѣется, они—въ высшей степени смѣшны. Читатель не можетъ не смѣяться по временамъ, видя ихъ „непризнаваемыя“ стремленія къ счастливой благонамѣренности.

Проводивъ полководца Редедю для сдачи въ плѣнъ Арабипаши, наши умѣренно-либеральные люди, вмѣстѣ съ „хищниками“, отправляются въ „экспедицію, на предметъ открытія заравшанскаго университета“. Ожидая, что „Волга произведетъ въ нихъ подъемъ чувствъ“, компанія направляется изъ Твери внизъ по Волгѣ на пароходѣ. И вотъ ихъ путевой журналъ за первый день путешествія:

Отъѣздъ изъ Петербурга: Августа „ “ дня, въ $3^1/_2$ часа полудни, съ почтовымъ поѣздомъ.

„Дѣйствія. По вступленіи въ вагонъ, занимались усаживаніемъ, послѣ чего вынули коробокъ съ провизіей и почерпали въ ономъ, покуда не стемнѣло. Въ надлежащихъ мѣстахъ выходили на станціи для обѣда, чая и ужина. Ночью—спали“.

Какіе невинные младенцы эти господа! Комизмъ взаимныхъ отношеній подозрѣваемыхъ и подозрѣвающихъ, между тѣмъ, растетъ съ ходомъ сатиры. Что можетъ быть комичнѣе опасенія, чтобы наши умѣренные либералы въ Корчевѣ не „распустили революцію“? Какую почву представляетъ для

этого Корчева? Авторъ рисуетъ намъ этотъ „непримѣтный, какъ точка, какъ значокъ", городъ, именно, со стороны положительной тщеты подобныхъ опасеній. Господа „умѣренно-либеральные люди", во-первыхъ, оказываются, какъ и подобаетъ, знающими о Корчевѣ лишь то, что она „есть Корчева". Сама же Корчева совершенно сонный городъ, имѣющій слѣдующія достопримѣчательности: соборъ, затѣмъ старика ста-семи лѣтъ, имѣющаго этотъ возрастъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ, наконецъ, изобрѣтателя perpetuum mobile. Сатирикъ очень удачно отмѣтилъ „достопримѣчательности", которыми отличаются подобные города. Нужно сознаться также, что города эти полны трепета къ начальству и наклонны къ ловленію „сицилистовъ", по заказу купцовъ Вздошниковыхъ, и что, затѣмъ, въ Корчевѣ „только слезы льютъ да зубами щелкаютъ". Все это именно такъ. И вдругъ, на этой почвѣ—„распусканіе революціи", да еще господами умѣренно-либеральными людьми, боящимися „въ сей день" имѣть „помышленія"!.. А между тѣмъ, въ этой Корчевѣ наши умѣренные либералы не миновали подозрѣнія отъ „агентовъ", которыхъ авторъ остроумно нарядилъ въ гороховыя пальто. Дѣйствительно, нужно быть, именно, „гороховыми шутами", чтобы соорудить наблюденіе „въ Корчевѣ" за „умѣренно-либеральными" людьми! И какъ дики эти рѣчи, обращенныя къ героямъ нашимъ въ мѣстномъ „Управленіи"! „Ну зачѣмъ? ну что такое Корчева? А между тѣмъ, себя подвергаете, а насъ подводите... Ахъ, господа, господа!"

Не очевидно ли, что осмѣиваемые авторомъ элементы нашего общества заняты совершеннѣйшими и глупыми пустяками. Пусты эти рисуемые авторомъ „умѣренно-либеральнаго" направленія люди, занятые исключительно заботой—спрятать свой ничѣмъ незамаранный хвостъ отъ подозрѣній въ „распусканіи революціи" и ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не оправдывающіе „святого званія человѣка". Пусты подозрѣвающіе, потому что дѣло ихъ фантастично и глупо, ихъ подозрѣнія—абсурдъ, ихъ дѣйствія—абсурдъ. Изобрѣтатели уѣздныхъ perpetuum mobile осуждены еще долго сидѣть передъ своими вертящимися почему-то колесами, а Корчевы обречены на то, чтобы „только слезы лить да зубами щелкать".

3.

Нелѣпыя явленія нашей жизни въ сатирѣ Щедрина поражаютъ невеселыми думами читателя, который способенъ отличить простой смѣхъ отъ горькаго смѣха сатиры. И эти невеселыя думы состоятъ въ томъ, что общество живетъ пустяками, доносами, боязнями мысли и дѣла, при отсутствіи живого слова, живой мысли и живого дѣла, въ химерахъ самообмана и въ преслѣдованіи другъ-друга.

Между этими своеобразными явленіями русской жизни не послѣднее мѣсто принадлежитъ возникающему отъ времени до времени въ журналистикѣ „вопросу“: унываемъ ли мы или преисполнены веселія? Вопросъ этотъ рѣшается, какъ извѣстно, различно различными „партіями“: если одни, въ доказательство своего мнѣнія, указываютъ на факты поразительнаго отчаянія въ жизни, выражающагося въ возрастающемъ числѣ самоубійствъ, сумасшествій и т. п., то другіе съ торжествомъ могутъ указать примѣры необычайной охоты пожить, примѣры грандіозныхъ хищеній и разгула страстей, свидѣтельствующіе, что на русской землѣ много еще людей, не собирающихся умирать. Конечно, это „жизненное“ направленіе, въ яркихъ очертаніяхъ проявляющееся у однихъ въ торговлѣ своими убѣжденіями и словомъ человѣческимъ, у другихъ—въ полной нестѣсненности передъ закономъ и какими-то фантастическими правами, не всѣмъ нравится и многихъ приводитъ фатально къ окончательному расчету съ жизнью: конечно, въ виду всѣхъ такихъ обстоятельствъ, такъ законна печаль, побудившая нѣкогда поэта „печально глядѣть“ на современное ему поколѣніе и не ждать отъ него „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“.

Но уныніе—не достоинство, и нужны усилія всѣхъ честныхъ людей, чтобъ оно замѣнилось живыми стремленіями.

Вопросъ: „Унываемъ ли мы теперь?“ поставленъ не случайно и не напрасно: онъ невольно вызывается сатирой Щедрина, дающею поводъ къ утвердительному рѣшенію вопроса. Если, посмѣявшись вмѣстѣ съ авторомъ надъ уродливыми явленіями нашей дѣйствительности, вы вдумаетесь въ общій смыслъ нарисованной имъ картины, въ душу вашу неотразимо должна вселиться мысль, что сатирикъ не ви-

дитъ въ родной странѣ ничего, способнаго возбудить хоть какія-нибудь надежды, что самъ онъ или въ полномъ „унынін“, или же не находитъ въ своей душѣ ничего, кромѣ презрѣнія и презрительнаго смѣха ко всему, что живетъ и „существуетъ“ на родной землѣ.

Читатель помнитъ, конечно, какъ счастливо начавшаяся въ Петербургѣ „идиллія“ Фаннушки и „мѣнялы“ подверглась испытаніямъ, когда дѣйствіе перешло въ Корчеву, гдѣ на путешественниковъ нашихъ нагнали страхъ „гороховыя пальто“; какъ герои наши бѣгутъ отъ корчевскихъ ужасовъ и попадаютъ, противъ ожиданія, въ усадьбу „Золотое дно“, извѣстную, впрочемъ, болѣе подъ именемъ „Проплеванной“, на томъ основаніи, что прежній владѣлецъ проигралъ ее въ плевки дѣду разсказчика; помнитъ всеобщую радость по случаю этого нечаяннаго прибытія „домой“; комическую картину встрѣчи барина съ возгласами: „Ахъ, да никакъ это баринъ!“ и съ ловленіемъ „ручки“, и затѣмъ появленіе двухъ урядниковъ, скоро объявившихъ усадьбу въ осадномъ положеніи и лишь на время отвлеченныхъ изловленіемъ сначала одного, а потомъ и другого „пригульнаго поросенка и курицы, снесшей яйцо“; наконецъ, возникающій въ селѣ вопросъ: настоящій ли пріѣхалъ баринъ, не подложный ли, надѣвшій только „личину“ настоящаго?.. Несмотря на карикатурный колоритъ, обстановка современнаго русскаго человѣка, пріѣхавшаго даже въ свою деревню, является здѣсь обрисованною довольно вѣрными чертами. Положеніе нашихъ героевъ въ деревнѣ оказалось нисколько не лучше, не менѣе тревожно, чѣмъ въ богоспасаемомъ градѣ Корчевѣ.

Какъ хороша занимающая ихъ „Сказка о ретивомъ начальникѣ, какъ онъ своимъ усердіемъ высшее начальство огорчилъ“!... „Въ нѣкоторомъ царствѣ“ должно было существовать „промежду начальниковъ“ такое правило: „стараться какъ можно больше вреда дѣлать, а ужъ изъ сего само-собою, впослѣдствіи, польза произойдетъ“. И вдругъ... Какое разочарованіе ретиваго устроителя края посредствомъ вреда, когда, являясь къ высшему начальству, онъ видитъ вездѣ „изобиліе плодовъ земныхъ“ и удивляется: какой-такой настоящій вредъ учиненъ, отъ котораго все такъ ходко пошло, и потомъ узнаетъ, что новое начальство всѣ вреды упразднило!

Припомните выступающій въ сатирѣ Щедрина на сцену „народъ“ и, наконецъ, „Тверскую губернію“, съ „обаяніемъ

исконнаго либерализма", искони вопіющую: „Наказывайте, жмите изъ насъ масло—но по закону!"

Какая поразительная картина общественнаго не только безсилія, но, просто, общественной непригодности. Начальники, руководствующіеся правиломъ: дѣлать какъ можно больше вреда съ ожиданіемъ отъ сего пользы; „либеральныя губерніи", кричащія: „Наказывайте насъ!"; народъ, вынуждающій своимъ „здравымъ народнымъ смысломъ" къ совершенію жестокостей надъ ни въ чемъ неповинными людьми! Нигдѣ, ни въ чемъ добра и правды! И все это выражено съ тою силой таланта, которая надолго укрѣпляетъ въ душѣ читателя вынесенныя изъ чтенія впечатлѣнія и представленія. Но если это такъ, если всѣ жизненныя явленія, затрогиваемыя авторомъ, заслуживаютъ такого жесткаго и безпощаднаго осмѣянія, если наше общество и народъ нашъ существенно характеризуются указываемыми г. Щедринымъ свойствами и достойны только сатиры—куда же обратить взоры, чтобъ увидѣть живыя лица и правдивыя сердца? Гдѣ найти тотъ идеалъ жизни, который оказался бы доступнымъ и понятнымъ современному русскому обществу и могъ бы быть практически осуществленъ? Если весь народъ и все общество таковы, на кого же надѣяться? И если они не признаютъ самыхъ даже скромныхъ идеаловъ общественныхъ, то можно ли возложить на нихъ требованіе идеаловъ болѣе высокихъ и справедливыхъ? И вотъ, мы останавливаемся съ недоумѣніемъ передъ поразительнымъ отсутствіемъ вѣры въ общество и народъ, передъ этимъ безвѣріемъ, которое можетъ исходить только изъ „унынія" и вести только къ нему. Если общественный идеалъ автора такъ великъ, а люди такъ ничтожно малы передъ этимъ идеаломъ, то, кромѣ отчаянія въ осуществленіи его, холоднаго и безплоднаго, ничего произойти не можетъ.

Намъ приходится читать высокомѣрныя насмѣшки надъ жалобами по поводу утраты обществомъ идеаловъ. Но въ этихъ насмѣшкахъ такъ же мало справедливости, какъ много истины въ осмѣянныхъ жалобахъ. Да, несомнѣнно, въ обществѣ, подъ гнетущими условіями жизни, утрачиваются идеальныя стремленія. Тѣ, что имѣли великіе, трудно достижимые идеалы, видя безсиліе даже только двигаться въ ихъ направленіи, естественно, проникаются отчаяніемъ и становятся безсильными, теряютъ вѣру въ идеалъ. Другіе,

болѣе отданные матеріальной жизни, болѣе слабые умственно и нравственно, видя, какъ попираются идеалы практическою жизнью, тѣмъ удобнѣе предаются отрицанію ихъ, и въ обществѣ начинается позорная игра хищеній и безчестія. Идеальныя стремленія все отступаютъ, на общество ложится непроглядный холодный мракъ. Въ обществѣ поселяются смута и борьба, въ которыхъ гораздо больше дѣйствуютъ инстинкты, чѣмъ стремленія сознательныя и идеальныя. Практическое безсиліе идеаловъ ведетъ въ обществѣ, въ массѣ къ отрицанію, потому что общество не можетъ жить тѣмъ, что безсильно практически. И потому-то жалобы на отсутствіе идеальныхъ стремленій въ сонномъ обществѣ имѣютъ свои серіозныя основанія.

Сатира Щедрина способна возбудить недовѣріе къ обществу, къ присутствію въ немъ живыхъ элементовъ. При этомъ недовѣріи всякій идеалъ или становится источникомъ страданій и отчаянія за человѣчество, или же превращается въ праздное слово, праздно вращающееся въ праздныхъ устахъ. Но слѣдуетъ ли принимать сатиры г. Щедрина, какъ характеристику временной неурядицы, происходящей отъ ложнаго направленія общественныхъ и народныхъ силъ? Дай Богъ, чтобы ни одинъ изъ читателей г. Щедрина, въ которыхъ сатиры его возбуждаютъ не одинъ только безсердечный и грубый смѣхъ, а тревожное и грустное чувство, полное опасенія за будущее любимой отчизны—дай Богъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не вынесъ изъ нихъ неуваженія къ жизни, даже къ этому самому „тверскому либерализму", провозглашающему, по словамъ самого же сатирика, своимъ общественнымъ идеаломъ господство закона, безъ котораго такъ гадателенъ, если не совершенно невозможенъ, общественный прогрессъ.

(1882).

„Письма къ тетенькѣ“, Г. Щедрина [1]).

„Отечественныя записки“, 1881—82 г.

*) Странное дѣло: о г. Щедринѣ не то что мало пишутъ,—этого никакъ нельзя сказать,—а пишутъ какъ-то несеріозно. Появится его ежемѣсячная сатира, въ фельетонѣ нѣсколькихъ газетъ, въ обозрѣніи нѣкоторыхъ журналовъ печатается коротенькая реклама, что вотъ-де, „нашъ маститый сатирикъ“ или „нашъ знаменитый сатирикъ“ своимъ сатирическимъ бичомъ щелкнулъ въ такую-то сторону, поразилъ такое-то зло, указалъ такую-то „общественную язву“, и въ доказательство приводится иногда содержаніе новой сатиры, а иногда и цѣлая изъ нея цитата; отъ времени до времени пишутся о немъ дружественною рукой и цѣлыя якобы кри-

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1882 г., № 5.

*) Щебальскій, которому принадлежитъ эта статья, принадлежитъ къ числу видныхъ сотрудниковъ журнала „Русскій Вѣстникъ“. Журналъ этотъ основанъ въ 1856 г. М. Н. Катковымъ и до 1863 г. пользовался большою популярностью и репутаціей органа прогрессистовъ съ яркою, опредѣленною общественно-политическою программой. Журналъ съ восторгомъ и довѣріемъ привѣтствовалъ освободительныя реформы 60-хъ годовъ. Каждая книжка его была наполнена статьями обличительнаго характера и критикой старыхъ порядковъ. Наступившій 1863 г. рѣзко измѣнилъ направленіе журнала. Съ этого момента онъ становится во главѣ реакціоннаго движенія. Въ 70-хъ годахъ эта окраска еще сгущается, и журналъ проповѣдуетъ политику „сильной власти“, опирающуюся на репрессіи и фактическую отмѣну произведенныхъ реформъ. Отъ журнала, благодаря этому, отошли всѣ лучшія литературныя силы, и онъ сталъ падать.

Петръ Карловичъ Щебальскій род. въ 1810 г., ум. въ 1886 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи; окончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ и служилъ въ гвардейской артиллеріи; за участіе въ дуэли былъ разжалованъ въ канониры; за военные подвиги на Кавказѣ возстановленъ въ чинѣ; былъ полицмейстеромъ въ Москвѣ, затѣмъ главнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи по дѣламъ печати. Ему принадлежатъ многія историческія монографіи по исторіи Россіи. Щебальскій состоялъ также редакторомъ „Варшавскаго Дневника“.

Примѣчаніе Н. Денисюка.

тическія статьи, въ родѣ написанной года два тому назадъ Е. Е. Утинымъ. Но все это не болѣе какъ разнаго рода рекламы, рукоплесканія извѣстнаго кружка, вѣнки безсмертія, щедро раздаваемые *своими своему*. А вѣдь, г. Щедринъ практикуется въ щелканьи сатирическимъ бичомъ и въ указаніи общественныхъ золъ уже болѣе 25 лѣтъ; пора бы подвести итоги этой продолжительной литературной дѣятельности и показать, какіе полезные результаты она принесла. А между тѣмъ, по все возрастающему числу обличеній, наполняющихъ столбцы нашихъ газетъ и страницы нашихъ журналовъ, можно притти къ заключенію, что либо это щелканье щедринскаго сатирическаго бича никого, въ сущности, не испугало, либо что діагнозы этого врача общественныхъ язвъ были невѣрны... Правда, подвести полные итоги литературной дѣятельности г. Щедрина нелегко: плодовитость его громадная, и врядъ ли въ числѣ его почитателей найдется хоть одинъ прочитавшій все, вышедшее изъ-подъ его пера, начиная съ *Губернскихъ Очерковъ*. Сознаюсь, что и я, нижеподписавшійся, прочелъ не все имъ написанное. Но, рѣшившись подвести итоги его литературной дѣятельности и сознавая, что я худо дѣлалъ, не читая его сатиръ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, по мѣрѣ выхода книжекъ *Отечественныхъ Записокъ*, я принялся читать отдѣльно напечатанныя его сочиненія, прочиталъ ихъ почти всѣ и уже сдѣлалъ, было, много замѣтокъ для подведенія помянутыхъ итоговъ, когда въ послѣднемъ *Письмѣ къ тетенькѣ* нашелъ, что эти итоги подведены уже самимъ нашимъ „маститымъ сатирикомъ“. Г. Щедринъ напечаталъ аттестатъ самому себѣ, нѣчто въ родѣ *Памятника* пушкинскаго... Конечно, вы не найдете въ этомъ *Письмѣ* ни „Наполеонова столпа“, ни стиха

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ...

да впрочемъ тутъ дѣло не въ сближеніи или противоположеніи стиховъ Пушкина и прозы г. Щедрина, а въ томъ, что послѣдній, въ виду, какъ онъ говоритъ, появившихся въ печати несочувственныхъ ему оцѣнокъ, нашелъ нужнымъ выяснить, какія задачи онъ преслѣдовалъ въ продолженіе своей литературной дѣятельности и характеризовать эту дѣятельность. Какъ ни кратко сдѣлано то и другое, все же это автобіографическій матеріалъ, это руководящая нить для

человѣка, который хочетъ разобраться въ массѣ написаннаго нашимъ авторомъ.

„Въ послѣднее время, говоритъ г. Щедринъ, я, въ качествѣ литературнаго дѣятеля, сдѣлался предметомъ достаточнаго количества несочувственныхъ для меня оцѣнокъ. Между ними есть нѣсколько такихъ, которыя прямо, причисляютъ меня къ категоріи *вредныхъ* писателей, на томъ основаніи, будто бы я, главнымъ образомъ, имѣю въ виду не обличеніе безнравственныхъ поступковъ, а отрицаніе самого принципа нравственности. На это я могу отвѣтить одно: неизмѣннымъ предметомъ моей литературной дѣятельности всегда былъ протестъ противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія...“—„Ройтесь сколько хотите во всей массѣ мною написаннаго—ничего другого не найдете“, говоритъ нашъ критикъ, а затѣмъ побѣдоносно ставитъ вопросъ: слѣдуетъ ли признать исчисленныя выше явленія *нормальными*, имѣющими что-нибудь общее съ „принципомъ нравственности“, или, напротивъ, правильнѣе отнестись къ нимъ какъ „безнравственнымъ“...

Оставляя на время объектъ щедринской сатиры, я долженъ обратить вниманіе читателя на сбивчивость понятій нашего сатирика и на произвольное значеніе, которое получаютъ у него слова. Это—одна изъ характеристическихъ чертъ г. Щедрина и его дружины. Искаженіе прямого и всѣмъ извѣстнаго смысла словъ есть явленіе въ ихъ литературной дѣятельности отнюдь не случайное. Иногда читаешь ихъ,—слова все, кажется, знакомыя, а смысла не доищешься. Но у нихъ есть ключъ къ этому шифру, и они другъ-друга понимаютъ. Этотъ шифръ, или этотъ жаргонъ, названъ ими же самими „рабьимъ языкомъ“. На этомъ языкѣ они и пишутъ, а г. Щедринъ считается первокласснымъ, на этомъ языкѣ, стилистомъ. Посвященные читаютъ его и не нахвалятся, а мы хоть и рады были бы ему рукоплескать, но что ни шагъ, то натыкаемся на такое слово, которое, какъ говоритъ Гоголевскій Осипъ, чортъ его знаетъ, что̀ такое значитъ. Таково, напримѣръ, слово „улица“. Всякій знаетъ, что̀ значитъ улица; въ переносномъ смыслѣ она можетъ означать толпу и, при томъ, скорѣе городскую, чѣмъ сельскую. Но не угодно ли вамъ догадаться, что̀ слѣдуетъ подразумѣвать подъ „улицей“ въ слѣдующихъ строкахъ, заимствованныхъ изъ *Письма № 11 къ тетенькѣ*. „Въ цѣломъ мірѣ, пишетъ г. Щедринъ, улица представляетъ собою только матеріалъ для литературы (слѣдовательно, народъ?), а у насъ она господствуетъ надъ литературой (очевидно, не народъ). Во всѣхъ видахъ господствуетъ: въ видѣ частной инсинуаціи (часть общества, считающая г. Щедрина „писателемъ

вреднымъ"?), частнаго насилія (уличные грабители?) и въ видѣ непререкаемо-возбраняющей силы (публичная власть?), и на каждомъ шагу ставитъ вопросы (кто же можетъ писателю ставить вопросы?—сама жизнь, текущія событія, на которыя сдѣлалось какъ бы обязательнымъ до времени закрывать глаза). Вотъ и доискивайтесь, кто или что эта злокозненная „улица"! Да притомъ, еще вопросъ, точно ли она злокозненна съ точки зрѣнія самого г. Щедрина. Въ V *письмѣ* его, да и въ другихъ его сочиненіяхъ, за *Рубежомъ*, напримѣръ, выводится на сцену нѣкій „Удавъ", личность, въ высшей степени автору антипатичная, что, впрочемъ, видно по его кличкѣ. Онъ держитъ семью свою въ решпектѣ, но, *къ ужасу своему*, замѣчаетъ въ одно прекрасное утро, что въ эту его строго охраняемую семью „вторгается улица". О чемъ бы горевать, кажется? Чему бы ужасаться? „Улица" и „Удавъ", повидимому, съ точки зрѣнія г. Щедрина,—одного поля ягоды: послѣдній благоговѣетъ предъ памятью „графа Михаила Николаевича" (Муравьева, полагаю, а ужъ что же хуже этого, съ извѣстной точки зрѣнія!), а „улица" „ссылается на родство своихъ идеаловъ съ идеалами управы благочинія" и умѣетъ „только молотить по головамъ плющильнымъ молотомъ".

Трудно понимать г. Щедрина! И это не потому, чтобъ онъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ; нѣтъ, онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію писателей, когда быть грамотнымъ считалось для нихъ обязательнымъ. Но онъ отбросилъ обыкновенный русскій языкъ и сталъ писать на „рабьемъ языкѣ". Да, „рабій языкъ": онъ самъ такъ его называетъ. Этотъ языкъ изобрѣтенъ не имъ, но имъ окрещенъ, да имъ же постоянно и обогащается. Слова въ немъ русскія, но имѣютъ вовсе не то значеніе, какое имъ присвоено въ словарѣ академіи или Даля. Чтобы понимать церковно-славянскую грамоту, нужно знать не только буквы, но и *титла*: чтобы понимать языкъ г. Щедрина и его послѣдователей надо понимать *подмигиванія* (ихъ же любезное слово). Это очень удобно въ отношеніи цензуры. Да и въ отношеніи литературной критики это удобно.

Возвратимся къ начертанной г. Щедринымъ программѣ его сатиры. Она, очевидно, не полна, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ его жалобъ на угнетенное положеніе нашей литературы. Онъ желалъ бы для нея большей сво-

боды. Полагаю, что онъ не станетъ отрицать этого. По крайней мѣрѣ, сколько я понимаю „рабій языкъ", слова „управо благочинія", „участокъ", „урядникъ", такъ обильно уснащающія прозу нашего сатирика, суть олицетворенія враговъ свободы. Прекрасно. Посмотримъ же, какъ относится онъ къ свободѣ, когда ея острее обращено противъ него, когда въ печати высказываются несогласныя съ нимъ воззрѣнія. О, онъ не допускаетъ и самаго ихъ существованія! А такъ какъ они все-таки существуютъ, а можетъ-быть, и усиливаются въ послѣднее время, то негодованіе г. Щедрина начинаетъ бить ключомъ.

„Они, говоритъ онъ, находятъ себѣ аположетовъ (апологетовъ?), которые ежели и не утверждаютъ прямо, что, напримѣръ, хищничество есть добродѣтель, но всякій протестъ противъ хищничества приравниваютъ къ потрясенію основъ. И благодаря случайности, эти *общественные проститутки* не встрѣчаютъ даже отпора. Примѣры гнусныхъ сопоставленій честнаго протеста чуть не съ вооруженнымъ бунтомъ повторяются на каждомъ шагу и проходятъ вполнѣ *безнаказанно*, благодаря совпаденію со случайными вѣяніями минуты; но самая эта безнаказанность развѣ не знаменуетъ собой глубокаго нравственнаго упадка? Видѣть цѣлый сильно организованный литературный лагерь, утверждающій, что всякое проявленіе *порядочности* въ мышленіи равносильно разбою и мошенничеству, что идеалы свободы и обезпеченности суть идеалы анархіи и дезорганизаціи власти, что человѣчность равняется убійству, а право—это такое гнусное зрѣлище, предъ которымъ не устоитъ даже одеревенѣлое равнодушіе. А между тѣмъ, это зрѣлище происходитъ предъ нами каждый день, и, къ умиленію, сіе единственное, которое пользуется присвоенною зрѣлищамъ постановкой. Каждый день изъ лагеря *хищниковъ, предателей, пустосвятовъ и проститутовъ* раздаются *распутные клики*, готовые задушить въ обществѣ всякія признаки *порядочности*. Каждый день изъ растворенныхъ *хлѣвовъ* вопіютъ голоса *трихинныхъ пристанодержателей*, угрожающіе, проклинающіе, требующіе пропятія"...

Итакъ, эти хищники, предатели, проституты — это русскіе писатели! Эти „хлѣвы", изъ коихъ вырываются голоса „трихинныхъ пристанодержателей",—это русскіе журналы, не сочувствующіе г. Щедрину и его друзьямъ; это та часть русской литературы, которая не тянетъ въ унисонъ съ ними!.. Что отвѣчать на эту поистинѣ кабацкую ругань? Вотъ, увы—на самомъ дѣлѣ, нашъ „зоилъ"

Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки...

А вѣдь, этотъ „зоилъ" провозглашаетъ себя другомъ свободы, требуетъ ея, гнѣвается на ея недостаточность! Вотъ они, друзья свободы, предъ нами, какъ на ладони. Для *нихъ*

свобода, полная свобода: „Гуляй, душа!“ Для всѣхъ же прочихъ ихъ лозунгъ: „Прочь, расшибу!..“ И эти кулачные бойцы осмѣливаются говорить свысока объ урядникахъ, объ „управѣ благочинія“, объ „участкѣ“! Да въ какой кутузкѣ не то что урядникъ, а пьяный сторожъ позволитъ себѣ возвыситься до такого паѳоса ругательствъ въ отношеніи пойманнаго съ поличнымъ вора или уличеннаго убійцы... Ого, если бъ этимъ господамъ да власть въ руки, они бы показали вамъ настоящую „управу благочинія“, настоящій „участокъ“, они бы показали вамъ такихъ „Дыбъ“ и „Удавовъ“, какихъ ни при какомъ Аракчеевѣ не было!

Къ несчастію, законъ предоставляетъ обоимъ литературнымъ лагерямъ одинаковую „безнаказанность“ (а по причинамъ, которыя мы изслѣдовать здѣсь не будемъ, въ настоящее время число періодическихъ изданій лагеря, обзываемаго охранительнымъ, меньше, чѣмъ лагеря якобы прогрессивнаго) и не дозволяетъ „прогрессистамъ“ хватать за воротъ „охранителей“. Что́ же дѣлаютъ первые? Они не возражаютъ, не спорятъ, они уклоняются отъ публичной полемики, а прямо кричатъ: „донось!“ Г. Щедринъ называетъ своихъ противниковъ „добровольцами-соглядатаями“, а его приближенные выработали по этому поводу цѣлую теорію.

Вѣдь, г. Щедринъ пишетъ себѣ во всю свою милую душу почти тридцать лѣтъ все въ одномъ же духѣ и въ одномъ же тонѣ; вѣдь, *ваши* журналы и газеты плодятся на доброе здоровье, и все это, конечно, не тайна для главнаго управленія по дѣламъ печати, которое, не нуждаясь ни въ какихъ подмигиваньяхъ, и раньше, чѣмъ эти подмигиванья могли бы быть сдѣланы, читаетъ все, проходящее чрезъ печатный станокъ, и, конечно, лучше всякаго литературнаго критика знаетъ всю нашу литературную подноготную. Вѣдь, вы же сами, ваша компанія обливается слезами, что на ваше печатное слово, на ваши мнѣнія, совѣты и предостереженія никто (а это „никто“, конечно, *не читающая* публика) не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. (О, если бы такъ!) „Ни сочувствіе, ни несочувствіе, ни критики, ни панегирики—ничто не идетъ въ счетъ,—всѣ наши рѣчи и сужденія—кимвалъ бряцающій“, пишетъ самъ г. Щедринъ на страницѣ 244 своего сочиненія *Въ средѣ умѣренности и аккуратности*: такъ что же вамъ бояться печатныхъ доносовъ и подмигиваній. Подмигиванье! Донось! Эти слова дѣйствовали, пока

не вдумались въ ихъ значеніе, точно такъ же, какъ декораціи китайскихъ крѣпостей озадачивали нѣкогда европейцевъ, пока не было замѣчено, что эти зубцы, драконы и пушки намалеваны. Пугаломъ *доноса* насъ стращаютъ давно и при обстоятельствахъ знаменательныхъ. Въ первый разъ, если не ошибаюсь, это пугало было выдвинуто, когда начинались смуты въ Царствѣ Польскомъ. Тогда говорить о нихъ въ печати, отстаивать публично русскія государственныя и національныя права было признано постыднымъ, подлымъ, названо было доносомъ. Доносомъ же были признаны гласное неодобреніе безпорядковъ въ университетахъ, порицаніе петербургскаго и другихъ необыкновенныхъ пожаровъ, полемика противъ экономическихъ и соціологическихъ воззрѣній Чернышевскаго,—и это пугало, пугало доноса, принудило тогда къ молчанію многихъ почтенныхъ, но не довольно самостоятельныхъ людей, дало ложный видъ общественному мнѣнію русскаго народа, не имѣвшему ничего общаго съ настроеніемъ нашей литературы, и въ концѣ-концовъ ввело въ заблужденіе поляковъ, которыхъ господствовавшая часть литературы взяла подъ свою защиту,—въ заблужденіе, которое они, поляки, горько оплакиваютъ нынѣ! Пугаломъ доноса наши лже-друзья свободы хотятъ окружить свою дѣятельность безгласностью, и больше ничего. Это—пѣсня на ту же тему: „Гуляй, душа!“ для себя, и „Прочь, расшибу!“ для остальныхъ. Вы благосклонно позволяете обличать, даже анонимно, человѣка, истязующаго ребенка; а можно ли публично осудить мальчишку, отплачивающаго оплеухами своему учителю за дурную отмѣтку?.. Это, кажется, становится уже щекотливымъ... А есть поводы къ обличеніямъ и посеріознѣе...

Надо чувствовать себя правымъ, тогда и доносовъ—печатныхъ, по крайней мѣрѣ—бояться не будешь. Я не подмигиваю, а прямо и открыто говорю, что сатира г. Щедрина и литературная дѣятельность тѣхъ, кто слѣдуютъ подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, имѣя въ виду, какъ они сами говорятъ, *единственно злобу дня*, даетъ низменное направленіе полету общественной мысли, вводитъ ее въ сравнительно тѣсную сферу вопросовъ данной минуты и совершенно устраняетъ всю сферу жизни духовно-нравственной; а если *злоба дня* и выдвинетъ иногда случай, касающійся этой сферы, то онъ разрѣшается, какъ мы видѣли, не на основаніи

вѣчныхъ и непзмѣнныхъ законовъ, не на основаніи той духовной связи, о которой недавно говорилъ ученый Пастёръ (замѣтьте—*естественникъ*!) предъ Французскою академіей, что „безъ нея въ обществѣ будутъ лишь одинокія семьи и шайки, но не будетъ настоящаго общества", а на основаніи ежеминутно измѣняющагося общественнаго мнѣнія да приговора людей порядочныхъ, въ обратномъ смыслѣ. Въ этой области, впрочемъ, литературному критику до васъ нѣтъ дѣла. Тутъ возражать принадлежитъ политическимъ органамъ, газетамъ. Съ нашей же точки зрѣнія, повторяю, главный обвинительный пунктъ противъ г. Щедрина и К° состоитъ въ низменности и лживости его сатиры.

Мы слышали, что г. Щедринъ говоритъ о стѣсненіи у насъ литературной дѣятельности. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается нѣсколько опредѣлительнѣе, чѣмъ и доставляетъ возможность составить себѣ понятіе о его воззрѣніи на „творчество" и на задачи литературы. О формѣ, о красотѣ г. Щедринъ, равно какъ и другіе писатели его лагеря, умалчиваютъ вовсе: стоитъ ли въ нашъ серіозный вѣкъ заботиться о такихъ пустякахъ... Зато эти господа пишутъ стихи въ родѣ нижеслѣдующихъ, напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1881 года:

> Въ консіержери то было, въ термидоръ,
> Когда Парижъ изнемогалъ въ терроръ.

... Но оставимъ чисто-эстетическую сторону дѣла и обратимся къ содержанію. По словамъ г. Щедрина, у насъ „творчество въ умаленіи", потому что ему мѣшаютъ, во-первыхъ, какъ мы видѣли, „улица", а во-вторыхъ—„вопросы". Оно, говоритъ г. Щедринъ, „не можетъ сдѣлать шага, чтобы не встрѣтиться съ „вопросомъ", а стало-быть, и съ невозможностью. Приступитъ ли оно къ жизни такъ-называемаго культурнаго общества, половина этой жизни представляетъ заповѣдную тайну, и именно та половина, которая всей жизни даетъ колоритъ. Спустится ли оно во глубины *бытовой* жизни (почему бытовая жизнь противопоставляется культурной?)—и тамъ его подстерегаетъ цѣлая масса вопросовъ: вопросъ аграрный, вопросъ общинный, вопросъ о народившемся *кулакѣ* и т. д. Опять жалкія мины, опять комедія сиротливости, мотивы салоппицъ-попрошаекъ! Вѣдь, вы почти тридцать лѣтъ сряду ругаете всѣхъ и вся, на все

выливаете свою желчь, все оскверняете своимъ словомъ! Вѣдь, вы еще въ текущемъ году въ *Письмахъ къ тетенькѣ* говорили о двухъ „безшабашныхъ совѣтникахъ“, которые составили проектъ ограбленія Россіи: что́ можно сказать о людяхъ болѣе гнуснаго? Вѣдь, вы все въ тѣхъ же, только что напечатанныхъ *Письмахъ* разсказываете, будто Аракчеевъ глоталъ ершей живьемъ, съ чешуей: что́ можно выдумать болѣе глупаго?.. Или все въ тѣхъ же *Письмахъ* этотъ губернаторъ, который болѣе безграмотенъ, чѣмъ послѣдній волостной писарь, и вмѣсто Сызрани пишетъ „Съ Израни“: неужели такихъ губернаторовъ кто-нибудь видывалъ въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ? А эти „помпадуры“, эти „генералы отчаянные“, эти департаменты „Возмездій и Воздаяній“? А эти „Ташкентцы“ и эти „Молчалины“ и пр. и пр.? Осталась ли на пространствѣ, на коемъ дѣйствуетъ сатира г. Щедрина, хоть одна неоплеванная точка?.. И все это вранье, вѣдь, сходитъ же съ рукъ. Аракчеевъ, разумѣется, молчитъ въ своей могилѣ; за фантастическаго губернатора и „безшабашныхъ совѣтниковъ“, за *Удава*, за *Дыбу*, за *Твердоонто* никто не можетъ заступиться, потому что ихъ прикрылъ *рабій языкъ*... Молчитъ и цензура: ей что́ за дѣло до всѣхъ этихъ покойниковъ и псевдонимовъ?.. А публика смѣется, и рубли сыплются въ шапку ловкаго забавника: что же вы прикидываетесь казанскими сиротами? Чего хотите? Не права ли называть людей по именамъ? Но это врядъ ли было бы вамъ на-руку... Не болѣе стѣснены вы и въ сферѣ *бытовой* жизни: очерками ея наполнены всѣ близкіе вамъ журналы; вся беллетристика ихъ на этомъ держится. Да и какія-такія у васъ по этому поводу имѣются въ резервѣ идеи, которыхъ вамъ нельзя высказать? Не напоминаетъ ли это „Моську“ Крылова, которая хотѣла... безъ драки попасть въ большія забіяки?

За предѣлами „вопросовъ“ начинается для г. Щедрина пустое пространство. „Творчество въ умаленіи“ у насъ теперь, пишетъ онъ, потому что оно безпрестанно натыкается на „вопросы“, а слѣдовательно—„на невозможность“. И Пушкинъ, продолжаетъ онъ, если бы жилъ въ наше время, столкнулся бы съ этими „вопросами“ и этою „невозможностью“: онъ не сталъ бы тратить себя на *Пиковыхъ Дамъ*, на *Повѣсти Бѣлкина*. Но развѣ Пушкинъ не касался вопросовъ своего времени? Только онъ не лгалъ, не фальшивилъ, не былъ

пустозвономъ, не ругался по-площадному, не сквернословилъ. Во время Пушкина байронизмъ былъ „вопросомъ“, и Пушкинъ отозвался на него. А Онѣгинъ развѣ—не современный ему „вопросъ“, не „злоба дня“? Пушкинъ высмотрѣлъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ поэтическаго Ленскаго и чистую женщину, Татьяну. Пушкинъ подмѣтилъ и бретера, картежника и „холостого отца семейства“; онъ вывелъ на сцену „владѣльца нашихъ мужиковъ“, а въ частной своей перепискѣ, нынѣ уже обнародованной, онъ касается и многихъ другихъ „злобъ“ своего дня,—и однако, онъ же писалъ:

Въ надежѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни.

И хотя многое вокругъ него не удовлетворяло его, хотя онъ испыталъ много личныхъ непріятностей (самимъ имъ отчасти вызванныхъ), патріотическая струна никогда не переставала звучать въ его сердцѣ: въ одномъ изъ журналовъ вашего же лагеря г. Анненковъ доказываетъ это на основаніи не только общеизвѣстныхъ произведеній Пушкина, но и неизданныхъ еще документовъ. Правда, нѣкоторые изслѣдователи нашей литературы пустили въ оборотъ мнѣніе, что слава и популярность Пушкина основываются, главнымъ образомъ, не на изданныхъ съ разрѣшенія цензуры его сочиненіяхъ, а на тѣхъ, которыя, въ свое время, ходили по рукамъ въ рукописяхъ. Но эти изслѣдователи завѣдомо утверждаютъ ложь. Отъ одной части своихъ *нелегальныхъ* стихотвореній Пушкинъ отрекся, какъ отъ произведеній его недостойныхъ, вспоминать о коихъ ему было тяжело, а отъ другихъ,—какъ отъ шалостей и заблужденій своей безпорядочной молодости. Притомъ, эти нелегальныя стихотворенія Пушкина извѣстны, сравнительно, весьма немногимъ, и ужъ по этому одному они не могутъ имѣть никакого вліянія на славу и популярность Пушкина. О своей ранней, шаловливой музѣ онъ могъ сказать:

...Молодежь минувшихъ дней
За нею шумно волочилась,

но къ потомству онъ предъявилъ формуляръ совсѣмъ другого рода, и потомство воздвигло ему памятникъ, какъ автору не стишковъ

Когда бы, вмѣсто фонаря...

а какъ автору *Евгенія Онѣгина*, *Бориса Годунова*, *Полтавы*, какъ человѣку, дорожившему славой, честью Россіи, уважа-

вшему ся прошлое и вѣрившему въ ея будущее, раздѣлявшему вѣрованія своего народа, человѣку, который,глядя на вершину Казбека, воскликнулъ:

Туда, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться бъ мнѣ!

Почти то же можно сказать и о Лермонтовѣ. Духъ мятежный, гораздо болѣе чѣмъ Пушкинъ родственный Байрону, онъ относился вообще отрицательно къ жизни и къ людямъ, съ которыми притомъ имѣлъ гораздо болѣе счетовъ, чѣмъ его великій предшественникъ. Но и этотъ мятежный духъ умилялся передъ зрѣлищемъ природы Кавказа, и его, обыкновенно сложенныя для насмѣшки, губы, нерѣдко благословляли младенца и шептали молитву, и какую теплую, какую задушевную молитву! Лермонтовъ во все продолженіе своей литературной дѣятельности трудился надъ созданіемъ типа гордаго протеста,—это былъ „вопросъ“ его времени, хотя не изъ тѣхъ мелкопомѣстныхъ и лживыхъ, которые занимаютъ г. Щедрина; но этотъ же Лермонтовъ нашелъ въ своемъ сердцѣ достаточно любви, чтобы создать Максима Максимовича и Бэлу... А что создалъ въ этомъ родѣ г. Щедринъ?

Но, скажутъ, можетъ-быть, г. Щедринъ—сатирикъ; его слѣдуетъ сопоставлять съ другими сатириками: съ фонъ-Визинымъ, Крыловымъ, Гоголемъ. Извольте. Замѣтимъ, прежде всего, что Гоголь писалъ при условіяхъ цензуры несравненно болѣе тяжелыхъ, чѣмъ нынѣшнія; онъ писалъ въ эпоху Красовскихъ и Крыловыхъ, а отчасти и во время существованія пресловутаго „тройственнаго комитета“ и, однако, онъ не прибѣгалъ къ „рабьему языку“, къ иносказаніямъ и прозрачнымъ псевдонимамъ. Да и не нужны они ему были, потому что онъ писалъ не карикатуры на извѣстныя лица или учрежденія, а изображалъ типы изъ современнаго ему общества. Онъ осмѣивалъ эти типы, но любовь нерѣдко просвѣчивала въ его сатирѣ. Такъ, поставивъ Акакія Акакіевича или старосвѣтскихъ помѣщиковъ подъ освѣщеніе своего юмора, онъ возбудилъ къ нимъ сочувствіе, онъ указалъ ихъ странности и смѣшныя стороны, но и согрѣлъ ихъ своею любовью. Любовь была присуща Гоголю: доказательство—лирическія мѣста въ *Мертвыхъ душахъ*, симпатичный, поэтическій колоритъ *Вечеровъ на хуторѣ* и *Тараса Бульба* съ первой до послѣдней строки. Да, въ сердцѣ сати-

рика Гоголя были обильные источники любви. Онъ любилъ свою прекрасную Украйну, ея неоглядныя степи и задумчивыя ночи, онъ любилъ казачество, любилъ Россію, не взирая на Чичиковыхъ, Сквозникъ-Дмухановскихъ и Ноздревыхъ, любилъ ея прежнюю и новую славу, любилъ искусство, а о живомъ его религіозномъ чувствѣ и говорить нечего... Пусть же г. Щедринъ укажетъ на что-нибудь подобное въ своей почти тридцатилѣтней литературной дѣятельности и приложитъ къ себѣ стихъ Пушкина:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что *чувства добрыя* въ немъ лирой возбуждалъ!..

Задачи творчества онъ низводитъ до борьбы противъ „урядниковъ", „управы благочинія", народившагося кулака"; на свободу, въ сферѣ литературы по крайней мѣрѣ, онъ смотритъ, какъ на средство кричать людямъ иныхъ воззрѣній; „Прочь, расшибу!"; высшіе вопросы духа онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ, а если слегка и касается ихъ при случаѣ, то съ точки зрѣнія произвольной, субъективной, основанной не на незыблемыхъ началахъ, а на мнѣніи „порядочныхъ (по его мнѣнію) людей". Это ли тѣ добрыя чувства, о которыхъ говоритъ Пушкинъ и возбужденіе коихъ вмѣнялъ онъ себѣ въ заслугу?.. Добрыя чувства! Ихъ не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ любви, а мы не находимъ и слѣда ея во всей массѣ написаннаго г. Щедринымъ. Онъ—сатирикъ, а слѣдовательно, порицаніе и насмѣшка суть его спеціальность, положимъ; но хоть бы когда-нибудь, гдѣ-нибудь онъ обмолвился словомъ любви и сочувствія, если не къ людямъ, сквернить которыхъ онъ сдѣлалъ пріятною задачей своей жизни, то хоть къ природѣ, которая ничѣмъ предъ нимъ не провинилась... Къ чему же тутъ ссылаться на Пушкина? О, какъ много могъ бы Пушкинъ принести пользы, какъ много могъ бы онъ возбудить ихъ, этихъ настоящихъ добрыхъ чувствъ, если бъ ему дано было дѣйствовать въ продолженіе тридцати лѣтъ и, притомъ, въ наше время, въ эпоху страшнаго смѣшенія понятій и еще болѣе страшнаго колебанія нравственныхъ началъ! Пушкинъ, среди нынѣшней умственной и нравственной неурядицы, постарался бы подчинить не фантастическому и перемѣнчивому общественному мнѣнію нравственные идеалы, а это мнѣніе подчинить нравственнымъ идеаламъ, общимъ всему христіанскому міру. Отъ него же ускользнули бы неудовлетворительныя стороны

нашей старой семьи, но онъ, конечно, не коснулся бы самаго принципа семьи, основаннаго на любви, не восклицалъ бы, подобно г. Шелгунову, съ торжествомъ: „Семья разрушена!“ и не ставилъ бы ей въ образецъ „товарищество на паяхъ“. Онъ не отмѣчалъ бы съ мерзкимъ злорадствомъ всякій непохвальный поступокъ старшихъ въ сферѣ какъ гражданскихъ, такъ и семейныхъ отношеній и не рукоплескалъ бы всякому противъ нихъ возмущенію. Онъ не спускался бы въ низменности „урядниковъ“, „управы благочинія“, „кулаковъ“ деревенскихъ и т. п., а оставался бы на высотѣ общихъ началъ, ибо они руководятъ отдѣльными людьми и народами, сообщаютъ внутреннюю цѣнность какъ государственнымъ учрежденіямъ, такъ и домашнему быту каждаго человѣка. Теорія нравственнаго совершенствованія, я знаю, нынче не въ модѣ; заботы соціологовъ и публицистовъ направлены на усовершенствованіе внѣшнихъ условій жизни, на установленіе гарантій и пр. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, и не обманывая ни себя ни другихъ, можно думать, чтобы когда-нибудь были придуманы такія формы и такія гарантіи, которыя сдѣлали невозможнымъ или хоть серіозно затруднили бы проявленіе злой воли? Дурныя или хорошія учрежденія вліяютъ дурно или хорошо на общественную нравственность, но не имѣютъ рѣшающаго и безусловнаго значенія. Только извѣстнаго рода учрежденія, увѣряютъ, въ состояніи возвысить общественную нравственность. Но въ Сѣверной Америкѣ учрежденія „этого рода“ развиты болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудъ, а тамошняя администрація считается образцомъ безнравственности. Напротивъ того, администрація Пруссіи и, вообще, нѣмецкая нація пріобрѣли почетную извѣстность своею честностью задолго до послѣдовавшихъ тамъ реформъ въ такъ-называемомъ либеральномъ духѣ. Контроли всевозможные, гласность и всякаго рода формальныя гарантіи могутъ, въ лучшемъ случаѣ, сдѣлать осторожнымъ человѣка, не признающаго ничего надъ собою высшаго, кромѣ суда человѣческаго; но если его осторожность оказалась, однако, недостаточною, и полиція наложила на него руку, не раскаяніе шевельнется въ его душѣ, а досада на свою неумѣлость. „Сорвалось!“ скажетъ съ Кречинскимъ и постарается впредь искуснѣе хоронить концы.

П. Щебальскій.

Новый Щедринскій сборникъ.

„Современная идиллія“, М. Е. Салтыкова. С.-Петербургъ, 1883 [1]).

Переживаемая нами минута какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ идилліи—не въ древнемъ, конечно, а въ „современномъ“ смыслѣ этого слова. Вездѣ господствуетъ тишь и гладь, все приглашаетъ къ безмятежному житію, къ прозябанію, къ ничего-недѣланію (сладкому или несладкому—это уже вопросъ личнаго вкуса). Не находимся ли мы всѣ, болѣе или менѣе, въ положеніи человѣка, къ которому только-что заходилъ Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, изъ *Современной идилліи*, и сказалъ: „Нужно, голубчикъ, погодить!“ Не манитъ ли насъ къ себѣ та торная дорога, на которую вступили, по молчалинскому совѣту, оба героя *Современной идилліи* — дорога, никуда, въ сущности, не ведущая, но зато спокойная, безопасная, обставленная всякими житейскими удобствами: прогулками, обѣдами, картами и танцами (смотря по возрасту), крѣпкимъ сномъ, полезными знакомствами и забвеніемъ прошедшихъ прегрѣшеній? Трудно повѣрить, что первая половина лежащей передъ нами книги написана въ 1877 или 1878 г.—трудно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не вспомнишь нѣмецкой поговорки: „Es ist schon Alles da gewesen“, или русскій варіантъ ея: „Ничто не ново подъ луною“. Русская общественная жизнь особенно богата повтореніями и возвращеніями; повторяются не только моменты, комбинаціи данныхъ, но и цѣлые типы, съ легкими видоизмѣненіями. Сатирикъ недаромъ воскресилъ Молчалина и Ноздрева; они живутъ между нами, примѣняясь къ обстоятельствамъ, то куда-то скрываясь, то опять выступая на первый планъ, съ самоувѣренною осанкой

[1]) „Вѣст. Европы“, 1883 г., № 11. (См. II-й выпускъ, стран. 51.)

и авторитетнымъ тономъ. Въ виду этихъ безпрестанныхъ da capo, *Современная идиллія* не только не является теперь анахронизмомъ, но, напротивъ, поражаетъ своею благовременностью. Обѣ ея части, раздѣленныя пятилѣтнимъ промежуткомъ, составляютъ одно цѣлое, безъ всякихъ почти слѣдовъ искусственной спайки; замѣтна только торопливость, съ которою разсказъ приведенъ къ концу, но она зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ первоначальнымъ намѣреніемъ автора.

Лѣтъ тридцать или тридцать-пять тому назадъ, во Франціи пользовались большою извѣстностью политическіе романы Луи Рейбо: „Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale“ и „Jérôme Paturot à la recherche de la meilleure des républiques“. Руководствуясь этимъ образцомъ, *Современную идиллію* можно было бы назвать такъ: „Двое русскихъ среднихъ людей, снискивающихъ себѣ репутацію благонамѣренныхъ гражданъ“. Ближайшій поводъ къ поискамъ мы уже знаемъ: это—совѣтъ „погодить“, данный Алексѣемъ Степановичемъ Молчалинымъ. Остается только опредѣлить, почему совѣтъ упалъ на благодарную почву, почему пассивное выжиданіе обратилось въ активное стремленіе обѣлить себя во что бы то ни стало. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ слѣдующая исповѣдь:

„Стали мы разбирать свое прошлое—и чуть не захлебнулись отъ ужаса. Господи, чего только тамъ не было! И восторгъ по поводу упраздненія крѣпостного права, и признательность сердца по случаю введенія земскихъ учрежденій, и свѣтлыя надежды, возбужденныя опубликованіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и торжество, вызванное упраздненіемъ предварительной цензуры. Однимъ словомъ, всѣ опасности, всѣ неблагонамѣренности и неблагонадежности, все, что подрываетъ, потрясаетъ, разрушаетъ—все тутъ было! И ничего такого, что созидаетъ, укрѣпляетъ и утверждаетъ, наполняя трепетною радостью сердца всѣхъ истинно любящихъ свое отечество квартальныхъ надзирателей!“

Чтобы загладить столь тяжкія вины, недостаточно „годить“, т.-е. прогуливаться до изнеможенія силъ и наѣдаться до отупѣнія; въ самомъ бездѣйствіи можетъ быть заподозрѣна задняя мысль, въ невинныхъ удовольствіяхъ—усмотрѣнъ молчаливый протестъ противъ вынужденнаго бездѣлья. Нужно заручиться охранительными связями, отрицательнаго и положительнаго свойства: отрицательныя—это знакомство съ Очищеннымъ, съ Балалайкинымъ, съ Парамоновымъ, лицами, можетъ-быть, и повинными передъ закономъ, но

повинностями такого рода, которыя исключаютъ всякую мысль о неблагонамѣренности; положительныя—это дружба съ Кшепшицюльскимъ, съ Прудентовымъ, съ самимъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ. Высокое благо этой дружбы не дается, однако, даромъ; оно требуетъ сотрудничества въ составленіи „устава о благопристойномъ обывателей въ своей жизни поведеніи“, а, можетъ-быть, и чего-то другого, еще болѣе труднаго и щекотливаго. Здѣсь начинается, въ жизни обоихъ „искателей“, цѣлый рядъ „волшебствъ“—тѣхъ волшебствъ, къ которымъ насъ давно пріучила щедринская сатира. Мы идемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, по рубежу дѣйствительности и фантазіи, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону, удаляясь то больше, то меньше отъ реальнаго міра, но постоянно чувствуя его близость, постоянно ощущая фактическую подкладку самыхъ капризныхъ, повидимому, вымысловъ. Сатирическій элементъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ г. Салтыкова, переплетается здѣсь съ легкимъ, игривымъ юморомъ, съ добродушною шуткой. Очищенный, эта ходячая такса личныхъ оскорбленій, Балалайкинъ, попрежнему (см. *Въ средѣ умѣренности и аккуратности*) оправдывающій свое родство съ Репетиловымъ и Хлестаковымъ, Фаинушка, составляющая пару для Домнушки (Ератида то жъ) *Писемъ къ тетенькѣ*—всѣ они относятся къ той категоріи щедринскихъ фигуръ, которыя могутъ быть названы фельетонными, не въ осужденіе, конечно, а въ отличіе отъ другихъ, несравненно болѣе крупныхъ. Одною, по меньшей мѣрѣ, ногой въ этой категоріи стоятъ и Парамоновъ, вся біографія котораго исчерпывается спискомъ платежей за „житіе“ и за „посмотримъ“, на „предметы вопче“ и на „потреотизмъ“, и Ередея, странствующій полководецъ, нарисованный авторомъ съ удивительнымъ комизмомъ, но не безъ примѣси штриховъ чисто-водевильнаго свойства. Въ коллекцію типовъ, составляющихъ главную силу щедринской сатиры, *Современная идиллія* не вноситъ ни одного новаго вклада; картинами быта, возвышающимися до историческаго значенія, она зато весьма богата. Преувеличенія формы, свойственныя этимъ картинамъ, не заслоняютъ содержанія ихъ, не портятъ впечатлѣнія; русскимъ читателямъ вообще, а читателямъ г. Салтыкова въ особенности, риторика настолько извѣстна, что ихъ не собьютъ съ толку никакія гиперболы. Отсутствіе, на самомъ дѣлѣ, такихъ уставовъ, какъ составляемый Пру-

дентовымъ и редактируемый искателями благонадежности, такихъ уѣздныхъ городовъ, какъ Корчева, описанная въ идилліи (гл. XVI-XVIII), такихъ процессовъ, какъ судъ надъ пескаремъ,—ничуть не уменьшаетъ цѣнность страницъ, посвященныхъ авторомъ всѣмъ этимъ полуфантастическимъ темамъ. Въ небываломъ уставѣ найдется изрядное число параграфовъ, совпадающихъ съ неписанымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствующимъ, по временамъ, закономъ; въ преніяхъ, возбуждаемыхъ уставомъ, доля вымысла не разъ становится едва замѣтною.

„Да вы какъ къ предмету-то приступили? Историческій-то обзоръ, напримѣръ, сдѣлали?“—полюбопытствовалъ Глумовъ.—Какой-такой историческій обзоръ?—„Какъ же! нельзя безъ этого. Сперва надобно историческій обзоръ, какія въ древности насчетъ благопристойнаго поведенія правила были, потомъ обзоръ современныхъ иностранныхъ по сему предмету законодательствъ, потомъ—сводъ мнѣній будочниковъ и подчасковъ, потомъ—объяснительная записка, а, наконецъ, ужъ и правила или уставъ. Нынче ужъ эта мода прошла: присѣлъ да и написалъ. Нѣтъ, нынче на всякую штуку оправдательный документъ представь!“

Очень хорошо это замѣчаніе Глумова—но еще лучше возраженія Прудентова. Справку съ иностранными законодательствами онъ признаетъ излишнею:

„Хорошо какъ онѣ удобныя, а коли сжели начальство стѣсненіе въ нихъ встрѣтитъ?.. Да и вообще скажу: врядъ ли иностранная благопристойность для насъ обязательнымъ примѣромъ служить можетъ. Россія, по обширности своей, и сама другимъ урокъ преподать можетъ. И преподаетъ-съ... Иностранецъ, онъ—наглый! онъ забрался къ себѣ въ квартиру и думаетъ—въ неприступную крѣпость засѣлъ. А почему, позвольте спросить? А потому, сударь, что начальство у нихъ противъ нашего много къ службѣ равнодушнѣе: само ни во что не входитъ и имъ повадку даетъ!“ Историческій обзоръ также не нуженъ, потому что „отечественные историческіе образцы содержатъ въ себѣ лишь указанія краткія и недостаточныя“, а отъ греческой и римской благопристойности ключъ потерянъ, и подлинно ли была тамъ благопристойность или только безначаліе—неизвѣстно. Не нужно, наконецъ, ни народной мудрости, ни устныхъ преданій, пословицъ, поговорокъ. „Устное-то преданіе у насъ и доселѣ одно: сколько влѣзетъ!—Такъ, вѣдь, это преданіе и безъ того, куда слѣдуетъ, въ качествѣ матеріала, занесено... Народъ говоритъ: по Сенькѣ—шапка, а по обстоятельствамъ дѣла, выходитъ, что эту поговорку наоборотъ надо понимать: Сенекъ-то много, такъ коли сжели каждый для себя особливой шапки потребуетъ... А у насъ на этотъ счетъ такъ принято: для сокращенія переписки, всѣмъ чтобы одна мѣра была! Вотъ мы и пригоняемъ-съ!“

Корчева, выведенная на сцену въ *Современной идилліи*, безъ сомнѣнія, далеко непохожа на настоящую тверскую Корчеву. Мы убѣждены, что въ послѣдней можно во всякое

время достать и свѣжія французскія булки, и говядину для щей, и курицу; что корчевскіе обыватели думаютъ не объ одномъ только пріобрѣтеніи „пакентовъ“; что корчевскимъ трактирщикамъ нѣтъ повода восклицать: „Спалить бы пашу Корчеву надо!“—но не менѣе достовѣрно и то, что въ картинѣ типичнаго уѣзднаго захолустья многое списано съ натуры. Не говоря уже объ отсутствіи „достопримѣчательностей“—этой повальной болѣзни не однихъ только уѣздныхъ, но и нѣкоторыхъ губернскихъ нашихъ городовъ,—почти во всякой Корчевѣ (понимая это слово въ смыслѣ имени нарицательнаго, а не собственнаго) найдется свой Вздошниковъ, „одною рукой жертвующій, а другою въ карманахъ шарящій“, стоящій на стражѣ своего сундука и общественной тишины, одинаково усердно преслѣдующій „сицилистовъ“ и конкурентовъ. Разновидностей Вздошникова имѣется немало; есть Вздошниковы купеческіе и Вздошниковы дворянскіе, Вздошниковы-бюрократы и Вздошниковы-земцы—но всѣ они болѣе или менѣе подходятъ подъ мудрыя слова корчевскаго дьякона: „Мѣсто наше бѣдное; ежели всѣ захотятъ кормиться, только другъ у дружки безъ пользы куски отымать будутъ. Сыты не сдѣлаются, а по пустому разсорятъ. А ежели одному около всѣхъ кормиться—это можно!“ Не во всякой Корчевѣ путешественники составляютъ рѣдкость, но вездѣ одинаково строго насчетъ паспортовъ; не во всякой Корчевѣ есть столь добрые непремѣнные члены, какъ Пантелей Егорычъ, но вездѣ одинаково возможно появленіе гороховаго спектра. Не менѣе Корчевы типиченъ, въ своемъ родѣ, Кашинъ (опять-таки Кашинъ нарицательный, а не настоящій), какъ развѣнчанный помѣщичій центръ и мѣстопребываніе подлежащаго „благосклонному закрытію“ кашинско-бѣлозерско-устюженскаго окружнаго суда. Процессъ о пескарѣ, происходящій въ этомъ судѣ, имѣетъ двѣ стороны: мѣстную, болѣе смѣхотворную, чѣмъ серіозную, хотя отъ халатности Ивановъ Иванычей, рисовки Громобоевъ и безправности Перьевыхъ реальнымъ тяжущимся и подсудимымъ бываетъ иногда не столько смѣшно, сколько жутко,—и общую, комическую только для самаго поверхностнаго взгляда. Разъясненіе этой послѣдней стороны процесса приходится предоставить будущимъ комментаторамъ щедринской сатиры или тѣмъ самымъ номерамъ „Русской Старины“, въ которыхъ имѣютъ быть раскрыты

несовершенства нашихъ почтовыхъ порядковъ (см. *Письма къ тетенькѣ*).

Безъ гиперболъ не обошлось, быть-можетъ, и описаніе вынужденнаго возвращенія путешественниковъ изъ Проплеванной въ Корчеву; но дѣйствительность просвѣчиваетъ здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ корчевскихъ и кашинскихъ эпизодахъ. Преимущество „благосклонной легальности передъ благожелательнымъ произволомъ", девизъ Тверской губерніи: „Жмите изъ насъ масло, но по закону", либерализмъ тверскихъ урядниковъ, гуманность тверского населенія, не отступающая, однако, передъ напоминаніемъ о кандалахъ,—все это возбуждаетъ въ читателяхъ не столько ощущеніе кошмара, исчезающаго съ пробужденіемъ, сколько смутныя воспоминанія о чемъ-то, и въ правду случившемся, смутныя опасенія чего-то вѣроятнаго или, по меньшей мѣрѣ, возможнаго. Кто чувствуетъ за собою хоть небольшую часть тѣхъ прегрѣшеній, въ которыхъ каялись герои *Современной идилліи*, тотъ едва ли сохранитъ спокойствіе духа, созерцая „ликвидацію интеллигенціи въ пользу здороваго народнаго смысла"; его не утѣшитъ и то, что „либеральное начальство явилось защитникомъ (путниковъ) противъ народной Немезиды, имъ же, впрочемъ, по недоумѣнію возбужденной". Припомнимъ, что вся вина „интеллигенціи" заключалась, на этотъ разъ, въ посѣщеніи, безъ ясно доказанной надобности, корчевскаго уѣзда и въ несвойственномъ „правящему классу" способѣ прибытія въ Проплеванную—пѣшкомъ, вмѣсто „торжественнаго въѣзда на двухъ-трехъ тройкахъ, съ малиновымъ звономъ". Отъ подобной вины, а, слѣдовательно, и отъ ея послѣдствій, рѣшительно никто не застрахованъ, ни въ Тверской губерніи, ни въ иной—и за первымъ актомъ „комедіи ошибокъ", разыгранымъ въ деревнѣ, далеко не всегда слѣдуетъ въ городѣ такой благополучный и короткій финалъ, какимъ завершается она въ Корчевѣ для идиллическихъ искателей благонадежности. Актовъ въ комедіи часто насчитывается и три и пять; случается и то, что въ концѣ-концовъ ея никакъ не отличишь отъ драмы.

Вокругъ главной темы *Современной идилліи*—рѣшимости „погодить", усложняемой стремленіемъ къ политической реабилитаціи—группируются разсказы, отступленія, бесѣды, иногда только забавныя, иногда слишкомъ долго останавливающіяся на сюжетахъ, раньше исчерпанныхъ самимъ авто-

ромъ, но часто блещущія умомъ и полныя глубокаго интереса. Очень милъ, напримѣръ, статистическій очеркъ села Благовѣщенскаго, жители котораго—

„тѣлосложенія крестьянскаго, безъ надежды на утучнѣніе, хотя къ питанію и склонны. Женщинъ въ этомъ селѣ никто не считалъ, и количество ихъ опредѣляется словомъ: достаточно. Политическая благонадежность обывателей безусловно хороша, чему много способствуетъ неимѣніе въ селѣ школы. О формахъ правленія не слышно, о революціяхъ извѣстно только одно: что когда вводили уставную грамоту, то пятаго человѣка наказывали на тѣлѣ. Основы защищать—готовы".

Во „Властителѣ думъ"—фельетонѣ, читаемомъ на литературномъ вечерѣ въ Проплеванной—слышится тотъ могучій лиризмъ, которымъ запечатлѣны лучшія страницы *Круглаго года*, *Больного мѣста*, *Господъ Головлевыхъ*.

„Негодяй—властитель думъ современности. Породила его современная нравственная и умственная муть, воспитало, укрѣпило и окрылило—современное шкурное малодушіе... Ограниченность мысли породила въ немъ наглость; наглость, въ свою очередь, застраховала его отъ возможности какихъ-либо потрясеній". Въ спорахъ онъ говоритъ такъ авторитетно и ясно, что все передъ нимъ умолкаетъ. „Случалось ли вамъ, читатель, присутствовать при подобныхъ спорахъ? Сначала вы слышите общій говоръ и шумъ, потомъ начинаете въ этомъ шумѣ различать какую-то крикливую, рѣзкую ноту; постепенно эта нота звучитъ громче и громче и, наконецъ, раздается одна. Спорящіе стихли, комната наполняется шопотомъ, среди котораго, отъ времени до времени, раздается тихій, словно намученный смѣхъ... Ахъ, этотъ смѣхъ! Что въ немъ слышится? робкое ли поощреніе, робкій ли протестъ или, просто-на-просто, безсиліе?—Что до меня, то мнѣ въ этомъ смѣхѣ чудится вопль. Нѣтъ подъ ногами почвы! некуда прислониться! нечѣмъ защититься! Передъ глазами кишитъ толпа, въ которой каждый чувствуетъ себя одинокимъ, заподозрѣннымъ, безсильнымъ, неприкрытымъ, каждый видитъ себя предоставленнымъ исключительно самому себѣ"...

Не бросаютъ ли послѣднія слова нѣкоторый свѣтъ на положеніе той „мякоти", которую Глумовъ совѣтуетъ автору „Властителя душъ" сдѣлать мишенью слѣдующаго своего фельетона? Толпа и мякоть—это почти синонимы; одиночество и взаимная отчужденность—лучшее объясненіе тому, что мякоть, при встрѣчѣ съ негодяемъ, ограничиваетъ свой протестъ бѣгствомъ въ подворотню.

Спускаясь со ступеньки на ступеньку, искатели благонадежности—попавшіе, было, подъ судъ, но блистательно оправданные—оказываются, наконецъ, редакторами кубышкинскаго литературно-политическаго органа, т.-е. газеты, основанной фабрикантомъ ситцевъ и миткалей Кубышкинымъ для проведенія собственныхъ своихъ идей. Здѣсь они подвер-

гаются внезапно дѣйствію стыда, до тѣхъ поръ являвшагося Глумову только во снѣ, да и то въ крайне неопредѣленномъ видѣ. Они чувствуютъ тоску, тѣмъ болѣе мучительную, что „каждый уколъ ея воспринимается не только въ той силѣ, которая ей присуща, но и въ той, удвоенной, удесятеренной, которую ей придаетъ доведенный до болѣзненной чуткости организмъ. Это не казнь, а тѣ предшествующія ей четверть часа, въ продолженіе которыхъ читается приговоръ, а осужденный окостенѣлыми глазами смотритъ на ожидающую его плаху. Однимъ словомъ, это—тоска проснувшагося стыда". Если бы „Современная идиллія" окончилась этою нотой, послѣднее впечатлѣніе ея было бы ободряющимъ, освѣжающимъ; сквозь глубокую тьму блеснулъ бы лучъ свѣта, подобный тому, который освѣтилъ собою заключительное „письмо къ тетенькѣ". На этотъ разъ, однако, ничто не располагало автора къ ожиданію „добра и славы", не заставляло его „глядѣть впередъ безъ боязни"; самое бо́льшее, что было для него возможно—это колебаніе между отчаяніемъ и надеждой. „Говорятъ, что стыдъ очищаетъ людей,—и я охотно этому вѣрю. Но когда мнѣ говорятъ, что дѣйствіе стыда захватываетъ далеко, что стыдъ воспитываетъ и побѣждаетъ—я оглядываюсь кругомъ, припоминаю тѣ изолированные призывы стыда, которые, отъ времени до времени, прорывались среди массъ безстыжества, а затѣмъ, все-таки, канули въ вѣчность... и уклоняюсь отъ отвѣта".

К. Арсеньевъ.

Критики Щедрина [1]).

1.

Сатиры Щедрина были постояннымъ предметомъ столькихъ пререканій, доказавшихъ силу и значеніе ихъ въ нашей жизни, съ одной стороны, и многоразличныя отношенія къ нимъ читателей—съ другой. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе различныя, болѣе отличающіяся другъ отъ друга, мнѣнія, чѣмъ тѣ, которыя были высказаны о талантѣ Щедрина вообще, и о значеніи его сатиръ, въ частности. На нашъ взглядъ, едва ли многое высказано было безпристрастно и безпретенціозно, не подъ вліяніемъ или чисто-политическихъ и общественныхъ страстей или же разслабляющихъ „сентенцій“ политическихъ, экономическихъ и юридическихъ.

Рядомъ съ сатирой Щедрина: *Современная идиллія*, передъ нами критическая статья о Щедринѣ г. М. Протопопова—*Характеристики современныхъ дѣятелей. М. Е. Салтыковъ.* Какъ та, такъ и другая—характеристичны: первая характеризуетъ Щедрина, вторая—критическія статьи о немъ. Здѣсь мы имѣемъ случай провѣрить только одно: именно—изумительно живучее въ нашей литературѣ господство сентенцій и тенденцій, мѣшающее не только правильному пониманію писателя (что было бы еще не Богъ знаетъ какое горе), но и правильному разумѣнію тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ дается успѣхъ и побѣда въ умственной борьбѣ (что́ уже, дѣйствительно, и большое горе).

Окончаніе *Современной идилліи* ясно указываетъ большинство свойствъ, внутреннихъ и внѣшнихъ,—знаменитаго сатирика. Первое, что́ поражаетъ читателя, это—постоянное и очевидное, едва-едва прикрытое насмѣшкой, горячее не-

---

[1]) Эта статья принадлежитъ А. П. Введенскому. (См. выпускъ III-й, стран. 284.)

гованіе автора противъ дикихъ свойствъ жизни, осмѣиваемой имъ. Горячее и полное горечи чувство даетъ себя знать ежеминутно. Приходится и слышать и читать нерѣдко о слишкомъ, будто бы, поверхностной насмѣшкѣ сатиръ Щедрина, не вызывающей въ читателѣ сильнаго впечатлѣнія и чувства. Быть-можетъ, это и такъ. Но намъ кажется, при малѣйшемъ вниманіи, при самомъ незначительномъ вникаціи въ смыслъ картинъ, рисуемыхъ авторомъ, трудно смѣяться: смѣхъ замираетъ на устахъ, и ужъ не знаю, чѣмъ нужно быть, чтобы не чувствовать горькаго чувства въ изображеніи этихъ вѣчныхъ русскихъ героевъ, которые „мертвыми длaнями стучатъ въ мертвыя перси“. Этому всеобъемлющему чувству скорби, гораздо болѣе ясному, чѣмъ сквозь видимый смѣхъ незримыя міру слезы,—г. Щедринъ, быть-можетъ, болѣе всего и обязанъ своимъ вліяніемъ.

Второе свойство сатиръ Щедрина—постоянно присущая имъ художественность образовъ, ихъ цѣлостность, рельефность. Обыкновенно, эти образы не блистаютъ тонкостью отдѣлки; напротивъ, большею частью они грубо вырублены изъ цѣлаго камня. Но въ грубой фигурѣ немедленно сказывается великій мастеръ, не имѣвшій цѣли оттачивать мелкія черты и искуснымъ рѣзцомъ нѣсколькими ударами придавшій жизнь и оригинальный смыслъ высѣченному образу. Это свойство художника дѣлаетъ его привлекательнымъ даже для казнимыхъ его сатирою, для оригиналовъ его сатирическихъ образовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ типичны, хотя только намѣчены въ своихъ основныхъ чертахъ, лица, выведенныя въ *Современной идилліи*, напримѣръ: князь Рукосуй-Пошехонскій, его дочь, еврей Ошмянскій и проч. Этотъ князь, „патріархъ-помѣщикъ“, обиженный „волею“, радостью, съ которою ее встрѣтили крестьяне, облагодѣтельствованные имъ, по его собственному мнѣнію, обиженный, разсердившійся и забросившій тѣхъ же крестьянъ на еврея и „стракулистовъ“,—какое живое и характерное лицо! А дочь его, эта жертва деспотизма отца и дочерней любви и долга, все вмѣстѣ,—какая, въ сущности, печальная, не лишенная драматизма, фигура съ ея комическою, на минуту овладѣвшею ею и немедленно брошенною мечтою по поводу черныхъ кудрей какого-то землемѣра! А этотъ еврей, понявшій необходимость, „по нонѣшнимъ временамъ“, освободиться отъ еврейскаго облика и узнавшій „науку“ желѣзно-

дорожнаго строительства отъ инженера, бившаго его все палкой по головѣ, и не мечтающій о возстановленіи іерусалимскаго царства! Съ какою силой, и всего-то въ десяти строкахъ, очерчена фигура отца этого еврея, лудильщика по ремеслу: „Онъ не измѣнялъ завѣту предковъ,—говоритъ авторъ,—не снималъ съ головы ермолки, ни длиннополаго ламбсердака съ плечъ, не обрѣзывалъ пейсовъ, и по цѣлымъ вечерамъ, обливаясь слезами, пѣлъ псалмы, возвѣщавшіе и славу Іерусалима и его паденіе. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ восторженныхъ евреевъ, которые, среди зловонія и нечистотъ уѣзднаго городка, умѣютъ устроить для себя мучительно-возвышенный миражъ, который въ одно и то же время и изнуряетъ и даетъ силу жить“. Не заключена ли въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая томительная жизнь, цѣлая психологическая исторія, не обрисованъ ли этими словами цѣлый типъ, цѣликомъ и живьемъ поставленный передъ читателемъ? Этихъ примѣровъ, думается, достаточно для полнаго выясненія и доказательства нашей мысли.

Едва ли можно много говорить о „фантастическомъ элементѣ“ сатиры г. Щедрина. Этотъ фантастическій элементъ въ ней никогда не достигаетъ ни послѣдовательности, ни хоть какой-нибудь цѣлостности: весь онъ, въ сущности, тонетъ въ дѣйствительности, которая такъ отовсюду и смотритъ, унося изъ глазъ читателя всю фантастичность. Другими словами, вся фантастичность въ сатирѣ ограничивается, мало сказать—внѣшностью, а лишь небольшимъ уголкомъ внѣшности. Это не болѣе какъ арабески къ большой и сильной картинѣ, отвлекающей отъ нихъ все вниманіе. Такимъ образомъ, ясно, что, помимо содержанія своей сатиры, помимо той изумительной чуткости къ жизненнымъ теченіямъ (что, кстати сказать, опять свойство художнической натуры), которая такъ отличаетъ его, г. Щедринъ обязанъ и своимъ значеніемъ и своимъ вліяніемъ, главнѣйшимъ образомъ, тому, что онъ—художникъ; оттуда и могучее чувство и эта чисто-художническая выпуклость фигуръ, дѣлающая впечатлѣніе отъ нихъ сильнымъ и стойкимъ, прочнымъ.

2.

Г. Протопоповъ, въ своей статьѣ, ставитъ дѣло иначе. Признавая за Щедринымъ художественный талантъ, г. Про-

топоповъ не придаетъ ему, въ сущности, большого значенія, потому что онъ, вообще, не находитъ ничего путнаго въ художественности. Приведу одно очень характерное мѣсто:

„Возьмемъ, для примѣра, *Записки Охотника* г. Тургенева,—говоритъ г. Протопоповъ:—общественное значеніе этого произведенія заключалось исключительно въ протестѣ противъ крѣпостного права. Но этотъ протестъ не составлялъ *всего* содержанія „Записокъ“. Общимъ голосомъ, съ которымъ на этотъ разъ нельзя не согласиться, „Бѣжинъ лугъ“, „Пѣвцы“ признавались и признаются лучшими очерками изъ всѣхъ „Записокъ“. Дѣйствительно, въ художественномъ отношеніи эти очерки—настоящія жемчужины. Но, какъ помнитъ (?) читатель, именно эти-то два очерка и лишены (?) той идеи, благодаря которой „Записки“ сыграли извѣстную роль въ исторіи нашего развитія“...

И г. Протопоповъ находитъ, что „совпаденіе высокой художественности съ полнымъ отсутствіемъ тенденціи не случайно“, что „тенденція, видите ли, мѣшаетъ поэтическому полету“, почему Тургеневъ и „почувствовалъ себя дома только тогда, когда спустился къ ребятамъ въ оврагъ и забылъ среди нихъ суровыя невзгоды и несовершенство жизни“. Боже! и г. Протопоповъ еще хочетъ, чтобы „читатель помнилъ“ что-нибудь подобное. Я, да, какъ думаю, и всѣ—помнимъ нѣчто совершенно иное, именно, что „Бѣжинъ лугъ“ и „Пѣвцы“—самые художественные, но, въ то же время, и самые „тенденціозные“, т.-е., собственно, идейные разсказы изъ „Записокъ“, и что они тѣмъ болѣе и выдѣляютъ идей, чѣмъ они художественнѣе.

Дѣло въ томъ, что весь протестъ „Записокъ“ противъ крѣпостного права въ томъ, именно, и состоялъ, что въ странѣ, гдѣ, по выраженію Бѣлинскаго, люди сами себя называютъ Ваньками, Палашками; гдѣ „господа“ этихъ людей и за людей не считали,—въ этой странѣ является писатель, показавшій обществу, что эти Ваньки и Палашки совершенно такіе же люди, какъ и „господа“, а, быть-можетъ, и того лучше. Эта „идея“ естественно выражалась всего рѣзче тамъ, гдѣ описывались не любовныя шашни („Ермолай и Мельничиха“) и не скопидомническіе инстинкты („Хорь“), а, именно, наиболѣе человѣческія черты и свойства народа. А „Пѣвцы“ и „Бѣжинъ лугъ“ въ этомъ смыслѣ и стоятъ на первомъ планѣ. Въ первыхъ обрисована такая

чуткость душевная въ народѣ къ искусству, такое эстетическое чувство (которое иными „господами“ и понынѣ считается барскою привилегіей); а во-вторыхъ, съ такою силой отражена свѣжая душевная чистота еще неизмятыхъ жизнью и мытарствами деревенскихъ ребятъ, что, по прочтеніи ихъ, развѣ ужъ самый наивный „баринъ“ не устыдился бы своего „барскаго“ мнѣнія о народѣ. А разъ это „барское“ мнѣніе оказывалось абсурдомъ, крѣпостное право принимало смыслъ уже совершеннно нехорошаго насилія надъ личностью человѣка. И чѣмъ художественнѣе отразилъ Тургеневъ своихъ пѣвцовъ и ребятъ, тѣмъ мысль эта ощутительнѣе. Представьте же себѣ, какой промахъ дѣлаетъ г. Протопоповъ, и куда, вообще, ведетъ это преслову-тое, и нынѣ уже совсѣмъ излишнее и пустое, такъ-называемое отрицаніе искусства и презрѣніе къ „художественности“.

Естественно ожидать, что вся характеристика писателя, основанная на столь шаткомъ принципѣ, какъ поклоненіе „тенденціи“, окажется вздорною. Такою она дѣйствительно и оказалась. Ну, ужъ если г. Протопоповъ не придаетъ значенія художественности въ Щедринѣ, то, значитъ, онъ обожаетъ его за идеи и тенденціи. Оказывается опять не то: „у Салтыкова было бы напрасно искать какихъ-нибудь новыхъ идей“, говоритъ г. Протопоповъ. Такъ что же такое есть въ Салтыковѣ? Оказывается, что онъ „смѣло беретъ быка за рога“, т.-е. усиленно подчеркиваетъ, не въ примѣръ Тургеневу; а ниже признается за авторомъ остроуміе. Все это напомнило мнѣ московскую характеристику Щедрина, что-де у него нѣтъ ни художественности, ни идей, а исключительно талантъ хлесткихъ словъ, талантъ невысокаго сорта. И какъ ни старается г. Протопоповъ остаться на почвѣ признанія за Щедринымъ огромнаго таланта и общественнаго значенія, „характеристика“ его оказывается весьма недалеко отъ московской. И этотъ результатъ, злостный въ московской характеристикѣ, здѣсь, у г. Протопопова, является опять отъ того же самаго „отрицанія искусства“, т.-е. отъ полнаго непониманія его смысла и значенія. Какъ это такъ можно сказать, что у Щедрина „было бы напрасно искать новыхъ идей“! Послѣ этого какія же новыя идеи были у Гоголя? Да, наконецъ, хоть у самого Шекспира? Между тѣмъ, у Щедрина, какъ у Гоголя и Шекс-

шира, есть все, что́ нужно для идей, и идей „новыхъ“. Дѣло художника состоитъ въ томъ, чтобы или изобразить, отразить въ своемъ произведеніи идеалъ, т.-е. дать форму, воплощеніе идеѣ, или же указать въ жизни противорѣчія идеалу. Другими словами, пожалуй, нѣсколько шире,—объяснить жизнь, опредѣлить ея смыслъ, изобразивши ее типическими чертами. Такова задача художника. Тургеневъ въ этомъ смыслѣ—необычайно идейный писатель: онъ распространилъ идею „человѣка“ на цѣлый заброшенный классъ людей; онъ указалъ на него, сказавши: „Вотъ люди!“ Но то же самое дѣлаетъ и Щедринъ. Развѣ не объяснилъ онъ, напримѣръ, ташкентцевъ приготовительнаго класса, какъ бы сказавши намъ: „Смотрите, какъ искалѣчены въ нихъ человѣческія черты. Берегитесь ихъ и отведите имъ въ обществѣ надлежащее мѣсто“. Такъ дѣлаетъ всякій художникъ, всякій писатель. Въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ открытія чего-то небывалаго, въ смыслѣ изобрѣтенія какихъ-то новыхъ общихъ идей, дѣятельность писателя едва ли можетъ быть понимаема. Ужъ, право, трудно было бы и представить, сколько различныхъ „идей“ должно бы быть изобрѣтено всякимъ писателемъ...

Но г. Протопоповъ, впрочемъ, собственно, не объ „идеяхъ“ говоритъ, а о „тенденціяхъ“, и у г. Щедрина не находитъ новыхъ тенденцій; въ этомъ и состоитъ вся суть той путаницы, которая выходитъ у г. Протопопова. Но Щедринъ и совсѣмъ не тенденціозный писатель, въ смыслѣ пріисканія фактовъ для оправданія извѣстной мысли (какъ извѣстно, такимъ образомъ можно все доказать и все опровергнуть); онъ, просто, поражается противорѣчіями жизни идеалу, лежащему въ душѣ его, и тенденція, если она есть, является не по волѣ и желанію автора, а по смыслу и значенію самой жизни, которая и говоритъ сама за себя; художникъ же съ горькимъ смѣхомъ воспроизводитъ ее читателю. Въ статьѣ г. Протопопова мы указываемъ если не необходимые, то почти постоянные результаты той уже отжившей, въ сущности, литературной теоріи, которая почему-то силится отрицать „художественность“. Между тѣмъ, независимо отъ присутствія или отсутствія тенденціи, художественность есть необходимое свойство литературнаго произведенія, она—синонимъ искренности и истинности образовъ, и иногда, какъ у Льва Толстого, даетъ не только возможность провѣ-

рять теоретическія мнѣнія автора, но и прямо доказательство (въ образахъ) ихъ односторонности и невѣрности.

3.

Мы выше сказали, что господство сентенцій и тенденцій мѣшаютъ правильному уразумѣнію средствъ, могущественныхъ въ умственной борьбѣ. Именно такое средство и есть художественность. Какъ бы ни были прекрасны тенденціи и намѣренія автора, если они не сопровождаются „искусствомъ", „художественностью", произведеніе литературы будетъ мертво, безжизненно и невліятельно: художественность, если хотите—поэтичность, есть ручательство за успѣхъ идеи и тенденціи, если онѣ не выдуманы авторомъ, а согласны съ истиною жизни. Художественность не есть непремѣнное отрицаніе тенденціозности, но она, дѣйствительно, противится господству тенденцій ложныхъ, не подтверждаемыхъ фактами жизни; но этому можно только радоваться, этого нужно желать, и художественность тутъ еще разъ даетъ доказательство своего значенія. И если г. Протопоповъ говоритъ, что г. Салтыковъ „не рабъ, а господинъ своего художественнаго таланта, которымъ онъ и пользуется, какъ простымъ орудіемъ для поученія и наставленія нашего, что онъ не красоты ищетъ, чтобы „богомольно благоговѣть" передъ ея святыней, а разсказываетъ безобразія, которыя и клеймитъ достойнымъ образомъ",—если г. Протопоповъ и говоритъ все это, то обнаруживаетъ лишь очень древнее пониманіе искусства, которое, по справедливости, и заслуживаетъ отрицанія. Но кто же нынѣ знаетъ искусство только какъ благоговѣйное раскисаніе передъ „красотою"? Нынѣ искусство понимается, какъ пытливое орудіе человѣческаго духа, помогающее самосознанію человѣчества, и если можно говорить о служеніи красотѣ въ искусствѣ, то болѣе всего въ смыслѣ разоблаченія и анализа явленій жизни, противорѣчащихъ идеаламъ ея и принципамъ нравственной красоты. Салтыковъ, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, не меньше всякаго иного поэта „благоговѣетъ передъ святыней красоты", потому что всякое безобразіе, всякая не-красота вызываетъ въ немъ горькое чувство и бичующее слово.

Неотрицаніе художественности у насъ нерѣдко принимается за какую-то излишнюю претензію на писателя. Но

если „художественность“ необязательна для писателя, ничто не противится признанію ея цѣнности. Въ этнографическомъ очеркѣ художественность, поэтичность не необходимое свойство: тамъ авторъ можетъ просто и безъ претензій передавать свои наблюденія и выводы изъ встрѣтившихся фактовъ. Но разъ авторъ хочетъ дать то, что́ называется „художественнымъ“ произведеніемъ, на его совѣсти и обязанности лежитъ забота и работа въ направленіи художественности. Онъ долженъ передавать только что, что́ сложилось въ душѣ его въ ясные цѣльные образы, что́ достаточно выношено, и беречься „сочинять“, выдумывать и закрывать отсутствіе искренняго чувства и горячаго воображенія за красными словами и нехорошо осмысленными эффектными картинами.

Нужно, впрочемъ, сказать, что художникъ по натурѣ будетъ имъ въ своихъ произведеніяхъ, несмотря на всѣ отрицанія художественности.

(1883).

Характеристики современныхъ дѣятелей.

М. Е. Салтыковъ [1]).

1.

Салтыковъ многое ненавидитъ, многое клеймитъ и бичуетъ. Но что же онъ любитъ? Въ чемъ заключается его положительный идеалъ? Мораль Салтыкова—простая человѣчность, и этого, конечно, достаточно, чтобы характеризовать общее направленіе его литературной дѣятельности; но совершенно недостаточно, чтобы очертить его идеалъ, тѣ общественныя цѣли, формы, стремленія, на сторонѣ которыхъ онъ стоитъ и за которыя борется. Гуманность, человѣчность, любовь къ людямъ—все это такіе общіе девизы, которые написаны на знаменахъ рѣшительно всѣхъ *честныхъ* общественныхъ дѣятелей, безъ всякаго различія ихъ частныхъ, спеціальныхъ задачъ. Вѣдь, и Торквемада любилъ людей, и съ полнымъ правомъ, т.-е. съ искреннимъ убѣжденіемъ, могъ говорить:

...въ міръ явился я, чтобы его спасти,
И на своемъ торжественномъ пути
Костры священные раздую.
Я съ сатаной и тартаромъ враждую,
Цѣною тѣла души искуплю
И цѣлый свѣтъ спасенный обновлю.
Хвала Творцу! Весь міръ возвеселится,
Отъ пламени костровъ земля вся задымится!
Какъ я люблю тебя, прекрасный родъ людской!

Безчеловѣчіе во имя человѣчности—это кажется безсмыслицей, но въ сферѣ нравственныхъ побужденій и чувствъ

---

[1]) „Дѣло“, 1883 г., № 6. (См. III-й выпускъ, стран. 67.)

люди способны еще и не на такія противорѣчія. Правда, любовь Салтыкова къ людямъ не имѣетъ въ себѣ ничего вычурнаго, не имѣетъ даже никакой идейной подкладки: это, просто, сострадательное чувство добраго и мягкаго сердца, которое болитъ о всякомъ страданіи и о какомъ бы то ни было человѣкѣ. Жалко того мужика, которому чиститъ зубы урядникъ, но жалко и того урядника, котораго прогнали съ мѣста и которому некуда дѣваться съ кучей ребятъ. Жалко Іудушкина сына, доведеннаго своимъ отцомъ до самоубійства, но жалко и Іудушку, одинокаго, никѣмъ нелюбимаго, никому ненужнаго, заброшеннаго на старости лѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Салтыковъ эпизодически говоритъ о „неслыханныхъ публицистахъ, чудовищной помѣси Мессалины и Марата, сумѣвшихъ соединить въ своемъ ремеслѣ распутство первой и *человѣконенавистничество послѣдняго*“. Это характерно для Салтыкова. Очевидное дѣло, ему претитъ всякій фанатизмъ, та слѣпая любовь къ идеѣ, подчиняясь которой, человѣкъ безтрепетно и безжалостно топчетъ, если это оказывается нужнымъ, и чужое счастіе и чужую жизнь. Для Салтыкова человѣческая личность, въ особенности страдающая личность, важнѣе и священнѣе, нежели какой бы то ни было принципъ. „Судьба жертвъ искупительныхъ проститъ“,—Салтыкову нѣтъ дѣла до этого. Онъ всегда на сторонѣ жертвы. Онъ никогда не скажетъ: „Пусть погибаетъ міръ, но да восторжествуетъ справедливость“, т.-е. та или другая, хотя бы сто тысячъ разъ вѣрная идея, не скажетъ потому, что идея безтѣлесна, она не льетъ ни слезъ ни крови, не можетъ страдать, какъ страдаетъ живая человѣческая личность, а Салтыкова только такія реальныя страданія и трогаютъ.

На этой-то общей почвѣ мягкаго и сострадательнаго отношенія къ людямъ—ко всѣмъ людямъ безъ исключенія—именно, и основываются всѣ общественные идеалы Салтыкова. Въ каждомъ обществѣ и въ каждомъ періодѣ имѣются, разумѣется, свои спеціальныя затрудненія, свои тормозы общаго развитія, точно такъ же, какъ и свои прогрессивные элементы. Какъ бы ни былъ человѣкъ любящъ, мягокъ, благодушенъ—ему, волей-неволей, придется причинять боль людямъ, наносить имъ удары—если только онъ хочетъ быть настоящимъ дѣятелемъ, а не празднымъ, хотя бы даже и участливымъ зрителемъ. Въ силу всего этого, Салтыковъ, принадлежа,

по своему направленію, къ одной опредѣленной партіи, въ то же время свои надежды возлагаетъ не на усилія и успѣхи этой партіи, а на все русское общество, въ которое онъ вѣритъ, просто, потому, что вѣритъ въ человѣческое достоинство вообще.

Благо тому, кто сохранилъ эту вѣру, успѣлъ невредимо пронести ее среди тѣхъ неизбѣжныхъ и тяжелыхъ разочарованій, которыя даются опытомъ жизни! Въ Салтыковѣ эта вѣра упорна и живуча, можно сказать, почти до идеализма. Въ самомъ дѣлѣ, лучшая и плодотворнѣйшая полоса литературной дѣятельности Салтыкова относится къ эпохѣ, когда нравственное паденіе человѣческой личности дошло до послѣднихъ, повидимому, предѣловъ. Ожесточенная погоня за рублемъ, всѣхъ родовъ и видовъ репегатство, извращеніе коренныхъ понятій о долгѣ, о счастіи, о чести, карьеризмъ и пролазничество, эгоизмъ самый циническій и полное отсутствіе сколько-нибудь крѣпкихъ вѣрованій и убѣжденій, мѣсто которыхъ заняли аппетиты да вожделѣнія—все это Салтыковъ видѣлъ, какъ видѣли и мы; все это прошло передъ нимъ, волновало и озлобляло и все-таки, все-таки не разочаровало его, не пошатнуло его вѣры въ людей вообще, въ русское общество въ частности.

Возьмемъ знаменитыя *Письма къ тетенькѣ*. Эти „письма“—яркія выраженія не только симпатіи, но и довѣрія, уваженія къ намъ, читателямъ; эти „письма“—разговоръ „по душѣ“, какой ведется между людьми, связанными другъ съ другомъ сердечною связью; эти „письма“—рядъ доброжелательныхъ совѣтовъ, которые предлагаются намъ не для очистки совѣсти, а съ полною надеждой, что мы сумѣемъ, какъ должно, воспользоваться ими. Братаясь, такъ-сказать, съ нами, Салтыковъ не боится загрязниться; изливаясь передъ нами, онъ не опасается профанировать свое чувство, потому что вѣритъ въ насъ, вѣритъ, что вся эта нелѣпица нашей жизни столько же мучительна для насъ, сколько и для него. Съ полною задушевностью, свидѣтельствующею о любви, и съ полною серіозностью, доказывающею уваженіе, онъ говоритъ, напр., тетенькѣ: „Сохраняйте въ цѣлости вкусъ къ благороднымъ мыслямъ и возвышеннымъ чувствамъ, который завѣщанъ намъ лучшими преданіями литературы и жизни. Пускай называютъ людей, хранящихъ эти преданія, „разбойниками печати“—не пугайтесь этой клички. Теплымъ и

глубокимъ чувствомъ проникнуты эти слова [1]). Это уже не сатира, это, именно, совѣтъ друга, который желаетъ вамъ добра. Обращаясь непосредственно къ „тетенькѣ“ и говоря о ней самой, Салтыковъ, выражаясь фигурально, всегда снимаетъ съ себя боевые доспѣхи сатиры и является, именно, родственникомъ, но не почтительнымъ племянникомъ, а скорѣе, старымъ и добродушнымъ дѣдушкой, который, брюзжа и ворча, разсказываетъ намъ притчи и побасенки, въ которыхъ всегда скрыто поученіе и мораль.

„Мнѣ достовѣрно извѣстно, пишетъ Салтыковъ „тетенькѣ“, что хоть однимъ глазкомъ, а все-таки вы посматриваете въ „Помои“. Ахъ, милая! видно, поскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ! Все думается: вотъ сейчасъ сядетъ Ноздревъ на полъ и начнетъ проходящихъ женщинъ за подолы ловить! или: выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлою и распутною физіономіей, и начнетъ разсказывать, какая вчера „игра была. „Ну, не умора ли! и какъ, хоть глазкомъ, на эту умору не посмотрѣть? А Ноздревъ съ Расплюевымъ пользуются этимъ и говорятъ: тетенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдастъ! Сдѣлайте, милая тетенька, усиліе! Не ходите въ рощу на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешептывайтесь съ Мартыномъ Задекою и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые, только по упущенію, отвлеклись отъ прямого своего назначенія—выкрикивать въ Охотномъ ряду патоку съ имбиремъ!“

Не будемъ разсуждать о содержаніи этихъ совѣтовъ, справедливость и важность которыхъ, впрочемъ, совершенно очевидны, а замѣтимъ вотъ что. Необходимъ ли, по отношенію къ намъ, этотъ, если такъ можно выразиться, присюсюкивающій тонъ обращенія? Съ серіозными людьми и о серіозныхъ дѣлахъ и разговоръ ведется серіозно. Необходимо прибавить, что бо́льшая часть „писемъ“ написана, именно, въ такой полушутливой манерѣ: не опровергаетъ ли это нашего мнѣнія объ уваженіи, питаемомъ Салтыковымъ къ русскому обществу, къ „тетенькѣ“? Это сомнѣніе разрѣ-

[1]) Отмѣтимъ, кстати, здѣсь одну второстепенную, но любопытную черту литературной физіономіи Салтыкова. Эта черта—какая-то стыдливость, цѣломудренность лирическаго чувства. Рѣзкіе переходы отъ грусти къ умышленно-легкомысленному смѣху у Салтыкова нерѣдки, и имъ нѣтъ другого объясненія, какъ, именно, сдержанность, скромность, стыдливость чувства. Это—чисто психологическая черта, часто встрѣчающаяся и въ жизни. Сплошь да рядомъ истинное и глубокое чувство маскируется подъ личиной шутки или насмѣшки, или даже самой злобы, точно такъ же, какъ, сплошь да рядомъ, сердечная пустота драпируется въ мантіи пышныхъ фразъ и громкихъ словъ. Кто это понимаетъ и видитъ, того это всегда трогаетъ.

М. П.

шаетъ самъ Салтыковъ, въ заключительныхъ словахъ своей книги, и разрѣшаетъ такъ, что почти не оставляетъ мѣста комментаріямъ. „Быть-можетъ, пишетъ онъ, тонъ настоящаго, послѣдняго моего къ вамъ письма до извѣстной степени изумитъ васъ. Сравнивая его съ первымъ, написаннымъ почти годъ тому назадъ, вы, не безъ основанія, найдете, что тетенькино обличье, съ теченіемъ времени, нѣсколько видоизмѣнилось. Началъ я съ безусловныхъ любезностей, а кончилъ чуть не нравоученіемъ... Да, это такъ: не могу я похвалиться выдержкою. По мѣрѣ того, какъ намѣченная задача развивается передо мной, она настолько проникаетъ меня, что требованія мои къ ней постепенно растутъ и растутъ. Но такъ какъ одновременно съ этимъ растетъ и самая задача, то я полагаю, что худого въ этомъ нѣтъ. Именно, это самое случилось и по вашему поводу. Въ теченіе года, въ моемъ мнѣніи, вы настолько выросли, что первоначальные пріемы родственной любезности представляются мнѣ уже недостаточными. Нужно ли прибавлять, что отъ этого вы не только не подурнѣли на мой взглядъ, но даже похорошѣли". Это объясненіе нуждается только въ одной поправкѣ. За годъ наше общество, разумѣется, не могло вырасти настолько, чтобы завоевать себѣ уваженіе со стороны тѣхъ, кто относился къ нему, какъ къ несовершеннолѣтнему. Можно сказать, даже болѣе. Образъ дѣйствій нашего общества какъ разъ около времени появленія „писемъ" былъ таковъ, что могъ возбудить самыя горькія сомнѣнія насчетъ нашей правоспособности даже въ людяхъ, склонныхъ оптимистически относиться къ вопросу о нашей зрѣлости или незрѣлости. Тѣмъ не менѣе, нетрудно понять Салтыкова. Едва ли не въ первый разъ онъ обратился въ своихъ „письмахъ" непосредственно къ обществу и отнесся къ своей задачѣ не только, какъ сатирикъ, но и какъ публицистъ. Въ его сознаніи выросла важность, именно, этой задачи—не своей личной литературной. Въ дѣятельности истыхъ журнальныхъ работниковъ, къ какимъ принадлежитъ и Салтыковъ, это—явленіе заурядное. Они учатся, поучая, размышляютъ, анализируя, овладѣваютъ предметомъ во время самаго процесса работы и отъ того, сплошь да рядомъ, начавши за здравіе, кончаютъ за упокой. Такъ было и съ Салтыковымъ въ этомъ случаѣ. Онъ началъ шутливыми „любезностями" къ тетенькѣ, а кончилъ въ важномъ и грустномъ, почти

торжественномъ тонѣ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ важности предмета.

Вѣра Салтыкова въ наше общество хотя покоится на самыхъ общихъ нравственныхъ основаніяхъ, тѣмъ не менѣе отнюдь не слѣпая вѣра. Психологическую подкладку этой вѣры нетрудно опредѣлить и резонности ея невозможно не признать. Представьте себѣ даже совершенно обыкновеннаго человѣка (каковъ самъ Салтыковъ, у котораго необыкновенепъ только его великій талантъ), но человѣка искренняго, доброжелательнаго къ людямъ и готоваго на какую-угодно черную работу, лишь бы въ этой работѣ былъ смыслъ, т.-е. общая польза. Судя по себѣ—а вѣдь, каждый судитъ по себѣ,—онъ, естественно, будетъ относиться съ довѣріемъ и къ силамъ и къ намѣреніямъ общества, которое его воспитало и среди котораго онъ живетъ. Какъ же иначе? Вѣдь, онъ же ощущаетъ въ себѣ охоту и полную готовность на работу общую; онъ сознаетъ безкорыстность своихъ стремленій; онъ знаетъ, что неспособенъ мутить воду, чтобы удобнѣе ловить въ ней для себя рыбу. А развѣ онъ исключеніе? Развѣ онъ имѣетъ какой-нибудь поводъ считать себя лучше, умнѣе, нравственнѣе другихъ? Природа не обидѣла, но и не осыпала его дарами, какъ и другихъ; впечатлѣнія его дѣтства, его воспитаніе, его образованіе—все это было, какъ у другихъ; наконецъ, опытъ жизни, та печать, которую онъ налагаетъ на человѣка, всѣ тѣ условія, которыя окончательно формируютъ и закаляютъ насъ—все это точно также не имѣло въ себѣ ничего чрезвычайнаго и исключительнаго, а, напротивъ, все было совершенно обыденно и заурядно. А если ни въ моей судьбѣ, ни въ моей личности нѣтъ ничего исключительнаго, если я въ іерархіи человѣческихъ доблестей и заслугъ занимаю столь же далеко не послѣднее, сколько далеко и не первое мѣсто—то могу ли я не уважить своего родного общества? Я уважаю его потому, что уважаю себя; я вѣрю въ него, потому что вѣрю себѣ; я знаю его силы, потому что знаю свои силы. Презираютъ людей или титаны, далеко на цѣлыя поколѣнія опередившіе своихъ современниковъ (допускаю въ отвлеченіи возможность такихъ титановъ, хотя во всей исторіи человѣчества не могу указать ни на одного такого полубога), или люди, презирающіе самихъ себя и, дѣйствительно, заслуживающіе презрѣнія. Повторяю свой трюизмъ: о другихъ мы

по себѣ судимъ. Не сознавая себя „человѣкомъ“, непремѣнно начнешь кричать, что „нѣтъ людей“; не понимая, какъ можно распоряжаться какою-нибудь общественною кассой и не разворовать ея, я, естественно, буду говорить, что „никому“ довѣриться нельзя. И такъ далѣе.

Безъ сомнѣнія, современному русскому (да и только ли русскому?) человѣку трудно сохранить эту вѣру въ людей, точно такъ же, какъ ему трудно защитить себя отъ деморализаціи, трудно до того, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть ему вмѣненъ въ нѣкоторую заслугу. Но въ концѣ-концовъ вовсе не много сообразительности требуется для того, чтобы понять всю поверхностность и всю временность торжества Ноздрева, Разуваева и т. п. Если Разуваевъ предсѣдательствуетъ въ какомъ-нибудь банкѣ; если Ноздревъ издастъ газету; если повсюду выдвигаются на первый планъ ничѣмъ небрезгающіе и ни передъ чѣмъ неостанавливающіеся люди, для которыхъ общее благо—фраза, исполняющая для нихъ только роль виноградиаго листика, очень естественно, что люди другого, не разуваевскаго закала отходятъ въ сторону. Но развѣ изъ того, что ихъ не видно, слѣдуетъ, что они не существуютъ, что ихъ „нѣтъ“?

Отлично понимая это положеніе вещей, Салтыковъ, главнѣйшимъ образомъ, и бьетъ въ эту, именно, точку. Свои желанія онъ формулируетъ отчетливо. „Надоѣло сознавать себя, говоритъ онъ, пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Да, пожалуй, даже не колесомъ, а вольнымъ шляхомъ, по которому колесница катается-себѣ да катается взадъ и впередъ“.

2.

Относясь съ такою любовью и съ такимъ довѣріемъ къ нашему обществу, Салтыковъ желчно и ѣдко относится къ нашему, такъ-называемому, земству. Въ настоящее время это едва ли кому покажется противорѣчіемъ.

По отношенію къ земству Салтыковъ обнаружилъ почти пророческую проницательность. Въ самый разгаръ нашихъ увлеченій земскимъ самоуправленіемъ, Салтыковъ явился съ очеркомъ *Новый Нарцисъ*, возбуждавшимъ, сколько помнится, почти всеобщее негодованіе. Раздавались упреки въ зубоскальствѣ, въ неуваженіи къ лучшимъ силамъ страны, въ безцѣльномъ и безсодержательномъ пессимизмѣ и пр.

и пр. Салтыковъ не оправдывался, не защищался—и прекрасно сдѣлалъ: его защитило время, оправдала жизнь. Эта жизнь въ сотый, въ тысячный разъ доказала намъ, что къ ней необходимо относиться со скептицизмомъ, если не хочешь обмануться и ввести въ обманъ другихъ. Такимъ образомъ, и вышло, что всѣ, восклицавшіе „нынѣ отпущаеши", оказались неправы, а правъ одинъ „карикатуристъ" Салтыковъ, о чемъ теперь онъ и вспоминаетъ въ *Письмахъ къ тетенькѣ*, написанныхъ, какъ извѣстно, уже въ то время, когда результаты земской дѣятельности окончательно свелись къ нулю [1]).

„Что все это, именно, такъ и случится, въ этомъ я,—замѣчаетъ Салтыковъ,—съ самаго вступленія Дракиныхъ (такимъ общимъ именемъ называетъ Салтыковъ земскихъ дѣятелей) на арену земской дѣятельности, не сомнѣвался; но публиковать о моихъ предвидѣніяхъ, до настоящей минуты, остерегался. Во-первыхъ, чуть, бывало, заикнусь въ этомъ родѣ слово сказать, какъ ужъ со всѣхъ сторонъ вопіютъ: ахъ что вы! дайте же окрѣпнуть нашимъ молодымъ учрежденіямъ! Во-вторыхъ, представьте себѣ, вѣдь, тутъ и въ самомъ дѣлѣ штука случилась. Едва только занялись Дракины вплотную луженіемъ больничныхъ рукомойниковъ, какъ-вдругъ пошли слухи, что этимъ самымъ они посѣваютъ въ обществѣ недовольство существующими порядками и даже подрываютъ авторитеты! Я зналъ, что земцы невинны, что они лудятъ отъ чистаго сердца и ровно ничего не посѣваютъ, но могъ ли я доказывать?—Нѣтъ, ибо, доказывая, я рисковалъ двояко: впасть въ ироническій тонъ, а слѣдовательно, обидѣть наши „неокрѣпшія молодыя учрежденія", или же предпринять серіозную защиту лудильщиковъ. Разумѣется, я предпочелъ молчать. Но нынче наши „молодыя учрежденія" не только окрѣпли, но даже, можно сказать, обнаглѣли".

[1]) Отмѣтимъ здѣсь еще одну черту Салтыкова, тоже второстепенную, но опять-таки довольно характерную и чрезвычайно симпатичную. Рѣзкій въ полемикѣ до грубости, безцеремонный иногда почти до цинизма, Салтыковъ, въ сущности, крайне скромепъ. Наши писатели, а въ особенности добившіеся извѣстности или даже знаменитости, очень охотно кокетничаютъ и рисуются передъ читателемъ. Будь они въ данномъ случаѣ на мѣстѣ Салтыкова, съ какимъ парадомъ, съ какимъ форсомъ прошлись бы они передъ нами, какъ усиленно и ловко подчеркнули бы они свою проницательность, какимъ торжествомъ звучало бы ихъ: „Мы предвидѣли" и т. п.! Ничего подобнаго никогда и нигдѣ не найдете вы у Салтыкова. Своими заслугами онъ не хвастаетъ, своей личности впередъ не выставляетъ и о себѣ, вообще, не распространяется. Да Салтыкову и нѣкогда говорить о себѣ: его дѣло ждетъ, дѣло, за которымъ онъ совершенно забываетъ себя. Когда человѣку нужно пришпилить Дракина, или щелкнуть Поздрева, или осадить Удава, ему, естественно, не до того, чтобы твердить: „Я, меня, мнѣ, мною, обо мнѣ". Этимъ пустымъ дѣломъ любятъ заниматься тѣ, которымъ сказать нечего.

М. П.

Салтыковъ не считаетъ—въ чемъ онъ тысячу разъ, разумѣется, правъ—нашихъ земцевъ представителями общества, и отсюда его недовѣріе—болѣе того, его отвращеніе къ нимъ. Салтыковъ подробно мотивируетъ въ *Письмахъ* это свое недовѣріе, и, какъ по формѣ, такъ и по глубинѣ содержанія, эти страницы принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ нашего искусства. Не имѣя ни надобности ни возможности приводить ихъ здѣсь цѣликомъ, я выбираю только наиболѣе яркія мѣста.

„Вы представьте себѣ,—говоритъ Салтыковъ,—что Дракины сдѣлались исключительными вертоградарями провинціальнаго русскаго эдема. Представьте себѣ, что вамъ приходится жить въ одной изъ клѣточекъ этого эдема. Всѣ Дракины между собою родственники или свойственники, всѣ сплелись и переплелись такъ, что и расплести невозможно. Вы одна не родственница никому изъ нихъ. У всѣхъ у нихъ свои общіе интересы, свои общія сплетни и ненависти, свое общее свинство; всѣ они въ одну дудку дудятъ, всѣ одну мысль въ головѣ держатъ: какъ бы урѣзать, опохмелиться и урѣзать вновь. Вы одна не принимаете участія ни въ сплетняхъ, ни въ опохмеленіяхъ, ни въ ненавистяхъ ихъ. Какъ вы думаете, съѣдятъ они васъ или не съѣдятъ?

. . . . . .

Идя къ Дракину, я постоянно долженъ думать: а чортъ его знаетъ, почему-нибудь да сказываютъ же, будто онъ у меня на лонѣ возлежалъ! И установивъ себя на этой точкѣ, я обязываюсь поступать по слову его не токмо за страхъ, но и за любовь“.

Здѣсь въ немногихъ и, по обыкновенію, остроумно-шутливыхъ словахъ, сконцентрированы едва ли не всѣ серіозные упреки, которые могутъ быть направлены противъ нашего земства въ томъ видѣ, какой оно приняло у насъ. Это не только ѣдкая сатира, но и блестящая характеристика. Дѣйствительно, забавная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-печальная особенность нашихъ „молодыхъ учрежденій“ состоитъ, именно, въ томъ, что они, быстро и вполнѣ усвоивши себѣ чистобюрократическій характеръ, въ то же время имѣютъ претензію нести чисто-общественную службу. Всѣ разнообразныя жалобы на земство, печатныя и устныя, приводятся, именно, къ этому знаменателю, такъ что обычные упреки Салтыкову за мнимую „карикатурность“ его изображеній здѣсь рѣшительно невозможны, невозможенъ даже упрекъ въ простомъ преувеличеніи.

Салтыковъ, такъ-сказать, предугадалъ факты и ихъ дальнѣйшее теченіе. Несмотря на это, я все-таки продолжаю держаться высказаннаго мною мнѣнія, что сатира Салтыкова

только тогда развертывается во всей своей силѣ, когда данное явленіе вполнѣ завершило циклъ своего развитія. хотя и не сошло еще со сцены. Между Разуваевымъ, съ одной стороны, и Дракинымъ, съ другой, имѣется та существенная разница, что первый выросъ самъ-собою въ нашей средѣ, второй пришелъ извнѣ. Разуваевъ—явленіе безобразное, но все-таки органическое; онъ—продуктъ условій нашей жизни; онъ—законное дитя своего времени. Разуваева нельзя „прекратить“, не измѣняя въ то же время кореннымъ образомъ общаго теченія нашей жизни. Совсѣмъ не то Дракинъ. Говоря выраженіемъ одного изъ персонажей Островскаго, сколь скоро онъ пришелъ, столь скоро онъ и ушелъ, или—что совершенно все равно—готовъ и можетъ уйти, ровно ничего не измѣняя въ жизни. Будущее Разуваева опредѣляется очень многочисленными факторами нашей жизни, будущее Дракина зависитъ почти отъ случая.

Не ясно ли послѣ этого, что разгадать содержаніе и роль Разуваева безъ всякаго сравненія труднѣе, нежели роль Дракина и Задеки. Вѣдь, всякое явленіе, безъ исключенія, только тогда можетъ быть правильно понято, когда извѣстенъ источникъ его происхожденія. *Результаты* дѣятельности Разуваева сатира Салтыкова изобразила превосходно,—вѣдь, эти результаты рѣжутъ глаза,—но въ объясненіи *причинъ*, которыя, какъ помнитъ читатель, свелись къ личности Разуваева, къ его жадности и наглости, она оказалась несостоятельною. А Дракинъ и Задека понятны и просты, понятны не какъ личности—ихъ человѣческія свойства нимало и не интересны и не играютъ никакой роли—а какъ дѣятели, потому что досконально извѣстенъ, а Салтыкову лучше всѣхъ, источникъ ихъ происхожденія.

Но съ чѣмъ же и съ кѣмъ же, можетъ спросить читатель, остается Салтыковъ? Онъ, какъ сказано, вѣритъ въ общество—тетеньку. Но развѣ Дракины и Задеки не члены этого самаго общества? И развѣ ихъ мало, развѣ они—не большинство? Самъ Салтыковъ, говоря о Дракиныхъ, замѣчаетъ: „они размножились какъ кролики“. Понятно, что они придутъ всѣ, цѣлымъ кагаломъ. И званые и незваные, и облеченные довѣріемъ и не облеченные. И отцы, и дѣти, и матери, и дочери, и племянники, и внуки—всѣ тутъ будутъ. Это цѣлая армія, которую со счетовъ не скинешь. На комъ же остановиться? Въ земствѣ—Дракины, въ литературѣ

Ноздревы;—какіе чудесные представители общества, и хорошо должно быть то общество, которое довольствуется такими дѣятелями! Правда, Салтыковъ не довольствуется; да развѣ общество изъ Салтыковыхъ состоитъ? Развѣ не самъ Салтыковъ убѣждалъ „тетеньку“ не заглядывать въ ноздревскую газету и не перешептываться съ Пафнутьевымъ.

Все дѣло въ томъ, что Салтыковъ говоритъ правду, но не полную правду, говоритъ да не договариваетъ, какъ это случается съ нимъ всякій разъ, когда его сатира съ почвы нашихъ *нэрядкэвъ*, переходитъ на почву нашихъ *нравэвъ*. Этотъ переходъ сразу обезсиливаетъ Салтыкова, обезоруживаетъ его сатиру. Салтыковъ говоритъ о Дракиныхъ съ ихъ женами, племянниками и проч.: „прохода никому не дадутъ...“. Почему же такъ? Потому ли, что эти Дракины—глупые и злые люди, или потому, что, дѣйствительно, задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы не давать никому прохода? Какъ разуваевское хищничество нельзя объяснять жадностью и наглостью Разуваева, точно такъ же и дракинскую назойливость нельзя объяснить дурными личными свойствами Дракина. Ни Ноздревъ ни Дракинъ—не выродки между нами. Они слишкомъ многочисленны, чтобы явиться только исключеніемъ. Напротивъ, именно, они представители большинства, которое и у насъ, и повсюду, вездѣ, гдѣ люди живутъ обществами, является злымъ или добрымъ, дѣлаетъ хорошее или дурное дѣло, не въ силу внутреннихъ своихъ побужденій, не по своей иниціативѣ, которой у этого большинства никогда и не бывало, а по требованіямъ минуты. Дракины будутъ кричать „ого-го!“ и не давать никому проходу—это вѣрно. Но это нисколько не характеризуетъ Дракиныхъ. Не Дракины извратились и деморализировались,—измѣнились идеалы. Дракины, какъ люди, употребляя сравненіе Салтыкова,—пустыя бутылки, въ которыя можно налить и здоровое вкусное вино и мерзѣйшую сивуху. Что же дѣлаетъ сатира Салтыкова? Она вооружается противъ лживой этикетки. На бутылкѣ съ сивухой написано: „cachors fin“, и Салтыковъ съ горячностью, съ блескомъ, съ остроуміемъ указываетъ на этотъ подлогъ и предостерегаетъ насъ отъ него. Что жъ? Это нужно и полезно. Но все жъ таки—развѣ въ этомъ заключается корень дѣла? До анализа принципа сатира Салтыкова въ этомъ случаѣ не возвышается, ограничиваясь почти только формальною стороной вопроса. Упре-

кать за это Салтыкова было бы несправедливо, но несправедливо было бы и не указать на этотъ пробѣлъ.

Съ указываемой мною точки зрѣнія, уже не составляетъ никакой трудности сохранить въ полной чистотѣ и цѣлости вѣру въ наше общество и его будущее. Салтыковъ любитъ „тетеньку", просто, въ силу требованій своего любящаго сердца, которому во что бы то ни стало нуженъ объектъ для привязанности, вѣритъ въ нее, просто, потому, что вѣритъ въ себя. Но все это—только личныя, а потому недостаточныя основанія. Дѣло можно поставить проще и обставить гораздо надежнѣе. Кажется, ничего ни идеалистическаго ни оптимистическаго не замѣчается во взглядѣ на большинство людей, какъ на „пустыя бутылки"? Очевидно, не только не заключается, но даже такой взглядъ представляется утрированно-мрачнымъ, оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Тѣмъ не менѣе освоимся съ нимъ и успокоимся на немъ—онъ, этотъ, повидимому, столь мрачный взглядъ, въ самомъ дѣлѣ, даетъ успокоеніе. Будемъ помнить, что не отъ злой воли и отъ дурного сердца люди дѣлаютъ мерзости. Будемъ, однимъ словомъ, помнить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло не съ отвѣтственными людьми, а съ безотвѣтственными людишками.

3.

Мнѣ остается теперь разсмотрѣть отношенія Салтыкова къ нашему народу. Вспоминая времена крѣпостного права, Салтыковъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ говоритъ: были ли мы развращены до мозга костей, или, просто, жили, какъ во снѣ, ничего не понимая и ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета? „Мы были молоды", скажете вы, но, вѣдь, это-то, именно, и страшно. Въ молодости человѣкъ болѣе чутокъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрѣе усваиваетъ внѣшнія впечатлѣнія. А насъ точно заколодило. Земля подъ нами разрывалась отъ стоновъ, а мы ходили, какъ по паркету; хлѣбъ, который мы ѣли, вопіялъ, а мы ѣли да похваливали... Право, что-то проклятое было въ этой молодости; какъ будто, она только затѣмъ и дана была, чтобы впослѣдствіи, черезъ десять лѣтъ, цѣлымъ порядкомъ фактовъ напомнить

намъ о томъ, что́ металось передъ нашими глазами, и чего мы не видѣли, что́ немолчно раздавалось у насъ въ ушахъ, и чего мы не слышали. Напомнить: вотъ, молъ, восчувствуйте!—и бросить намъ въ воздаяніе мучительную, наполненную фантомами прошлаго, старость...

Въ субъективномъ смыслѣ, это чрезвычайно характерно. Это жгучее раскаяніе, это, можно сказать, самобичеваніе, свидѣтельствуетъ не только объ искренности писателя, но и объ его развитомъ гуманномъ чувствѣ и о такой совѣстливости, которая готова общій грѣхъ вмѣнить въ личную вину себѣ. Но этимъ не исчерпываются всѣ отношенія Салтыкова къ народу. Салтыковъ знаетъ народъ настолько, насколько знаютъ его всѣ наши интеллигентные люди, т.-е. въ общихъ чертахъ, и его сужденія о народѣ, какъ и наши сужденія, отличаются совершенно апріорнымъ характеромъ. Онъ знаетъ многострадальную исторію народа, его сѣрую, бѣдную, трудовую жизнь, природное богатство его нравственныхъ и умственныхъ способностей, любитъ и жалуетъ его, но ему нечего сказать о немъ. Салтыковъ упрекаетъ культурныхъ людей въ недостаточномъ вниманіи къ народу, но онъ самъ подлежитъ тому же самому упреку. „Увы, восклицаетъ Салтыковъ не безъ горечи, люди культуры жестоки и недальновидны. Они считаютъ ни во что этотъ безконечный муравейникъ, который кишитъ у ихъ ногъ, за предѣлами культурнаго слоя, или, лучше сказать, считаютъ его созданнымъ для того, чтобы быть попираемымъ культурными ногами. И въ то же время, они едва ли даже понимаютъ, что каждый изъ членовъ этого муравейника живетъ своею отдѣльною жизнью, имѣетъ свои характеристическія особенности, свои требованія, свои идеалы. Если бъ они поняли это, они убѣдились бы, что ихъ собственная культурная жизнь, именно, отъ того дѣлается все болѣе и болѣе скудною, что для нея закрытъ цѣлый міръ явленій, стоящихъ внѣ всякаго культурнаго наблюденія. Сколько узнали бы мы благороднѣйшихъ біографій! Сколькихъ отличнѣйшихъ подвиговъ могли бы мы быть свидѣтелями! И какъ расширился бы нашъ умственный горизонтъ!“

Понять эти страстные упреки, прекрасное чувство, вызвавшее ихъ — нетрудно, но принять ихъ, согласиться съ ними—нѣтъ возможности. Лучшею защитой для насъ, „культурныхъ людей“, отъ нареканій Салтыкова послужитъ при

мѣръ самого Салтыкова. Вѣдь, были же какія-нибудь причины на то, что писатель съ геніальнымъ талантомъ и съ живою, искреннею любовью къ народу всѣ свои силы отдалъ на служеніе не „народнымъ“, а именно, именно „культурнымъ“ задачамъ, задачамъ „города“, а не „деревни“? Безъ сомнѣнія, тутъ сыграли извѣстную роль причины чисто-личнаго свойства. Почти весь громадный запасъ наблюденій Салтыкова относится къ жизни культурныхъ классовъ—главнымъ образомъ, чиновниковъ и помѣщиковъ. Естественно, что въ своихъ произведеніяхъ онъ эксплуатировалъ, именно, эту коротко знакомую ему жизнь, оставляя въ сторонѣ менѣе извѣстную ему сферу собственно народной жизни. Но печалиться тутъ совсѣмъ не отъ чего. Работая на пользу общества, защищая такъ блистательно лучшія стремленія передовой интеллигенціи нашей, способствуя общественному самосознанію, Салтыковъ тѣмъ самымъ сослужилъ великую службу *народу* нашему. Задачи народа, горе народа, нужды народа есть наши задачи, наше горе, наши нужды—и не въ силу только того, что, радѣя народу, мы добровольно возложили на себя эти задачи, а въ силу самаго положенія вещей. На первомъ планѣ для насъ стоятъ интересы развитія и просвѣщенія: противорѣчатъ эти интересы интересамъ народа или совпадаютъ съ ними? Намъ дорога́ и нужна экономическая и личная независимость крестьянина: нужна ли, желательна ли она крестьянину? Эту параллель можно было бы вести очень далеко. Вѣдь, противопоставленіе интеллигенціи народу—не больше какъ полемическая передержка, вѣдь, предполагаемый антагонизмъ между ними—плодъ недоразумѣнія или недомыслія. А если такъ, то всѣ упреки Салтыкова—намъ и самому себѣ—теряютъ всякое значеніе. Да они и фактически невѣрны. Неправда, что мы считаемъ „ни во что“ безконечный муравейникъ народной жизни; неправда, что мы считаемъ его предназначеннымъ „быть попираемымъ культурными ногами“; неправда, что мы не уважаемъ или даже вовсе не признаемъ въ мужикѣ личности, „имѣющей свои характеристическія особенности, свои требованія, свои идеалы“. Всѣ эти упреки—только выраженіе субъективнаго чувства Салтыкова.

Наша жизнь уже твердо отчеканила типъ интеллигентнаго пролетарія-разночинца, который нисколько не конфузится передъ народомъ за свою развитость и не чувствуетъ

за собою никакой *вины* передъ народомъ. Какъ Левинъ гр. Толстого, только съ несравненно большимъ правомъ, онъ можетъ сказать: „Я самъ народъ“. Какую, спрашивается, „вину“ могъ чувствовать за собою, напр., пролетарій Новодворскій, писавшій въ своемъ дневникѣ: „Я ясно почувствовалъ, что я теперь дальше отъ народа, чѣмъ когда бы то ни было; что я теперь не только не могу быть чернорабочимъ, какъ мечталъ когда-то, но что даже положеніе народнаго учителя едва ли было бы мнѣ подъ-силу... А между тѣмъ, почти всѣ крестьяне и крестьянки были въ шубахъ, тогда какъ на мнѣ было плохонькое пальтишко—единственное мое теплое одѣяніе; между тѣмъ, какъ девять-десятыхъ всѣхъ этихъ мужиковъ никогда не голодали такъ, какъ голодалъ я, и ни одинъ такъ, какъ постоянно голодаютъ мать и сестренка...“ „Вотъ и обратитесь къ такому человѣку съ, упреками за „жестокость“, за то, что онъ „не видѣлъ“ страданій народа, не „слышалъ“ его стоновъ! Правда, и въ словахъ Новодворскаго замѣтно нѣкоторое самобичеваніе нѣкоторое недовольство собою. Новодворскій, очевидно, еще не успѣлъ освободиться отъ того идеалистическаго воззрѣнія, по которому единеніе съ народомъ необходимо требуетъ отреченія отъ культурныхъ привычекъ—какъ-будто, въ этомъ, въ бытовыхъ формахъ, а не въ интересахъ заключается суть дѣла! Но это—только личная ошибка Новодворскаго, а на самомъ дѣлѣ, какой упрекъ могъ сдѣлать себѣ этотъ пролетарій за свое общественное положеніе? Что изъ того, что Новодворскій не могъ стать чернорабочимъ? Дѣло не въ свойствѣ работы, а въ условіяхъ труда.

4.

Подводя итоги всѣмъ сдѣланнымъ нами замѣчаніямъ, мы находимъ, въ результатѣ, прекрасный, свѣтлый и чистый образъ писателя-труженика, которымъ могутъ гордиться и литература и общество—не говоря уже о партіи. Заслуга Салтыкова, въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова,—историческая заслуга. Въ исторіи развитія нашего общества онъ завоевалъ себѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Немало у насъ талантливыхъ писателей и честныхъ голосовъ, немало ихъ даже теперь, но между ними незамѣнимъ только одинъ Салтыковъ. Онъ представляетъ собою не столько обще-

ственную мысль, сколько общественную совѣсть—и отсюда его незамѣнимость, въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Идеями мы очень не бѣдны, но мы бѣдны характерами, слабы своею невыдержанностью и слишкомъ легко поддаемся унынію.

Въ ряду явленій, поддерживавшихъ въ насъ бодрость и надежду на то, что ноздревская мораль не восторжествуетъ у насъ окончательно, сатира Салтыкова сыграла не послѣднюю роль. „У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка—тотъ дуракъ“, какъ выразился Гамлетъ, а насмѣшка Салтыкова такова, что рѣжетъ и коробитъ даже ослиныя уши. Недаромъ онъ почтенъ такою злобною ненавистью всѣхъ нашихъ Ноздревыхъ и Расплюевыхъ.

Да, какъ ни высоко ставитъ и цѣнитъ публика-тетенька своего геніальнаго племянника—ея оцѣнка все еще недостаточна, мы все еще не вполнѣ отчетливо сознаемъ значеніе его уроковъ для себя и, именно, потому, что *еще пользуемся* ими. Роль его есть роль, повторяю, историческая, и человѣкъ, исполнившій ее, можетъ по праву сказать, что онъ „памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“.

М. Протопоповъ.

„Пошехонскіе разсказы“ [1]).

Столько разъ уже говорилось о чрезвычайной чуткости г. Щедрина къ вопросамъ времени. Но мало говорилось о другомъ свойствѣ этого писателя, именно о томъ, что мелочность вопросовъ, являющихся въ его сатирахъ, не уменьшаетъ силы его произведеній. Въ нихъ есть нѣчто широко-идейное, рядомъ съ вопросами дня. Видали ли вы пейзажи великихъ мастеровъ, особенно, прошлаго, и замѣтили ли вы въ нихъ чудное свойство: передъ вами картина природы, ограниченная въ пространствѣ, но, странно, вы невольно и неотразимо чувствуете, что это ограниченное пространство есть только часть безконечнаго и вѣчнаго, что оно только частное отраженіе великаго міра. Вотъ это же самое вы постоянно чувствуете въ великихъ произведеніяхъ словеснаго искусства, сознаете связь частной картины человѣческой жизни съ чѣмъ-то общимъ, съ великими идеями, лежащими въ основѣ движенія жизни къ вѣчному совершенству. То же вы чувствуете, читая Щедрина: повидимому, осмѣиваемые имъ типы людей и мелкіе жизненные факты такъ мелочны, такъ ничтожны; часто вопросы общественной жизни, захватываемые его сатирой, повидимому, такъ преходящи съ точки зрѣнія общихъ идеаловъ, такъ временны; но сквозь эту внѣшность всюду свѣтятъ и чувствуются широкіе и мощные общіе идеалы, лежащіе въ основѣ чувствъ и горестныхъ мыслей сатирика.

Въ печати уже достаточно прокричали о будто бы скабрезности начала *Пошехонскихъ разсказовъ*. Допуская даже нѣкоторую долю справедливости въ адресованныхъ сатирику по этому поводу упрекахъ, мы остановимся на другой сторонѣ дѣла, умышленно затоптанной одними и близоруко непонятой другими. Дѣло въ томъ, что въ *Пошехонскихъ*

---

[1]) Статья эта принадлежитъ А. И. Введенскому. (См. выпускъ III-й, стран. 284.)

разсказахъ не одни „крутыя слова“, а присутствуетъ и острый смыслъ. Та „скабрезность“, на которую набросились, есть гораздо больше простое отраженіе скабрезности той жизни, которую авторъ сатирически изображаетъ, и „крутыя слова“ сатиры свидѣтельствуютъ только о силѣ несдержаннаго негодованія автора (мы признаемъ, что сдержанное негодованіе было бы и сильнѣе и цѣлесообразнѣе, да оно и не подало бы повода къ злостнымъ истолкованіямъ).

„Второй вечеръ“ *Пошехонскихъ разсказовъ* отличается характеромъ совершенно скромнымъ и къ злостнымъ толкованіямъ повода подать не можетъ. Смыслъ ихъ современенъ, отвѣчая на стремленіе иныхъ элементовъ нашего общества и печати къ прошлому, съ цѣлью избыть изъ жизни новыя требованія и идеи, съ этимъ прошлымъ не ладящія. Сатира отвѣчаетъ также на тотъ вѣчный упрекъ не одному автору нашему, что онъ изображаетъ все изнанку да изнанку, каковое изображеніе и „для начальства непріятно, да и по существу неправильно“, игнорируя то обстоятельство, что рядомъ съ „изнанкой“, „рядомъ съ Фейерами, Прыщами, Угрюмъ-Бурчеевами, Деруновыми и Разуваевыми, существуютъ Правдины, Добросердовы и Здравомысловы“. Сатирикъ сознается откровенно, что ему и въ голову не приходила мысль о существованіи Правдиныхъ и пр., и „не потому не приходила, чтобъ онъ игнорировалъ или презиралъ этихъ людей, но потому, что ему всегда казалось, что они и сами на себя смотрятъ сомнительно, какъ-будто не знаютъ, дѣйствительно ли они люди, а не призраки“... И немудрено, что такъ „казалось“ сатирику. „Какимъ образомъ,—говоритъ онъ,—могутъ они (Правдины) смотрѣть на всевозможныя безчинства необузданныхъ дикарей (Скотининыхъ) и ограничиваются только тѣмъ, что пробормочатъ *въ сторону* номенклатуру происходящихъ передъ ихъ глазами гнусностей!“ Авторъ признавалъ это неестественнымъ и, видя, что эти гг. Правдины „бродятъ безъ пользы по свѣту, получая присвоенные *никого не трогающимъ* людямъ чины и ордена“, считалъ ихъ сомнительными. Теперь сатирикъ желаетъ „исправиться и все написанное исправить“, присоединивъ къ коллекціи собранныхъ имъ прежде типовъ и типы добродѣтельныхъ Правдиныхъ, для полноты общественной картины. И онъ даетъ эти „положительные“ типы нашей общественной жизни: городничихъ-безсребренниковъ, взя-

токъ не берущихъ и всего въ изобиліи имѣющихъ, предводителей дворянства прежняго времени, становыхъ приставовъ и другихъ чиновъ „уѣздной чиновной іерархіи“. Каковы эти „положительные типы“, читатели узнаютъ, конечно, изъ самой сатиры, которую они прочтутъ, разумѣется; мы же приведемъ здѣсь одинъ образчикъ городничаго-безсребренника.

Одинъ городничій говаривалъ:

— Я одною рукой беру, а другою отдаю,—развѣ это взятка?

— Какъ же это выходитъ у васъ, Христофоръ Ивановичъ, спрашивали, однажды, сослуживцы, которые обѣими руками брали и ни одною не отдавали.

— Очень просто,—отвѣтилъ онъ.—Сейчасъ деньги получу и сейчасъ же на нихъ какое-нибудь произведеніе куплю. Стало-быть, что изъ народнаго обращенія выну, то и опять въ народное же обращеніе пущу.

И когда всѣ подивились его мудрости, то прибавилъ:

— То же самое, что казна дѣлаетъ: съ мужиковъ деньги беретъ, да мужикамъ же ихъ назадъ отдаетъ.

Съ тѣхъ поръ, въ городѣ Добромысловѣ никто не говорилъ: „брать взятки“, а говорили: „пускать деньги въ народное обращеніе“.

Таковъ одинъ изъ „положительныхъ“ типовъ городничаго-безсребренника. Порадуемтесь, читатели, вмѣстѣ съ Щедринымъ, что есть въ нашемъ отечествѣ Правдины, что Щедринъ „исправился и исправилъ свои произведенія“. Въ этой сатирѣ, быть-можетъ, уступающей другимъ по значительности содержанія, тѣмъ не менѣе съ обычною рельефностью и силою высказана мысль и отмѣчено нѣсколько печальныхъ чертъ нашей жизни. Но что всего значительнѣе—это своевременность высказываемой мысли, которая, будучи высказана въ рельефныхъ образахъ, Богъ дастъ, вразумитъ нѣсколькихъ человѣкъ, не видящихъ за красивыми фразами нашихъ „охранителей“ существеннаго безобразія многихъ стремленій. Неужели, по прочтеніи сатиры Щедрина, кто-нибудь захотѣлъ бы воротиться къ этимъ древнимъ порядкамъ, при которыхъ возможны были эти „безсребренники“ и „пусканіе денегъ въ народное обращеніе“, отъ которыхъ наше общество, если не вполнѣ, то до нѣкоторой степени освободилось со введеніемъ новыхъ формъ жизни, во многомъ несовершенныхъ, но несравнимыхъ съ прежнею судебной и административной казенщиной. Впрочемъ, сатира Щедрина относится не къ прошлому только: изъ этого прошлаго еще чрезвычайно многое крѣпко стоитъ противъ чаяній новой жизни.

„Вечеръ пятый“ *Пошехонскихъ разсказовъ*, — „Пошехонское дѣло“, бьетъ по очень больному мѣсту русской современности, когда „всѣ жалуются и вопіютъ, что „фраза“ заѣла насъ, когда всѣ настаиваютъ на ея истребленіи, и всѣ, на ея мѣсто, предлагаютъ такую же фразу!“ Сатирикъ слышитъ возгласы: „Прочь мечтанія! прочь волшебные сны! прочь фразы! пора, наконецъ, за дѣло взяться!“ Въ чемъ же дѣло заключается, за которое пора взяться,—объ этомъ никто не говоритъ. И вотъ, авторъ, основываясь на томъ, что „представленіе о „дѣлѣ“ нисколько не новость въ исторіи нашей цивилизаціи“, ищетъ отвѣта, что́ же такое разумѣлось прежде и разумѣется теперь подъ именемъ „дѣла“. Передъ читателемъ встаетъ изумительная картина пошехонской страны того времени, когда она „изъ конца въ конецъ кипѣла слезами и по́томъ“, и когда „дружинники не только понимали, въ чемъ состоитъ „дѣло“, но и умѣли раздѣлить его на двѣ части: сами взяли въ руки жезлъ, а аборигенамъ предоставили проливать потъ и слезы“... Представленъ и образчикъ современнаго человѣка дѣла. Впрочемъ, читателямъ удобнѣе прочитать самую сатиру Щедрина, чрезвычайно удачную, какія не всегда выходятъ изъ-подъ пера даже и Щедрина.

Щедринъ [1]).

*) Есть въ настоящее время на Руси писатель-сатирикъ, который, повидимому, только чудомъ не сдѣлался основателемъ цѣлой литературной школы... Говоря по правдѣ, онъ имѣлъ на это всѣ права. И сильный, выдающійся талантъ, и глубокая наблюдательность, и удивительно легкое, выразительное перо, и оригинальность рѣчи—все ставило его высоко въ средѣ его собратовъ по перу, все давало полное основаніе думать, что его произведенія не пройдутъ безслѣдно, что они вызовутъ цѣлый рядъ подражателей, создадутъ школу... И, однако, этого не случилось... Подражали ему многіе,—пожалуй, даже и очень многіе,—но вся эта плеяда подражателей не составила школы, не явилась и никогда не явится въ исторіи нашей литературы въ видѣ цѣлаго, крѣпкаго единствомъ и внутреннею силой направленія. Г. Щедринъ остался однимъ воиномъ въ полѣ, и только одинъ изъ всѣхъ, писавшихъ въ томъ же родѣ, имѣетъ право на извѣстное мѣсто въ литературѣ.

Онъ стоитъ теперь, при закатѣ своей литературной дѣятельности, одинъ, какъ стоялъ и при ея началѣ. Изъ всѣхъ его послѣдователей и подражателей не выдѣлился ни одинъ талантъ, ни одно болѣе или менѣе громкое имя... Почему же это такъ? Гдѣ причина такого, на первый взглядъ, страннаго и непонятнаго явленія? Вѣдь, у г. Щедрина есть множество самыхъ горячихъ поклонниковъ; вѣдь, его читаютъ и перечитываютъ; вѣдь, „Отечественныя Записки“ только и держатся имъ однимъ; вѣдь, еще недавно мы были

---

[1]) „Вѣкъ“, 1883 г., № 4.

*) Журналъ „Вѣкъ“ издавался извѣстнымъ юристомъ М. А. Филипповымъ, съ 1882 по 1884 г. Несмотря на то, что на страницахъ этого журнала встрѣчаются имена довольно извѣстныхъ писателей, какъ, напримѣръ, Ор. Миллера. В. Соллогуба, В. П. Никитина, Н. Я. Аристова, журналъ не имѣлъ успѣха ни литературнаго ни матеріальнаго. *Прим. Н. Денисюка.*

свидѣтелями восторговъ и похвалъ самыхъ полныхъ, расточаемыхъ ему критикой?.. Отвѣтить на этотъ, именно, вопросъ и составляетъ ближайшую, самую первую задачу моей настоящей статьи. Но дѣло мое нелегкое. Нетрудно писать исторію литературы и разбирать по косточкамъ писателя, давно отшедшаго въ вѣчность. Труднѣе подвергать разбору одно или два произведенія живущаго и продолжающаго работать писателя. Но въ высшей степени затруднительно говорить о цѣлой литературной дѣятельности живого человѣка, будь она даже и вполнѣ закончена. Талантъ г. Щедрина, повидимому, достигъ своего полнаго развитія и дошелъ до зенита. Г. Щедринъ пишетъ еще и теперь; но просмотрите всѣ его послѣднія произведенія, и вы увидите, что въ историко-литературномъ отношеніи они не представляютъ ничего новаго. Та же точка зрѣнія на вещи, тотъ же критерій, тѣ же пріемы пера и обороты рѣчи, тѣ же нѣсколько видоизмѣненные типы, и даже слова или, вѣрнѣе, „словечки“ тѣ же самыя... Поэтому, говорить о г. Щедринѣ можно, да о немъ уже и говорили. Его дѣятельность подвергалась оцѣнкѣ даже въ послѣдніе уже годы, если только можно назвать оцѣнкою огульную похвалу. Вѣдь, какъ нѣтъ человѣка безъ недостатковъ, такъ нѣтъ безъ нихъ и писателя: поэтому *только хвалить* такъ же несправедливо, какъ и *только бранить* и порицать. И то и другое—не критика. Одно—памфлетъ, другое—ода. Критика прежде всего должна комментировать, распутывать, растолковывать. Выводы же и громкія фразы—дѣло второстепенное. Критика можетъ и совсѣмъ обойтись безъ нихъ. Она должна установить только одну опредѣленную точку зрѣнія, пріемы, критеріумъ, и, вооружившись имъ, анализировать писателя передъ читающею публикой. Вотъ, на мой взглядъ—задача современной критики, какова бы она ни была и какою бы кличкой, эстетическою или органическою, мы ее ни называли. Наконецъ,—и это, пожалуй, главнѣе всего,—критика должна быть вполнѣ искренна и не должна бояться раздразнить гусей, какъ бы крикливы и многочисленны они ни были... Но этому-то всему, выступая съ критическою статьей о такомъ, поистинѣ, *модномъ* писателѣ, какъ г. Щедринъ, я и спѣшу, какъ можно скорѣе, выяснить свою точку зрѣнія и установить тѣ положенія, которыя буду доказывать, и прилагая которыя къ дѣятельности г. Щедрина, я сдѣлалъ

о немъ такіе, а не иные выводы, выработалъ такой, а не иной взглядъ на его литературное значеніе... Прежде всего, я никакъ не думаю, чтобы были правы тѣ изъ нашихъ современныхъ критиковъ, которые хотятъ видѣть въ г. Щедринѣ только сатирика и, какъ отъ такового, не требуютъ отъ него ничего, кромѣ смѣшного изображенія смѣшныхъ людей.

Я сказалъ вначалѣ и повторяю теперь, что смѣхъ сатирика можетъ быть и умнымъ и глупымъ, и умѣстнымъ и неумѣстнымъ, и народнымъ и ненароднымъ. А это не все равно. Сатирикъ, смѣющійся неумно, неумѣстно и не по-народному, долженъ быть оцѣненъ несравненно ниже сатирика, смѣющагося и умно, и умѣстно, и по-народному. Во-вторыхъ, въ высшей степени важно также и то обстоятельство, насколько вѣроятна, возможна и правдоподобна карикатура сатирика. Гоголевскіе типы карикатурны, типы г. Щедрина—тоже; но между ними есть разница, и не видѣть ея можетъ только тотъ, кто не хочетъ... Наконецъ, въ-третьихъ, сатирикъ—такой же писатель, какъ и всякій беллетристъ, и если намъ интересны взгляды, убѣжденія романиста,—совершенно независимо отъ его таланта и дарованія,—то настолько же, если еще не болѣе того, интересны и взгляды и убѣжденія сатирика. Онъ проводитъ ихъ, онъ пропагандируетъ ихъ, и читатель, увлекаясь его образами и карикатурами, смѣется съ нимъ вмѣстѣ и по его указанію. Сатирикъ говоритъ ему: „Вотъ это явленіе безобразно, вотъ эти люди смѣшны; берегись, чтобы не походить на нихъ; старайся не поступать и не думать такъ, какъ поступаютъ и думаютъ они". И чѣмъ сильнѣе талантъ сатирика, чѣмъ искуснѣе сумѣетъ онъ подобрать краски, провести штрихи и отмѣтить картину, тѣмъ беззавѣтнѣе вѣритъ и подчиняется ему читатель. Поэтому, говоря о сатирѣ, нельзя не остановиться, сначала и первѣе всего, на его взглядахъ и убѣжденіяхъ, насколько они видны изъ его литературной дѣятельности. Что до г. Щедрина, то опредѣлить его міровоззрѣніе—вещь очень нелегкая.

Его оригинальный, образный языкъ, порою совсѣмъ непредвидѣнныя сравненія и метафоры, масса видимыхъ противорѣчій—все это сразу сбиваетъ съ толку критика и до крайности осложняетъ его задачу. Но, тѣмъ не менѣе, сдѣлать такой разборъ взглядовъ г. Щедрина необходимо, и я

съ него начну. Только прежде позволю себѣ познакомить читателей съ нѣкоторыми отзывами о г. Щедринѣ, высказанными до меня... Остановлюсь, прежде всего, на двухъ небольшихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1864 г. въ двухъ журналахъ самаго противоположнаго направленія: въ *Русскомъ Словѣ* и въ *Эпохѣ*. Когда, въ качествѣ фельетониста *Современника*, г. Щедринъ обидѣлъ почти единомысленное съ этимъ журналомъ *Русское Слово* своими нападками на молодежь и нигилистовъ, надъ которыми сталъ смѣяться и обзывать *вислоухими и юродствующими*, *Русское Слово* терпѣло-терпѣло, да и разразилось статьей,—правда, рѣзкою и несдержанною, но зато горячею и вполнѣ искреннею. Въ этой статьѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Но насъ удивляетъ то, какимъ образомъ редакція журнала, всегда отличавшагося тактомъ, позволила открыть у себя, вмѣсто легкаго литературнаго отдѣла, какой-то балаганъ, наполненный кривляніями и буффонствомъ. Къ чему этотъ безполезный гамъ и стонъ тамъ, гдѣ читатели привыкли ожидать мысли, гдѣ полемика изъ-за мнѣній никогда не превращалась въ мелкое раздраженіе какого-то канцелярскаго самолюбія? Вѣдь, люди, на мѣстѣ которыхъ теперь отхватываетъ своего трепака фельетонистъ, не клеветали на своихъ оппонентовъ только потому, что они расходились съ ними во мнѣніяхъ. Вѣдь, такіе благородные дѣятели, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ, скорѣе согласились бы тысячу разъ замолчать, чѣмъ чернить своего противника изъ-за угла и вывертываться съ помощью одной ругани". Не менѣе обидный для г. Щедрина, но только нѣсколько съ другой стороны, взглядъ высказала по тому же поводу *Эпоха*. Ей показалось страннымъ и непонятнымъ такое отступленіе *Современника* отъ своего направленія, такое нападеніе г. Щедрина на нигилистовъ. И вотъ она помѣщаетъ на своихъ страницахъ полушуточный разсказъ, подъ названіемъ: „Господинъ Щедродаровъ, или расколъ въ нигилистахъ", гдѣ, подъ именемъ Щедродарова, г. Щедрину приписывается отсутствіе собственныхъ мыслей и безотчетное, безсознательное лаяніе направо и налѣво, куда прикажутъ. Дѣло изображено такъ, что будто г. Щедродарова призвали въ редакцію *Современника* и подрядили „лаять". Онъ обѣщалъ и довольно долгое время исполнялъ свою обязанность и добросовѣстно и толково, такъ что редакція мало-по-малу совершенно перестала слѣдить за нимъ, счи-

тая его вполнѣ надежнымъ сотрудникомъ, какъ-вдругъ Щедродаровъ залаялъ на своихъ и притомъ съ такою силой, съ такимъ остервенѣніемъ, что редакція переполошилась и потребовала отъ него немедленнаго отчета. Между редакторомъ и Щедродаровымъ происходилъ довольно длинный и довольно крупный разговоръ.—Какъ смѣли вы,—говоритъ редакторъ,—лаять на своихъ? Какъ смѣли вы сойти съ указаннаго вамъ пути? Вѣдь, вы своихъ мыслей не имѣете! „Извините, отвѣчаетъ Щедродаровъ,—я свои мысли имѣю: *Время* хорошій журналъ, *Время* дѣло говоритъ". Словомъ, въ статьѣ приписываютъ г. Щедрину, прежде всего, отсутствіе всякой самостоятельной идеи или мысли. Онъ умѣетъ только „лаять", т.-е. ругаться и издѣваться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ ему издѣваться и ругаться прикажутъ. Если же онъ и измѣнилъ своимъ, и напалъ на нихъ, то отнюдь не потому, чтобы у него явились собственныя мысли, а потому только, что увлекся статьями *Времени* и спуталъ своихъ съ чужими, сбился, такъ-сказать, съ панталыку. Такимъ образомъ, въ 1864 г. г. Щедрину не повезло. На него напали изъ своихъ лагерей, въ то время обозначившихся въ литературѣ: и ультра-нигилистическаго и славянофильскаго. Но какъ ни печально воззрѣніе на его талантъ и дѣятельность, высказанное *Эпохой*, оно все-таки лучше того взгляда, который выведенъ въ статьѣ *Русскаго Слова*. „Отсутствіе мысли и невольное смѣшеніе своихъ съ чужими, во всякомъ случаѣ не то, что „клевета на своихъ оппонентовъ" и „черненіе противниковъ изъ-за угла". Да оно и понятно. *Эпоха* видѣла въ г. Щедринѣ врага, случайно проговорившагося въ ея сторону и подвергшагося за это избіенію своими. Она могла смѣяться надъ нимъ и его куріознымъ положеніемъ, но злобствовать ей было не изъ-за чего, и статья ея носитъ, въ общемъ, самый добродушный характеръ. Не то съ *Русскимъ Словомъ*. Оно было обижено, задѣто въ самыхъ святыхъ, самыхъ дорогихъ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Оно было глубоко и сильно оскорблено и не могло не разсердиться. А злоба невольно подсказала автору статьи мысль, крайне рѣзкую и рискованную, но, какъ мы увидимъ ниже, далеко не совсѣмъ невѣрную. Сколько я помню и знаю, до сихъ поръ это единственный отзывъ о г. Щедринѣ, такъ прямо и рѣшительно обвиняющій его въ умышленной лжи, клеветѣ и подтасовкѣ. Лучшая и наиболѣе талантливая изъ

всѣхъ статей о немъ, та самая, которая надѣлала когда-то такъ много шума и къ которой я и перехожу теперь,—статья Писарева,—стоитъ уже на нѣсколько иной точкѣ зрѣнія. Она была помѣщена тоже въ *Русскомъ Словѣ* и въ томъ же 1864 году, и озаглавлена: *Цвѣты невиннаго юмора*. Начинаетъ Писаревъ съ опредѣленія того, чѣмъ стало въ наше время пресловутое искусство для искусства, и говоритъ, что современные представители этого чистаго искусства не болѣе, какъ литературные паразиты. „Онъ (т.-е. такой паразитъ) не мыслитель, не общественный дѣятель и не поэтъ въ высшемъ и забытомъ теперь значеніи этого слова,—онъ статейныхъ, романныхъ или стихотворныхъ дѣлъ мастеръ, и какъ разсудительный мастеровой, онъ не хочетъ, чтобы его умѣнье пропадало даромъ. Зачѣмъ сидѣть сложа руки, когда выучился ремеслу? Отчего не отправиться на ловлю рублей и лавровыхъ вѣнковъ, когда есть добрые люди, разсыпающіе въ приличномъ изобиліи и то и другое?“ „Одни люди,—читаемъ мы далѣе у Писарева,—пишутъ потому, что во всемъ ихъ существѣ кипитъ страстная работа мысли и чувства“. „Другіе пишутъ для того, чтобы дѣйствовать на общество“ „Третьи пишутъ вслѣдствіе того, что выучились писать безъ малѣйшаго труда такъ, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ“. Послѣ всего этого Писаревъ заявляетъ: „Да, г. Щедринъ, вождь нашей обличительной литературы, съ полною справедливостью можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи“.

Такимъ образомъ, все то, что было приведено выше о паразитахъ и людяхъ, пишущихъ для того, чтобы писать, относится прямо и непосредственно къ г. Щедрину. „Онъ (т.-е. Щедринъ),—продолжаетъ талантливый критикъ далѣе,—пишетъ разсказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшаться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ“. Къ смѣху г. Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серіозныя ноты, которыя слышатся постоянно въ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гейне, Берне, Гоголя и, вообще, всѣхъ не дѣйствительно статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ“. Свое мнѣніе о невинности и без-

содержательности смѣха и сатиры г. Щедрина Писаревъ иллюстрируетъ примѣрами изъ *Сатиръ въ прозѣ* и *Невинныхъ разсказовъ*. Далѣе, въ IV гл. статьи, онъ говоритъ слѣдующее: „Если мы съ высоты птичьяго полета бросимъ взглядъ на разсказы г. Щедрина, то намъ придется изумляться бѣдности, мелочности и однообразію ихъ основныхъ мотивовъ. Все вниманіе сатирика направлено на вчерашній день и на переходъ къ нынѣшнему дню". „Бросьте,—совѣтуетъ онъ ему,—прошедшее, ищите въ настоящемъ, а если настоящее еще не выработало себѣ особенной физіономіи, если вы не умѣете уловить того процесса броженія, которымъ вырабатываются эти новыя черты, то бросьте сатиру". Статья оканчивается такими словами: „Еще разъ скажу г. Щедрину: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, комментируетъ, тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньѣ владѣть русскимъ языкомъ и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глуповъ давно пора бросить". Нельзя не сказать, конечно, вмѣстѣ съ А. Григорьевымъ, что этотъ совѣтъ бросить Глуповъ проистекаетъ у Писарева не столько изъ критики произведеній г. Щедрина, сколько изъ его собственнаго, позитивнаго взгляда на литературу и искусство. Нельзя также не упрекнуть его въ томъ, что, нападая на отсталость мотивовъ у г. Щедрина, онъ особенно сильно обрушивается на него за разсказы о крѣпостномъ правѣ, котораго-де, вѣдь, нѣтъ, слава-Богу, такъ что̀ о немъ и разговаривать.

Это уже недостатки его личнаго, узкаго теоретизма, которые сказываются съ одинаковою силой во всѣхъ его произведеніяхъ и которые мѣшаютъ ему занять въ нашей литературѣ такое высокое мѣсто, какое вполнѣ соотвѣтствовало бы его таланту, и не будь онъ одержимъ своею злосчастною теоріей и доктринерствомъ. Нельзя не сказать всего этого, но суть не въ этомъ. Важно другое: Писаревъ становится на точку зрѣнія *Эпохи* и, вмѣстѣ съ нею, обвиняетъ г. Щедрина въ легкости, скудомысліи, неумѣньѣ найти подходящіе мотивы, въ смѣхѣ для смѣха, въ искусствѣ для искусства, въ литературномъ паразитствѣ. Вотъ почва, на которой онъ стоитъ. Но, кромѣ того, быть-можетъ, безсознательно для самого Писарева, проглядываетъ въ его статьѣ и кое-что другое, болѣе или менѣе близко подходящее ко взгляду, высказанному авторомъ приведенной выше статьи *Русскаго*

Слова. Проглядываетъ это, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Чтобы разсмѣшить читателя, г. Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе saltomortale, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ разсказовъ". Тотъ же упрекъ дѣлаетъ г. Щедрину даровитый критикъ и дальше, когда вступается за русскій народъ, не умѣвшій, по мнѣнію г. Щедрина, отвѣтить ничего дѣльнаго на вопросы о его нуждахъ, обращенные къ нему доброю и благосклонною Минервой, подъ которою надо, по всей вѣроятности, разумѣть Екатерину II, и которая была готова дать глуповцамъ едва ли не все, чего бы они ни пожелали. „Мы усматриваемъ,—говоритъ онъ,—что вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а что глуповцы всегда умѣли только кланяться, потѣть и смѣяться путянымъ смѣхомъ, который, вѣроятно, очень значительно отличается отъ смѣха г. Щедрина; во-вторыхъ, мы видимъ, что Минерва отличалась безконечною благостью и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего бы они ни попросили; этого мы до сихъ поръ не знали, а теперь будемъ знать и твердо будемъ помнить, что глуповцы сами во всемъ виноваты". Такимъ образомъ, Писаревъ прямо обвиняетъ г. Щедрина въ клеветѣ на русскій народъ, въ искаженіи русской исторіи. Но этого мало; не вѣритъ онъ и въ лиризмъ г. Щедрина, и въ его слезы надъ участью крѣпостного народа. И тутъ видитъ онъ фальшь, и здѣсь, по его мнѣнію,—ложь и неискренность. „Вѣдь, это все поддѣлка,—говоритъ онъ,—сначала до конца, вѣдь, это плаксивая гримаса, это слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханья хрѣна, это какая-то плохоустроенная мистификація, которая была бы возмутительна, если бы она не была такъ плоско смѣшна". Но послѣдовательный и всегда неумолимо логичный Писаревъ оказался въ данномъ случаѣ непослѣдовательнымъ. Онъ не довелъ, не развилъ своего взгляда до конца. Еще шагъ,—и онъ долженъ былъ бы признать, вмѣстѣ съ авторомъ статьи въ *Русскомъ Словѣ*, что г. Щедринъ клевещетъ умышленно, лжетъ на несогласныхъ съ нимъ во взглядахъ людей и не щадитъ истины для проведенія того, что ему провести нужно. Но онъ остановился на первой своей мысли—на отсутствіи у г. Щедрина идеаловъ, убѣжденій и взглядовъ, на его фарсерствѣ однимъ словомъ, и имъ, этимъ фарсерствомъ, объяснилъ и ложь,

которую подмѣтилъ у нашего сатирика. Г. Щедринъ,—говоритъ онъ,—искажаетъ жизнь и ея правду, „чтобы разсмѣшить читателя". Впрочемъ, Писареву было трудно представить себѣ дѣло иначе. Вѣдь, во-1-хъ, это былъ едва ли не самый искренній и честный писатель, какой когда-либо брался у насъ за перо. Онъ никогда ни во что не драпировался и не маскировался, никогда ничего не оставлялъ недоговореннымъ, неразъясненнымъ, сколько-нибудь темнымъ или непонятнымъ... Онъ всегда говорилъ прямо и откровенно то, что думалъ, и какъ умѣлъ. Онъ скорѣе готовъ былъ допустить въ человѣкѣ полное отсутствіе логики и умственнаго содержанія, чѣмъ заподозрить умнаго человѣка въ намѣренной лжи. Во-2-хъ, распутывать г. Щедрина и его экивоки, дѣйствительно, очень трудно, и со стороны Писарева весьма естественно было не замѣтить за ними взглядовъ сатирика и обвинять его въ полномъ отсутствіи таковыхъ... Но для насъ важно не объясненіе Писаревымъ факта искаженій и клеветы, а самый фактъ этотъ, который все же былъ имъ замѣченъ и установленъ. Совершенно иначе смотритъ на г. Щедрина одинъ изъ новѣйшихъ публицистовъ нашихъ, Евгеній Утинъ. Онъ увлеченъ сатирою г. Щедрина, онъ восторгается ею. „Г. Салтыковъ,—говоритъ онъ,—во всей исторіи русской литературы не знаетъ себѣ равнаго, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы живо подмѣтить тотъ или другой народившійся типъ и освѣтить его со всею яркостью своего мощнаго таланта. Никогда до г. Салтыкова ни одинъ писатель не былъ еще такимъ яркимъ выразителемъ думъ и настроеній лучшей части русскаго общества". Это, очевидно восторги и притомъ самые необузданные, а совсѣмъ не критика. И такими восторгами переполнена вся статья. Г. Утинъ хвалитъ сатиру г. Щедрина за все: и за вѣрность ея взглядовъ, и за ея неясность, которую онъ называетъ полезною сдержанностью. Остановимся на этой сдержанности. Г. Утинъ говоритъ, что „сатиру г. Салтыкова, по его собственнымъ словамъ, обвиняютъ въ двоедушіи, въ обманѣ". Но это двоедушіе, котораго въ дѣйствительности не существуетъ, есть только, по его мнѣнію, полезная сдержанность, приносимая авторомъ *Круглаго года* (о которомъ, собственно, идетъ рѣчь въ статьѣ) на алтарь отечества. Цензурныя и другія горькія для писателя условія мѣшаютъ, такимъ образомъ, г. Щедрину писать иначе, и онъ неясенъ потому, что ясно гово-

рить нельзя. Но только, полно, такъ ли выходитъ это относительно г. Щедрина, и въ цензурѣ ли тутъ дѣло? Вѣдь, онъ писалъ не только теперь, не только въ настоящіе, такъ сказать, дни, а писалъ въ то время, когда другіе, какъ, напримѣръ, Писаревъ или Чернышевскій, умѣли высказывать свои идеалы, какіе бы они ни были, и положительно и прямо. Высказывался ли онъ тогда иначе? Ясна ли и опредѣленна ли была тогда его сатира? На этотъ вопросъ, полагаю, лучше всего отвѣчаетъ только-что приведенный мною отзывъ Писарева, прямо обвиняющій г. Щедрина въ недомысліи,—отзывъ, который, какъ мы видѣли, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ именно этою „полезною сдержанностью", до того затемнявшею и въ 60-хъ годахъ сатиры г. Щедрина, что такой прозорливый человѣкъ, какъ Писаревъ, не могъ найти въ нихъ мысли и положительныхъ взглядовъ на вещи... Г. Утинъ вѣритъ г. Щедрину безусловно, признаетъ вмѣстѣ съ нимъ существованіе у насъ повальной, болѣзненной „боязни", признаетъ господство „секрета", соглашается и съ слѣдующими строками сатирика: „1879 годъ былъ страшный годъ, который неизгладимыми чертами врѣзался въ сердце каждаго русскаго. Даже въ худшія эпохи ничего подобнаго этому злосчастному году лѣтописи русской жизни едва ли представляли". Не говорю уже о томъ, что это безграмотно. Но главное въ томъ, чѣмъ показался этотъ годъ г. Щедрину, а за нимъ и г. Утину такимъ страшнымъ и роковымъ? Вы думаете, быть-можетъ, что дѣло идетъ о тѣхъ дѣйствительно страшныхъ и роковыхъ событіяхъ, которыя совершились въ послѣднее время на Руси? Совсѣмъ нѣтъ. Очевидно, что, смотря на міръ Божій въ такую же точно узкую трубу, въ какую смотритъ въ этомъ случаѣ и самъ сатирикъ, г. Утинъ уже не можетъ быть его критикомъ, а только развѣ воспѣвателемъ. И онъ воспѣваетъ, воспѣваетъ его, какъ писателя, какъ публициста и какъ мыслителя. Беру у г. Утина одно мѣсто, безусловно вѣрное само-по-себѣ, которое можетъ и должно послужить путеводною звѣздой для всякаго, кто бы захотѣлъ заняться разборомъ литературной дѣятельности г. Щедрина. Вотъ это мѣсто: „Значеніе писателя,—говоритъ г. Утинъ,—опредѣляется не только силою его таланта, но, главнымъ образомъ, тѣми идеями, которыя онъ вноситъ въ общественную жизнь, тѣми добрыми или дурными сѣменами, которыя онъ сѣетъ на общественной почвѣ". Исходя

изъ этой мысли и находя и непонятныя, и болѣе понятныя и ясныя идеи г. Щедрина добрыми, здоровыми и полезными, ибо, какъ я только-что указалъ, онъ смотритъ на вещи одними съ нимъ глазами, г. Утинъ и восхищается г. Щедринымъ. И по-своему г. Утинъ правъ. Жаль только, что идеи-то эти онъ на вѣру признаетъ хорошими и здоровыми и совершенно не находитъ нужнымъ считаться съ вопросомъ: точно ли это такъ и каковы именно вносимыя г. Щедринымъ въ общество идеи? Но съ этимъ вопросомъ сочтусь за г. Утина я, ибо, какъ уже было сказано, считаю разборъ личныхъ взглядовъ писателя, и въ особенности писателя-сатирика, обязательнымъ и необходимымъ.

Итакъ, каковы же идеалы, симпатіи, стремленія г. Щедрина? Чего онъ хочетъ, куда зоветъ, въ чемъ суть и смыслъ его воззрѣній? Какія сѣмена сѣетъ онъ?..

Будущее принадлежитъ писателямъ народнымъ и только имъ однимъ. Чтобы имѣть право на безсмертіе, писатель долженъ быть понятъ своимъ народомъ, и это возможно только при условіи его единомыслія съ нимъ. Вотъ тутъ-то и кроется, быть-можетъ, причина того страннаго обстоятельства, о которомъ я упомянулъ выше,—что г. Щедринъ не оставляетъ намъ послѣ себя школы и что сатира его стоитъ совершенно одинокою въ нашей литературѣ. Говорю это потому, что г. Щедринъ, положительно, непароденъ. Доказательствъ тому можно привести очень много, и прежде всего, разумѣется, самый смѣхъ его. Г. Щедринъ смѣется какъ-разъ такимъ смѣхомъ, которымъ русскій народъ (я говорилъ уже объ этомъ) никогда не смѣялся. Смѣхъ г. Щедрина, во-первыхъ,—смѣхъ ради смѣха. Лучше всего и рельефнѣе всего указалъ на это Писаревъ, безсмертное замѣчаніе котораго о „Трефандосахъ“ и „фикахъ“ я не могу не выписать дословно. Вотъ оно: „Г. Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно характеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:—Греческій человѣкъ Трефандосъ! восклицаетъ онъ (пѣхотный командиръ), выходя съ трефъ. Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.—Фики! продолжаетъ командиръ, выходя съ пиковой масти.—Ой, да перестань же, пострѣлъ!—говоритъ генералъ Голубчи-

ковъ, покатываясь со смѣху:—вѣдь, этакъ я всю игру съ тобой перепутаю". Не кажется ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что г. Щедринъ говоритъ вамъ: „Трефандосъ" и „фики", а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смѣху, кричите безсильнымъ голосомъ: „Ой, да перестань же, пострѣлъ! Всю игру перепутаю!" Но неумолимый острякъ не перестаетъ, и вы, дѣйствительно, путаете игру, т.-е. сбиваетесь съ толку и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно, „тайные поросячьи амуры". „новая затыкаемость старой поглощаемости" и, особенно, „сукинъ сынъ тузъ" не чета „греческому человѣку Трефандосу". Остроты г. Щедрина смѣлѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пѣхотнаго командира, но зато и смѣется надъ остротами г. Щедрина не одинъ глуповскій генералъ Голубчиковъ, а вся наша читающая публика и въ томъ числѣ наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь". Кто не согласится и въ наши дни съ г. Писаревымъ? Кто не скажетъ заодно съ нимъ, что смѣхъ господина Щедрина зачастую не имѣетъ себѣ никакого другого оправданія, какъ желаніе во что бы то ни стало разсмѣшить читателя? Чѣмъ инымъ, кромѣ этого желанія, можно извинить и объяснить, напримѣръ, слѣдующія строки изъ разсказа: *На зарѣ ты ея не буди* въ *Помпадурахъ и помпадуршахъ*. Описывается балъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего объясняется: „Демуазельки прохаживаются по залу вереницами, очень часто убѣгаютъ въ уборную и, возвратившись оттуда, о чемъ-то шепчутся и хихикаютъ"... Чѣмъ, кромѣ этого желанія смѣшить, мы объяснимъ себѣ хотя бы, напр., и все то, въ одномъ изъ новыхъ очерковъ г. Щедрина *За рубежомъ*, что онъ разсказываетъ тамъ о своемъ завтракѣ съ Лабуле. „На лицѣ Лабуле,—говоритъ г. Щедринъ,—выразилась живѣйшая радость при мысли, что ему предстоитъ позавтракать на чужой счетъ". И вотъ, когда они позавтракали, и Лабуле упился виномъ и заснулъ, г. Щедринъ, видите ли, рѣшилъ подшутить надъ нимъ: всталъ и ушелъ, не заплативши. Къ чему все это? Что это такое? Г. Писаревъ думалъ, что тутъ играетъ роль скудоуміе; я думаю нѣсколько иначе. Но не будемъ уклоняться въ сторону. Такихъ примѣровъ, гдѣ господинъ Щедринъ смѣется и смѣшитъ совершенно безъ толку, гдѣ его смѣхъ не только не русскій, но и, просто

глупый неумѣстный смѣхъ, можно найти очень много. Привожу нѣкоторые: 1) Постоянныя, встрѣчающіяся и въ той же статьѣ *За рубежомъ*, и въ очеркѣ *Скрежетъ зубовный*, и во многихъ другихъ насмѣшки и подхихикиванья надъ русскими народными поговорками, въ родѣ: „сила солому ломитъ“, „плетью обуха не перешибешь“, „ѣшь пирогъ съ грибами и держи языкъ за зубами“, „человѣку дано два уха и одинъ языкъ“ и т. д., насмѣшки, ровно ни къ чему не ведущія и ровно ничего не доказывающія. 2) Знаменитое, въ той же статьѣ, описаніе Парижа, который „воняетъ“, описаніе всѣмъ извѣстное. 3) Безпрестанное повтореніе одной и той же фразы, почему-либо поправившейся г. Щедрину, въ родѣ, напр., этихъ самыхъ „фиковъ“, „Трефандосовъ“, или „Oh, comme je vous comprends, mon général“ [1]) (*Господа Ташкентцы*), „шутъ“ (ibid.), „благоглупости“, „благоудивленіе“, „благоприношеніе“ и проч. и проч. 4) Совсѣмъ непонятное и необъяснимое, хотя далеко нерѣдко проглядывающее въ разсказахъ г. Щедрина глумленіе надъ географіей, Чебоксарами, Ржевомъ, Старицей, Измаиломъ и т. д. 5) Глумленіе надъ вещами, совершенно несмѣшными, какъ, напримѣръ, въ 3 параллели *Ташкентцевъ*, гдѣ г. Щедринъ смѣется надъ семьей Нагарковыхъ едва ли не за то, что они не стремились къ роскоши, а заботились только о чистотѣ, и гдѣ осмѣиваемый имъ въ конецъ Миша Нагарковъ является въ его же собственномъ описаніи совсѣмъ-таки хорошимъ мальчикомъ, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, даже не особенно много. 6) Вступленіе къ фельетону за февраль 1864 г., гдѣ г. Щедринъ говоритъ: „Я посѣтилъ тебя, знакомый уголокъ... посѣтилъ тебя не въ видахъ общенія съ народомъ, конечно, и даже не въ видахъ отысканія нѣкоторой фантастической „почвы“, а просто, какъ говорится, по собственному своему дѣлу“. 7) Единственно смѣха ради, совсѣмъ неидущее къ описываемой личности и какъ бы насильно навязываемое ей зачастую г. Щедринымъ какое-нибудь глупое и скверное дѣяніе или выраженіе. Напримѣръ, въ разсказѣ: *Какъ кому угодно*, гдѣ г. Щедринъ, просто, портитъ прекрасно выдержанный и очень мѣтко очерченный типъ Маріи Петровны, приписывая ей письмо къ любовницѣ ея сына, полное „са-

[1]) О! Я васъ прекрасно понимаю, генералъ.

мыхъ шутливыхъ намековъ“ и разсужденія о младшемъ сынѣ Ѳеденькѣ: „Господи! да неужто есть на свѣтѣ такая женщина, которая можетъ противиться моему молодцу!“ 8) Въ поэмѣ *Сатиры въ Прозѣ*, въ сценахъ *Погоня за счастьемъ*, является къ чему-то въ пріемную генерала дама подъ вуалью, которая „забыла“, зачѣмъ пришла. 9) Совсѣмъ лишняя и ни къ чему нейдущая насмѣшка надъ балетомъ за то, что онъ стоитъ въ противорѣчіи „не только съ Галилеемъ, но и съ географіей Арсеньева и исторіей Смарагдова“, т.-е. за то, что тамъ данъ широкій просторъ фантазіи, встрѣчается рядъ явленій, выходящихъ за предѣлы возможнаго (*Признаки времени*, *Проектъ современнаго балета*). 10) Въ *Семействѣ Головлевыхъ* г. Щедринъ, разсмѣявшись разъ, уже не останавливается и смѣется надо всѣмъ, что попадается подъ-руку, даже надъ наивною честностью мужика, принесшаго послѣ смерти Павла Владимировича Головлева три рубля, которые былъ ему долженъ и которые, конечно, могъ не приносить.

В. Куницкій.

„Запутанное дѣло“ [1]).

Дореформенная Россія и эпоха первыхъ преобразованій.

*) Первые дебюты г. Салтыкова совпадаютъ съ однимъ изъ тѣхъ слишкомъ рѣдкихъ и слишкомъ короткихъ моментовъ, которые служатъ кульминаціонными точками въ исторіи нашей литературы, а, слѣдовательно, и нашего общества. Это былъ 1847 годъ, когда вліяніе Бѣлинскаго достигло своего апогея, когда кругомъ него группировалась цѣлая плеяда свѣжихъ, много обѣщавшихъ—и большею частью много сдержавшихъ—дарованій, когда Гоголь еще не напечаталъ

---

[1]) „Вѣсти. Европы“, 1883 г., № 1 („Русская обществ. жизнь въ сатирѣ Щедрина“).

*) Эта статья представляетъ собою одну изъ главъ довольно обширнаго очерка о произведеніяхъ Щедрина, напечатаннаго въ „Вѣсти. Европы“, подъ общимъ заглавіемъ: „Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова“. Въ виду того, что эти очерки являются до сихъ поръ наиболѣе полнымъ критическимъ обзоромъ произведеній нашего сатирика, я ихъ помѣщаю съ елико возможно меньшими сокращеніями. Очерки эти принадлежатъ извѣстному публицисту и юристу Конст. Конст. Арсеньеву.

К. К. Арсеньевъ принадлежитъ къ числу наиболѣе видныхъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы“. Его внутреннимъ обозрѣніямъ, которыя онъ сталъ вести съ 1880 г., журналъ обязанъ тѣмъ, что къ его мнѣнію прислушиваются все мыслящее русское общество и правящія сферы.

Кон. Кон. родился въ Петербургѣ въ 1837 г. Въ 1855 г., по окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія, опредѣлился на службу въ министерство юстиціи. Литературную свою дѣятельность К. К. началъ въ томъ же журналѣ, что и Щедринъ,—„Русскомъ Вѣстникѣ“, въ его героическій періодъ существованія (1858-61 гг.). До 1862 г. К. К. дѣлитъ свои силы между службой и литературными занятіями, а съ этого времени всецѣло отдается литературѣ, ставъ постояннымъ сотрудникомъ „Отечеств. Записокъ“ и участвуя въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ (редакція В. Ѳ. Корша). Въ 1866 г. К. К. поступаетъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и здѣсь занимаетъ выдающееся положеніе. Съ 1882 г. исключительно посвящаетъ себя литературному труду. Въ „Вѣстникѣ Европы“ К. К. участвуетъ съ момента основанія журнала, т.-е. съ 1866 г. *Прим. Н. Денисюка.*

„Переписки съ друзьями“, когда создавалась натуральная школа, появлялись первыя стихотворенія Некрасова, первые разсказы Тургенева, первыя повѣсти Достоевскаго и Григоровича, когда выходили въ свѣтъ такіе романы, какъ: „Кто виноватъ“ и „Обыкновенная исторія“. Ненастью, уже близкому, предшествовало затишье; печать пользовалась сравнительнымъ просторомъ, пользовалась имъ широко, точно торопясь ловить скупо отсчитанныя минуты. Еще сильнѣе дѣйствовало на умы все совершавшееся и готовившееся въ то время за границей, особенно во Франціи.

„Изъ Франціи,—говоритъ г. Салтыковъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій *(За рубежомъ)*,—разумѣется, не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и, въ особенности, Жоржъ-Занда лилась на насъ вѣра въ человѣчество; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ. Въ Россіи мы существовали лишь фактически, или, какъ въ то время говорилось, имѣли *образъ жизни*; но духовно мы жили во Франціи. И Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ—все это были какъ бы личные враги (право, даже болѣе опасные, чѣмъ Л. В. Дубельтъ *), успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ—радовалъ. Агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо, февральскіе банкеты—все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ-будто происходило вчера“.

Такова была атмосфера, которую полною грудью вдыхалъ въ себя молодой начинающій писатель. Не долго, однако, продолжалось въ немъ раздвоеніе между фактическою и духовною жизнью. Французскія „вѣянія“, во власть которыхъ онъ отдался, отличались отъ нѣмецкихъ—только-что потерявшихъ господство надъ русскою интеллигенціей—именно тѣмъ, что они не позволяли мысли кочевать безъ конца внѣ времени и пространства. Чѣмъ больше свѣта и шири было въ создаваемыхъ ими идеалахъ, тѣмъ неизбѣжнѣе и скорѣе должна была броситься въ глаза русская дѣйствительность, темная, сдавленная, безотрадная. Въ *Запутанномъ дѣлѣ* мы видимъ автора опустившимся если не на самое дно этой дѣйствительности, то въ одинъ изъ наиболѣе мрачныхъ уголковъ ея.

Главное лицо повѣсти—одинъ изъ тѣхъ „забитыхъ людей“, изъ тѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, которыхъ начинала выдвигать на первый планъ тогдашняя беллетристика. Иванъ Самойлычъ Мичулинъ—прямой потомокъ Акакія Акакіевича и близкій родственникъ Макара Алексѣевича

*) Генералъ Дубельтъ—начальникъ штаба корпуса жандармовъ. *Н. Д.*

Дѣвушкина. Протестъ беззащитнаго героя „Шинели“ не идетъ дальше словъ: „Оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете“,— вызываемыхъ острымъ чувствомъ личной боли; въ героѣ „Бѣдныхъ людей“, несмотря на всю его скромность, мысль работаетъ уже сильнѣе, приводится въ дѣйствіе зрѣлищемъ чужого горя, возвышается до обобщеній, до параллелей. Сквозь слезы чувствуется здѣсь уже негодованіе—негодованіе не только на отдѣльныхъ людей, эксплуатирующихъ слабость и безпомощность, но и на условія, благопріятствующія эксплуатаціи. При видѣ пышныхъ экипажей, съ разодѣтыми дамами, съ лакеями „въ эполетахъ и при шпагѣ“, Макаръ Алексѣевичъ вспоминаетъ о Варенькѣ, зябнущей гдѣ-то въ бѣдномъ углу, изнуряющей себя работой; онъ ропщетъ на судьбу, пристрастную къ немногимъ, несправедливую къ массѣ. „Отчего это такъ все случается,—говоритъ онъ,—что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? И вѣдь, бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься!“ Такія же мысли насвистывалъ и Ивану Самойлычу холодный осенній вѣтеръ—мысли „черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ себѣ покойно въ театрахъ, или, просто, дома одинъ-на-одинъ съ нѣжною подругой“. „Россія, — думалъ дальше господинъ Мичулинъ,—государство обширное, обильное и богатое; да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ“. Отецъ Ивана Самойлыча снабдилъ его на прощанье напутственнымъ завѣтомъ: „Не пререкословь, не спорь, смиряйся—и будешь ты вознесенъ премного, ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ“. Этотъ завѣтъ — какъ разъ по-плечу молодому человѣку, робкому, слабому, заранѣе согнутому въ три погибели; и тѣмъ не менѣе, ему по временамъ приходитъ въ голову мысль, что „онъ обманывалъ себя насчетъ покорности, уклоненія и другихъ полезныхъ добродѣтелей, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требуетъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы“. „Жизнь — лотерея“,

подсказываетъ ему привычное міросозерцаніе; „смиряйся и терпи!“ „Оно такъ,—отвѣчаетъ какой-то недоброжелательный голосъ,—но почему жъ она лотерея, *почему жъ бы не быть ей, просто, жизнью?*“ Горькая, жалкая участь бѣдняка, которому ничего не удается, передъ которымъ одна за другою захлопываются всѣ двери, принимаетъ въ его собственныхъ глазахъ размѣры какого-то общаго дѣла, какого-то общаго вопроса и разрастается, наконецъ, подъ вліяніемъ горячечнаго бреда, въ громадную галлюцинацію. Ивану Самойлычу чудится безчисленное множество колоннъ, принимающихъ кверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе и составляющихъ, такимъ образомъ, совершенно правильную пирамиду. Каждая колонна—масса живыхъ людей, насаженныхъ одинъ на другого; въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба Иванъ Самойлычъ узнаетъ самого себя

„въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. Его голова была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, обратилась даже въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Во всей фигурѣ этого страннаго, миѳическаго Мичулина выражался такой умственный пауперизмъ, такое нравственное ничтожество, что настоящему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжко, и онъ съ силою устремился, чтобы вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ, со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ, обратилъ взоръ свой выше. И чѣмъ дальше забирался этотъ взоръ, тѣмъ окоченѣе казались Ивану Самойлычу люди...“

По внутренней силѣ, по образности языка приведенная нами страница можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими произведеніями тогдашняго времени. Смутные намеки принимаютъ здѣсь осязательную форму; накипѣвшее чувство льется черезъ край, едва прикрытое прозрачною аллегоріей. Если бы все остальное въ *Запутанномъ дѣлѣ* стояло на той же высотѣ, первая повѣсть г. Салтыкова представляла бы до сихъ поръ не одинъ только историческій интересъ. Теперь мы видимъ въ ней лишь „пробу пера“, одинаково характеристичную для автора и для эпохи. Галлюцинація Ивана Самойлыча связана съ дѣйствіемъ бѣлыми нитками; бѣды, постигающія героя, такъ же мелки, какъ и его натура — ни то ни другое не подготовляетъ, не объясняетъ широкаго размаха мысли, создающаго фантастическую пирамиду. Господину Мичулину не удается получить мѣста, не

удается сблизиться съ Наденькой; ни въ чемъ не виноватый, онъ попадаетъ въ часть, но скоро выпускается оттуда на всѣ четыре стороны. Сзади него, въ видѣ всегда открытаго убѣжища, рисуется родительскій домъ, неказистый, но по крайней мѣрѣ теплый и спокойный. Въ его прошедшемъ и настоящемъ, въ его будущемъ слишкомъ мало того глубокаго, хотя и будничнаго, заурядnаго трагизма, которымъ запечатлѣна судьба Макара Алексѣевича, Вареньки, старика Покровскаго, который и до сихъ поръ придаетъ неотразимую силу „Бѣднымъ людямъ“. Въ обрисовкѣ другихъ дѣйствующихъ лицъ *Запутаннаго дѣла*—Ивана Макарыча, Шарлотты Готлибовны, Беобахтера, Алексиса — замѣтны только первые проблески щедринскаго юмора, еще не нашедшаго своей дороги, не выработавшаго своей оригинальной формы. Будущій сатирикъ сказался только въ умѣньѣ подмѣтить комическое выраженіе тенденцій, по существу своему симпатичныхъ автору. Беобахтеръ — послѣдователь и пропагандистъ тѣхъ самыхъ французскихъ доктринъ, подъ властью которыхъ находился тогда г. Салтыковъ; но онъ усвоилъ себѣ, и то не вполнѣ, только внѣшнюю ихъ сторону, сузилъ богатое содержаніе ихъ въ одну формулу, выражаемую простымъ жестомъ—и играетъ въ повѣсти, сообразно съ этимъ, роль, безусловно, смѣшную. Онъ даетъ Мичулину „крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами“, и торжественно говоритъ ему: „Прочтите и увидите... тутъ все!.. понимаете?“ „Маленькій и приземистый Беобахтеръ быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины“. Ничуть не серіознѣе Беобахтера и Алексисъ, несмотря на то, что онъ читаетъ Бруно Бауера и Фейербаха.

К. Арсеньевъ.

„Губернскіе Очерки" [1]).

Непосредственнымъ результатомъ „крутогорской" дѣятельности г. Салтыкова явились *Губернскіе Очерки*, обнародованіе которыхъ совпало съ перемѣной „мундирныхъ фраковъ" на „мундирные полукафтаны". Для русскаго человѣка наступилъ тогда, въ самомъ дѣлѣ, моментъ переодѣванія, отчасти par ordre, отчасти по собственному побужденію. Изъ-подъ стараго костюма, сброшеннаго на половину, стало видиѣться многое, бывшее до тѣхъ поръ незамѣтнымъ для глаза или недоступнымъ для обсужденія. *Губернскіе Очерки* нарисовали знакомую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новую картину—знакомую по частностямъ, съ которыми больше или меньше сталкивался каждый, новую по освѣщенію, по группировкѣ, по отдѣлкѣ фигуръ и общаго фона. Губернская администрація, изображенная въ „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ душахъ", была чѣмъ-то невиннымъ, розовымъ въ сравненіи съ тою, которая предстала передъ нами въ хроникѣ Крутогорска. Кто пережилъ сознательно 1856 годъ, тотъ, безъ сомнѣнія, не забылъ и никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго первыми серіями *Губернскихъ Очерковъ*. Это было слово, сказанное во-время и кстати, слово, котораго всѣ ожидали, которое давало отвѣтъ—неполный, но поразительно яркій—на цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ. Зло, обнаруженное только-что окончившеюся войной, являлось здѣсь если не въ своемъ источникѣ, то въ одной изъ самыхъ главныхъ, самыхъ постоянныхъ своихъ формъ: продажность, испорченность, бездарность, изъ-за которыхъ голодали, мерзли, гибли наши войска на пути въ Крымъ и за

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1883 г., № 1 („Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова").

севастопольскими стѣнами,—выступили на сцену, какъ нормальная принадлежность русскаго административнаго строя. Обличительное слово раздалось съ искренностью, давно небывалою, было выше и шире, чѣмъ прежде. Способствовало успѣху *Губернскихъ Очерковъ* и то обстоятельство, что они печатались въ журналѣ, быстро занявшемъ—и столь же быстро потерявшемъ—первое мѣсто въ тогдашней періодической литературѣ. 1856 годъ—годъ основанія „Русскаго Вѣстника"—былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и годомъ наибольшаго и наиболѣе заслуженнаго его успѣха. Идеалъ московскаго журнала, ясно намѣченный съ перваго раза, былъ въ это время идеаломъ почти всего западническаго лагеря; другой органъ, скоро привлекшій къ себѣ часть передового отряда, оживился и окрѣпъ только въ слѣдующемъ году. Указывая впередъ, въ лучшее будущее, „Русскій Вѣстникъ" долженъ былъ раскрыть, прежде всего, безнадежную несостоятельность прошедшаго, еще не потерявшаго своей силы надъ настоящимъ—и эту, именно, задачу исполнилъ „надворный совѣтникъ Щедринъ", сразу ставшій въ первые ряды воинствующей беллетристики.

Дорога, проложенная *Губернскими Очерками*, немедленно покрылась цѣлою массой подражателей; обличительная литература нѣсколько лѣтъ сряду наводняла собою и газеты и толстые журналы, пока ее, наконецъ, не уложили въ гробъ равнодушіе и утомленіе публики. Гробовую крышку заколотилъ надъ нею, какъ мы увидимъ, тотъ самый писатель, отъ котораго она вела свое существованіе. Изъ всѣхъ безчисленныхъ произведеній этой литературы едва ли что-нибудь уцѣлѣло и уцѣлѣетъ; забыты—и справедливо—даже такія крупныя, сравнительно, вещи, какъ „Старые годы" Печерскаго, забыты самыя имена Селиванова, Елагина и др. Само-собою разумѣется, что и въ *Губернскихъ Очеркахъ* многое устарѣло, многое интересно только изъ-за послѣдующей дѣятельности автора; разсматриваемые какъ цѣлое, они сохраняютъ, однако, большую жизненную силу. Дѣло въ томъ, что въ области обличительной литературы они стоятъ, такъ-сказать, только одною ногой. Внѣшняя сторона міра кляузъ, взятокъ, злоупотребленій преобладаетъ только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр., въ обоихъ „Разсказахъ подьячаго", въ „Непріятномъ посѣщеніи", въ „Обманутомъ подпоручикѣ"); смѣсью анекдота съ былью авторъ

ограничивается весьма рѣдко. На первый планъ выступаетъ психологія чиновничьяго быта, выступаютъ такія характерныя фигуры, какъ „озорникъ“, какъ „надорванный“, какъ Порфирій Петровичъ. „Человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій“—это родной братъ Чичикова, только усѣвшійся на „злачномъ, прохладномъ“ мѣстѣ, промѣнявшій кочующую жизнь на семейный очагъ, рискованныя аферы—на систематическое пользованіе „безгрѣшными доходами“. „Надорванный“ и „озорникъ“—это экземпляры, сравнительно, новые, это переходныя ступени къ „ташкентцамъ“ и „помпадурамъ“ семидесятыхъ годовъ. Проницательный взглядъ г. Салтыкова сумѣлъ уловить процессъ зарожденія типовъ, изобразить которые во всей полнотѣ и во всемъ блескѣ суждено было ему же, въ другомъ періодѣ его жизни. „Je suis un homme comme il faut“ [1])—такъ опредѣляетъ себя самъ „озорникъ“:—„я хочу имѣть и хорошую сигару, и стаканъ добраго шато-дикема; я *долженъ* быть прилично одѣтымъ; мнѣ *необходимо*, чтобы у меня въ домѣ было все комфортабельно—le gouvernement me doit tout cela... [2]). Говорятъ, будто необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы умѣть имъ управлять съ пользой. Mon cher, je vous dirai franchement que tout ça c'est des utopies [3]). Какія могутъ быть тутъ нужды? Ну, я спрашиваю васъ? Знаетъ ли *онъ*, для чего ему дана жизнь? Можетъ ли онъ понять, se faire une idée [4]) о томъ, что̀ такое назначеніе человѣка?“ Не слышится ли въ этихъ словахъ прототипъ Петеньки, Ѳеденьки и другихъ, прошедшихъ курсъ науки, по позднѣйшему выраженію сатирика, въ ресторанахъ Бореля и Донона? У „озорника“ есть и свои высшіе взгляды, своя теорія „истиннаго просвѣщенія“, торжество котораго должно предшествовать распространенію грамотности; эта теорія не лучше и не хуже тѣхъ прожектовъ „административной децентрализаціи“, о которыхъ бесѣдуютъ, лѣтъ пятнадцать спустя, Петя Боковъ и Митенька Козелковъ [5]). Въ Филоверитовѣ—„надорванномъ“—еще говоритъ

[1]) Я человѣкъ порядочнаго общества.

[2]) Все это мнѣ должна предоставить губернія.

[3]) Я сказалъ бы вамъ откровенно, что это—утопія.

[4]) Отдать себѣ отчетъ.

[5]) См. „Она еще едва умѣетъ лепетать“ въ „Помпадурахъ и помпадуршахъ“.

совѣсть, еще не угасло чувство; онъ отличается этимъ отъ истыхъ ташкентцевъ, но и то скорѣе количественно, чѣмъ качественно, потому что и у ташкентца иногда „болѣзненно бьется и сжимается сердце“. Начальникъ Филоверитова „искалъ для своихъ домашнихъ потребностей такую собаку, которая сочла бы за удовольствіе закусать до смерти другихъ вредоносныхъ собакъ. Чувствуешь ли ты въ себѣ—спросилъ онъ Филоверитова,—столько силы, чтобы быть всегда озлобленнымъ, всегда готовымъ бодро и злокачественно слѣдовать указанію перста моего?“ Вопрошаемый сошелъ въ самого себя—и убѣдился, что въ состояніи оправдать возлагаемыя на него надежды. „Я дошелъ до убѣжденія,—говоритъ Филоверитовъ,—что человѣкъ официальный, въ своей маленькой сферѣ, не имѣетъ права обладать ни однимъ изъ пяти чувствъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность всякаго обыкновеннаго человѣка. Что я такое и что значу въ этой громадѣ администраціи? Я не больше, какъ ничтожный атомъ, который ни на пядь не можетъ выйти изъ очарованнаго круга, начертаннаго для него невидимою рукою“. Девизъ Филоверитова—служебный долгъ, въ педантически-формальномъ смыслѣ этого слова. Какъ ни далеко отсюда до ташкентскаго девиза: *жрать*, но *неукоснительность исполненія*, свойственная „надорванному“ наравнѣ съ „цивилизаторами“, соединяетъ ихъ преемственною связью, узелъ которой—въ понятіи о „вредоносныхъ собакахъ“ и о необходимости ихъ загрызенія. Пускай только раздвинется кругъ субъектовъ и объектовъ травли—и къ рѣдкимъ фанатикамъ долга непремѣнно присоединятся цѣлыя стаи фанатиковъ практическаго эпикуреизма. Въ *Губернскихъ Очеркахъ* эта послѣдняя разновидность представлена множествомъ экземпляровъ (Иваны Петровичи, Фейеры, Живновскіе, Живоглоты); но они еще не призваны на службу въ разные внутренніе ташкенты—и упражняютъ свои способности и аппетиты на скромной аренѣ заурядныхъ дознаній, слѣдствій и всякихъ административныхъ мѣропріятій.

Связь между сочиненіями г. Салтыкова такъ велика, что иллюстрацію къ мысли, высказанной въ одной сатирѣ, часто можно найти въ другой, гораздо болѣе ранней или болѣе поздней. Помѣщикъ Перегоренскій, выведенный на сцену въ *Губернскихъ Очеркахъ*—живой представитель той корпора-

ціи ябедниковъ, о которой, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ, говоритъ безшабашный совѣтникъ Удавъ *(За рубежомъ)*:

„Въ древнія времена ябедникъ былъ сосудомъ, въ которомъ общественная скорбь находила единственное и всегда готовое убѣжище. За двугривенный человѣкъ рисковалъ, что его и въ бараній рогъ согнутъ, и туда зашвырнутъ, куда воронъ костей не заносилъ! И сколько было нужно презрѣнія къ житейскимъ благамъ въ сердцѣ накопить, чтобы, несмотря ни на какія перспективы, въ столь опасномъ ремеслѣ упражненіе имѣть! А сколько ихъ погибло... всячески погибло-съ! И подъ бременемъ презрѣнія отъ своихъ, и подъ начальственнымъ давленіемъ! Полки можно было бы изъ этихъ ревнителей поруганной общественной совѣсти сформировать! Сегодня десять ябедниковъ загублено—а завтра, на ихъ мѣстѣ, новыхъ двадцать явилось!“

Чиновничье полновластіе, ограниченное ябедничествомъ—вѣдь, это конституція своего рода, или если не конституція, то, по крайней мѣрѣ, „мерцаніе надеждъ“! Все сказанное Удавомъ мы можемъ провѣрить въ лицахъ, если раскроемъ въ *Губернскихъ Очеркахъ* разсказъ о пріѣздѣ ревизора въ уѣздный городъ (*Непріятное посѣщеніе*) или картины острожной жизни. Передъ Алексѣемъ Дмитричемъ трепещетъ городничій, трепещетъ исправникъ (самъ Живоглотъ!)—но не трепещетъ господинъ Перегоренскій.

„Защиты! о защитѣ взываю я къ вашему высокородію! Защиты невиннымъ, защиты угнетеннымъ! Не доносъ... нѣтъ, роль доносчика далека отъ меня! Не съ доносомъ дерзнулъ я предстать предъ лицо вашего высокородія! Слова мои будутъ простымъ извѣщеніемъ, которое, по смыслу закона обязательно для всякаго вѣрноподданнаго“.

Такъ выражается Перегоренскій въ началѣ своей бесѣды съ ревизоромъ; но въ концѣ послѣдній обращается уже въ „раба лукаваго и лѣниваго“, въ „коварнаго царедворца“, пріемлющаго „дань плотоядности“, и на горизонтѣ является грозный призракъ жалобы господину министру. Даже тюрьма безсильна смирить Перегоренскаго; не онъ боится смотрителя, а смотритель боится его; боятся его и другіе, поставленные гораздо выше смотрителя. Онъ называетъ себя поклонникомъ правды и ненавистникомъ лжи—и какъ ни дики эти слова въ устахъ человѣка, создавшаго себѣ профессію изъ доносовъ, они не вовсе лишены основанія. Перегоренскіе говорили среди всеобщаго молчанія—вотъ, въ чемъ заключалась ихъ сила; но хорошо то положеніе вещей, при которомъ слово было монополіей Перегоренскихъ!

Мы сказали уже, что *Губернскіе Очерки*—это психологія дореформеннаго чиновника. Передъ нами проходятъ не какіе-нибудь нравственные уроды, неизвѣстно чему обязанные своимъ происхожденіемъ; мы видимъ, бо́льшею частью, обыкновенныхъ людей, не совсѣмъ хорошихъ, но и не совсѣмъ дурныхъ—видимъ ихъ такими, какими сдѣлали ихъ обстоятельства, условія жизни. И Порфирій Петровичъ, и Демьянъ Ивановичъ—добрые мужья и отцы семейства. Господинъ Желваковъ даетъ у себя пріютъ чуть не десяти родственницамъ-сироткамъ; самъ Фейеръ любитъ свою Каролинхенъ и плачетъ вмѣстѣ съ нею, напѣвая нѣмецкіе романсы. Генезисъ взяточничества и всего связаннаго съ нимъ изображенъ особенно удачно въ двухъ этюдахъ: *Первый шагъ* и *Скука*—въ первомъ для мелкой чиновничьей рыбки, во второмъ для крупныхъ административныхъ щукъ. Нищета, приниженность, пьянство—вотъ, въ немногихъ словахъ, исторія паденія столоначальника или секретаря, въ родѣ героя „Перваго шага"; мертвящее однообразіе губернской или уѣздной жизни, отсутствіе умственныхъ интересовъ, жажда комфорта, лѣнь, товарищеское болото, та же приниженность, только въ слегка облагороженной формѣ—вотъ, нѣсколько болѣе сложный маршрутъ, проходимый въ высшихъ сферахъ провинціальнаго общества.

Тяжелая, душная атмосфера, неподвижно, чуть не цѣлые вѣка стоявшая надъ Крутогорскомъ, не могла освѣжиться сразу, какъ бы силенъ ни былъ внезапно подувшій вѣтеръ. Была, правда, короткая минута, когда невозможное казалось возможнымъ, когда надеждамъ на радикальное обновленіе поддавался даже упрямый пессимизмъ. *Губернскіе очерки* заканчиваются погребеніемъ „прошлыхъ временъ"; знаменательно, однако, что похоронную процессію авторъ видитъ во снѣ, и что въ голосѣ Буеракина, объясняющаго ея смыслъ, слышится „та же болѣзненная иронія, которая и прежде такъ непріятно дѣйствовала на нервы". Скептицизмъ Буеракина скоро нашелъ себѣ полное оправданіе; „прошлыя времена" предъявили громкій протестъ противъ попытки уложить ихъ въ могилу. Завязалась борьба за существованіе, всегда идущая параллельно съ приспособленіемъ къ новымъ условіямъ. Ея прологомъ служили альтернативы страха и надежды, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока еще можно было сомнѣваться въ наступленіи

новыхъ условій; затѣмъ слѣдуютъ уступки, компромиссы—потомъ часть уступокъ берется назадъ, и, наконецъ, установляется, впредь до новаго переполоха, modus vivendi, гораздо болѣе похожій на старину, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по важности преобразованій. Всѣ эти акты административной трагикомедіи проходятъ передъ нашими глазами, когда мы читаемъ г. Салтыкова. Преобладаніе надежды надъ страхомъ мы видимъ въ *Нашемъ дружескомъ хламѣ (Невинные разсказы)*, преобладаніе страха надъ надеждой—въ *Нашемъ губернскомъ днѣ (Сатиры въ прозѣ)*.

К. К. Арсеньевъ.

„Сатиры въ прозѣ“ [1]).

Расширяя все больше и больше рамки своего изслѣдованія, г. Салтыковъ перенесъ дѣйствіе его изъ Крутогорска въ Глуповъ. Крутогорскъ—это преимущественно обиталище чиновниковъ; онъ имѣетъ нѣкоторыя мѣстныя, ему одному свойственныя черты („губернія дальняя, не дворянская, купечества настоящаго нѣтъ“ и т. п.), хотя, конечно, это не мѣшаетъ ему быть до крайности похожимъ на всѣ вообще города россійской имперіи. Глуповъ—это понятіе гораздо болѣе обширное; это тотъ типическій городъ, исторію котораго, нѣсколькими годами позже, написалъ г. Салтыковъ. Чиновники въ Глуповѣ—только первые между равными; объектомъ изученія является, вообще, глуповецъ, глуповскій гражданинъ или, правильнѣе сказать, обыватель [2]). Въ Глуповѣ во всякое время, когда угодно, тишина и благораствореніе воздуховъ. Рѣка Глуповица, на которой онъ стоитъ, весной гудитъ, лѣтомъ журчитъ, осенью шлепается о берега—но всѣми этими звуками одинаково удачно усыпляетъ прибрежныхъ жителей; зимою они сладко спятъ подъ звуки собственнаго своего храпѣнья. Наѣзжала нѣкогда въ Глуповъ Минерва—богиня.

„Пожелала она, матушка, узнать, какую это думу мудреную думаетъ Глуповъ. Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: скажите, дескать, мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуповцы кланялись и потѣли; самый, что́ называется, горланъ ихній хотѣлъ-было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. Наконецъ, Богъ-вѣсть откуда раздался голосъ: лихо бы теперь соснуть было! Минерва милостиво улыбнулась. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами“.

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1883 г., № 1 („Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова“).

[2]) См. „Клевету“ и „Наши глуповскія дѣла“—въ „Сатирахъ въ прозѣ“.

Глуповское общество (конечно, высшее)—это именно то общество „хорошихъ людей", о которыхъ сложилась русская пословица: „Сальныхъ свѣчей не ѣдятъ, стекломъ не утираются".

„Между *хорошими* людьми добраго стараго времени (old merry Glouposh) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pur sang. Почему они назывались *хорошими* людьми, а не канальями—это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило отъ того, что надъ упомянутыми выше качествами парило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о вмѣняемости".

Доброе старое время прошло; наступило *возрожденіе*.

„Но что можетъ значить глуповское возрожденіе?.. Воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовмѣстное, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи".

Возрожденіе вызвало въ Глуповѣ новыя страсти и новыя понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Отсюда настоящая оргія сплетни и клеветы, этихъ исконныхъ, излюбленныхъ глуповскихъ времяпрепровожденій. Они наполняютъ пустоту глуповской жизни, скрадываютъ пустоту глуповской мысли. Міросозерцаніе глуповцевъ состоитъ въ отсутствіи всякаго міросозерцанія; предложите глуповцу вопросъ, какого онъ образа мыслей,—онъ сначала не пойметъ, потомъ расхохочется, принявъ вопросъ за милую шутку. Суррогатомъ отсутствующаго міросозерцанія служитъ небольшая коллекція извнѣ полученныхъ и наизусть выученныхъ предписаній, въ родѣ знаменитыхъ правилъ: „Цвѣтовъ не рвать, травы не мять, птицъ и рыбъ не пугать". Этими предписаніями продолжаютъ довольствоваться и *новоглуповцы*, новые „хорошіе люди"; различіе между ними и староглуповцами чисто наружное, глуповскій air fixe—атмосфера общая для тѣхъ и другихъ.

„Новѣйшій *хорошій* человѣкъ въ карты ни-ни, исторій съ рылами, микитками и подсалазками удаляется, buvons употребляетъ лишь благороднымъ манеромъ, т.-е. душитъ шампанское и презираетъ очищенную, и только къ aimons обнаруживаетъ прежнее сходное пристрастіе. Зато прямъ, какъ аршинъ, поджаръ, какъ борзая собака, высокомѣренъ, какъ семинаристъ, дерзокъ, какъ губернаторскій камердинеръ... Старый глуповецъ представлялся милымъ уже потому, что былъ не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ и въ то же время утратилъ способность быть милымъ... Попрежнему, глуповцы оказываются бѣдными иниціативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ; попрежнему гибко и недерзновенно пригибаются они то въ ту, то въ другую

сторону, безпрекословно слѣдуя направленію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣпенящихъ родную ихъ равнину изъ одного края въ другой. Попрежнему они наивно открываютъ рты при всякомъ вопросѣ, выработанномъ жизнью, и не могутъ дать никакого отвѣта, не справившись напередъ въ многотомномъ и, къ сожалѣнію, еще не съѣденномъ мышами архивѣ канцелярской рутинной мудрости... Старый глуповецъ видѣлъ слова „правилъ“ написанными на доскѣ, и выполнялъ ихъ не разсуждая. Новый глуповецъ не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любуется самимъ собою. Онъ возводитъ исполненіе правила въ принципъ и въ этомъ принципѣ находитъ достаточно содержанія для наполненія всей своей жизни. И горе тому, кто затронетъ новоглуповца въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ: новоглуповецъ докажетъ міру, что и въ Глуповѣ могутъ зарождаться своего рода Робеспьеры, что и глуповская почва способна производить сорванцовъ исполнительности“.

Одно утѣшеніе—недолговѣчность новоглуповцевъ.

„Въ ихъ лицѣ древлеглуповское міросозерцаніе празднуетъ свою послѣднюю, безсмысленную вакханалію; въ ихъ лицѣ оно исчерпываетъ послѣднее свое содержаніе; въ ихъ лицѣ оно торжественно и окончательно заявляетъ міру о своей несостоятельности... „Въ этомъ отношеніи,—восклицаетъ сатирикъ,—я даже чувствую нѣкоторую симпатію къ новоглуповцу. Онъ милъ мнѣ потому, что онъ—послѣдній изъ глуповцевъ“.

Кому же уступятъ мѣсто новоглуповцы, что замѣнитъ собою глуповское міросозерцаніе? На этотъ вопросъ „Невинные разсказы“ и „Сатиры въ прозѣ“ не даютъ опредѣленнаго отвѣта. Поворотъ къ лучшему виднѣется только вдали—до такой степени вдали, что нельзя различить его контуровъ. Въ ближайшемъ будущемъ борьбѣ противъ Глупова предсказывается полный неуспѣхъ, все равно, будетъ ли она поведена съ подходомъ или нахрапомъ [1]). Въ первомъ случаѣ, притворяющійся глуповцемъ рискуетъ сдѣлаться имъ на самомъ дѣлѣ; во второмъ случаѣ, реформатора выживутъ или заклюютъ—какъ святъ Богъ, заклюютъ. Напрасно сталъ бы онъ разсчитывать на *Иванушекъ*:

„Иванушки не смотрятъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все въ землю и въ землю, справедливо разсуждая, что смотрѣть по сторонамъ и парить подъ облаками—дѣло не ихнее. Нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться, когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобы какъ-нибудь не лопнуть съ голоду, а будущее сулитъ только чищеніе сапоговъ и ношеніе подносовъ... Толпа имѣетъ непреклонную вѣру въ роковую неизбѣжность силы; она живетъ не подъ вліяніемъ умозрѣній, но подъ вліяніемъ дѣйствія эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту“.

Обычная дилемма—впередъ или назадъ—запутывается, такимъ образомъ, все больше и больше. Итти впередъ—

[1]) См. введеніе къ „Сатирамъ въ прозѣ“, озаглавленное: „Къ читателю“.

трудно: нѣтъ точекъ опоры; итти назадъ—нельзя: прошедшее невозвратимо. Просторъ, широкій просторъ открытъ только для „конфуза“.

„Бываетъ конфузъ дѣйствительный, конфузъ разумный, заключающій въ себѣ сознательную попытку къ освобожденію жизни отъ одуряющаго попечительства непріязненныхъ ей началъ. Нашъ конфузъ—не такой; въ переводѣ на русскій языкъ онъ означаетъ неумѣнье“...

Чтобы положить конецъ конфузу, нужно

„умѣть различать либерализмъ, какъ результатъ цѣлой жизненной работы, отъ либерализма, не уходящаго въ глубь дальше оконечностей языка,—убѣжденія искреннія—отъ убѣжденій, вызванныхъ прихотью минуты и бо́льшимъ или меньшимъ желудочнымъ засореніемъ. Безсмысленныя фіоритуры либерализма, которыми, какъ древле кашею, наполнены въ настоящее время рты россіянъ, мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его“.

К. К. Арсеньевъ.

„Больное мѣсто“ [1]).

„Дѣти! дѣти!“—такъ заканчиваетъ г. Салтыковъ свои экскурсіи *„въ среду умѣренности и аккуратности“*—„вотъ *больное мѣсто* беззащитнаго, безпомощнаго молчалинства. По мнѣнію моему, оно представляетъ поистинѣ неистощимый родникъ для размышленій, да и для художественнаго воспроизведенія въ немъ чуется весьма небезынтересная канва. Я даже думаю, что тутъ, именно, и таится зерно той заправской русской драмы, которой доднесь никакъ не могла выродить изъ себя русская жизнь... Итакъ, настоящая, захватывающая духъ драма найдена! Но кто же воспроизведетъ ее и когда?“ Одна сторона ея воспроизведена, нѣсколькими годами позже, самимъ лѣтописцемъ современнаго молчалинства—воспроизведена не въ драматической формѣ, но съ поразительною силою. *Больное мѣсто* составляетъ одинъ изъ кульминаціонныхъ пунктовъ творчества г. Салтыкова [2]); это нѣчто столь же законченное, столь же образцовое въ своемъ родѣ, какъ и первый этюдъ, посвященный „столпу“. *Столпъ*—это настоящая сатира, то гнѣвная, то презрительно ироническая, проникнутая негодованіемъ противъ побѣдоносной неправды, противъ чудовищнаго полипа, безчисленными щупальцами пьющаго кровь своей постоянно возрастающей добычи. *Больное мѣсто*—это торжество психологическаго анализа, согрѣтаго глубокимъ чувствомъ и освѣщеннаго глубокою идеей. Если бы намъ нужно было доказать, что г. Салтыковъ—не только замѣчательный сатирикъ, но и одинъ изъ первыхъ нашихъ беллетристовъ, то мы сослались бы, рядомъ съ *Господами Головлевыми*, и на *Больное мѣсто*:

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1883 г., № 3 („Русская общественная жизнь въ сатирѣ Щедрина“).

[2]) Напечатана эта повѣсть въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ“ за 1879 г.; перепечатана—въ „Сборникѣ“.

такъ высоко стоитъ, въ нашихъ глазахъ, эта небольшая повѣсть, съ ея простою завязкой, съ ея единственнымъ героемъ.

Чутье художника-мыслителя выразилось уже въ самомъ выборѣ предмета. Гаврила Степанычъ Разумовъ — это не „Удавъ", въ домѣ котораго также разыгралась семейная драма (см. седьмое „Письмо къ тетенькѣ"); это и не Молчалинъ, привыкшій къ выжидательной системѣ и могущій упрекнуть себя только за „невнушеніе правилъ". Нельзя сказать, чтобы Удавъ былъ совершенно неспособенъ къ страданію, чтобы судьба трехъ сыновей, изъ которыхъ „одинъ пропалъ, другой—попался, третій—остался цѣлъ и выражается о братьяхъ: такъ имъ, подлецамъ, и надо",—оставила его безусловно равнодушнымъ. Нѣтъ, жизнь его существенно измѣнилась уже съ тѣхъ поръ, какъ его „храмина погрузилась въ мракъ и наполнилась шипѣньемъ", вслѣдствіе обособленія элементовъ, сначала угрожавшихъ, а потомъ и дѣйствительно разрѣшившихся „исторіей". Онъ предполагалъ, что подъ старость у него будутъ три утѣшенія (хотя бы только для внимательнаго слушанія анекдотовъ изъ жизни графа Михаила Николаевича), а на повѣрку вышло только одно—да и относительно этого послѣдняго утѣшенія ему пришлось задуматься, „подлинно ли оно утѣшеніе, а не египетская казнь". Потрясающаго впечатлѣнія, однако, потеря Удавомъ двухъ утѣшеній на насъ произвести не можетъ, какъ потому, что Удавъ и искреннее чувство—понятія несовмѣстимыя, такъ и потому, что слишкомъ ужъ очевидна связь между прошедшимъ Удава и предстоящимъ ему будущимъ, слишкомъ заслужена постигшая его кара. Молчалинъ—гораздо болѣе, чѣмъ Удавъ, подходящій субъектъ для семейной драмы; но она могла разразиться надъ нимъ только извнѣ—а такая драма, несмотря на весь свой ужасъ, все-таки не составляетъ еще послѣдняго слова трагизма. Гроза можетъ пройти, солнце можетъ опять показаться на небѣ, жизнь можетъ возвратиться въ прежнюю колею, хотя бы и съ нѣкоторымъ изъяномъ; къ отчаянію, даже въ худшемъ случаѣ, не присоединяется здѣсь вовсе или присоединяется лишь слегка страшная мука самообвиненія. Безповоротенъ только тотъ разрывъ, который идетъ изнутри, котораго не можетъ ни остановить, ни уничтожить ничья посторонняя рука; безгранично и безысходно только то горе, въ составъ котораго

входитъ безплодное раскаяніе. Прошедшее—вотъ, гдѣ коренится главная разница между Разумовымъ и Молчалинымъ; за послѣднимъ имѣются только мелкіе грѣшки, за первымъ есть и крупные счеты. Въ исторіи Удава темныхъ страницъ еще гораздо больше, но онъ почти не сознаетъ ихъ мрака; Разумовъ былъ долго близорукъ, почти до слѣпоты, но глаза его, наконецъ, раскрылись—и раскрылись слишкомъ поздно.

Вся жизнь Разумова сложилась такъ, что любовь къ сыну должна была сдѣлаться для него господствующимъ, единственнымъ, всепоглощающимъ интересомъ. Молодымъ онъ никогда не былъ, такъ-называемаго періода страстей онъ никогда не переживалъ; женился онъ не по любви и даже не по расчету, а для порядка, въ силу одного изъ тѣхъ рѣшеній, „которыя имѣютъ за себя достоинство исконной общепризнанности“. Его рано захватили *тиски*, „съ которыми онъ, съ самой бурсы, до того свыкся, что даже не чувствовалъ ихъ давленія“. Всепроникающею формулой его существованія была служба и сопряженное съ нею *дѣло*.

„Разъ прилѣпившись къ дѣлу, разъ взявши на себя обязательство, выполнить его *по сущей совѣсти*,— т.-е. *какъ приказано*, — Гаврила Степанычъ почувствовалъ свою жизнь до краевъ наполненною. Онъ былъ нечестолюбивъ и даже не понималъ честолюбія. Повышенія и награды хотя и настигали его, но въ установленномъ порядкѣ, а не потому, чтобъ онъ искалъ ихъ; даже „необходимымъ“ онъ сдѣлался не за какія-нибудь потворства начальническимъ страстямъ, а просто, потому, что лучше другихъ вникалъ, лучше другихъ умѣлъ неясному мелканью начальственной мысли найти связное и ясное выраженіе“.

Въ массѣ дѣлъ, которыя проходили черезъ руки Разумова, немало было такихъ, которыя для однихъ оканчивались нравственною обидой, для другихъ — матеріальнымъ ущербомъ; но эти обиды и ущербы прикрывались въ глазахъ Разумова представленіемъ о высшемъ интересѣ,—представленіемъ, принятымъ на вѣру и едва ли означавшимъ что-либо иное, кромѣ простого „приказанія“. Вотъ, почему онъ былъ добросовѣстно убѣжденъ, что „мухи не обидѣлъ“, хотя отъ него пострадали многіе и весьма многіе; вотъ, почему онъ могъ быть даже жестокимъ, хотя жестокость не была въ его натурѣ.

„Бывали, конечно, минуты, когда на него наносило вѣтромъ что-то въ родѣ трупнаго запаха, и когда онъ поневолѣ задумывался. Въ такія минуты онъ выходилъ изъ-за письменнаго стола, къ которому считалъ себя прикованнымъ, безпокойно шагалъ взадъ и впередъ по кабинету, какъ бы

подъ вліяніемъ ощущеній физической боли, и старался припомнить тотъ „высшій интересъ", который на сей предметъ полагается. И разумѣется, въ концѣ-концовъ, припоминалъ и... успокаивался".

Успокоеніе, почерпаемое изъ такого источника, прочно только до тѣхъ поръ, пока колесо „дѣла" вертится безостановочно, пока одно впечатлѣніе смѣняется другимъ, не давая ни опомниться ни оглянуться, пока „высшій интересъ" ежеминутно мечется въ глаза, то въ видѣ начальства, то въ видѣ бумагъ и подлежащихъ узаконеній и предписаній, то, наконецъ, просто въ видѣ привычной департаментской обстановки. Къ несчастію для Разумова, онъ былъ внезапно отдаленъ отъ колеса, когда чувствовалъ въ себѣ и охоту и силу вращать его попрежнему. Шестидесятилѣтній бодрый старикъ очутился въ глухомъ губернскомъ городѣ (размѣръ пенсіи не позволялъ оставаться въ столицѣ), внѣ привычной колеи, безъ занятій, безъ жизненныхъ цѣлей — за исключеніемъ одной, воплощенной въ единственномъ сынѣ. Степа родился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ запоздалой женитьбы, когда Гаврила Степанычъ совсѣмъ, было, потерялъ надежду на потомство.

„Съ этой минуты жизнь Разумова какъ бы раздвоилась, и онъ впервые почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то въ родѣ „эпизода". Даже женитьба не произвела въ немъ такого волненія, такого сладкаго и въ то же время щемящаго избытка счастія, который заставляетъ опасаться, что чаша не черезчуръ ли наполнена. Между новымъ объектомъ жизни — сыномъ, и старымъ объектомъ — *дѣломъ*, сразу установилась прочная связь: старый объектъ служилъ новому и уже не господствовалъ надъ жизнью".

Нетрудно понять, насколько должно было подняться значеніе новаго объекта, когда старый, помимо воли субъекта, былъ вовсе сложенъ со счетовъ. Въ довершеніе всего, Гаврилѣ Степанычу пришлось разстаться съ сыномъ, оставить его въ Петербургѣ, до окончанія ученья.

„Разумовъ не зналъ, куда дѣваться отъ уныній и скуки. Только лѣтомъ, во время каникулъ, онъ расцвѣталъ, потому что въ это время пріѣзжалъ въ побывку Степа. Однако, и тутъ не обошлось безъ горькихъ замѣтокъ. Хотя отецъ и сынъ попрежнему безпредѣльно любили другъ-друга, но не въ природѣ вещей было, чтобы Степа всего себя отдалъ старику-отцу". Въ Петербургѣ они также видѣлись довольно рѣдко — „но, вѣдь, тогда существовало *дѣло*, которое сдерживало отцовскія чувства, а теперь была свобода, пользуясь которою онъ, конечно, готовъ былъ всякую минуту жизни посвятить своему дѣтищу. Но этого-то именно и не понималъ Степа и продолжалъ отдавать отцу столько же времени, какъ и прежде". Старикъ не обвинялъ сына — „но болѣло его старческое сердце, и съ каждымъ днемъ все глубже и глубже погружался онъ въ пучину той безразсвѣтной пустоты, на которую обрекло его одиночество".

Это только прологъ драмы, будничный, заурядный, переживаемый тысячами отцовъ и матерей—и благо тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ драма не идетъ дальше пролога, какъ бы онъ ни былъ богатъ горечью и слезами. Настоящій трагическій моментъ въ жизни Разумова наступаетъ тогда, когда къ опасеніямъ за сына—опасеніямъ въ родѣ тѣхъ, которыя испытываетъ Молчалинъ—присоединяется другое, еще болѣе гнетущее чувство.

„Гаврила Степанычъ зналъ навѣрное, что Степа—юноша честный, трудолюбивый и, притомъ, до крайности любящій, сердечный. Но въ самомъ воздухѣ носилось что-то такое, что могло грубо прикоснуться къ этой чувствительной, нѣжной натурѣ, обидѣть и затереть ее. Когда Гаврила Степанычъ раздумывалъ объ этомъ, то по временамъ ему приходило на мысль что-то новое, неожиданное. Онъ чувствовалъ, что въ эти тревожныя думы, повидимому, посвященныя исключительно настоящему, врываются какіе-то смутные отголоски изъ его чиновническаго прошлаго. Словно далекій, чуть слышный стукъ или неопредѣленное напоминаніе, въ родѣ того, какое иногда испытывается при чтеніи книги. Помнится, что гдѣ-то, когда-то затрогивался извѣстный предметъ, но гдѣ и когда—не доищешься. Только случайность можетъ раскрыть кроющуюся тутъ связь—и иногда раскрываетъ ее очень трагически“. Степа въ первый разъ пріѣзжаетъ на каникулы студентомъ. „Какъ теперь поступить? какой совѣтъ ему дать? съ какимъ напутствіемъ поставить его передъ раскрытыми настежь дверьми жизни? Когда слова: *совѣтъ*, *напутствіе* мелькнули въ головѣ Разумова, онъ почувствовалъ, что тотъ неясный стукъ прошлаго начинаетъ слышаться явственнѣе и явственнѣе, что выдѣляются изъ тьмы нѣкоторыя очертанія, которыя безпокоятъ, отнимаютъ у мысли ея обычное безмятежіе. Однакоже, и на этотъ разъ дѣло ограничилось одною смутною тревогой. Проблески появились, освѣтили случайно тотъ или другой уголъ картины—и опять утонули“.

Восторженность и пылкость, съ которыми Степа вступалъ въ университетъ, скоро уступили мѣсто задумчивости, унынію. Когда Разумовъ узналъ объ этой перемѣнѣ—она совершилась въ Петербургѣ,—имъ овладѣлъ безотчетный страхъ.

„Онъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами, что впереди стоитъ какая-то неотразимая и совсѣмъ новая обида, которая окончательно подорветъ его жизнь, подорветъ непремѣнно, неизбѣжно“...

Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ отдалялъ минуту свиданья, не хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, не соглашался послать туда Ольгу Аѳанасьевну. Тяжело было ему замѣтить, что Аннушка—съ дѣтства другъ Степы—знаетъ о Степѣ гораздо больше, чѣмъ его родители, и знаетъ что-то такое, вслѣдствіе чего измѣнилось отношеніе ея къ Гаврилѣ Степановичу. Онъ опять пересмотрѣлъ свое прошедшее—и хотя продолжалъ повторять: „Мухи не обидѣлъ“, но наплы-

вавшія со всѣхъ сторонъ сомнѣнія отъ этого не исчезали. Пріѣхалъ, наконецъ, Степа. „По наружности онъ не измѣнился; такъ же, какъ прежде, приласкался къ отцу—то-есть *почти* такъ же. То да не то—почуялось Гаврилѣ Степанычу". Первое впечатлѣніе подтвердилось: хоть и ничѣмъ, повидимому, не обнаруживаетъ Степа охлажденія, хоть и старается даже усилить внѣшнія выраженія ласковости—а „видитъ отцовскій глазъ убыль, чуетъ вѣщее отцовское сердце утрату". Гаврила Степанычъ становится сдержанъ, молчаливъ—но старческая болтливость, а, можетъ-быть, и болѣзненная потребность узнать, разъ навсегда, свою участь—однажды беретъ свое. Онъ говоритъ о своихъ „дѣловыхъ" подвигахъ, говоритъ подробно, откровенно—и договаривается до того, что Степа поспѣшно уходитъ изъ комнаты. Тайна раскрыта; камень, медленно опускавшійся, придавилъ Разумова до самой земли. Онъ хочетъ испить чашу до дна, хочетъ объясниться съ сыномъ; Степа уклоняется отъ объясненія, умоляетъ отца забыть случившееся—но Гаврила Степанычъ продолжаетъ допрашивать его: „Ты презираешь? ты не одобряешь? Да, вѣдь, я по сущей совѣсти поступалъ,—оправдывается онъ передъ сыномъ:—выслушай, разсуди, пойми! *По сущей совѣсти!*"—Оправданія не помогли; между отцомъ и сыномъ осталась какая-то пропасть. Разумовъ сидѣлъ въ своемъ углу и молчаливо давился своимъ горемъ. „Неужто же все... вся прошлая жизнь?...—спрашивалъ онъ себя,—неужто нѣтъ въ этой жизни ничего смягчающаго?"—„Есть-то есть,—таковъ былъ внутренній отвѣтъ,—но какъ *его-то* въ этомъ увѣришь?"

„Жизнь ужъ написана,—говоритъ Разумовъ своему старому другу:—какъ ты ее по-новому, новыми словами напишешь? Погубилъ бы себя,—такъ и погибель твоя не нужна". „Онъ долженъ сидѣть на берегу моря; въ глазахъ его налетитъ ураганъ, и разсвирѣпѣютъ волны, въ глазахъ его будутъ бороться и умирать пловцы, а онъ осужденъ безплодно метаться на своемъ мѣстѣ и испускать стоны. Кто услышитъ эти стоны, да и кому они нужны? Въ громадномъ стонѣ цѣлой природы какое значеніе можетъ имѣть его безсильный старческій стонъ? Старикъ! ты лишній, ты мѣшаешь!—вотъ что слышится ему среди гвалта и воплей разгорѣвшейся сѣчи"... „Свѣтъ просіялъ для Разумова, но не тихій, а зловѣщій, и просіялъ... черезъ сына. Онъ думалъ, что сынъ—утѣха, а вышло, что онъ—просіяніе. Какимъ-то проклятымъ образомъ перепелись эти два совсѣмъ несовмѣстныя понятія, и нѣтъ возможности распутать ихъ. И утѣха, и просіяніе—какой адъ! Ахъ нѣтъ, нѣтъ! Утѣха, утѣха, утѣха! Слышишь ли ты это, Степа! Подсказываетъ ли тебѣ сердце, что, какое бы громадное

несчастіе ни придавило тебя, это же самое несчастіе во сто кратъ, въ тысячу кратъ тяжелѣйшимъ молотомъ придавитъ безпомощную голову твоего отца! Нѣтъ у этого отца ни настоящаго, ни будущаго, нѣтъ даже прошлаго, но, вѣдь, и въ этомъ человѣкѣ-обрывкѣ трепещетъ сердце... Тобой полно это сердце, однимъ тобой!"

Степа не услышалъ этого отчаяннаго крика; онъ не выдержалъ тяжести, павшей на его молодыя плечи. Онъ не могъ ни вырвать изъ своего сердца любовь къ отцу, ни забыть объ отцовскомъ прошломъ. Когда онъ не хотѣлъ, чтобы при немъ говорили объ этомъ прошломъ, ему возражали, что ему стоитъ только „совсѣмъ порвать"—и онъ ко всему будетъ относиться „объективно"; но онъ не могъ исполнить этого совѣта. Онъ слишкомъ глубоко и сильно любилъ, чтобы замѣнить любовь объективизмомъ—и предпочелъ похоронить непримиримыя, одинаково неизгладимыя чувства, похоронить ихъ вмѣстѣ съ собою въ добровольно вырытой могилѣ.

Какая трагедія или, лучше сказать, какой эпизодъ изъ трагедіи, разыгрывающейся въ русской современной жизни! Занавѣсъ поднятъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ; первый актъ драмы отразился въ тургеневскихъ „Отцахъ и дѣтяхъ"—но что́ такое страданія Николая Петровича Кирсанова въ сравненіи съ страданіями Гаврилы Степаныча Разумова! Событія усложняются все больше и больше, вопросы растутъ въ ширину и глубину, не только задѣвая, но ломая, искажая человѣческія существованія. Припомнимъ тотъ эпизодъ изъ „Героевъ времени" Некрасова (1875 г.), который составляетъ какъ бы параллель къ *Больному мѣсту*.

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ—
Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
„Правда ли?" „Правда ли?" Юноша смѣло
Сыплетъ вопросы—и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора, Зацѣпа взбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Въ тайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
„Раненъ твой сынъ". Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
„Воромъ отца обозвали при немъ"...

Черныя мысли отцомъ овладѣли.
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма"...

Сынъ Зацѣпы умеръ; отецъ, съ телеграммой въ карманѣ, ѣдетъ на званый обѣдъ, напивается пьянымъ, истерически рыдаетъ, публично кается въ грѣхахъ—и кончаетъ тѣмъ, что садится за „горку", съ тысячными ставками. Канва для драмы есть и здѣсь—но только канва; мы не узнаемъ главнаго—отношеній сына къ отцу до первой катастрофы, не узнаемъ, былъ ли вызовъ на дуэль уступкой общепринятымъ понятіямъ о чести или тѣмъ исходомъ изъ невыносимыхъ нравственныхъ мукъ, какимъ послужило для Степы Разумова самоубійство. Въ *Больномъ мѣстѣ* насъ поражаетъ прежде всего, наоборотъ, удивительная законченность картины. Вся внутренняя жизнь старика Разумова, начиная съ появленія первыхъ смутныхъ сомнѣній, проходитъ передъ нами съ необыкновенною ясностью; мы переживаемъ вмѣстѣ съ нимъ переходъ отъ недоумѣнія къ страху, отъ страха—къ увѣренности въ бѣдѣ, отъ этой увѣренности—къ отчаянію. Способность автора не только понимать, но и чувствовать чужія душевныя движенія—способность, замѣченная нами уже въ раннихъ произведеніяхъ его (напр., въ *Госпожѣ Падейковой*)—достигаетъ здѣсь высшаго своего развитія и какъ бы передается на время читателямъ, прикованнымъ къ полету творческой мысли. Что такое, съ перваго взгляда, герой *Больного мѣста?* Заурядный чиновникъ, засушенный продуктъ семинарскаго и канцелярскаго буквоѣдства, механизмъ, приводимый въ движеніе постороннею рукой и рѣжущій съ одинаковымъ усердіемъ какъ бумагу, такъ и человѣческое мясо. А между тѣмъ, Разумовъ овладѣваетъ нашимъ состраданіемъ, нашимъ сочувствіемъ; глазъ психолога увидѣлъ, рука художника показала въ немъ человѣка, не вѣдавшаго что творитъ, пока не насталъ моментъ „прозрѣнія". Послѣднія страницы *Больного мѣста*—это лирическая поэма, написанная великимъ мастеромъ; грозное crescendo захватываетъ душу, старческій стонъ Разумова слышится точно наяву, финальный аккордъ оставляетъ слушателя на нѣсколько минутъ подавленнымъ, разбитымъ.

Образъ молодого Разумова набросанъ только въ общихъ чертахъ; онъ стушевывается передъ ослѣпительно яркимъ образомъ старика-отца, но это не мѣшаетъ ему быть живымъ

и понятнымъ. Недаромъ авторъ настаиваетъ съ самаго начала на нѣжности и кротости Степы; многіе на его мѣстѣ выдержали бы испытаніе, „порвавъ“ съ прошедшимъ — для него разрывъ невозможенъ: любви къ отцу не можетъ убить въ немъ даже презрѣніе. Любить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, презирать — это непосильно для мягкой натуры. Хорошо еще, если бы никто не растравлялъ Степиной раны—но ее задѣваютъ безпрестанно и безцеремонно, ему не даютъ забыть о ней ни на минуту, его насильно толкаютъ на путь, по которому онъ итти не можетъ. Если бы Степа и не поднялъ на себя руку, жизнь отца и сына во всякомъ случаѣ была разбита; трагизмъ ихъ положенія заключается, именно, въ его безвыходности.

Разгадку глубокаго впечатлѣнія, производимаго *Больнымъ мѣстомъ*, слѣдуетъ искать не только въ драматическомъ сюжетѣ, не только въ художественной его обработкѣ. Оно стоитъ какъ бы призракомъ будущаго передъ большинствомъ русскихъ отцовъ; оно напоминаетъ имъ, какъ своеобразное memento mori, о необходимости, рано или поздно, дать отчетъ дѣтямъ въ прожитой жизни—изъ всѣхъ отчетовъ, можетъ-быть, самый тяжелый и трудный. Чтобы страшиться этого отчета, не нужно быть Разумовымъ или Зацѣпой; *по сущей совѣсти*, по невѣдѣнію, по легкомыслію или привычкѣ совершается каждый день, на каждомъ шагу, множество дѣлъ не особенно темныхъ, но все же такихъ, съ которыми неохотно встрѣтится сынъ въ отцовскомъ жизненномъ счетѣ. Мысль объ отчетѣ носилась уже передъ Лермонтовымъ, когда онъ заключилъ свою „Думу“ безсмертными стихами:

„И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ“.

Это было, скорѣе, геніальное предвидѣніе, чѣмъ вопль наболѣвшаго чувства. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не было еще разлада между „отцами“ и „дѣтьми“; въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣти шли по дорожкѣ, протоптанной отцами, и не предъявляли къ нимъ требованій, которыхъ сами были чужды. Задачи, которыя начинало сознавать и задавать себѣ меньшинство, были сравнительно просты и удобоисполнимы; легче было достигнуть извѣстнаго

уровня, чѣмъ теперь, легче было на немъ удержаться. Заслугой, во многихъ случаяхъ, было даже бездѣйствіе, простая непричастность къ неприглядным сторонамъ жизни; теперь отчетъ, наполненный отрицательными величинами, не выдержитъ даже снисходительной критики. Опасность, о которой пророчески говоритъ Лермонтовъ, наступила черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти — и наступила въ такихъ размѣрахъ, которые даже не снились великому поэту. Рѣчь идетъ уже не о „горькой насмѣшкѣ", не о „презрительномъ стихѣ", а объ антагонизмѣ, разбивающемъ цѣлыя существованія. Счастливы тѣ, къ которымъ еще не примѣнимо восклицаніе Разумова: „Жизнь написана — какъ ты ее поновому, новыми словами напишешь?" Счастливы тѣ, которые могутъ вписать въ свою жизнь нѣсколько новыхъ страницъ, болѣе свѣтлыхъ, или изгладить кое-что изъ написаннаго прежде. Если даже слова: „по суцей совѣсти" не служатъ индульгенціей для прошлаго, то не ясно ли, что нужно искать „просіянія", пока еще не слишкомъ поздно, пока оно не пришло само собою и не переплелось „проклятымъ образомъ" съ понятіемъ объ „утѣхѣ"? Мы далеки отъ мысли, чтобы именно такова была *мораль* „Больного мѣста", чтобы таково было *поученіе*, задуманное авторомъ. Повѣсть г. Салтыкова слишкомъ художественна, чтобы быть узко-дидактическою; но если поэтическое произведеніе неотразимо настраиваетъ мысль и чувство на извѣстный ладъ, если оно вызываетъ изъ глубины души смутно таящуюся думу, облекаетъ ее въ плоть и кровь, отдаетъ въ ея власть, хотя бы на нѣсколько мгновеній, всего человѣка, то въ нашихъ глазахъ—это высшее торжество художника, а не поводъ обвинять его въ тенденціозности, въ нарушеніи законовъ искусства.

Изъ неизбѣжности отчета не вытекаетъ еще, однако, неизбѣжность безпощаднаго, безапелляціоннаго осужденія. Отчетъ долженъ быть не только выслушанъ—онъ долженъ быть понятъ, понятъ не отвлеченно, а въ связи съ временемъ, къ которому онъ относится, съ обстановкой, которая многое въ немъ объясняетъ. Прямолинейность, часто свойственная „дѣтямъ", имѣетъ свою raison d'être—но она не должна быть цѣликомъ примѣняема къ прошедшему. Степа терзался не безъ причины—но не былъ же безусловно неправъ и его отецъ, когда онъ искалъ и находилъ въ

своей жизни „смягчающія обстоятельства“. *Больное мѣсто* (повторяемъ еще разъ, мы говоримъ не о намѣреніяхъ автора, а только о впечатлѣніи, имъ производимомъ)—это проповѣдь снисхожденія и любви, не имѣющихъ ничего общаго ни съ прекраснодушіемъ ни съ индиферентизмомъ. „Tout comprendre, c'est tout pardonner“ [1])—формула непригодная для реальной жизни, съ ея безконечными столкновеніями, съ ея ежечасною борьбой. *Все прощать*—значитъ заглушить въ себѣ чувства негодованія, которому столь многимъ обязана и дѣйствительность, и поэзія, и, въ особенности, сатира. *Больное мѣсто* не внушаетъ намъ всепрощенія; оно не говоритъ намъ: „относись безразлично ко всему, потому что нѣтъ вѣрнаго критерія для добра и зла“; оно не говоритъ: „все неизбѣжно, слѣдовательно, ничего не заслуживаетъ ни одобренія ни поощренія“; оно говоритъ только: „не дѣлай отдѣльное лицо отвѣтственнымъ за порядокъ или за систему“. Если бы Степа могъ хоть на одну минуту усвоить себѣ точку зрѣнія отца—ту точку зрѣнія, на которую Разумовъ сталъ послѣ „просіянія“,—не было бы катастрофы, сломившей жизнь обоихъ. Съ отцомъ, продолжающимъ возводить свое бывшее „дѣло“ въ перлъ созданія, примиреніе едва ли было бы возможно—но, вѣдь, Разумовъ давно отказался отъ прежней увѣренности въ безусловной правотѣ „дѣла“, онъ только *извинялъ* участіе свое въ немъ. Принять его извиненія могъ и Степа, оставаясь самимъ собою. Несчастье и горе научили Разумова обобщеніямъ, которыя, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, были бы для него просто непонятны.

„Иногда онъ по всѣмъ вѣдомствамъ перелеталъ мыслью—и находилъ, что, въ сущности, вездѣ одно и то же. Вездѣ все то же *дѣло* дѣлалось, да и теперь дѣлается, только формы, можетъ-быть, разныя. И на службѣ, и въ частной жизни. И самъ Степа, если доживетъ до поры самостоятельности, тоже будетъ это самое *дѣло* дѣлать, въ какую бы нору ни прятался отъ него, какими бы замысловатыми названіями ни прикрывалъ свою *новую* дѣятельность. Атмосферу надо измѣнить, всю атмосферу—вотъ тогда, можетъ-быть“...

Какъ ни смотрѣть на цѣпь разсужденій, съ помощью которыхъ Разумовъ пришелъ къ этому выводу, самый выводъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ близкимъ къ истинѣ. *Атмосферное давленіе*—вотъ факторъ, слишкомъ легко забываемый Степами и ихъ совѣтниками, тѣми совѣтниками,

[1]) Кто все проститъ, тотъ все проститъ.

девизъ которыхъ: „Со всѣмъ порвать“. Пускай совершается разрывъ съ мыслями, съ убѣжденіями—но пускай къ нему не присоединяется, безъ крайней необходимости, разрывъ съ чувствами, разрывъ съ людьми, несравненно болѣе болѣзненный и тяжелый. Довольно и того, что міросозерцаніе „дѣтей“ часто противорѣчитъ міросозерцанію „отцовъ“; отсюда одинъ только шагъ до нетерпимости—но соединенными усиліями обѣихъ сторонъ этотъ шагъ можетъ быть предупрежденъ, ослабѣвшая нравственная связь можетъ сохраниться. *Больное мѣсто* вышло въ свѣтъ въ самый разгаръ того броженія, жертвами котораго падаютъ Разумовъ и Степа; заключающійся въ немъ призывъ прозвучалъ безслѣдно—но это не мѣшаетъ намъ вѣрить въ его внутреннюю силу. Могучее примирительное слово, сказанное во время битвы, не останавливаетъ сражающихся—но оставляетъ во многихъ изъ нихъ какой-то смутный отголосокъ, рано или поздно превращающійся въ ясную, опредѣленную ноту. Скоро ли наступятъ условія, благопріятныя для этого превращенія—не знаемъ; но если на долю *Больного мѣста* и не выпадетъ заслуженная имъ роль въ русской общественной жизни, оно всегда останется одною изъ лучшихъ страницъ въ творческой дѣятельности г. Салтыкова.

К. К. Арсеньевъ.

Хищники въ сатирѣ Щедрина [1]).

Эскизъ: *Въ дорогѣ*, открывающій собою серію *Благонамѣренныхъ рѣчей*, составляетъ настоящую увертюру къ трагикомедіи, надъ которою до сихъ поръ работаетъ сатирикъ. Основная нота этой увертюры—слово „дуракъ", понимаемое не въ обычномъ, прямомъ, а въ особомъ, самоновѣйшемъ смыслѣ. Оно раздается на всѣхъ перекресткахъ, преслѣдуетъ автора въ тарантасѣ, въ уѣздномъ городѣ, на станціи и въ вагонѣ желѣзной дороги, повторяется въ безконечныхъ варіаціяхъ, крѣпко сплоченныхъ единствомъ темы. Эта тема—*хищничество*, возведенное въ принципъ, беззастѣнчивое, самодовольное, свободное отъ всякихъ сомнѣній и колебаній. „Дуракъ"—это тотъ, который не становится подъ знамя хищничества, который не умѣетъ „пользоваться обстоятельствами", не считаетъ всего плохо лежащаго за свою законную добычу. Кто повѣжливѣе, тотъ выражаетъ ту же мысль словами: „Очень вы, сударь, просты"; кто пооткровеннѣе, тотъ не стѣсняясь говоритъ: „Дуракъ!" Вы просты, если имѣли случай обыграть въ карты—и не обыграли; если имѣли случай обмануть довѣрителя—и не обманули. „Счастье само въ руки лѣзетъ, а онъ, смотри, носъ отъ него воротитъ! дуракъ!"—„Этакой случай былъ—и упустилъ! дуракъ!"—вотъ восклицанія, нарушающія вечернюю тишину мирнаго провинціальнаго уголка. „Покуда дураки на свѣтѣ есть—жить можно! Дураковъ учить надо!"—такова подкладка этихъ восклицаній. Старыя русскія пословицы: „Простота хуже воровства", „На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ"—входятъ въ небывалый почетъ, становятся краеугольнымъ камнемъ новой житейской морали. Не всегда, однако, эта мораль высказывается съ тою откровенностью, которой мы только-что видѣли примѣры. „Хищничество" принимаетъ всевозможные оттѣнки, надѣваетъ всевозможныя маски, облекается въ самыя разнообразныя комбинаціи. „Нынѣ хищничество всѣхъ видовъ и формъ,—читаемъ мы въ „Дѣтяхъ Москвы",—до того усложнилось или, лучше

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1883 г., № 3 („Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова").

сказать, слилось со всевозможными ремеслами, изъ которыхъ одни положительно ставятся въ примѣръ благонамѣренной дѣловитости, другія же, хотя и не ставятся въ примѣръ, но слывутъ въ обществѣ подъ именемъ милыхъ шалостей—что даже очень тонкій наблюдатель врядъ ли сумѣетъ въ точности опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается хищничество". Прежде слова: „воръ, мошенникъ" возбуждали въ насъ ясныя, опредѣленныя представленія; классическій образъ вора былъ такъ незатѣйливъ, что „самый простодушный изъ будочниковъ могъ прямо отыскать его въ толпѣ, взять за-шиворотъ и вести въ участковый клоповникъ". Классическій мошенникъ былъ нѣсколько болѣе приличенъ и облагороженъ, но и онъ едва ли могъ ввести въ заблужденіе людей, мало-мальски одаренныхъ здравымъ смысломъ. Теперь не то; теперь будочникъ весьма легко можетъ усомниться, „брать ли ему вора за-шиворотъ, согласно указаніямъ дореформенной практики, или дѣлать подъ-козырекъ, согласно съ правилами вѣжливости, установившимися вслѣдствіе вольной продажи вина... Дѣло идетъ не о томъ, какъ поступить съ мошенникомъ низкаго званія, съ гнусною физіономіей и въ запятнанномъ пальто, а о томъ, какъ подойти къ тоскующему іомудскому принцу, о помолвкѣ котораго съ дочерью концессіонера Губошлепова на-дняхъ объявлено, или къ „питомцу славы", еще вчера дирижировавшему танцами на балу у предводителя дворянства".

Воровство, мошенничество, казнокрадство, даже наиболѣе утонченное, наиболѣе отличное отъ „классическихъ" традицій—далеко не самая распространенная, да и не самая зловредная форма хищничества. Гораздо опаснѣе оно тогда, когда оно не сталкивается съ уложеніемъ о наказаніяхъ, когда оно пользуется покровительствомъ власти и защитой закона, когда оно воплощается не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ цѣлыхъ группахъ, все крѣпче и крѣпче прирастающихъ къ однажды завоеванной почвѣ. Фигуры *такихъ* хищниковъ принадлежатъ къ самымъ сильнымъ созданіямъ г. Салтыкова. Настоящимъ „столпомъ" между ними является Осипъ Иванычъ Деруновъ. Это не блѣдное олицетвореніе порока—это живой человѣкъ, нарисованный во весь ростъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, типическій представитель новаго общественнаго слоя. Соединеніе въ одномъ лицѣ типичности и

индивидуальности—залогъ долговѣчности художественнаго образа, конечно, если исполненіе соотвѣтствуетъ замыслу. Имя Деруновa умретъ не скоро; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что для него найдется мѣсто въ той галлереѣ, къ стѣнамъ которой пригвождены: Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Чичиковъ, Ноздревъ, Собакевичъ. Фамусовыхъ настоящихъ, первобытныхъ, безусловно схожихъ съ оригиналомъ, теперь уже нѣтъ—но фамусовскій типъ не отошелъ въ вѣчность, онъ только измѣнился, приспособляясь къ времени и обстоятельствамъ. Впереди его ожидаетъ, по всей вѣроятности, еще цѣлая серія подобныхъ превращеній. То же самое можно сказать и о другихъ грибоѣдовскихъ и гоголевскихъ герояхъ—то же самое можно сказать и о Деруновѣ. Наша мысль сдѣлается вполнѣ понятною, если изъ русской литературной Валгаллы мы перешагнемъ въ общеевропейскую, если мы остановимся, напримѣръ, на мольеровскомъ Тартюфѣ. Тартюфъ, съ своею афишированною набожностью, съ своимъ громогласнымъ: „Laurent, serrez ma haire avec ma discipline"—это сынъ XVII вѣка, слишкомъ наивный, недостаточно искусный для нашего болѣе требовательнаго времени, для нашей болѣе запутанной и хитросплетенной обстановки; но въ немъ самомъ, и даже въ средѣ, его окружающей, есть черты живучія, устойчивыя, никогда не теряющія интереса современности. Довѣріе Оргоновъ пріобрѣтается теперь, можетъ-быть, не такъ легко, какъ при Людовикѣ XIV, но Оргоны не перевелись и до сихъ поръ; чувственность прорывается изъ-подъ ханжества не такъ, можетъ-быть, грубо, какъ въ сценѣ Тартюфа съ Эльмирой, но продолжаетъ, въ случаѣ надобности, воздѣвать очи вверхъ и преклонять колѣна. „Сдѣлки съ небомъ" (знаменитые тартюфовскіе „accommodements avec le ciel") получили другое наименованіе—сдѣлокъ съ совѣстью, съ нравственностью, съ убѣжденіемъ,—но самое понятіе о „сдѣлкахъ" сохранилось въ прежней силѣ. Пройдетъ нѣсколько десятилѣтій—и Деруновы pur sang исчезнутъ, какъ исчезли подлинные Тартюфы и подлинные Фамусовы; но Деруновы, какъ носители золотого скипетра, командующіе толпою съ высоты туго-набитаго кошелька, какъ слуги, умѣющіе быть властелинами, и властелины, умѣющіе быть слугами,—будутъ жить до тѣхъ поръ, пока ихъ не сдѣлаетъ невозможными коренная перемѣна общественнаго строя. Главная разница

между Тартюфомъ и Деруновымъ заключается въ томъ, что въ Деруновѣ ярче намѣчено все временное, мѣстное, національное, все обусловливаемое даннымъ моментомъ народной жизни. Это увеличиваетъ его рельефность, это дѣлаетъ его фигурой въ полномъ смыслѣ слова историческою—но до извѣстной степени уменьшаетъ для него, если можно такъ выразиться, шансы „выживанія", шансы перехода въ отдаленное потомство. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что эту черту типъ Дерунова раздѣляетъ съ большинствомъ другихъ русскихъ типовъ, названныхъ нами выше. Всего меньше она свойственна тѣмъ созданіямъ русскаго творчества, въ которыхъ воплотилось то или другое *общее* свойство человѣческой природы,—свойство, встрѣчающееся во всѣ времена, у всѣхъ народовъ. Плюшкинъ примыкаетъ къ плавтовскому Скупцу, къ мольеровскому Гарпагону, къ бальзаковскому Гранде; въ Хлестаковѣ есть кое-что сходное не только съ корнелевскимъ „Лгуномъ", но и съ Фальстафомъ Шекспира.

Превосходный этюдъ, посвященный Дерунову (*Столпъ* въ *Благонамѣренныхъ рѣчахъ*), даетъ намъ, прежде всего, біографію этого „героя нашего времени". Основанія своей фортуны онъ положилъ еще при крѣпостномъ правѣ, сумѣвъ понравиться и помѣщикамъ и дворовымъ, заслуживъ отъ первыхъ кличку „министръ", но не возгордившись успѣхомъ и развернувшись только тогда, когда наступила другая эпоха, благопріятная для „развертыванія". На дорогѣ къ богатству, онъ подвелъ мину подъ своего брата, но подвелъ ее „чисто, благородно", угодничествомъ передъ родителями,—угодничествомъ, въ сравненіи съ которымъ образъ дѣйствій брата оказался „фордыбаченьемъ" и былъ, какъ и слѣдовало, наказанъ лишеніемъ наслѣдства. Какими маневрами ознаменовалъ Деруновъ эпоху „новыхъ вѣяній", какою ложкою снялъ съ нея сливки—этого мы доподлинно не узнаемъ; но дополненіемъ къ *Столпу* могутъ служить, въ этомъ отношеніи, другіе очерки г. Салтыкова, знакомящіе насъ съ разновидностями деруновскаго типа. Вотъ, напримѣръ, Антошка-Стрѣла—впослѣдствіи Антонъ Валерьяновъ или даже Антонъ Валерьяновичъ Стрѣловъ (*Отецъ и сынъ* въ *Благонамѣренныхъ рѣчахъ*)—сначала летающій стрѣлой по базару и исполняющій приказы купцовъ-толстосумовъ, потомъ управляющій имѣніемъ генерала Утробина, забирающій въ свои руки лучшую

часть утробинскихъ владѣній, въ надлежащую минуту сбрасывающій маску прислужничества и проникающій, наконецъ, съ помощью генеральскаго сынка и подложныхъ векселей, въ самый центръ облюбованной имъ позиціи. Вотъ, Хрисашка Полушкинъ (*Опять въ дорогу*, тамъ же), обездоливающій помѣщика Гололобова, послѣ того какъ помѣщикъ Гололобовъ обездолилъ крестьянъ. Вотъ, Егорка Груздевъ (*Убѣжище Монрепо*), выработавшій себѣ „еще въ подломъ видѣ“ способность „кровопивствовать“, положившій ее въ основу своей карьеры и быстро достигающій той вышины, на которой ничто не мѣшаетъ ему мечтать объ устройствѣ „банки“ и объ окончательномъ „слопаніи родной Палестины“. Вотъ, Антошка Разуваевъ (тамъ же), бывшій довѣренный корнетши Отлетаевой, еще мелко плавающій, но уже „попавшій на линію Груздевыхъ“ и потрясающій своимъ бумажникомъ, какъ аргументомъ sans réplique, передъ самымъ носомъ владѣльца Монрепо. Вотъ, господинъ Колупаевъ (*За рубежомъ*), управляющій судьбою русскихъ „кнехтовъ“ и разстилающій паутину кругомъ разныхъ Монрепо. „Кнехты“ и „Монрепо“, простодушная крестьянская масса и отжившее барство—вотъ, въ самомъ дѣлѣ, два главные источника, изъ которыхъ полною, неустанною рукой черпаютъ новые „господа положенія“. Къ этому процессу черпанья мы еще возвратимся; покончимъ сначала съ Деруновымъ, вокругъ котораго, въ качествѣ сравнительно мелкой сошки, группируются Стрѣловы, Разуваевы и К°.

Красивый и благообразный въ молодости, Деруновъ, на старости лѣтъ, является настоящимъ патріархомъ, „благолѣпнымъ“, сановитымъ. Онъ не возгордился, ему не совѣстно встрѣтиться со свидѣтелемъ старыхъ дней; онъ даже съ видимымъ удовольствіемъ узнаетъ и принимаетъ „чемезовскаго барина“, у родителей котораго онъ нѣкогда покупалъ полотно и сушеные грибы. Имя Божіе у него постоянно на устахъ; семья ему, повидимому, всего дороже. „Теперича мнѣ хоть какую угодно принцессу предоставь“, говоритъ онъ, „развѣ я ее на мою Анну Ивановну промѣняю? Спаси Господи! Въ семью-то придешь—ровно въ раю очутишься! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ—истинный рай земной!“ Правда, съ однимъ сынкомъ, Яшенькой, онъ обращается строго, сажаетъ его даже въ смирительный домъ—но, вѣдь, это сынъ „непочтительный“, т.-е. не во всемъ слушающійся

папаши. Чѣмъ же занимается этотъ почтенный старецъ, этотъ добрый семьянинъ? Онъ весь къ услугамъ помѣщиковъ и крестьянъ: у первыхъ онъ покупаетъ земли, на которыхъ они не умѣютъ хозяйничать, и арендуетъ винокуренные заводы, которыхъ они не умѣютъ эксплуатировать; послѣднихъ онъ облегчаетъ отъ „лишней обузы", т.-е. отъ хлѣба, безъ котораго они могутъ кое-какъ прокормиться, и отъ скота, безъ котораго они могутъ прожить, если и не хозяевами, такъ батраками. Конечно, и помѣщикамъ и крестьянамъ Деруновъ платитъ дешево, очень дешево—но ужъ это ихъ дѣло, вольно же имъ дешево продавать; право покупщика—„пользоваться обстоятельствами". Помѣщику трудно усмотрѣть за крестьянами, еще труднѣе взыскивать съ нихъ—а Деруновъ все взыщетъ, всякое дѣло порядкомъ поведетъ.

„Ежели бы я и совсѣмъ за землей не смотрѣлъ, у меня крестьянинъ спинь-пороха не украдетъ. Потому, у него изстари составилось мнѣніе, что у Дерунова ничего плохо не лежитъ. Опять же и насчетъ взысканій: не разорю я, а исподволь взыскиваю. Вижу, коли у котораго силы нѣтъ, въ работу возьму. Ему пріятно, потому что онъ гроша изъ кармана не вынулъ, а ровно бы на гулянкахъ отработался; а мнѣ и того пріятнѣе, потому что я работой-то съ него, вмѣсто рубля, два получу!" Въ покупкахъ у крестьянъ Дерунову также помогаютъ *обстоятельства*. „Хлѣбомъ нынче за первый сортъ торговать. Насчетъ податей строго стало, выкупные требуютъ—ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная. И скотъ скупать хорошо, если ко времю. Вотъ, въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начнутъ—тутъ только не плошай! За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ".

При ближайшемъ знакомствѣ съ Деруновымъ мы узнаемъ, однако, что онъ не только пользуется обстоятельствами, но и устраиваетъ ихъ—то съ помощью властей, то силою собственной изобрѣтательности. Крестьяне не хотятъ продавать хлѣбъ по назначенной Деруновымъ цѣнѣ—и кончаютъ тѣмъ, что продаютъ его Дерунову по цѣнѣ еще низшей, потому что нигдѣ не находятъ другихъ покупателей. Поупрямься они еще немного—ихъ уломалъ бы исправникъ; желаніе ихъ получить за хлѣбъ настоящую цѣну оказалось бы стачкой или бунтомъ. „Засиліе взялъ,—такъ опредѣляетъ простой человѣкъ положеніе Дерунова,—а потому и окружилъ кругомъ. На какой базаръ ни сунься—вездѣ отъ него приказчики. Какое слово скажутъ, такъ тому и быть!"

Основа деруновскаго могущества не требуетъ поясненій; но почему оно такъ прочно, такъ неотразимо? Гдѣ внѣшняя точка опоры, дающая Дерунову такую увѣренность въ себѣ,

гарантирующая успѣхъ всѣхъ его предпріятій? Капиталъ—безспорно большая, очень большая сила, но съ нимъ однимъ все же такъ далеко не уѣдешь. Разрѣшеніе загадки заключается отчасти въ словахъ Дерунова о причинахъ, по которымъ выгодна торговля скотомъ и хлѣбомъ: еще меньше сомнѣній оставляетъ въ насъ предика, произносимая имъ по поводу „мужицкой стачки". „Чемезовскій баринъ" позволилъ себѣ замѣтить, что отказъ мужиковъ продешевить свой хлѣбъ едва ли заслуживаетъ названія бунта.

„А по-твоему, баринъ, не бунтъ?—возражаетъ ему Деруновъ.—Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? самъ, что ли, экую махину съѣмъ? въ амбарѣ, что ли, я гноить его буду? Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію, сударь, хлѣбомъ продовольствую! А ну какъ у меня изъ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что ли, арміи-то?"... „Мы здѣсь живемъ въ тишинѣ и во всякомъ благомъ поспѣшеніи,—продолжаетъ онъ поучать легкомысленнаго барина:—каждый при своемъ занятіи находится. Я, напримѣръ, при торговлѣ состою; другой—рукомесло при себѣ имѣетъ; третій—отъ земли питается. Что кому свыше опредѣлено. Чтеніевъ для насъ не полагается. Насчетъ вина свободно, а насчетъ чтеніевъ строго. Коли ежели безъ пользы читать, такъ отъ чтеніевъ даже для разсудка не безъ ущерба бываетъ. День человѣкъ читаетъ, другой читаетъ—и возмечтаетъ неявленная и неудобьсказуемая. Почтеніе къ старшимъ потеряетъ, начнетъ сквернословить. Вотъ его въ ту пору сцарапаютъ, раба Божьяго—и на цугундеръ. Веди себя благородно, не мути, уныласти на другихъ не напускай... И ни тебя, ни меня, никого не спросятъ, сами все сдѣлаютъ! А почему тебя не спросятъ? А потому, баринъ, что уши выше лба не растутъ, а у кого ненарокомъ и вырастутъ сверхъ мѣры—подрѣзать маленечко можно!"

Деруновъ говоритъ здѣсь, очевидно, какъ лицо, власть имѣющее, какъ доброволецъ порядка, но доброволецъ кому слѣдуетъ угодный и кѣмъ слѣдуетъ апробованный, однимъ словомъ—какъ *столпъ*, столпъ семьи, религіи и государственности. Что онъ „продовольствуетъ армію"—это только одно изъ правъ его на званіе столпа, и далеко не самое главное; гораздо важнѣе то, что онъ не допускаетъ роста ушей выше лба и готовъ не только оповѣстить о необходимости операціи, но даже принять въ ней посильное участіе. Само собою разумѣется, что вниманіе Дерунова сосредоточено преимущественно на тѣхъ ушахъ, чрезмѣрный ростъ которыхъ угрожаетъ его собственнымъ интересамъ—напримѣръ, на ушахъ людей, скептически относящихся къ понятію о крестьянскомъ бунтѣ; но скептицизмъ рѣдко бываетъ однопредметнымъ, одностороннимъ, и бдительность Дерунова получаетъ, такимъ образомъ, характеръ вспомогательно-полицейской функціи.

Деруновъ всегда и вездѣ остается Деруновымъ, все равно, живетъ ли онъ въ глухой провинціи или въ столицѣ, ходитъ ли въ волчьей или въ собольей шубѣ, самолично ли колупаетъ пальцемъ сало или предоставляетъ колупанье приказчикамъ, сохраняя за собой только дѣла почище. Этюдъ *Превращеніе*, показывающій намъ Дерунова въ Петербургѣ, въ шикарной обстановкѣ дорогого отеля, не много прибавляетъ къ типу, такъ ярко и такъ полно изображенному въ *Столпѣ*. Правда, мы видимъ здѣсь этого ревнителя основъ „явнымъ прелюбодѣемъ", открыто живущимъ со своею певѣсткой, женой злосчастнаго Яшеньки; но эта черта не имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, существеннаго значенія. Патріархъ-кровосмѣситель, стражъ семейнаго начала, опозоривающій семью собственнаго сына—безъ сомнѣнія, характернѣе, какъ крайнее выраженіе противорѣчія между словомъ и дѣломъ; но не въ сохачествѣ, давно знакомомъ народному быту, заключается главный признакъ современнаго „столичества". Деруновъ могъ бы быть безусловно вѣрнымъ своей Аннѣ Ивановнѣ—и все-таки олицетворять собою ту новоявленную саранчу, которая черною тучей нависла надъ русскою землею. Міръ Деруновыхъ—отлично подготовленная почва для развитія чувственности, начиная съ простѣйшихъ ея проявленій до самыхъ сложныхъ и утонченныхъ; но это свойство принадлежитъ не однимъ новѣйшимъ „столпамъ"—оно составляетъ общую собственность „охранителей", нынѣшнихъ и прежнихъ, русскихъ и не-русскихъ.

Чтобы понять вполнѣ значеніе Дерунова, необходимо припомнить, что этотъ образъ созданъ въ 1873 г., когда „столпы" только-что нарождались въ дѣйствительности, когда свѣже-испеченное сословіе „міроѣдовъ", крупныхъ и мелкихъ, начинало лишь расправлять свои крылья и не успѣло еще сдѣлаться предметомъ всесторонняго изученія. Г. Салтыкову удалось заглянуть въ процессъ образованія типа, фиксировать его черты въ самый моментъ ихъ зарожденія. Достигнуть такого успѣха, значитъ—быть въ одно и то же время мыслителемъ и художникомъ,—мыслителемъ, чтобы подмѣтить и обобщить цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій, художникомъ, чтобы сосредоточить ихъ и воплотить въ одной живой фигурѣ. Мы видимъ здѣсь съ поразительною ясностью, какимъ образомъ сатира можетъ притти

на помощь соціологіи, указать ей путь и тему для изслѣдованія. Небольшой этюдъ, посвященный „столпу“, былъ въ свое время настоящимъ „лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ“ — лучомъ свѣта, пришедшимъ извнѣ, но зато устранившимъ возможность возвращенія къ первобытной темнотѣ. Деруновы продолжали дѣлать свое дѣло, за ними потянулись безчисленные Разуваевы и Колупаевы; но ихъ работа совершалась, по крайней мѣрѣ, среди бѣлаго дня, ея не видѣли одни слѣпые—и принятіе противъ нея оборонительныхъ мѣръ сдѣлалось лишь вопросомъ времени. Скажемъ болѣе: нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ прямо были подсказаны щедринскою сатирой, хотя она вовсе не старалась подчеркнуть проистекающаго изъ нея практическаго урока. Источники деруновской силы изображены такъ наглядно, что не много нужно труда для уразумѣнія средствъ противодѣйствія этой силѣ. Если одни изъ нихъ до сихъ поръ лежатъ втуне, другія—испытаны не вполнѣ или слишкомъ поздно, то это уже не вина сатирика: онъ сразу сдѣлалъ больше, чѣмъ можно было ожидать отъ него—и все-таки продолжалъ начатую геркулесовскую работу.

Черезъ пять-шесть лѣтъ послѣ появленія *Стома*, господство Деруновыхъ было уже всѣми признаннымъ фактомъ. „По всей веселой Руси,—читаемъ мы въ *Предостереженіи* („Убѣжище Монрепо“, 1878—79),—отъ Мѣщанскихъ до Кунавина включительно, раздается одинъ кличъ: чумазый идетъ! Идетъ, и на вопросъ: что есть истина? твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: распивочно и на выносъ!“ Чумазый—это собирательное имя для всѣхъ „кабатчиковъ, мѣнялъ, подрядчиковъ, желѣзнодорожниковъ и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ“, къ которымъ обращено *Предостереженіе*. Имя, на этотъ разъ, выбрано не совсѣмъ удачно; къ желѣзнодорожникамъ и подрядчикамъ положительно не пристало названіе чумазыхъ, даже для кабатчиковъ и мѣнялъ (въ обширномъ смыслѣ обоихъ словъ) оно далеко не всегда можетъ быть признано подходящимъ. Рука-объ-руку съ чумазыми, непричесанными и неумытыми, идутъ безукоризненно-чистые, благоухающіе субъекты—благоухающіе не только благопріобрѣтенными, но и наслѣдственными духами,—идутъ и творятъ ту же работу, оказываются такими же „столпами“, забираютъ такую же силу и точно такъ же пользуются ею. Не въ названіи, впрочемъ, суть дѣла; *Предосте-*

реженіе ничего не теряетъ отъ того, что въ первыхъ строкахъ его не совсѣмъ точно наименованы адресаты. Оно составляетъ подробное развитіе тезиса, затронутаго уже въ первой характеристикѣ Дерунова. Дѣйствительно ли „столпы“ суть „столпы“? Поддерживаютъ ли они все то, чего считаются опорой—семью, собственность, государство? Вотъ въ чемъ вопросъ, не гамлетовскій, конечно, но по нынѣшнему времени довольно важный. Разрѣшеніе его усложняется тѣмъ, что ставитъ его отставной „столпъ“, нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастеръ, корнетъ Прогорѣловъ. И онъ когда-то былъ аркадскимъ принцемъ, и онъ пользовался когда-то вліяніемъ и властью, но потерялъ ихъ въ тотъ короткій періодъ „безстолпія“, за которымъ послѣдовало появленіе новыхъ „столповъ“.

„Я самъ, пропащій человѣкъ Прогорѣловъ, былъ въ свое время столпомъ и самъ безчисленно прегрѣшалъ. Я былъ и отнимателемъ, и прелюбодѣемъ, и измѣнникомъ казеннаго интереса, и не только не полагалъ въ томъ грѣха, но и вполнѣ искренно былъ убѣжденъ, что, именно, на этихъ трехъ китахъ міръ стоитъ. Только теперь, когда меня безповоротно произвели въ чинъ пропащаго человѣка, я понялъ, что никакихъ тутъ китовъ нѣтъ... На первыхъ порахъ я волновался и представлялъ изъ себя не то невинно-падшаго, который успѣлъ-таки припрятать въ укромномъ мѣстѣ кой-какія уцѣлѣвшія крохи, не то человѣка, приведеннаго въ восторженное состояніе отъ безпрерывной молотьбы по головѣ... Но вдругъ промелькнула свѣтлая минута. Я вслушался, вникъ—и покраснѣлъ... Я примирился съ мыслью, что я пропащій человѣкъ; воспоминанія минувшей славы уже не пробуждаютъ во мнѣ ни безплодной горечи, ни несбыточныхъ надеждъ. Я знаю, что исторія назадъ не возвращается, что даже гнусное не повторяется въ ней въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, и что, стало-быть, Прогорѣловымъ, какъ бы они ни вопіяли, повториться въ прежнихъ формахъ не суждено“.

Вооруженный, съ одной стороны, этимъ убѣжденіемъ, съ другой—опытомъ прежнихъ лѣтъ, Прогорѣловъ сначала испытываетъ своихъ преемниковъ, потомъ даетъ имъ мудрые совѣты. При испытаніи оказывается, что „столпы“ не имѣютъ понятія объ отечествѣ и государствѣ, превратно смотрятъ на собственность, семейное начало не столько утверждаютъ, сколько потрясаютъ. Отечество и государство они смѣшиваютъ съ начальствомъ, собственность уважаютъ только свою, семейные принципы культивируютъ въ Купавинѣ. Забывали объ отечествѣ и Прогорѣловы—но, именно, за то они и попали въ отставку.

„Возобновляя въ памяти процессъ моего переименованія изъ столповъ въ пропащіе люди,—таковы заключительныя слова прогорѣловскаго поуче-

нія,—долженъ сознаться, что въ числѣ причинъ этого превращенія немаловажную роль играло и то, что я процвѣталъ независимо отъ процвѣтанія моихъ соотечественниковъ, что я ни за кого не поревновалъ, никого своей грудью не заслонилъ. Стало-быть, ежели ты желаешь столповать продолжительно и благополучно, то не только не долженъ брать примѣровъ съ меня (къ чему ты, мимоходомъ сказать, черезчуръ наклоненъ), но обязываешься поступать совершенно наоборотъ. Я равнодушествовалъ — ты сострадай; я бездѣйствовалъ—ты хлопочи; я держался правила: носа изъ мурьи не совать—ты выбѣгай изъ мурьи какъ можно чаще, суй свой носъ, суй!"

Въ успѣхъ своихъ благихъ поученій Прогорѣловъ, впрочемъ, плохо вѣритъ, потому что у новѣйшихъ столповъ „и на умѣ нѣтъ ничего такого, чтобъ что-нибудь вышло"—нѣтъ даже мысли о томъ, чтобы можно было трудиться и хлопотать не только для себя, но и для другихъ или для другого.

Какъ ни слабы сами столпы по части служенія семьѣ, собственности и государству, но обвинять другихъ въ колебаніи основъ они очень любятъ; это одно изъ ихъ обычныхъ занятій, одинъ изъ признаковъ настоящаго „столпа". Передъ ихъ шемякинымъ судомъ можетъ оправдаться только тотъ, кто принадлежитъ, хоть мыслью и чувствомъ, къ одному съ ними лагерю. Перескочивъ, не столько ловкимъ, сколько смѣлымъ прыжкомъ, со скамьи обвиняемыхъ на судейское кресло, они произнесли обвинительный вердиктъ надъ своимъ обвинителемъ—признали г. Салтыкова виновнымъ въ отрицаніи всего того, что́ для нихъ такъ дорого и такъ священно. Подсудимый апеллировалъ противъ этого приговора въ *Круглому году*,—и апелляція его является новымъ обвинительнымъ актомъ, не менѣе сильнымъ, чѣмъ прежніе. Остановимся пока на той части апелляціи, которая касается главнаго предмета вѣдомства столповъ собственности.

„Второе знамя,—говоритъ апелляторъ (въ приговорѣ идетъ рѣчь о неуваженіи къ „знаменамъ"),—собственность. Пріемлю и нимало вопреки глаголю. Но не пріемлю, чтобы коммерсантъ Деруновъ именовалъ себя апостоломъ собственности, хотя онъ до того простеръ свое усердіе въ этомъ направленіи, что всякую попытку крестьянъ получить за пудъ хлѣба шестьдесятъ копѣекъ, вмѣсто предлагаемой имъ, Деруновымъ, полтины, считаетъ за бунтъ и потрясеніе".

Мысль, заключающаяся въ этихъ словахъ, была высказана уже раньше—устами корнета Прогорѣлова—въ видѣ слѣдующаго афоризма: „Блюди свою собственность, но не отказывай и приспому твоему въ правѣ имѣть таковую". Признаніе г. Салтыкова собственности, какъ основы, смяг-

чило сердце Дерунова, но противъ двухсторонней формулы Прогорѣлова онъ все-таки протестуетъ.

„Позвольте вамъ доложить,—пишетъ онъ Щедрину („Круглый годъ", первое октября):—ежели я буду о собственности публики скорбѣть, то не послѣдуетъ ли отъ сего для меня изнуренія? а равнымъ образомъ, не дастъ ли оно партикулярнымъ людямъ такой повадки, что мы, дескать, будемъ праздно время проводить, а Деруновъ за всѣхъ насъ стараться станетъ? А награда—на небеси-съ?.. По званію нашему, одно что-нибудь: или дѣла дѣлать, или отчетъ отдавать. Ибо званіе наше на этотъ счетъ довольно-таки строго, такъ что если нужное для операцій время мы станемъ употреблять для чистосердечіевъ, то операціи запустимъ, а чистосердечіями никому удовольствія не предоставимъ".

Да, именно такъ, а не иначе должны относиться Деруновы къ поученіямъ, къ разъясненію основъ и принциповъ. Прочитавъ только-что приведенныя слова, невольно вспоминаешь сонъ, приснившійся „чемезовскому барину" послѣ свиданія съ Деруновымъ.

„Видѣлся мнѣ становой приставъ. Окончилъ, будто бы, онъ курсъ наукъ и даже получилъ въ геттингенскомъ университетѣ дипломъ на доктора философіи. Сидитъ, будто, этотъ испытанный психологъ и пишетъ: „Проявился въ моемъ станѣ купецъ первой гильдіи Осипъ Ивановъ Деруновъ, который собственности не чтитъ и въ дѣйствіяхъ своихъ по сему предмету представляется не безъ опасности. Искусственными мѣрами понижаетъ онъ на базарахъ цѣну на хлѣбъ и тѣмъ вынуждаетъ мѣстныхъ крестьянъ сбывать свои продукты за безцѣнокъ. И даже на-дняхъ, встрѣтивъ чемезовскаго помѣщика (имя рекъ), наглыми и безстыжими способами вынуждалъ онаго продать ему свое имѣніе за самую ничтожную цѣну"...

Столпы не могли бы такъ скоро войти въ силу и такъ прочно усѣсться на своемъ мѣстѣ, если бы житейская ихъ мораль не была въ то же время, въ бо́льшей или меньшей степени, ходячею моралью среды, въ которой имъ приходится дѣйствовать. Могучимъ подспорьемъ этой морали служитъ формализмъ, считающій позволеннымъ и позволительнымъ все то, что́ не запрещено закономъ. И столпы, и подражатели ихъ, и всякіе, вообще, охочіе до пріобрѣтенія люди являются, съ этой точки зрѣнія, истыми „юристами", хотя бы и не имѣли понятія о юриспруденціи.

„Какъ юристъ,—говоритъ Прогорѣловъ, обращаясь къ столпу,—ты ясно понимаешь, чѣмъ ты въ правѣ „воспользоваться", что вотъ это ты можешь „оттягать", а вотъ это—просто „отнять"; но партикулярный человѣкъ, какъ сынъ отечества, во всемъ этомъ сомнѣвается. Какъ юристъ, ты говоришь: какъ взялъ, такъ и отдай!—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: а все-таки ты поступай по-божески! Какъ юристъ, ты говоришь: своими ли глазами ты смотрѣлъ? своими ли руками бралъ?..—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: и все-таки ты меня обманулъ, зубы мнѣ заговорилъ.

Какъ юристъ, ты его убѣждаешь: ты всѣ сроки пропустилъ, не жаловался, кто жъ виноватъ, что ты прозѣвалъ?—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: гдѣ жъ это видано, что изъ-за какихъ-то кляузъ у меня мое отнимать?"

Послушайте адвоката, увеселяющаго и, отчасти, смущающаго своихъ спутниковъ юридическими фокусами, въ родѣ одинаково горячей защиты сначала одного, потомъ другого, діаметрально противоположнаго тезиса *(Опять въ дорогу, въ Благонамѣренныхъ рѣчахъ)*; что отвѣчаетъ онъ на замѣчаніе педагога о трудности уловить истину посреди юридической казуистики, объ опасности, которою эта казуистика угрожаетъ самому началу собственности? „Собственность—это краеугольный камень всякаго благоустроеннаго общества! Собственность—это объектъ, въ которомъ человѣческая личность находитъ наудобнѣйшее для себя проявленіе-съ. Собственность—это та вещь, при несуществованіи которой человѣческое общество рисковало бы превратиться въ стадо дикихъ звѣрей-съ". Какая, подумаешь, твердость въ принципахъ, при столь полной шаткости въ ихъ примѣненіи! Но адвокатъ—человѣкъ, искушенный въ ухищреніяхъ; поищемъ лучше кого-нибудь, никогда не обитавшаго подъ тѣнью юридическаго древа познанія добра и зла. Вотъ, напримѣръ, помѣщица Батищева *(Благонамѣренныя рѣчи, Переписка)*, не сразу даже взявшая въ толкъ, какая-такая эта должность, въ которой все обвинять нужно (сынъ увѣдомилъ ее о назначеніи его товарищемъ прокурора).

„Братецъ послѣ себя прекраснѣйшее имѣніе оставилъ,—пишетъ эта простодушная старушка,—а теперь, по Божьему соизволенію, оно должно перейти къ намъ. Сказывалъ старый камердинеръ его, что у покойнаго старая пассія въ Москвѣ жила, и отъ оной, будто бы, дѣти, но она, по закону, никакого притязанія къ имѣнію покойнаго имѣть не можетъ, мы же, по христіанскому обычаю, отъ всего сердца грѣхъ ей прощаемъ и даже не желаемъ знать, какой отъ этого грѣха плодъ былъ! Жаль, конечно, дѣтей, но ежели законъ имъ правъ не дастъ, то что же мы противъ закона сдѣлать можемъ!"

Чтобы разсуждать по формально-юридическому шаблону и съ нимъ же соразмѣрять свои чувства, свои дѣйствія, не нужно, очевидно, быть ни „юристомъ" (въ смыслѣ прогорѣловскаго предостереженія), ни заправскимъ столпомъ; достаточно сжиться съ тою атмосферой, которая образуетъ столповъ и благопріятствуетъ ихъ процвѣтанію.

К. К. Арсеньевъ.

Бюрократія въ сатирѣ Щедрина [1]).

Мы видѣли мелькомъ новыхъ бюрократовъ, въ качествѣ союзниковъ или подражателей „столповъ“; обратимся къ нѣкоторымъ другимъ типамъ изъ того же стараго, но вѣчно обновляющагося міра. На тѣхъ фигурахъ, которыя принадлежатъ прошедшему, мы останавливаться не будемъ, хотя и между ними многія заслуживали бы изученія: назовемъ, для примѣра, Удава, Дыбу, Отчаяннаго, Зильберггроша, Губошлепова, начальниковъ, о которыхъ повѣствуетъ Молчалинъ или юбиляръ Севастьяновъ (*Сонъ въ лѣтнюю ночь*, въ „Сборникѣ“). Для насъ интересно теперь новое время, представителемъ котораго, на низшей административной ступени, служитъ знакомый намъ уже становой приставъ Граціановъ. Вполнѣ достоинъ быть начальникомъ Граціанова молодой исправникъ Колотовъ (*Охранители* въ *Благонамѣренныхъ рѣчахъ*).

„Не забудьте,—говоритъ онъ собесѣднику, удивляющемуся его молодости,—что въ настоящее время мы всѣ живемъ очень быстро, и что, вообще, чиновничья мудрость измѣряется нынче не годами, а плотностью и даже, такъ-сказать, врожденностью консервативныхъ убѣжденій, сопровождаемыхъ готовностью, по первому трубному звуку, устремляться куда глаза глядятъ. Мы всѣ здѣсь, то-есть вся воинствующая бюрократическая армія, мы всѣ—молодые люди и всѣ урожденные консерваторы“.

Этотъ урожденный консерваторъ не прочь, однако, и полиберальничать, не прочь даже посмѣяться надъ своимъ призваніемъ.

„Но, странное дѣло,—замѣчаетъ его собесѣдникъ,—чѣмъ больше я вслушивался въ его рекомендацію самого себя, тѣмъ больше мнѣ казалось, что, несмотря на внѣшній закалъ, передо мною стоитъ все тотъ же достолюбезный Держиморда, съ которымъ я когда-то былъ такъ пріятельски знакомъ. Да, именно Держиморда! Почищенный, приглаженный, выправленный, но все такой же балагуръ, готовый во всякое время и отца родного съ кашей съѣсть, и самому себѣ въ глаза наплевать“.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., № 3 („Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова“).

Колотовъ — консерваторъ, если можно такъ выразиться, разстегнутый (конечно, не въ присутствіи начальства), консерваторъ blagueur et bon enfant (до поры до времени); молодой судебный слѣдователь Добрецовъ (въ *Непочтительномъ Коронатѣ*), это — консерваторъ-доктринеръ, всегда застегнутый на всѣ пуговицы, всегда мнящій себя на службѣ, всегда что-то „высматривающій и вынюхивающій".

„На меня,—говоритъ „чемезовскій помѣщикъ",—подобные люди производятъ непріятное впечатлѣніе. Что-нибудь непремѣнно онъ у меня вытянетъ!—думается мнѣ. Можетъ-быть, онъ въ душѣ моей покопаться хочетъ, что-нибудь оттудова унести, ради иллюстраціи въ искренней бесѣдѣ съ начальствомъ... Много, ахъ, много нынче такихъ молодыхъ людей развелось! и глазки бѣгаютъ, и носикъ вздрагиваетъ, и ушки на макушкѣ—все ради того, что если начальство взглянетъ, такъ чтобы въ своемъ видѣ передъ нимъ быть". „Профессія юриста,—разсуждаетъ Добрецовъ,—есть самая священная изъ всѣхъ либеральныхъ профессій, открытыхъ современному человѣку, потому что общество никогда такъ не нуждалось въ защитѣ, какъ въ настоящее время".—„Въ защитѣ? Противъ чего?"—спрашиваетъ собесѣдникъ.—„Противъ современнаго направленія умовъ-съ. Противъ тѣхъ недозрѣлыхъ и петерпимыхъ теорій, которыя предъявляются со стороны извѣстной части молодого поколѣнія".—„Но, вѣдь, такого рода защиту могутъ и становые пристава оказать!"—„Могутъ-съ; но безъ знанія дѣла-съ. Слѣдствіе будетъ мертво, если въ него не вложенъ духъ живъ. А вотъ этотъ-то духъ живъ, именно, и дается юридическимъ образованіемъ".

Средину между Колотовымъ и Добрецовымъ занимаетъ товарищъ прокурора Батищевъ (въ *Перепискѣ*). Онъ немножко доктриперъ, но не прочь и отъ легкаго взгляда на вещи; подобно Добрецову, онъ раскрываетъ con amore „корни и пити",—но Добрецовъ при этомъ точно священнодѣйствуетъ, а Батищевъ уловляетъ не столько вселенную, сколько расположеніе начальства (играющее, впрочемъ, далеко не послѣднюю роль и для Добрецова). Добрецовъ—будущій прокуроръ, Батищевъ — будущій адвокатъ, соблазняемый барышами Ерофеева. Добрецовъ слишкомъ туго накрахмаленъ, чтобы быть поворотливымъ; отличительная черта Батищева — тонкость и гибкость, съ помощью которыхъ онъ „вьетъ веревки" не только изъ своего генерала, но и изъ Ѳеофановъ, „не питающихъ довѣрія къ начальству". Правда, гдѣ тонко, тамъ и рвется; обрывается и Батищевъ, но какъ кошка упадаетъ прямо на ноги. Чуть-чуть поменьше усердія—и „гнѣзда", которыя вездѣ чудились Батищеву, были бы подвергнуты разоренію. Всегда ли, однако, находится рука, своевременно полагающая предѣлъ Батищевскому рвенію?

Добрецовъ и Батищевъ принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ „государственныхъ младенцевъ“; поближе къ центру стоятъ „провиденціальные младенцы“, выводимые на сцену въ *Круломъ годѣ*, — излюбленные засѣдатели, а иногда и предсѣдатели тѣхъ безчисленныхъ комиссій, которыя „считаютъ нужнымъ издать сто одинъ томъ трудовъ, дабы и затѣмъ не притти ни къ какому заключенію“. Одна изъ комиссій, въ которыхъ участвуетъ Ѳеденька, „бездѣйствуетъ за невозможностью изъяснить, въ чемъ заключается предметъ, подлежащій ея разработкѣ; другая тоже бездѣйствуетъ, за недоставленіемъ отъ одного изъ корреспондентовъ свѣдѣнія, что́ разумѣлъ онъ, говоря, что со времени крестьянской эмансипаціи отечественное земледѣліе вступило въ знакъ Рака“; въ третьей идетъ усиленная работа, но, судя по тому, что ея цѣль—пріисканіе мѣръ „на случай могущаго быть свѣтопреставленія“, трудно ожидать и отъ нея болѣе опредѣленныхъ результатовъ. Не вся дѣятельность Ѳеденьки поглощается, однако, бездѣйствующими комиссіями; онъ употребляется и для мѣропріятій, и самъ охотно ихъ употребляетъ, какъ ступеньки къ повышенію. Каждый членъ группы, къ которой принадлежитъ Ѳеденька, „безтрепетно грозитъ перстомъ: вотъ, я васъ! Каждый мнитъ, что все, что ни охватитъ его жадный взглядъ — все это не что иное, какъ арена, уготованная для подвиговъ его молодечества, арена, на которой онъ можетъ дразниться, подтягивать, учить, утверждать въ вѣрѣ“. Они всѣ убѣждены, что „пирогъ, осуществляемый отечествомъ, нужно не просто ѣсть, а сколь можно ожесточеннѣе рвать зубами, потому что внутри его, вмѣсто начинки, засѣло скопище неблагонамѣренныхъ элементовъ“. Они не понимаютъ, что „на свѣтѣ существуютъ не двѣ только разновидности: человѣкъ-начальникъ и человѣкъ-бунтовщикъ, но есть еще средній человѣкъ, трудящійся и скромный, человѣкъ, который предпочитаетъ спокойствіе безпокойству, свободу — стѣсненію, потому что видитъ въ спокойствіи и свободѣ единственную ограду своей личности и своего труда“. Въ ту же ошибку впадаетъ и Семенъ Григорьичъ *(см. Письма къ тетенькѣ)*. Не ограничиваясь объявленіемъ войны „неблагонадежнымъ элементамъ“ вообще, онъ готовъ перечислить ихъ по пальцамъ, но никакъ не можетъ найти конца перечисленію. „Остановись, любезный другъ,—замѣчаетъ ему собесѣдникъ,—вѣдь, этакъ

ты всѣхъ русскихъ подданныхъ поголовно къ сонму неблагонамѣренныхъ причислишь!"—„Э! еще довольно останется", отвѣчаетъ Сенечка, какъ бы перифразируя слова Разуваева: „йенъ достанитъ!" При отдѣленіи овецъ отъ козлищъ по столь неопредѣленному признаку, какъ благонадежность или неблагонадежность — трудно избѣжать ошибокъ; Сенечка это допускаетъ, но смотритъ на это легко, какъ на случайность, неизбѣжную въ военное время. Дѣло доходитъ до того, что въ присутствіи Сенечки начинаетъ чувствовать себя небезопаснымъ собственный отецъ его, вся вина котораго заключается въ храненіи, по старой привычкѣ, коллекціи запрещенныхъ книжекъ.

Для Сенечки и Ѳеденьки главная рѣчь еще впереди — по крайней мѣрѣ, они такъ полагаютъ и, можетъ-быть, не безъ основанія; графъ Твэрдоонто *(За рубежомъ)* высказался уже весь, изъ чего, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, что ему больше и не будетъ дано слово. При видѣ его, даже у подножія альпійскихъ горъ русскій путешественникъ чувствуетъ нѣкій священный ужасъ и вспоминаетъ стихъ: „Такъ храмъ оставленный — все храмъ, кумиръ поверженный — все Богъ". „Развѣ не бывало примѣровъ", думается ему дальше, „что и въ оставленныхъ храмахъ вновь раздавалось урчаніе авгуровъ, что и низверженные кумиры вновь взбирались на старые пьедесталы и начинали вращать алмазными очами?" Когда графъ Твэрдоонто стоялъ близъ кормила, онъ мечталъ объ увѣнчаніи зданія, но, „получивъ лишь скудное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, ни до чего не могъ додуматься, что было бы равносильно даже управѣ благочинія. Что-то необычайно-смутное мелькало въ его головѣ, чего ни онъ самъ, ни подчиненные его не были въ состояніи ни изловить ни изложить. Это былъ какой-то вселенскій смерчъ, который надлежало навсегда и повсемѣстно водворить, и которому предстояло все знать, все слышать, все видѣть и въ особенности наблюдать, чтобы не было ни превратныхъ идей ни недоимокъ". Держался Твэрдоонто до тѣхъ поръ, пока держалось представленіе о необходимости смерча. Въ тиши вынужденнаго досуга онъ то воображаетъ себя еще необратившимся въ „простое достояніе исторіи" и вспоминаетъ съ гордостью о томъ блаженномъ времени, когда отъ его циркуляровъ зависѣло изобиліе или неизобиліе Россіи,—то сознается чистосердечно въ своихъ ошибкахъ.

„Думая вырывать плевелы,—говоритъ онъ лже-корреспонденту,—я почти всегда вырывалъ добрые колосья; желая все знать—я ничего не зналъ; желая все видѣть и слышать—я ничего не видалъ и не слыхалъ". А между тѣмъ, и у графа Твэрдоонто было призваніе, была спеціальность, надъ которою онъ могъ бы потрудиться не безъ пользы. „При мнѣ,—продолжаетъ тотъ же псевдо-корреспондентъ,—зашелъ у него съ Мамелфинымъ разговоръ о томъ, что̀ есть истинная кобыла и каковы должны быть у нея статьи?—и я рѣшительно залюбовался имъ. Уменъ, образованъ, начитанъ и... доброжелателенъ. И онъ зналъ кобылу, и кобыла знала его. Общія положенія, выводы, цитаты—такъ и сыпались"... Не вспоминается ли при этомъ знакомое намъ русско-ташкентское свойство—„готовность, ожидающая только приказанія"? Не лучше ли было бы и для самого Твэрдоонто, и для многихъ другихъ и многаго другого, если бы дѣятельность его не выходила изъ своихъ естественныхъ предѣловъ.

Таковы новые административные пейзажи, внесенные послѣдними десятью годами въ альбомъ щедринской сатиры. Новы, собственно говоря, только комбинаціи, а не элементы, изъ которыхъ онѣ составлены. Вездѣ мы узнаемъ знакомыя черты, слышимъ ташкентскія, помпадурскія, ташкентско-помпадурскія или помпадурско-ташкентскія мелодіи, разыгрываемыя à grand orchestre или усовершествованными инструментами.

К. К. Арсеньевъ.

Итоги литературной дѣятельности Щедрина [1]).

Отойдемъ на нѣкоторое разстояніе и попробуемъ взглянуть на г. Салтыкова тѣми глазами, какими смотритъ литературная критика на писателя минувшей эпохи. Она намѣчаетъ крупныя, выдающіяся черты его; она выдѣляетъ изъ его произведеній все то, что не потеряло своего значенія и не скоро, повидимому, его потеряетъ. Гёте для нея—преимущественно творецъ „Фауста“, „Германна и Доротеи“, „Вильгельма Мейстера“, „Коринѳской невѣсты“; о такихъ вещахъ, какъ „Grosscophta“ или „Bürgergeneral“, она упоминаетъ только мимоходомъ, какъ о матеріалахъ для біографіи поэта и для характеристики его времени. Въ Гоголѣ она видитъ преимущественно автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, основателя новой литературной школы, а не неудавшагося историка или публициста. Некрасовъ интересенъ ей, какъ пѣвецъ народнаго горя, а не какъ изобличитель балетомановъ или „Героевъ времени“. Въ Салтыковѣ она будетъ изучать не фельетонистовъ, а сатирика; отбросивъ въ сторону все легкое, случайное, все пріуроченное къ вопросамъ минуты, она сосредоточится на полновѣсномъ зернѣ, давшемъ богатые всходы. Не предугадывая ея заключеній, не претендуя на ея безпристрастіе, можно воспользоваться ея пріемами, единственными правильными, когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ *писателя*, а не отдѣльнаго произведенія.

Русская сатира, появившаяся на свѣтъ одновременно съ русскою литературой, представляетъ одну замѣчательную особенность: она всегда имѣла *просвѣтительный* характеръ, всегда стояла за просвѣщеніе, всегда боролась съ его врагами. Кантемиръ былъ горячимъ приверженцемъ петровской реформы, дѣятельнымъ союзникомъ ея эпигоновъ. Фонвизинъ былъ однимъ изъ передовыхъ людей той эпохи, когда Россія сдѣлала новый шагъ на пути,

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1883 г., № 5 („Русская обществ. жизнь въ сатирѣ Щедрина“).

указанномъ Петромъ Великимъ. Грибоѣдовъ остался вѣрнымъ всему, что́ было лучшаго въ умственномъ движеніи первыхъ двухъ десятилѣтій нашего вѣка; онъ сражался съ рутиной, съ невѣжествомъ, съ предразсудками, все равно,—прикрывалъ ли ихъ военный или гражданскій мундиръ, помѣщичій халатъ или бальное платье. Гоголь—какъ сатирикъ—изобразилъ такую картину общественнаго застоя, каждый штрихъ которой вопіялъ о необходимости движенія. Сатирѣ западно-европейской эта черта свойственна только отчасти; припомнимъ, напримѣръ, что Свифтъ былъ консерваторомъ въ политикѣ. Древніе сатирики видѣли иногда спасеніе позади себя, in more majorum; русская дѣйствительность заставляла смотрѣть впередъ—или сложить сатирическое оружіе, какъ это сдѣлалъ Гоголь въ концѣ своей жизни. Современный русскій сатирикъ примкнулъ къ своимъ предшественникамъ и остался вѣренъ разъ навсегда избранной дорогѣ. Онъ имѣетъ полное право сказать, что „неизмѣннымъ предметомъ его литературной дѣятельности всегда былъ протестъ противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія“ (*Письма къ тетенькѣ*, стр. 295). Онъ засталъ Россію погруженною въ глубокій мракъ, безправною и нѣмою; онъ пережилъ тотъ кризисъ, съ котораго началось ея медленное обновленіе. Угадавъ, вмѣстѣ съ лучшими людьми своей эпохи, что главный источникъ зла заключается въ крѣпостномъ правѣ, онъ понялъ, что крѣпостничество не можетъ быть искоренено однѣми законодательными и административными мѣрами, что оно свило себѣ прочное, крѣпкое гнѣздо въ обычаяхъ, въ правахъ, въ самомъ міросозерцаніи общества. Онъ преслѣдуетъ его въ семьѣ, гдѣ оно до сихъ поръ находитъ для себя самую благодарную почву; въ народѣ, не выходящемъ, по старой памяти, изъ-подъ гнета апатіи и безотчетнаго страха; въ промежуточныхъ сферахъ между народомъ и обществомъ, вырабатывающихъ новый видъ экономическаго рабства; въ обществѣ, лѣнивомъ, вяломъ, падкомъ на легкую наживу и на наслажденія низшаго сорта; въ земствѣ, идущемъ по стопамъ дряхлыхъ сословныхъ учрежденій; въ дворянствѣ, мечтающемъ о возвращеніи невозвратимаго; во всѣхъ областяхъ бюрократическаго міра, прикрывающаго новыми формами старое содержаніе. Никогда еще русская сатира не проникала такъ глубоко и далеко,

никогда еще не задавалась такими широкими задачами и не выказывала такой настойчивости въ ихъ исполненіи.

Что́ возмущаетъ г. Салтыкова въ заурядной русской семьѣ, въ „семьѣ, какихъ много“? Возстаетъ ли онъ противъ самаго принципа семьи, противъ крѣпкой внутренней связи, основанной на любви, на уваженіи, на общности привычекъ или, по крайней мѣрѣ, воспоминаній? Нѣтъ, онъ весь на сторонѣ этой связи; онъ знаетъ и чувствуетъ, во что обходится ея разрывъ, какъ безконечно важна ея поддержка. Ему понятно и дорого отцовское чувство даже тогда, когда въ немъ преобладаетъ элементъ безсознательный, инстинктивный, когда оно теплится въ душѣ Молчалина или горитъ въ душѣ героя *Больного мѣста*. „Слышишь ли ты, Степа? Тобой полно это сердце, однимъ тобой!“— этотъ крикъ Разумова обращенъ не къ одному Степѣ; онъ сбращенъ ко всему молодому, какъ протестъ противъ жестокаго, холоднаго девиза: „Со всѣмъ порвать!“ Но что же дѣлать, если во многихъ случаяхъ и разрывать-то не съ чѣмъ, если все порвано заранѣе; что же дѣлать, если мѣсто привязанности, хотя бы безотчетной, заступаетъ пустая форма или ничѣмъ немотивированное требованіе? Что же дѣлать, если Порфиріевъ Головлевыхъ, кузинъ Машенекъ, Натали Неугодовыхъ, Проказиныхъ, Персіяновыхъ гораздо больше, чѣмъ даже Молчалиныхъ и Разумовыхъ? Обращать оружіе сатиры противъ *такихъ* семей, значитъ ли обращать его противъ семьи вообще?.. Семейный вопросъ давно уже сдѣлался у насъ вопросомъ общественнымъ, государственнымъ. Нельзя говорить: отношенія родителей къ дѣтямъ— это святыня, которой не должна касаться посторонняя рука; нельзя говорить этого не только потому, что на самомъ дѣлѣ часто нѣтъ никакой святыни, но и потому, что воспитаніе, получаемое въ семьѣ, предрѣшаетъ, въ значительной степени, будущность человѣка и гражданина. *Непочтительные Коронаты*, созданные тупымъ семейнымъ деспотизмомъ, объявляютъ войну не одному семейному началу. Пока лучъ свѣта и свободы не проникнетъ во всѣ изгибы мало замѣтнаго, но безконечно-важнаго міра, образуемаго семьею, до тѣхъ поръ нельзя ожидать установленія правильныхъ отношеній между „отцами“ и „дѣтьми“ въ другихъ сферахъ общественной жизни.

Народъ, въ смыслѣ массы, нуждается въ свѣтѣ не

меньше, чѣмъ семья. Тьма, сгустившаяся надъ нимъ во время крѣпостного права, едва начинаетъ уступать мѣсто сумеркамъ. Вглядываться въ нее пристально сатирику не приходилось уже потому, что сатира вездѣ и всегда занимается больше унижающими и оскорбляющими, чѣмъ униженными и оскорбленными. Онъ понялъ, однако, что залогъ лучшаго будущаго лежитъ во взаимнодѣйствіи массы и образованнаго меньшинства, въ сближеніи послѣдняго съ народомъ; онъ понялъ, что драгоцѣнныя сѣмена, хранимыя массой, не должны быть игнорируемы интеллигенціей—но не могутъ дать желанныхъ всходовъ безъ ея поддержки. Оставляя другимъ изученіе „народныхъ представленій“, онъ посвятилъ себя борьбѣ съ чужеядными организмами, замедляющими нормальный ростъ освобожденной массы. Ненависть къ новоявленнымъ „столпамъ“—это оборотная сторона любви къ народу. Коллективный Деруновъ—не такой врагъ, которымъ могла бы пренебрегать сатира. Это—паразитное растеніе съ широко-развѣтвленными, крѣпкими корнями, съ сильными шансами успѣха въ борьбѣ за существованіе; это—знаменіе времени, признакъ серіознаго патологическаго процесса. Деруновымъ нуженъ народъ невѣжественный, бѣдный, забитый, народъ-плательщикъ и работникъ, и ничего больше. Живая стѣна, образуемая ими, отбрасываетъ свою тѣнь на обѣ стороны, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, загораживая всѣ вновь пролагаемыя дороги. Констатировать появленіе деруновскаго типа, описать его отличительныя черты было бы уже само-по-себѣ большою заслугой; она увеличивается тѣмъ, что, вмѣстѣ съ типомъ, изображены и условія, обезпечившія за нимъ быстрое развитіе и легкую побѣду.

Деруновъ—не только „деревенскій кулакъ“; онъ существуетъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Онъ эксплуатируетъ не только народъ, но и казну; онъ проникаетъ въ земскія собранія, въ акціонерныя общества, въ адвокатуру, въ печать, въ администрацію. Куда бы онъ ни проникъ, его выслѣживаетъ и настигаетъ щедринская сатира. Она преслѣдуетъ его въ сферѣ желѣзнодорожныхъ концессій и уфимскихъ хищеній, въ образѣ Дракиныхъ и Хлобыстовскихъ, Батищевыхъ и Балалайкиныхъ, въ усадьбѣ кузины Машеньки, въ редакціи „Помоевъ“. Она бодрствуетъ на всѣхъ сборныхъ пунктахъ нарождающейся русской

псевдо-буржуазіи, этой народіи на западно-европейскій образецъ, заимствующей только слабыя стороны оригинала. Она срываетъ маску со стремленій, прикрывающихся интересами культуры или употребляющихъ всуе народное имя. Она ставитъ на одну доску дешевый скептицизмъ Тебеньковыхъ и плѣшивцевскій культъ „подоплеки"; она доказываетъ наглядно тождество путей, отправляющихся съ Плющихи въ городѣ Москвѣ и съ Офицерской улицы въ городѣ Петербургѣ. Ея дорога, вьющаяся зигзагами, по никогда не теряющая изъ виду ни исходной своей точки, ни конечной цѣли, безпрестанно переходитъ изъ области общественной жизни въ предѣлы политическаго міра; иначе и быть не можетъ, въ виду неразрывной связи между обѣими сферами. Осмѣивая ташкентскую исполнительность, помпадурскую неумѣлость, рисуя современныхъ „озорниковъ" въ образѣ Сенечки или Ѳеденьки Неугодова, создавая фигуру графа Твэрдоопто, сатирикъ стоитъ за права личности, за господство справедливости, за разрывъ съ традиціями, давно отжившими свое время. Онъ вѣритъ въ торжество правды, достигаемое свободною борьбою мнѣній, и именно потому такъ высоко цѣнитъ, такъ горячо любитъ литературу—конечно, не литературу „улицы", а литературу, вѣчно стремящуюся впередъ, отражающую въ себѣ безконечную работу человѣческой мысли.

Идеалъ, носящійся передъ глазами сатирика, дѣлаетъ его строгимъ судьей такихъ явленій, мимо которыхъ прошелъ бы молча или даже съ одобреніемъ человѣкъ, легко мирящійся съ дѣйствительностью. Строгость переходитъ иногда въ несправедливость—но такая несправедливость въ тысячу разъ лучше индиферентизма. Нельзя не пожалѣть о незаслуженной ранѣ, нанесенной въ пылу нападенія,—но сожалѣніе не должно быть слишкомъ глубокимъ, если правда, im Grossen und Ganzen, была на сторонѣ нападающаго. Первостепенную роль личность врага въ щедринской сатирѣ играетъ, притомъ, довольно рѣдко—и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже. Онъ сражается, бо́льшею частью, не съ чертями, а съ болотомъ, не съ отдѣльными людьми, а съ обстановкой. Въ его типическихъ фигурахъ попадаются, конечно, знакомыя черты—но, за немногими исключеніями, онѣ не принадлежатъ одному опредѣленному оригиналу и не слагаются въ легко узнаваемый портретъ, въ легко разрѣшимую

загадку. Противъ *лицъ* г. Салтыковъ рѣдко чувствуетъ злобу, рѣдко, слѣдовательно, стремится возбудить ее въ своихъ читателяхъ; онъ слишкомъ многое понимаетъ, чтобы быть безпощаднымъ въ своихъ личныхъ приговорахъ. Никто не превосходитъ его въ искусствѣ отыскать человѣческія, даже симпатичныя черты тамъ, гдѣ всего труднѣе было бы предполагать ихъ существованіе. Онъ вооружаетъ насъ противъ зла, но проповѣдуетъ снисходительность къ людямъ, въ которыхъ оно находитъ выраженіе, часто помимо ихъ сознанія и воли. Во всей дѣятельности Щедрина—утверждаетъ одинъ изъ враговъ сатирика—не найдется ничего такого, что̀ давало бы ему право приложить къ себѣ стихи Пушкина: „И долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что *чувства добрыя* въ немъ лирой возбуждалъ“ [1]). Если симпатія къ народу, желаніе оградить его отъ эксплуатаціи и притѣсненій, уваженіе къ мысли, состраданіе къ людямъ, не вѣдающимъ, что творятъ, могутъ считаться *добрыми чувствами*, то щедринская сатира будетъ „любезной народу“, когда онъ сдѣлается способнымъ понимать своихъ великихъ писателей. Слова одной изъ послѣднихъ пѣсенъ Некрасова: „Уступитъ свѣту мракъ упрямый... свободной, гордой и счастливой увидишь родину свою“, могли бы сдѣлаться девизомъ сатирика, имѣющаго, несмотря на все различіе формы, много общаго съ недавно умершимъ поэтомъ. Если конецъ некрасовской пѣсни наступитъ тогда, когда „окончится людское горе“, то конецъ щедринской сатиры совпадетъ съ концомъ всяческой неурядицы и общественнаго неустройства.

Воспоминаніе о Некрасовѣ поможетъ намъ понять еще одну сторону щедринской сатиры. Насколько у насъ можетъ быть рѣчь о партіяхъ, г. Салтыковъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ одной изъ нихъ; но развѣ нельзя сказать того же самаго и о Некрасовѣ? Не доказываетъ ли примѣръ послѣдняго, что можно быть въ одно и то же время человѣкомъ партіи и художникомъ или поэтомъ, что вдохновеніе писателя можетъ корениться именно въ томъ чувствѣ, подъ вліяніемъ котораго совершается выборъ партій? Взгляды г. Салтыкова должны быть признаны, отчасти, взглядами цѣлой группы, общественной и литературной; но развѣ это

[1]) См. статью г. Щебальскаго („Русскій Вѣстникъ“), стр. 25.

уменьшаетъ значеніе его сатиры? Можно ли представить себѣ сатирика, стоящаго внѣ партій—если только онъ не вращается въ сферѣ общихъ мѣстъ, не ограничивается преслѣдованіемъ такихъ пороковъ, какъ жадность или надменность, такихъ слабостей, какъ педантизмъ или хвастливость? Въ стремленіяхъ каждой прогрессивной партіи есть, притомъ, много широкаго, не пріуроченнаго къ рѣзко-опредѣленной доктринѣ. На этой общей почвѣ могутъ сходиться люди различныхъ мнѣній—различныхъ въ окончательномъ выводѣ, въ положительной программѣ, но близкихъ между собой въ отрицаніи, въ осужденіи той или другой стороны существующихъ порядковъ. Сатира, сильная именно отрицаніемъ, уже по тому одному не замыкается всецѣло въ рамку партіи, не становится орудіемъ небольшой котеріи. Можно не итти за нею до конца, но все-таки увлекаться ея порывами, рукоплескать ея мѣткимъ, смѣлымъ ударамъ. Даже односторонность сатиры характеристична для эпохи, даже въ ея ошибкахъ много поучительнаго; нужно только стараться понять ихъ смыслъ, а не забывать изъ-за нихъ все остальное.

Содержаніемъ сатиры долговѣчность ея обусловливается только отчасти; въ области искусства переживаютъ минуту только истинно-художественныя произведенія. Мы называемъ художественностью не безусловное совершенство формы, рѣдкое даже у величайшихъ изъ великихъ, но гармонію между мыслью и словомъ, при которой послѣднее поддерживаетъ первую, освѣщаетъ ее соотвѣтствующимъ ей свѣтомъ, сливается съ нею въ одно цѣлое, какъ изящная оправа съ драгоцѣннымъ камнемъ. Такой гармоніи г. Салтыковъ достигаетъ далеко не всегда, даже въ лучшихъ своихъ сатирахъ; но развѣ ею запечатлѣна каждая страница Пушкина, Лермонтова, Гоголя, корифеевъ западно-европейской литературы? Конечно, нѣтъ; вопросъ не въ томъ, удерживается ли писатель, съ начала до конца, на высшихъ ступеняхъ творчества, а въ томъ, доступны ли онѣ для него, свободно ли онъ дышитъ въ ихъ атмосферѣ? Условію, такимъ образомъ формулированному, щедринская сатира, несомнѣнно, удовлетворяетъ. Иногда расплывчатая и многорѣчивая, рѣдко туманная и неопредѣленная, она возвышается безъ труда до сжатости и силы, до картинности и лиризма. Не ограничиваясь разсужденіями, она берется за одну изъ самыхъ

трудныхъ задачъ искусства, далеко не всегда рѣшаемую, далеко не всегда даже намѣчаемую сатириками: она изображаетъ *типы,* выдерживающіе сравненіе съ лучшими созданіями этого рода въ русской и западно-европейской литературѣ. Деруновъ, Іудушка, Разумовъ—на первомъ планѣ; Арина Петровна, Аннинька, кузина Машенька, Разуваевъ, Ѳеденька Неугодовъ и многіе другіе на второмъ—всѣ эти образы могутъ быть поставлены рядомъ съ тѣми, которые завѣщаны намъ Гоголемъ и Грибоѣдовымъ, Тургеневымъ, графомъ Львомъ Толстымъ и Гончаровымъ. Они стоятъ передъ нами какъ живые—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ составляетъ точно окно, черезъ которое виднѣется, въ длинной перспективѣ, та или другая сторона русской общественой жизни. Всего наглядніе близость г. Салтыкова къ великимъ предшественникамъ его—та близость, которую нѣмцы называютъ непереводимымъ словомъ Ebenbürtigkeit—становится тогда, когда онъ берется смѣлою рукой за типическую фигуру Молчалина или Ноздрева и переноситъ ее въ наше время, не боясь опасныхъ сравненій. Мы далеки отъ мысли, чтобы Молчалинъ *Въ средѣ умѣренности и аккуратности* былъ равенъ своему грибоѣдовскому, Ноздревъ *Писемъ къ тетенькѣ*—своему гоголевскому первообразу. Въ дополненіяхъ или продолженіяхъ этого рода всегда чувствуется нѣкоторая искусственность; довольно уже и того, что у г. Салтыкова они никакъ не могутъ быть названы неудачными. Положительно слабыми являются у него только попытки надѣть новый шутовской костюмъ на тургеневскихъ или гончаровскихъ героевъ,—напримѣръ, на Кирсанова, Берсенева, Лаврецкаго, Рудина, Волохова въ *Дневникѣ провинціала.* Когда мы читаемъ въ *Круглымъ годѣ* письмо дѣлопроизводителя Лаврецкаго, написанное по приказанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рудина, знакомыя и любимыя имена вызываютъ въ насъ только досаду на употребленіе ихъ всуе.

Мало такихъ нотъ, мало такихъ красокъ, которыхъ нельзя было бы найти у г. Салтыкова. Сверкающій, глубокій юморъ, которымъ полна удивительная бесѣда мальчика въ штанахъ съ мальчикомъ безъ штановъ, такъ же своеобразенъ, такъ же свѣжъ, какъ и задушевный лиризмъ, которымъ проникнуты послѣднія страницы *Больного мѣста* и *Господъ Головлевыхъ.* Меньше всего, повидимому, сатира благопріятствуетъ

описаніямъ; но если ихъ у г. Салтыкова, сравнительно, немного, то и между ними попадаются такіе перлы, какъ картина деревенской осени въ *Господахъ Головлевыхъ* (стр. 63—4), или слѣдующій отрывокъ изъ *Дворянскихъ мелодій*:

„Посмотрите на дерево весною—какая на немъ могучая, чистая, незапятнанная листва! И какое множество этихъ листьевъ, какъ они тѣснятся другъ къ другу, точно хотятъ изъ своей совокупности сдѣлать непроницаемый оплотъ! Лѣтомъ листья уже потемнѣли, перепутались и слегка запятнались; въ воздухѣ носятся оторванные вѣтромъ дезертиры, сначала рѣдкіе, а потомъ все чаще и чаще. Наступаетъ осень; дезертиры ужъ не кружатся въ воздухѣ, а просто сыплются дождемъ на увлажненную землю. Таинственный шопотъ листьевъ умолкаетъ, и воздухъ наполняется зловѣщимъ свищущимъ шумомъ, производимымъ хлестаніемъ оголенныхъ вѣтвей. Передъ глазами не дерево, а безжизненный и насквозь свѣтящійся остовъ его. И вдругъ, среди наготы и опустошенія, вы замѣчаете два-три засохшіе листка. Они случайно защемились между вѣтками, но издали кажется, что въ нихъ удержалась какая-то загадочная сила, которая не даетъ надъ ними власти ни вѣтрамъ ни непогодамъ. Тѣмъ не менѣе, существованіе ихъ—безнадежное. Жалобно жмутся эти остатки роскошной весны къ родному дереву и не переставая трясутся, точно чувствуютъ, что вотъ-вотъ налетитъ шквалъ и погонитъ ихъ... И хотя случается, что такіе забытые листья переживаютъ всю зиму, но никогда не бывало, чтобъ листва новой весны не вытѣснила ихъ“. Въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, эта картина производитъ, конечно, еще гораздо большее впечатлѣніе; уцѣлѣвшіе листья—это послѣдніе представители отжившаго поколѣнія, отслужившаго свою службу взгляда. Художественность описанія, однако, такъ велика, что оно, и отдѣльно взятое, сохраняетъ свою прелесть, независимо отъ аллегоріи, въ немъ скрытой. Въ другомъ совершенно родѣ, но столь же полонъ жизни, эскизъ глухого уѣзднаго городка, заканчивающаго свой лѣтній день (*„Благонамѣренныя рѣчи“*, т. I, стр. 27): „Сумерки еще прозрачны, дневной зной только-что улегся; изъ садовъ несутся благоуханія; воздухъ мало-по-малу наполняется свѣжестью, а движеніе уже покончено. Покончено рѣзко, разомъ, словно оборвалось. Отовсюду несутся звуки запираемыхъ желѣзныхъ засововъ и болтовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ еще мелькаютъ въ окнахъ каменныхъ купеческихъ домовъ огоньки, свидѣтельствующіе о вечерней трапезѣ, а сквозь запертые ставни маленькихъ деревянныхъ домиковъ слышится смутный говоръ. Но вотъ, словно вздохъ, пронесся надъ городомъ; все разомъ погасло и притихло. Мракъ погустѣлъ; вы на улицѣ одни; изъ-подъ ногъ что-то вдругъ шмыгнуло“...

Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ щедринской сатиры говоритъ именно такъ, какъ подобаетъ его характеру и положенію; рѣчь соотвѣтствуетъ дѣйствіямъ и мыслямъ, довершаетъ впечатлѣніе, къ которому стремится авторъ. Сколько самоувѣренности и важности слышится, напримѣръ, въ словахъ Дерунова, какое сознаніе силы, не привыкшей встрѣчать ни противодѣйствія, ни даже возраженій! Какая смѣсь

елейныхъ фразъ, почерпнутыхъ изъ церковнаго обихода, отголосковъ прежней почтительности передъ „господами“ и рѣзкихъ до нестерпимости нотъ доморощенной политико-экономической доктрины! Языкъ Разуваева относится къ языку Дерунова, какъ первыя каллиграфическія упражненія школьника къ прописямъ учителя. Послушайте Ѳеденьку Неугодова—вы различите въ его словахъ и канцелярскій формализмъ (высшаго полета), и что-то салонное, и что-то оффенбаховское. Циркуляры Плѣшивцева, Тебенькова, Козелкова, спичи Накатникова, Кротикова, Граціанова—все это образцы различныхъ сортовъ административнаго краснорѣчія. Когда сатирикъ говоритъ отъ собственнаго лица, оригинальность его манеры чувствуется на каждомъ шагу, въ разстановкѣ и сочетаніи словъ, въ неожиданныхъ сближеніяхъ, въ быстрыхъ переходахъ изъ одного тона въ другой. Никто не превосходитъ г. Салтыкова въ умѣньѣ приискать мѣткую кличку для типа, для общественной группы, для мѣста, для занятія, для образа дѣйствій: „столпъ“, „кандидатъ въ столпы“, „ташкентецъ“, „внутренніе Ташкенты“ „Ташкентцы приготовительнаго класса“, „Убѣжище Монрепо“, „ожиданіе поступковъ“, „сердцевѣдѣніе“, „пусканіе революціи промежду себя“,—всѣ эти выраженія долго не будутъ забыты. Даже французскія фразы, часто вставляемыя г. Салтыковымъ въ уста своихъ героевъ, почти всегда характеристичны и колоритны. Замѣчательно, наконецъ, что сатирику ничего не стоитъ разстаться со своими обычными пріемами, когда этого требуетъ избранная имъ тема. Не говоря уже о такихъ произведеніяхъ, какъ *Большое мѣсто*, *Дворянская хандра*, *Господа Головлевы*, о такихъ страницахъ, какъ защита литературы въ *Круломъ годѣ*—въ каждомъ сборникѣ г. Салтыкова встрѣчаются мѣста, написанныя горячо или сдержанно, патетически или просто, смотря по занимающему его предмету.

Въ жизни знаменитыхъ русскихъ писателей—когда она не обрывается преждевременно какою нибудь-катастрофой—слишкомъ часто наступаетъ раннее утомленіе, оскудѣніе творчества, паденіе или, по крайней мѣрѣ, застой таланта. Въ литературной дѣятельности г. Салтыкова, продолжающейся уже тридцать-пять лѣтъ, незамѣтно ничего подобнаго. Озираясь мысленно на длинный путь, пройденный сатирикомъ, нельзя не замѣтить постепеннаго возрастанія его силъ, постепеннаго расширенія его горизонта. Начавъ съ

обличенія, онъ не останавливается на немъ ни одной минуты и предоставляетъ другимъ докопаться до глубины заложенной имъ шахты. Его сатира принимаетъ политическій характеръ, касается не только нравовъ, но и учрежденій, проникаетъ въ прошедшее, чтобы лучше справиться съ настоящимъ. Все больше и больше пренебрегая мелочами, она достигаетъ своего апогея въ *Благонамѣренныхъ рѣчахъ*, посвященныхъ, на половину, самымъ крупнымъ вопросамъ нашей эпохи. Съ тѣхъ поръ она удерживаетъ за собою занятую высоту, постоянно совершаетъ новыя завоеванія. Мы не станемъ утверждать, чтобы каждый новый выпускъ произведеній г. Салтыкова былъ выше предыдущаго. Разсматриваемые въ цѣломъ ихъ составѣ, два послѣдніе выпуска *(За рубежомъ* и *Письма къ тетенькѣ)* кажутся намъ даже уступающими *Благонамѣреннымъ рѣчамъ*, *Господамъ Головлевымъ*, *Убѣжищу Монрепо*, *Круглому году*, лучшимъ частямъ *Сборника*; но въ каждомъ изъ нихъ есть мѣста, вполнѣ достойныя автора, и, слѣдовательно, объ упадкѣ дарованія его не можетъ быть и рѣчи. Необходимо помнить, что препятствія, съ которыми долженъ считаться сатирикъ, рѣдко были такъ велики, какъ въ послѣднее время,—а это не могло не отразиться какъ на содержаніи, такъ и на формѣ сатиры.

Къ какимъ же практическимъ результатамъ привела, однако, щедринская сатира? Кого она исправила, что искоренила, въ чемъ подвинула насъ впередъ? Эти вопросы не выдуманы нами; ихъ предлагаютъ, не шутя—понятно, съ какою цѣлью—систематическіе противники г. Салтыкова. Мы попросили бы ихъ, въ свою очередь, указать намъ „практическіе результаты", достигнутые какимъ бы то ни было сатирикомъ, древнимъ или новымъ, русскимъ или западно-европейскимъ. Еще не придумано мѣръ и вѣсовъ, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить степень дѣйствія сатиры—но отсюда не слѣдуетъ, чтобы дѣйствіе это вовсе не существовало. Оно неуловимо, но вполнѣ реально, какъ реально вліяніе другихъ родовъ литературы. Проявленія *добрыхъ чувствъ*, о которомъ говоритъ Пушкинъ въ „Памятникѣ", никто не наблюдалъ—а между тѣмъ, они, несомнѣнно, пробуждались и пробуждаются пушкинскою лирой. Если щедринская сатира остановила поднятую руку хоть одного ташкентца, возбудила сомнѣнія хоть въ одномъ помпадурѣ, смягчила сердце хоть одного Ѳеденьки, заста-

вила хоть одного Разумова подумать объ отчетѣ передъ сыномъ, то она прошла небезслѣдно. Не въ такихъ, впрочемъ, *непосредственныхъ* побѣдахъ состоитъ призваніе и торжество сатиры. Она освѣжаетъ воздухъ, поддерживаетъ движеніе, необходимое для жизни, сигнализируетъ подводные камни, предвѣщаетъ перемѣны погоды, разгоняетъ апатію и дремоту; она вызываетъ тысячи мимолетныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается незамѣтный, но цѣнный вкладъ въ общественную жизнь. Этого мало; какъ всякое художественное произведеніе, она повышаетъ общій уровень развитія, увеличиваетъ запасъ, изъ котораго постоянно черпаетъ для себя пищу народная мысль. Если бы изъ всѣхъ сочиненій г. Салтыкова уцѣлѣли только *Столпъ* и *Больное мѣсто*, то и тогда можно было бы сказать, что онъ жилъ и дѣйствовалъ недаромъ.

Сознаніе тѣхъ благъ, которыя вносятся въ жизнь лучшими произведеніями литературы, проникаетъ въ умы медленно и туго; особенно слабо распространено оно у насъ въ Россіи. Отсюда наше неумѣнье цѣнить литературную славу, отсюда недостатокъ уваженія къ нашимъ великимъ писателямъ, недостатокъ того чувства, которое наши сосѣди называютъ „Piétät“, которое побуждаетъ ихъ лелѣять и беречь даже второстепенные таланты. Реакція въ пользу писателя происходитъ у насъ, большею частью, послѣ его смерти, и то не всегда и не скоро; слова Некрасова: „И только гробъ его увидя,—какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,—и какъ любилъ онъ, ненавидя“...—до сихъ поръ не потеряли своей силы. Понятно, что больше всего они примѣнимы къ тѣмъ, кто „проповѣдуетъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья“. Настанетъ ли время, когда и для нихъ будетъ существовать хотя бы простая справедливость, когда несогласіе съ ихъ взглядами не будетъ исключать признанія ихъ генія? Настанетъ ли время, когда въ оцѣнкѣ великаго сатирика, несмотря на его тенденціозность, сойдутся всѣ мнѣнія, какъ они сходятся у французовъ въ оцѣнкѣ В. Гюго, несмотря на „Châtiments“ и „Napoléon le Petit“? Отворятся ли для насъ двери въ тотъ храмъ, въ которомъ всѣхъ соединяетъ одна вѣра, въ которомъ сходятся съ одинаковымъ чувствомъ всѣ поклонники искусства?..

К. К. Арсеньевъ.

Письма къ тетенькѣ.

Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1882 г. [1]).

*) Кто не знаетъ, кто не читалъ *Писемъ къ тетенькѣ*!

Мы ихъ тоже читали по мѣрѣ выхода въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Теперь, когда они появились отдѣльнымъ томомъ, прочли снова, прочли сначала до конца, не отрываясь... Какое тонкое, какое глубокое пониманіе! Какое удачное воплощеніе чувствъ и желаній читателя!.. Авторъ прекрасно понимаетъ эту крѣпкую и, въ то же время, невидимую для простого глаза связь между нимъ и *его* читателемъ. „Это онъ, читатель, такъ чувствуетъ и мыслитъ, а мнѣ только удалось сойтись съ нимъ сердцами. И онъ доволенъ, когда ему напоминаютъ объ этихъ собственныхъ его чувствахъ и мысляхъ, когда ихъ воплощаютъ передъ нимъ въ горячемъ словѣ или въ живомъ образѣ,—доволенъ потому, что это самое дорогое его достояніе..."

Едва ли кому изъ писателей удавалось такъ вѣрно оцѣнить свое современное значеніе для общества, едва ли кому приходилось такъ хорошо понять свое отношеніе къ читателю и связь съ нимъ... И мы не ошибемся, если скажемъ:

---

1) „Русская Мысль", 1883 г., № 2.

*) „Русская Мысль"—одинъ изъ распространенныхъ толстыхъ журналовъ. Въ періодъ, въ который напечатана эта библіографическая замѣтка, журналъ редактировался однимъ изъ симпатичнѣйшихъ публицистовъ славянофильскаго лагеря—С. А. Юрьевымъ. Славянофильство журнала не требовало скорпіоновъ для всѣхъ, несогласно съ нимъ мыслящихъ; оно только преклонялось предъ великими началами русско-славянскихъ нравственныхъ качествъ, артельныхъ началъ, общиной и т. д. Въ журналѣ всегда былъ обширный библіографическій отдѣлъ. Съ 1885 г., послѣ смерти Юрьева, редакторомъ сталъ В. А. Гольцевъ и вмѣстѣ съ В. А. журналъ передвинулся влѣво. Примкнувши, однако, къ прогрессистамъ, журналъ допускалъ на своихъ страницахъ печатаніе и такихъ авторовъ, которые принадлежали къ другимъ партіямъ. *Прим. Н. Денисюка.*

никому никогда не удавалось сдѣлать себѣ такую безпристрастную, вѣрную оцѣнку. Да и никто изъ всѣхъ нашихъ писателей до настоящаго времени не стоялъ такъ близко, не принималъ такъ горячо всѣхъ интересовъ, всего, чѣмъ живетъ и что волнуетъ современнаго человѣка. Никто такъ не отдавалъ себя всецѣло на его служеніе, забывая о наслажденіяхъ собственнаго творчества. Мы уже не говоримъ о другой его особенности, на которую тысячу разъ указывали современные критики и рецензенты,—на его умѣнье говорить тогда, когда всѣ безмолвствуютъ. Онъ и самъ на нее указываетъ, но не безъ горечи. „Рабій языкъ все-таки рабій языкъ,—говоритъ онъ,—и ничего больше. Улица никогда между строкъ читать не умѣетъ, и по отношенію къ ней рабій языкъ не имѣлъ и не могъ имѣть воспитательнаго значенія, такъ-что если тутъ и была побѣда, то очень небольшая"

„Рабій языкъ" дѣйствительно дѣлаетъ его писанія недоступными для многихъ, суживаетъ кругъ его читателей, раздѣляя его отъ большинства единомыслящихъ. Но для насъ, при данныхъ обстоятельствахъ, это—одно изъ драгоцѣнныхъ особенностей его таланта... Въ противномъ случаѣ не существовало бы для читателя ни малѣйшаго проявленія дорогого для него „общенія мыслей"...

Но „рабій языкъ" не только дѣлаетъ его недоступнымъ для улицы,—онъ умерщвляетъ его для потомства. Жить, болѣть, страдать сильнѣй, чѣмъ всѣ современники, выражать за нихъ за всѣхъ и—быть не понятымъ потомствомъ!.. Щедринъ прекрасно сознаетъ это трагическое положеніе.

„Сообразите же теперь, какое горькое чувство въ виду такой перспективы долженъ испытывать современный бытописатель этихъ волшебствъ и загадочныхъ превращеній. Уже современники читаютъ его не иначе, какъ угадывая смыслъ и цѣль его писаній и комментируя и то и другое каждый по-своему, дѣтямъ же и внукамъ и подавно безъ комментаріевъ шагу ступить будетъ нельзя. Все въ этихъ писаніяхъ имъ будетъ казаться невозможнымъ и неестественнымъ, да и самый бытописатель представится человѣкомъ назойливымъ и безъ нужды неяснымъ. Кому какое дѣло до того, что описываемая смута понятій и дѣйствій разливала кругомъ страданіе, что она останавливала естественный ходъ жизни и что, стало-быть, равнодушно присутствовать при ней представлялось не только неправеднымъ, но даже постыднымъ".

И сколько горечи долженъ испытывать писатель, такъ вѣрно представляющій въ перспективѣ судьбу своихъ писаній!..

Щедринъ не только служитъ лучшимъ выразителемъ современнаго человѣка,—онъ ободряетъ его, будитъ, требуетъ, чтобъ онъ „не коснѣлъ".

„Памятуйте,—говоритъ онъ,—что это тихое житіе равносильно позорному гніенію, и не завидуйте гніющимъ, потому только, что они гніютъ безъ пользы. Сохраняйте въ цѣлости вкусъ къ благороднымъ мыслямъ и возвышеннымъ чувствамъ, который завѣщанъ намъ лучшими преданіями литературы и жизни! Пускай называютъ людей, хранящихъ эти преданія, „разбойниками печати",—не пугайтесь этой клички... Расплывайтесь, но не коченѣйте,—взмывайте крыльями въ пространство, но не погрязайте въ болотной тинѣ..." Онъ не только не опускаетъ рукъ, но и ободряетъ. Онъ говоритъ: „Расплывайтесь, но не коснѣйте!.. Я твердо вѣрю, что такой моментъ наступитъ и что такъ-называемыя „бредни", ежели и не восторжествуютъ вполнѣ, то во всякомъ случаѣ будутъ имѣть свое значеніе на вѣсахъ будущаго"... „Повторяю,—говоритъ онъ:—я убѣжденъ, что честные люди не только пребудутъ честными, но и побѣдятъ, и что на сторонѣ человѣконенавистничества останутся лишь люди, въ концѣ раздавленные личными интересами"... Но, оставаясь при вѣрѣ въ однихъ, онъ не перестаетъ бичевать ту часть изъ своихъ читателей, которая, „будучи испорчена съ малолѣтства", давитъ въ себѣ все свѣжее, молодое. Боязнь, что молодежь, поглаженная противъ шерсти, отвернется отъ него, ни на минуту не закрадывается въ его душу и не задерживаетъ правдивой рѣчи... „Прискорбно смотрѣть на молодыхъ людей,—они совсѣмъ нынче отучились краснѣть и потуплять глаза. Едва соскочивъ со школьной скамьи, юноша уже ни о чемъ другомъ не помышляетъ, кромѣ карьеры, и даже съ дамочками устраивается мимоходомъ и какъ-то наскоро"...

Онъ не только бичуетъ, негодуетъ,—онъ заливается отчаяннымъ смѣхомъ. Потому многіе (есть такіе и даже между *его* читателями) считаютъ его за крайне веселаго человѣка, который смѣется ради смѣха, къ которому вся жизнь оборачивается только съ своей забавной стороны. Они не слышатъ, не чувствуютъ среди этого смѣха „невидимыхъ міру слезъ". Правда, что это не тѣ тихія слезы, которыми постоянно плакалъ Гоголь. Рѣдко выступаютъ онѣ и едва только успѣваютъ показаться, какъ онъ неудержимо зальется неистовымъ смѣхомъ, упорно смотря въ глаза пораженному, недоумѣвающему читателю. И что-то отчаянно-жгучее чувствуется тогда въ томъ смѣхѣ... Гоголь и смѣялся, и плакалъ тише, спокойнѣе, можетъ-быть, потому, что не за всѣхъ смѣялся и плакалъ онъ, какъ приходится Щедрину. Говоримъ это, разумѣется, не имѣя въ виду ни поднимать одного, ни умалять другого, а ради констатированія бросающейся въ глаза особенности. У Щедрина это легче

усматривается при чтеніи его произведеній въ цѣломъ, а не отдѣльными статьями въ журналѣ. *Письма къ тетенькѣ* особенно даютъ чувствовать, какъ подчасъ автору бываетъ тяжело улыбаться. За этою улыбкой слышатся иныя слова, чуются иныя думы. „Предполагается,—говоритъ онъ,—что жизнь со всѣми сыграла штуку"... „Жизнь, испуганная, перевернутая вверхъ дномъ, замученная, мечущаяся подъ гнетомъ паники... А мы съ вами будемъ сидѣть и радоваться", уже грохочетъ онъ, не успѣвши еще докончить прожигающія насквозь своею правдой слова о жизни. Тѣмъ поразительнѣй, тѣмъ тяжелѣй отзывается въ душѣ читателя вдругъ заблестѣвшая слеза на лицѣ, которое онъ привыкъ видѣть постоянно складывающимся для улыбки, для смѣха. Во сто кратъ больнѣй отзывается тогда каждое серіозно сказанное горькое слово. „Да хоть и ладно, повидимому, живется,—вдругъ вырывается изъ улыбающихся устъ Салтыкова,—а все-таки думаешь, *куда бы отъ этой жизни скрыться*". Сколько непередаваемой тоски, щемящей муки чувствуется въ этихъ немногихъ словахъ, сказанныхъ безъ тѣни улыбки! Но иногда и улыбка не смягчаетъ горечь неподдѣльной правды. Таковъ разговоръ съ Глумовымъ. „Не до Пушкиныхъ намъ. Вотъ какъ все устроится прочно, когда во всѣхъ сердцахъ поселится увѣренность, что съ внутреннею смутой покончено, тогда и опять за Пушкина съ Лермонтовымъ можно будетъ взяться. Ибо, въ сущности, они писали не дурно—этого нельзя отрицать..."—Къ тому,—говоритъ (Глумовъ),—времени, какъ все то устроится, ты такою скотиной сдѣлаешься, что не только Пушкина съ Лермонтовымъ, а и Фета съ Майковымъ понимать перестанешь"... „Да ты,—говоритъ,—подойди къ зеркалу, да и посмотри на себя!"—Ну, и домочадцы тутъ же пристали: посмотрись да посмотрись! Дѣлать нечего, всталъ, посмотрѣлся,—анъ изъ глазъ-то у меня поросенокъ подъ хрѣномъ глядитъ!!"

Сколько юмору въ этихъ, повидимому, веселыхъ словахъ! Кажется, какъ-будто авторъ только шутитъ, балагуритъ, шалитъ съ читателемъ, а между тѣмъ сколько здѣсь ѣдкой, бичующей правды!

Но и самъ Щедринъ, болѣе склонный къ смѣху, чѣмъ къ слезамъ,—случается, и онъ вскрикиваетъ, какъ бы теряя на минуту свое кажущееся спокойствіе. „Не знаю.

Ничего я не знаю, кромѣ одного, что надобно жить"... Онъ улыбающійся, онъ ободряющій—не въ силахъ больше улыбаться, не въ силахъ больше шутить надъ дѣйствительностью!.. Въ такія минуты можетъ сдѣлаться страшно, а въ особенности тому, для кого Щедринъ и веселый, глумящійся смѣхъ—тождественны... Не смѣхомъ великъ онъ, не проніей, даже не юморомъ, а правдой и тѣмъ задушевнымъ словомъ, которое звучитъ въ его неподражаемыхъ отступленіяхъ, въ его лирикѣ, куда, между прочимъ, относятся и эти слова: „надо жить". Немногорѣчивъ онъ, когда впадаетъ въ этотъ тонъ серіозной правды, и тѣмъ сильнѣе кажется тогда значеніе каждаго такого слова. „Но какъ невыносимо обязательное безмолвіе въ виду этой нелѣпой суеты—этого *я даже выразить вамъ не могу*"...

Вѣдь, кажется, обыденная, пустая фраза: „*даже выразить вамъ не могу*", а, между тѣмъ, какою болью отдается она въ душѣ читателя! А отчего?—Оттого, что Щедринъ говоритъ то, что̀ дѣйствительно чувствуетъ, оттого, что онъ пишетъ только, что̀ дѣйствительно есть, что̀ не выдумано; ничего ради слова, ради красоты и другихъ цѣлей. Прочитавши эти простыя слова, каждый чувствуетъ, что ему, автору, дѣйствительно очень тяжело,—тяжело не измышленіямъ фантазіи автора, а самому автору, котораго читатель, не зная въ глаза, привыкъ любить, душевнымъ состояніемъ котораго привыкъ интересоваться. Ужасъ испытываетъ онъ, останавливаясь на слѣдующихъ признаніяхъ: „Мнѣ лично по временамъ начинаетъ казаться, что я стою у порога какой-то загадочной храмины, на дверяхъ которой написано: галиматья. И стою я у этихъ дверей, какъ прикованный, и не могу отойти отъ нихъ, хотя оттуда такъ и обдаетъ меня гнилымъ позоромъ взаимной травли и междоусобія..." Ужъ не слезы слышатся здѣсь, а грозное негодованіе!

„Злые сердцемъ, нищіе духомъ,—говоритъ онъ,—жестокіе, но безразсудные, они сознаютъ только требованія своего темперамента, но не могутъ выяснить ни объекта своихъ ненавистей, ни способовъ отмщенія. Все въ этомъ соглядатайственномъ мірѣ загадочно: и люди и дѣйствія. Люди—это тѣ люди-камни, которые когда-то сѣялъ Девкаліонъ и которые, назло волшебству, какъ были камнями, такъ и остались ими. Дѣйствія этихъ людей—каменные осколки, невѣдомо откуда брошенные, куда и въ кого направленные. Въ пустотѣ родилась ихъ злоба, въ пустотѣ и потонетъ..."

Но нужно же въ чемъ-нибудь найти исходъ этому негодованію, нужно же ему во что-нибудь перейти; и у Щедрина оно переходитъ въ отважное отчаяніе, которому ничего не страшно. Является насмѣшка надъ самимъ горемъ. „Вѣдь, и измучить меня всласть нельзя: умру—только и всего. Эка невидаль! Умереть—уснуть: это всѣ половые въ трактирѣ „Британія“ знали! Мучиться-мучиться, да еще конца мученья бояться! Наплевать! Стрекоза, наблюдай! Поручики, взирайте съ прилежаніемъ! Либералъ такъ либералъ,—что жъ такое?“ Но такое напряженіе не въ силахъ долго выдержать нервы, и оно замѣняется жаждою покоя: „Умереть, умереть, умереть—и это было бы хорошо!“ „Въ цѣломъ организмѣ нѣтъ мѣста, которое бы не щемило и не болѣло...“ Но самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что у него еще есть одинъ оазисъ въ жизни: „письменный столъ, перо, бумага и чернила“.

Дай Богъ, чтобъ этотъ оазисъ долго-долго служилъ ему отдыхомъ, а черезъ него и всей лучшей части русскаго общества.

Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова.

Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ [1]).

Нелегко и невесело жилось русскимъ людямъ въ ту эпоху, съ которою совпадаетъ второй фазисъ развитія щедринской сатиры [2]). Противодѣйствіе реформамъ, предпринятымъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, не прекращалось, собственно говоря, ни на одну минуту, безпрестанно подбрасывая палки подъ колеса, создавая или сочиняя преграды, ограничивая задуманное, искажая исполненное; перевѣсъ, однако, оставался сначала на сторонѣ движенія, активъ политической жизни оказывался крупнѣе ея пассива. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за великимъ днемъ 19-го февраля, реакціонныя стремленія стали быстро расти и укрѣпляться, но въ свѣтлыхъ промежуткахъ все еще не было недостатка. Окончательно потемнѣлъ горизонтъ не раньше 1866 года; къ 1868 г. темнота была уже явленіемъ нормальнымъ и привычнымъ. Ни одна реформа не была формально отмѣнена, но всѣ были въ бо́льшей или меньшей степени обрѣзаны, обезсилены, извращены; выражаясь словами поэта, всѣ „раповременныя мѣры (рановременныя, конечно, только съ реакціонной точки зрѣнія) теряли должные размѣры и съ трескомъ пятились назадъ“. Осуществленіе преобразованій было отдано, за однимъ лишь исключеніемъ, въ руки людей, имъ враждеб-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1883 г.

[2]) Мы относимъ къ этому фазису слѣдующія четыре серіи сатирическихъ произведеній, вышедшія въ свѣтъ между 1868 и 1874 г.: „Признаки времени и письма о провинціи“, „Господа Ташкентцы“, „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ“ и „Помпадуры и помпадурши“. Въ этотъ же періодъ времени появилась „Исторія одного города“, но о ней намъ почти не придется говорить, потому что она не касается жизни *современнаго* русскаго общества. *К. А.*

ныхъ. Закрытіе земскихъ учрежденій въ С.-Петербургской губерніи (1867—68) послужило грознымъ memento mori для всего земства. Цѣлые отдѣлы новаго законодательства о печати сдѣлались мертвою буквой, прежде чѣмъ было вполнѣ испытано ихъ дѣйствіе; практика, стѣснительная для печати, была узаконена дополнительными постановленіями 1872 и 1873 г. Новые суды, едва вступивъ въ жизнь, стали предметомъ недоброжелательства и подозрѣній. Отъ крестьянскихъ учрежденій уцѣлѣло почти одно только имя; крестьянскій вопросъ былъ объявленъ навсегда порѣшеннымъ, больше не существующимъ. Податная реформа, поставленная, было, на очередь самимъ правительствомъ, застыла на одномъ мѣстѣ, несмотря на длинный рядъ сочувственныхъ ей земскихъ постановленій; на первый планъ выдвинулся, взамѣнъ ея, вопросъ объ усиленіи губернаторской власти. Въ общественной жизни все рѣзче и рѣзче заявляли себя обычные результаты реакціи и застоя, зарождались всѣ тѣ явленія, которыя достигли своего апогея къ концу семидесятыхъ годовъ. Мельчали учрежденія, мельчали люди, усиливался духъ хищенія и наживы, всплывало на верхъ все легковѣсное и пустое. Констатировать всеобщій упадокъ, указать надвигающіяся тучи, освѣтить всю неприглядность настоящаго, чтобы спастись отъ еще болѣе неприглядпаго будущаго,—такова была, при данной обстановкѣ, задача сатиры,—задача тѣмъ болѣе важная, чѣмъ меньше живыхъ силъ имѣлось для нея налицо въ другихъ отрасляхъ литературы. Однажды занявъ сторожевой постъ, г. Салтыковъ не сходилъ съ него даже въ самый разгаръ бури и сигнализировалъ не только ближайшую опасность, но и отдаленные подводные камни, къ которымъ неслось и несло насъ съ собою господствовавшее теченіе.

„Конфузъ“, изображенный въ *Невинныхъ разсказахъ* и *Сатирахъ въ прозѣ*, миновалъ безвозвратно; сбитыя съ толку, напуганныя, застыдившіяся силы опять почувствовали плп, по крайней мѣрѣ, опять вообразили себя господами положенія. Попытки совмѣстить несовмѣстимое—напримѣръ, „le système du selfgovernment“ и la libre initiative des poméschiks“ (см. предисловіе къ *Сатирамъ въ прозѣ*)—уступили мѣсто притязаніямъ болѣе откровеннымъ и практичнымъ. Нетрудно угадать, откуда могли итти эти притязанія. Они принадлежали, прежде всего, сословію, привыкшему считать себя

привилегированнымъ par excellence и очутившемуся вдругъ почти безъ привилегій.

„Странное дѣло!—читаемъ мы въ *Письмахъ о провинціи*.—Покуда существовало крѣпостное право, никому не приходило въ голову усомниться въ существованіи русскаго дворянства. Это существованіе заявляло себя цѣлымъ рядомъ такихъ дѣйствій, которыя самаго невѣрующаго человѣка заставляли вѣрить... Трудно было не повѣрить тому, что̀ всегда стояло, какъ живое, передъ глазами, то въ видѣ помѣщика, творящаго судъ и расправу, то въ видѣ исправника, творящаго судъ и расправу, то въ видѣ судьи или засѣдателя, творящихъ судъ и расправу. Это было сословіе, какъ бы предназначенное природой для суда и расправы; оно одно имѣло возможность предъявлять нѣкоторую силу среди общаго безсилія, нѣкоторую инціативу среди общаго безмолвія. Но главная и самая характеристическая черта, которая проходитъ сквозь всю исторію этой корпоративной силы, заключается въ томъ, что, однажды устроившись, она до самаго конца осталась при этомъ устройствѣ, занимаясь повтореніемъ задовъ и ни разу не поставивъ себѣ вопроса, возможно ли для нея дальнѣйшее развитіе, въ какомъ именно смыслѣ и въ какую сторону? Будущее для нея не существовало. Но будущее имѣетъ за собой то неудобство, что оно непремѣнно является въ срокъ. Въ настоящемъ случаѣ, оно пришло въ видѣ упраздненія крѣпостного права—и что же оказалось? Что одного удара было достаточно, чтобы ослабить всѣ связующія нити; что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ крѣпостного права, исчезло и дворянство!“

Само собою разумѣется, что эти послѣднія слова не могутъ быть понимаемы буквально; множество оговорокъ, точнѣе опредѣляющихъ ихъ значеніе, мы найдемъ у самого г. Салтыкова. Коллективная, стародавняя сила, какъ бы ограниченъ ни былъ ея кругъ дѣйствій, какъ бы слабо и ничтожно ни было ея политическое творчество, не исчезаетъ внезапно и всецѣло; подчиняясь общему закону, она ведетъ борьбу за существованіе, хотя бы исходъ этой борьбы и былъ заранѣе ясенъ для всякаго непредубѣжденнаго глаза. Потерявъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, безконечно много, дворянство вовсе не было расположено къ примиренію съ своею участью; оно сохраняло надежду на возвращеніе потеряннаго или на возмѣщеніе его надлежащимъ эквивалентомъ. Путь для достиженія этой цѣли представлялся двоякій: извлеченіе всего возможнаго изъ данныхъ условій — и стремленіе къ измѣненію ихъ въ извѣстномъ смыслѣ; другими словами, широкая эксплуатація дѣйствительности — и настойчивое требованіе новыхъ „правъ“, взамѣнъ упраздненныхъ. И то и другое ярко отразилось въ щедринской сатирѣ. *Признаки времени* — первый, въ хронологическомъ порядкѣ, продуктъ изучаемаго нами періода — открываются

характеристикой Пафнутьева, предъявляющаго свои „якобы права", какъ основаніе для правъ болѣе или менѣе настоящихъ.

„Чортъ ли въ томъ,—восклицаетъ этотъ „якобы" ревнитель своеобразно понимаемаго права,—что я Пафнутьевъ, коль скоро никакихъ дѣлъ мнѣ рѣшать не предоставлено!—Такъ, мой другъ, такъ!—отвѣчаетъ ему насмѣшливый голосъ,—а проэкзаменовать тебя, такъ, вѣдь, ты и дѣлъ-то никакихъ, пожалуй, назвать не умѣешь... рѣшитель! И куда тебя, подъ стекло, что ли, посадить дѣла-то рѣшать! вотъ удивленіе-то будетъ! вотъ утѣха! Рѣшитель!.. Но, быть-можетъ, ты скажешь: все будутъ исполнять другіе, а я только буду направлять? Такъ тебя и пустили!"

Не всѣ Пафнутьевы, однако, обрѣтаются въ счастливомъ невѣдѣніи тѣхъ дѣлъ, на рѣшеніе которыхъ они претендуютъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и ясно намѣченныя desiderata, и опредѣленная программа. Воздыханія и вожделѣнія принимаютъ, подъ ихъ руками, форму „прожектовъ", богатую коллекцію которыхъ развертываетъ передъ нами *Дневникъ провинціала въ Петербургѣ*. Здѣсь доказываютъ необходимость „тирé"; тамъ проповѣдуютъ децентрализацію; изъ какого-то угла слышится голосъ о „пользѣ оглушенія, въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ"; семинарски-аляповатое краснорѣчіе, древле-помѣщичій лаконизмъ, задуманныя по-французски и съ грѣхомъ пополамъ изложенныя по-русски фразы — все это составляетъ нестройный хоръ, сквозь какофонію котораго слышится, однако, довольно ясно одна основная нота. „Тирé" — это только первый шагъ, это предварительная очистка почвы, на которой имѣетъ быть возведена привилегированная постройка. Защитники „тирé"— дипломаты, дѣйствующіе съ подходцемъ и говорящіе съ ужимкой. Они признаютъ, на словахъ, „совершившійся фактъ", они даже благоговѣютъ передъ нимъ — наружно; они называютъ его мудростью — но „тирé есть болѣе, чѣмъ мудрость, это мудрость въ мудрости, мудрость, оглядывающаяся назадъ, скующая исторію, а не низвергающая ее въ прахъ". Ходатайствовать о постановкѣ „тирé", значитъ не только не грѣшить противъ мудрости дѣйствительной, но даже „споспѣшествующимъ образомъ доказывать, какая отъ того есть приносимая польза". „Мы не имѣемъ ничего бояться, ибо мы не ретрограды,—говорятъ тѣ же нижегородскіе бонапартисты,—мы только не хотимъ бѣжать впередъ сломя голову, потому что если всѣ побѣгутъ и отъ того сломаютъ головы, что̀ можетъ изъ сего произойти, кромѣ несвоевременной

гибели?“ Болѣе беззастѣнчиво и смѣло выражается отставной корнетъ Толстолобовъ, авторъ проекта о децентрализаціи; вмѣсто праздной болтовни о „тирѣ“, онъ прямо приступаетъ къ дѣлу и предлагаетъ „губернаторовъ назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства“, уѣзды раздѣлить на округа, округа—на дистанціи (пятиверстнаго разстоянія), и какъ тѣ, такъ и другія равномѣрно сдать въ управленіе „благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ“. Что всѣ эти „свѣдущіе люди“ должны быть „прилично“ вознаграждены и что объекты ихъ дѣятельности—обыватели—могутъ быть всячески „испытываемы“, а по нуждѣ и „удаляемы“ (въ мѣста ближайшія къ Ледовитому океану)—это разумѣется само-собою. Геркулесовыхъ столбовъ рѣшительности и упрощенности достигаетъ, наконецъ, проектъ помѣщика Поскудникова, признающаго „небезполезнымъ“ подвергнуть разстрѣлянію нижеслѣдующихъ лицъ: *первое*, всѣхъ несогласно мыслящихъ; *второе*, всѣхъ, въ поведеніи коихъ замѣчается скрытность и отсутствіе чистосердечія; *третье*, всѣхъ, кои угрюмымъ очертаніемъ лица огорчаютъ сердца благонамѣренныхъ обывателей; *четвертое*, зубоскаловъ и газетчиковъ. И только“. Не прелестно ли это заключительное: *и только!*

Составленіе проектовъ служитъ нѣкоторою соединительною нитью между верхушками сословія и его массой. Въ петербургскихъ салонахъ это занятіе поощряется, объединяется и сводится къ итогамъ; въ провинціальной глуши оно наполняетъ вынужденные досуги гг. Толстолобовыхъ, Поскудниковыхъ и К°. „Выскажитесь, дайте услышать вашъ голосъ“,—вотъ просьба, съ которою обращается къ своимъ заѣзжимъ гостямъ князь Оболдуй-Таракановъ.—Expliquez-nous le fin mot de la chose et alors nous verrons... По крайней мѣрѣ, я убѣжденъ, что если бъ каждый помѣщикъ прислалъ свой проектъ... mais un tout petit projet... согласитесь, что это нетрудно!“ Въ видахъ размноженія проектныхъ капель, изъ которыхъ должно составиться желанное правовое море, откладывается въ сторону даже барская спесь, широко растворяются двери, еще недавно доступныя лишь для немногихъ; повторяется—въ измѣненномъ, сообразно съ обстоятельствами, видѣ—старая исторія прикармливанія (матеріальнаго и духовнаго) мелкопомѣстныхъ дворянъ передъ дворянскими выборами.

„Я теперь принимаю *всѣхъ*,—говоритъ тотъ же князь Оболдуй-Таракановъ.—лишь бы эти *всѣ* гармонировали съ моимъ образомъ мыслей; *всѣхъ*... vous concevez?“ „Вотъ это-то собственно и называется у насъ *сближеніемъ*,—замѣчаетъ про-себя провинціалъ, выслушавъ привѣтствіе князя:—одинъ принимаетъ у себя другого и думаетъ: съ какимъ бы я наслажденіемъ вышвырнулъ тебя, курицына сына, за окно, кабы... а другой сидитъ и тоже думаетъ: съ какимъ бы я наслажденіемъ плюнулъ тебѣ, гнусному пыжику, въ лицо, кабы... Представьте себѣ, что этого *кабы* не существуетъ—какой обмѣнъ мысли произошелъ бы вдругъ между собесѣдниками!“

Прожекты, салонное „сближеніе“, чтеніе французско-русскихъ передовыхъ статей—все это относится къ области „заявленія правъ“, къ попыткамъ создать нѣкій величественный и нарочито удобный пьедесталъ, на которомъ пуще прежняго могла бы вознестись и процвѣсти развѣнчанная „сила“. Ниже и тише совершается движеніе другого рода, преслѣдуются другія, болѣе скромныя, но болѣе практическія задачи. Рядъ очерковъ, пріуроченныхъ къ исторіи Митеньки Козелкова (въ *Помпадурахъ и помпадуршахъ*), переноситъ насъ въ среду, далекую отъ петербургской „высшей политики“. Здѣсь сохранились еще древнія традиціи, требовавшія пикировки между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, сохранилось, вообще, многое изъ того патріархальнаго времени, когда губернская жизнь текла мирно, безмятежно и возмущалась только бурями въ стаканѣ воды. Съ одной стороны, все происходитъ какъ-будто по-старому: Платонъ Иванычъ будируетъ Дмитрія Павлыча; Дмитрій Павлычъ подкапывается подъ Платона Иваныча, ко дню выборовъ готовится „чудовищное обжорство“—но параллельно съ этимъ привычнымъ провинціальнымъ дѣйствомъ совершается другое, явно носящее на себѣ отпечатокъ новизны. „Крѣпко-головые“ готовятся „экзаменовать“ и, дѣйствительно, экзаменуютъ мировыхъ посредниковъ; другими словами, сословіе готовится карать и, дѣйствительно, караетъ измѣну, расправляется съ отступниками дворянскаго лагеря. Отступничествомъ признается здѣсь, конечно, не что иное, какъ слабая защита сословныхъ интересовъ. Несложны и незатѣйливы средства, пускаемыя въ ходъ сословной Немезидой; но читателю становится какъ-то не-по-себѣ, когда передъ нимъ проходятъ вожди „экзаменаторовъ“—хитроумный Одиссей-Праведный, крѣпковыйный Аяксъ-Гремикинъ. При извѣстной обстановкѣ страшенъ и кулакъ, страшна и ядовитая сплетня. Экзаменуемые — одни въ ъ

чистомъ полѣ; не найти имъ поддержки ни въ „маркизахъ“, ни даже въ „стригунахъ“ или „скворцахъ“. Они образуютъ особую партію — партію „плаксъ“ или канюкъ, заранѣе обреченную на пораженіе.

„Число рьяныхъ экзаменаторовъ росло не по днямъ, а по часамъ. Большинство до того увлеклось экзаменами, что даже возвышалось нѣкоторымъ образомъ до художественности, придавало своимъ запросамъ разнообразныя литературныя формы, изображало ихъ въ лицахъ... Посредники пыхтятъ и дѣлаютъ презрительныя мины, но внутренно обливаются слезами. Изрѣдка Праведный пуститъ шипъ по-змѣиному: „Поджигатели!“ и посмотритъ не то на окошко, не то на экзаменуемаго посредника; отъ шипа этого виноватаго покоробитъ, какъ бересту на огнѣ, но привязаться онъ не можетъ, потому что Праведный сейчасъ и въ кусты: это я такъ, на окошко, вотъ, посмотрѣлъ, такъ вспомнилось! И опять обольется сердце посредника кровью.—Всѣхъ на одну осину повѣсить, и баста!—цыркаетъ во все горло проходящій мимо Гремыкинъ и *нечаянно* задѣваетъ одного изъ плаксъ локтемъ“.

Такъ защищается твердыня, расшатанная, но не опрокинутая уничтоженіемъ крѣпостного права. На другихъ пунктахъ защитники ея переходятъ въ наступленіе; въ новыхъ постройкахъ, возведенныхъ съ совершенно иною цѣлью, они стараются расположиться, какъ у себя дома, занять всѣ теплые и свѣтлые покои, предоставивъ остальнымъ жильцамъ бродить по улицѣ или ютиться по чердакамъ и подваламъ. Главнымъ театромъ такихъ маневровъ служатъ земскія учрежденія, *во главу* которыхъ „провинціальное политиканство“ (да и не оно одно) стремится поставить дворянское сословіе. Но, вѣдь, земское дѣло—дѣло, несомнѣнно, общее, всесословное; какимъ же образомъ можно связывать съ нимъ сословные интересы? „Да, это такъ“, отвѣчаютъ искатели новаго положенія, „но посудите сами: образованность, матеріальная обезпеченность“... На самомъ дѣлѣ, подъ этими фразами скрывается то чувство, которому *Письма о провинціи* дали мѣткое имя „потребности въ приписке.“

„Провинція не можетъ понимать, не можетъ терпѣть человѣка, къ чему-нибудь не *приписаннаго*. Казалось бы, всего естественнѣе для человѣка приписать его къ свободѣ; но тутъ встрѣчаются серіозныя, почти непреодолимыя препятствія. Что такое свобода? Это, по мнѣнію провинціи, какое-то странное положеніе между небомъ и землею, это безвоздушная пустота.—Кто ты таковъ?—спросятъ свободнаго человѣка на первой заставѣ;—какъ твое имя и къ чему ты приписанъ?—Я ни къ чему не приписанъ,—отвѣтитъ свободный человѣкъ;—по упущенію, я приписанъ къ свободѣ.—Такъ значитъ ты не помнящій родства? взять его въ часть!—скажетъ заставная стража. Понятно, что такое неопредѣленное, почти тревожное положеніе не можетъ казаться привлекательнымъ нашей провинціальной интеллигенціи.

Она привыкла, чтобы ея паспорты были безукоризненно чисты, чтобы, при появленіи ея на заставахъ, не раздавалось никакихъ другихъ восклицаній, кромѣ: подвысь! Да, надобно приписаться, надобно, во что бы то ни стало".

Потребность въ припискѣ, и притомъ въ припискѣ непремѣнно *во главу* чего-нибудь или кого-нибудь, вызываетъ толки о состоявшемся уже сліяніи сословій, о незлопамятности русскаго народа. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ-будто бы меньшая братія готова замѣнить повиновеніе обязательное повиновеніемъ добровольнымъ, какъ-будто бы она готова сказать: порядка у насъ нѣтъ, возвратитесь и владѣйте нами, если не попрежнему, то хоть по-новому.

Такова, въ главныхъ чертахъ, картина дворянскихъ стремленій и предпріятій, освободившихся изъ-подъ власти „конфуза". Психологическая ихъ подкладка изображена всего яснѣе въ *Дневникѣ провинціала*, путемъ параллели между дѣдушкой Матвѣемъ Иванычемъ и его выродившимся, ослабѣвшимъ потомствомъ. Въ существованіи дѣдушки была законченность, была удовлетворенность; внуки скучаютъ, мечутся изъ одной стороны въ другую, жалуются на однообразіе жизни и желаютъ развлечься новымъ фасономъ одежды. „Отчего дѣдушка Матвѣй Иванычъ", спрашиваетъ себя „провинціалъ", „могъ жуировать такъ, что жупровка не приводила его къ мизантропіи, а я не могу вкусить ни отъ какого плода безъ того, чтобъ этотъ плодъ тотчасъ же не показался мнѣ прѣснымъ до отвращенія?" Подробный разборъ этого вопроса приводитъ „провинціала" къ заключенію, что въ жизни дѣдушки были, по меньшей мѣрѣ, три разнообразившіе и украшавшіе ее элемента: дворянскій интересъ, сознаніе властности и интересъ сельскохозяйственный. Дворянскій интересъ былъ своего рода бронзовою скалой, прочнымъ прикрытіемъ на случай всяческой невзгоды.

„Дѣдушка понималъ очень отчетливо, что если онъ твердъ въ вѣрѣ, то никто не только не тронетъ его, но и *не можетъ* тронуть. Онъ самъ сознавалъ себя твердыней, и кратковременные капризы его съ губернаторомъ были не больше, какъ обоюдное развлеченіе двухъ твердынь. А такъ какъ послѣднему это было такъ же хорошо извѣстно, какъ и дѣдушкѣ, то онъ, конечно, остерегся бы сказать, какъ это дѣлается въ странахъ, гдѣ особыхъ твердынь по штату не полагается: я васъ, милостивый государь, туда турну, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ!—потому что дѣдушка на такой репримандъ, нимало не сумнясь, отвѣтилъ бы: вы не осмѣлитесь это сдѣлать, ибо я самъ государя моего отставной подпоручикъ! И губернаторъ, навѣрное, прикусилъ бы языкъ, потому что дѣдушкина твердость въ вѣрѣ была такова, что вошла даже въ пословицу".

Благодаря сознанію властности, дѣдушкѣ ни на минуту не могла прійти въ голову обидная мысль, что онъ „пятое колесо въ колесницѣ или отставной козы барабанщикъ". „Дѣдушка обидѣлъ многихъ—и жилъ! Я, его внукъ, клянусь честью, мухи не обидѣлъ — и чувствую себя находящимся отъ жизни въ отставкѣ". Интересъ сельскохозяйственный, наконецъ, заключался въ правѣ „спрашивать" (т.-е. взыскивать) и исчезъ вмѣстѣ съ этимъ правомъ. Потомкамъ Матвѣя Иваныча, новѣйшимъ провинціаламъ, не зачѣмъ итти на пашню или на гумно. „Съ кого я *спрошу?* А вѣдь, и у меня, точно такъ же какъ и у дѣдушки, кромѣ *спрашиванья*, никакихъ другихъ распорядительныхъ средствъ по части сельскаго хозяйства не имѣется". Итакъ, прежнихъ живительныхъ элементовъ нѣтъ, а жить хочется попрежнему, властно, на широкую руку. Такъ жить, какъ жилъ дѣдушка, можно было только подъ условіемъ полнаго отсутствія жизни въ окружающей массѣ.

„Дѣдушка это чувствовалъ всѣмъ нутромъ своимъ: онъ зналъ и понималъ, что если міръ, по малой мѣрѣ верстъ на десять кругомъ, перестанетъ быть пустыней, то онъ погибъ. А мы?! Что дѣдушкина мораль удержалась въ насъ всецѣло—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но увы! мы уже не знаемъ, какъ устраивается та пустыня, безъ которой дѣдушкина мораль падаетъ сама собою. Прямо признать за „хамами" право на жизнь—не хочется, а устроить такимъ образомъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы—нѣтъ умѣнія, нѣтъ выдержки, выработки, подготовки".

Сознавая свою умственную немощь, внуки прибѣгаютъ къ помощи европейскихъ свѣтилъ, ищутъ теоретическихъ основъ для своихъ смутныхъ поползновеній; но кладъ не дается неискуснымъ рукамъ и ссылки „на англійскаго писателя Джона Стуарта", на Монтескье, подтверждающаго мнѣніе „Токевиля", не прикрываютъ нищеты мысли и узкости вожделѣній.

Другая сила, также подпавшая на время вліянію „конфуза" и также благополучно отъ него избавившаяся, — это бюрократія. Въ сравненіи съ эпохой *Губернскихъ очерковъ* и даже *Невинныхъ разсказовъ* и *Сатиръ въ прозѣ*, она является теперь передъ нами въ новомъ изданіи, значительно исправленномъ и дополненномъ. Осталась, конечно, и косная чиновническая масса, отмѣченная, въ *Письмахъ о провинціи*, прозвищемъ „исторіографовъ"; но и ее обуреваютъ невѣдомыя прежде страсти. „Исторіографы" — это тѣ люди, которые

издавна сочиняли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, *дѣлали* русскую исторію, т.-е. дѣйствовали и сами же исписывали повѣствованіемъ о своихъ дѣйствіяхъ цѣлыя груды сообщеній, предписаній и представленій. Естественное отношеніе исторіографовъ къ реформамъ—это неудовольствіе хозяевъ, въ квартиру которыхъ поставленъ непрошенной постой, это раздраженіе издателя при встрѣчѣ съ неожиданнымъ и непріятнымъ конкурентомъ. Они готовы подозрѣвать даже тѣхъ, которымъ суждено даже въ скорости примкнуть къ историографическому сонму; они бьютъ тревогу при появленіи акцизныхъ чиновниковъ, приходятъ въ ужасъ при видѣ контрольныхъ піонеровъ.

„Съ призывомъ новыхъ сочинителей на поприще русской исторіи, старые исторіографы чувствуютъ себя неловко. Во-первыхъ, имъ стыдно, что исторія, которую они до сихъ поръ сочиняли, имѣетъ несомнѣнное сходство съ яичницей; во-вторыхъ, они боятся, что пришельцы, пожалуй, догадаются, что это не исторія, а яичница, и вслѣдствіе того не выдадутъ имъ квитанціи; въ-третьихъ, имъ сдается, что пришельцы наступаютъ имъ на ноги, и хотя говорятъ pardon, но съ замѣтною въ голосѣ ироніей; въ-четвертыхъ, они чувствуютъ, что имъ нечего дѣлать, что празднаго времени остается пропасть, а дѣвать его рѣшительно некуда“. Отсюда разладъ въ провинціальной жизни, но разладъ, такъ-сказать, односторонній. „Собственно нападаетъ и раздорствуетъ только одна сторона—исторіографы; другая сторона даже не обороняется, а только молится Богу, чтобы о ней на время забыли. Это время ей нужно, чтобы доказать, что она невинна“.

Какъ ни интересны старые знакомцы-исторіографы, поставленные лицомъ къ лицу съ новыми дѣлателями и сочинителями, не они занимаютъ теперь первый планъ картины; всего назойливѣе мечутся въ глаза свѣже-испеченные продукты „послѣ-конфузной“ эпохи, *Помпадуры* и *Ташкентцы*. Зачатки обоихъ типовъ мы видѣли уже въ *Губернскихъ Очеркахъ*, въ лицѣ „озорника“ и „надорваннаго“; съ тѣхъ поръ они успѣли созрѣть, сформироваться и пустить многочисленные отпрыски. „Легковѣсные“ (въ *Признакахъ времени*), Нагибинъ (въ *Дневникѣ Провинціала*), Козелковъ, Кротиковъ, Быстрицынъ (въ *Помпадурахъ и Помпадуршахъ*)—это цѣлая галлерея администраторовъ высшей школы, смѣнившихъ патріархальнаго Чебылкина и грознаго, но простодушнаго Зубатова. Общая ихъ черта, такъ вѣрно подмѣченная еще въ „озорникѣ“—это свобода отъ всякой подготовки, отъ всякихъ знаній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пареніе въ ширь и глубь, исканіе внутреннихъ враговъ, пренебреженіе къ будничной сторонѣ администраціи.

„Не скрою отъ васъ,—восклицаетъ Нагибинъ,—я смотрю на свою роль нѣсколько иначе, нежели рутинеры прежняго времени. Я миротворецъ, медіаторъ, благосклонный посредникъ—и больше ничего. Смягчать раздраженныя страсти, примирять враждующія стороны, показывать блестящія перспективы—вотъ какъ я понимаю мое назначеніе! Or, je vous demande un peu, s'il y a quelque chose comme un bon dîner pour apaiser les passions!“ Миротворецъ не прочь, однако, и отъ роли громовержца. „Безъ страха нельзя,—говоритъ онъ Прокопу,—я привыкъ къ борьбѣ и даже жажду борьбы! Но скажу прямо: не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ того, кто меня вызоветъ на борьбу! Sapristi, messieurs! nous verrons, qui de vous ou de moi aura le panache!“... „Нагибину,—читаемъ мы дальше,—пріятно было думать, что устраненіе всѣхъ бѣдствій—и недостатка поваровъ, и бездождія, и излишества дождя—все это лежало на немъ одномъ“.

Съ Митенькой Козелковымъ мы знакомимся болѣе подробно: мы узнаемъ, въ чемъ заключалась его петербургская служба („съ двѣнадцати до трехъ потереться около департаментскихъ столовъ и разсказать пару скандалезныхъ анекдотовъ“); какъ онъ готовился къ своей высокой провинціальной должности („онъ втихомолку старался придать себѣ, сколько возможно, болѣе степенную физіономію, пріучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ“); какъ онъ разъяснялъ своимъ подчиненнымъ государственное значеніе недоимокъ и необходимость неукоснительнаго взысканія по безспорнымъ обязательствамъ; какъ онъ любезничалъ съ дамами и велъ походъ противъ строптиваго предводителя дворянства. Все это было бы прекрасно и безобидно, все это согласовалось бы вполнѣ съ древними обычаями родины—но Митенька былъ, къ несчастью, сыномъ своего времени. У него является какая-то теорія, а вмѣстѣ съ нею, и потребность примѣнять ее на практикѣ. Ему кажется, что у него мало власти, что его спутываетъ „изсушающая соки централизація“. „Развяжите намъ руки,—говоритъ онъ,—потому что странно, наконецъ, и требовать отъ человѣка со связанными руками, чтобы онъ дѣйствовалъ“. Въ ожиданіи возможности дѣйствовать, Митенька говоритъ, говоритъ—говоритъ самъ, говоритъ черезъ посредство пріисканнаго имъ публициста (какой шагъ впередъ въ сравненіи съ эпохой „литераторовъ-обывателей“!), говоритъ до тѣхъ поръ, пока не теряетъ способности произносить членораздѣльные звуки. Другимъ, менѣе невиннымъ видомъ помпадурской мономаніи страдаетъ Ѳеденька Кротиковъ—родной братъ, по духу, Митеньки

Козелкова. Попалъ онъ въ помпадуры такъ же нежданно-негаданно, какъ и Козелковъ.

„Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ которыхъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, изливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Ѳеденька сболтнулъ хлесткую фразу въ родѣ того, что Россію губитъ излишняя централизація, что необходимо децентрализовать, т.-е. эмансипировать помпадуровъ, усиливъ ихъ власть. Сболтнулъ—и понравился; понравился—и былъ признанъ способнымъ уловлять вселенную". Сначала Ѳеденька держался либерализма, „которому не только не служило помѣхой отсутствіе мудрости, но, напротивъ того, сообщало какой-то ликующій характеръ". Онъ писалъ самые разнообразные циркуляры, приглашалъ, побуждалъ, увѣщевалъ—„но изъ всѣхъ либеральныхъ затѣй достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взысканія недоимокъ". Тогда наступилъ второй періодъ Кротиковскаго либерализма, „либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго". Разославъ циркуляръ о мѣрахъ противъ обмеленія рѣкъ, онъ написалъ своему другу: „Ты видишь, я еще бодрюсь; но если и за симъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ положеніи, тогда—*ma foi*—я не остановлюсь даже передъ экзекуціей".

Судоходство, конечно, осталось въ прежнемъ положеніи—и Ѳеденька сдѣлался консерваторомъ. Окраска его консервативной дѣятельности была предрѣшена тѣмъ, что въ версальскомъ національномъ собраніи какъ-разъ въ это время была провозглашена *политика борьбы*. Подобно Макъ-Магону, онъ очистилъ персоналъ администраціи, потомъ устроилъ облаву на несогласно мыслящихъ и, наконецъ, рѣшилъ торжественно отречься отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, какъ это только-что сдѣлали въ Паре-ле-Моніалѣ французскіе приверженцы „нравственнаго порядка". Послѣ тщетной попытки заручиться для этой церемоніи содѣйствіемъ „Пустынника", онъ совершилъ ее на собственный рискъ и страхъ. Правда, церемонія вышла нѣсколько похожею на пикникъ, но это не помѣшало тутъ же развернуть знамя съ вышитымъ на немъ словомъ: *борьба*. Борьба, дѣйствительно, началась, если только можно назвать борьбой односторонній натискъ. „Многіе либералы подверглись расточенію, а многіе распороли себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному *фюить*, которое раздавалось въ ихъ ушахъ, безпрерывно угрожая ихъ существованію".

Въ сторонѣ отъ Митеньки и Ѳеденьки, настоящее имя которыхъ—легіонъ, стоитъ Быстрицынъ, этотъ „зиждитель" между помпадурами. Онъ окончилъ курсъ наукъ не въ ресторанѣ Дюссо, а въ своемъ помѣстьѣ, изучилъ Россію не на тротуарахъ Невскаго проспекта, а въ чухломскомъ

обществѣ сельскаго хозяйства. Онъ не только не признаетъ магической силы: *фюить*, этого любимаго словечка Кротиковыхъ, но, вообще, считаетъ излишнимъ всякое вращеніе зрачками и всякое сквернословіе. Его программа—

„развитіе творческихъ силъ народа съ цѣлью столь безпрепятственнаго взысканія податей и сборовъ, которое исключало бы самое понятіе о недоимкѣ; изысканіе новыхъ источниковъ производительности, въ видахъ восполненія государственному казначейству; упраздненіе военныхъ экзекуцій, какъ средства, не всегда достигающаго цѣли и притомъ сопряженнаго съ издержками для казны".

Ни недоимокъ, ни экзекуцій—какая привлекательная будущность! Къ сожалѣнію, для „зиждителя" этого мало: въ составъ его плановъ входитъ еще война (безъ войны помпадуръ, вѣдь, никакъ обойтись не можетъ) противъ крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ и противъ общиннаго владѣнія. Чтобы уничтожить это ужасное зло, Быстрицынъ намѣренъ не щадить личныхъ трудовъ и не останавливаться передъ нарушеніемъ закона.

„Моя система,—восклицаетъ онъ,—не требуетъ принужденій; я являюсь на сходъ лично и объясняю. Затѣмъ, сжели я вижу, что меня недостаточно поняли, я поручаю продолжать дѣло разъясненія исправнику. И вотъ, когда исправникъ объяснитъ окончательно—тогда, по его указанію, составляется приговоръ и прикладываются печати... И новая хозяйственная эра началась!"

Не слышится ли во всемъ этомъ тоже словечко: *фюить*, только облеченное въ облагороженную форму и обращенное уже не къ лицамъ, а къ учрежденіямъ?

Ташкентецъ—по крайней мѣрѣ, ташкентецъ административный; есть и другіе—это неудачный кандидатъ въ помпадуры, это чернорабочій въ области помпадурства. Подобно помпадуру, ташкентецъ—прирожденный энциклопедистъ, не потому, что онъ все знаетъ, а потому, что, ничего не зная, онъ за все готовъ взяться, все готовъ исполнить. Эта черта, играющая столь важную роль въ русской жизни, давно составляла предметъ наблюденій г. Салтыкова. Ее намѣчаетъ еще Гегемоніевъ, въ напутственной инструкціи юному становому (*Невинные разсказы*): „Потребуется начальству птицу финикъ сыскать—ты и птицу сыщешь; потребуется статистику сочинить—ты и статистику сочинишь!"

„Съ экономической точки зрѣнія,—читаемъ мы въ *Письмахъ о провинціи*,—всякій спеціалистъ—непремѣнно воръ; съ точки зрѣнія нравственно-политической—непремѣнно революціонеръ. Мы, провинціалы, живо помнимъ то время, когда въ средѣ нашей сложилась знаменитая пословица: тяпъ да ляпъ—и корабль. Всякій тогда приходилъ и объявлялъ себя способнымъ

повелѣвать стихіями. Пѣхотинцы ходили по морю, яко по суху; кавалеристы строили фортеціи и ретраншаменты, а гарнизонные офицеры, въ свободное отъ постройки рекрутскихъ полушубковъ время, выдумывали порохъ".

Введеніе къ *Господамъ Ташкентцамъ*—цѣлая монографія на ту же тему; особенно подробно разработана здѣсь зависимость „талантливости" отъ „приказанія", продуктовъ талантливости—отъ ея свойства.

„Ежели мы не изобрѣли пороха, то это значитъ, что намъ не было это приказано. Прикажутъ—и Россія завтра же покроется школами и университетами; прикажутъ—и просвѣщеніе, вмѣсто школъ, сосредоточится въ полицейскихъ управленіяхъ. Куда угодно, когда угодно и все что угодно... Все на чеку, все готово устремиться, куда глаза глядятъ".

Почему же, однако, люди по приказанію могли дѣлаться и сапожниками, и музыкантами, и акушерами? Потому, очевидно, что требовались отъ нихъ лишь простые сапоги, простая музыка, упрощенное акушерство—или, лучше сказать, требовалось только „выраженіе готовности". Приказаніе приказанію рознь: одно можетъ быть исполнено „готовностью" въ связи съ „талантливостью", другое—не можетъ.

„Представьте себѣ такой случай: директоръ департамента призываетъ столоначальника и говоритъ ему: „Любезный другъ, я желалъ бы, чтобы вы открыли Америку". Я не берусь утверждать, чтобы столоначальникъ осмѣлился возразить, но онъ все-таки пойметъ, что открытіе Америки совсѣмъ не его ума дѣло. Поэтому, всего вѣроятнѣе, онъ поступитъ такъ: разошлетъ во всѣ мѣста запросы, и затѣмъ постарается кончить это дѣло измором. Но пускай тотъ же директоръ тому же столоначальнику скажетъ: „Любезный другъ! Я желалъ бы, чтобы вы всѣхъ этихъ Колумбовъ привели къ одному знаменателю!"—вы не успѣете оглянуться, какъ Колумбы подлинно будутъ обузданы, а Америка такъ и останется неоткрытою".

Итакъ, ташкентцы—это прежде всего „талантливые" и „готовые" исполнители исполнимыхъ съ помощью одной талантливости и готовности приказаній. Но въ такихъ исполнителяхъ у насъ никогда не было недостатка; чтобы понять новый типъ, нужно узнать его отличительныя черты, ему одному свойственныя особенности. Физіономію ташкентцевъ дополняетъ, съ одной стороны, характеръ и направленіе исполняемыхъ ими приказаній, съ другой—побудительная причина готовности и способъ ея проявленія.

„Ташкентецъ—это просвѣтитель, просвѣтитель вообще, и во что бы то ни стало, и притомъ просвѣтитель, свободный отъ наукъ, но не смущающійся этимъ, ибо наука, по мнѣнію его, создана не для распространенія, а для утѣсненія просвѣщенія... Какъ терминъ отвлеченный, Ташкентъ есть страна, лежащая всюду, гдѣ бьютъ по зубамъ и гдѣ имѣетъ право гражданственности преданіе о Макарѣ, телятъ не гоняющемъ... Нравы создаютъ Ташкентъ на всякомъ мѣстѣ; бываютъ въ жизни обществъ минуты, когда

Ташкентъ насильно стучится въ каждую дверь и становится на очередь для всякаго существованія".

Просвѣщеніе par ordre, просвѣщеніе, обуздывающее и сокращающее, просвѣщеніе, въ основаніи котораго лежитъ le principe du stanovoy russe или le principe du télègue—вотъ, слѣдовательно, содержаніе и цѣль приказовъ, вдохновляющихъ ташкентца. Исполняетъ ихъ онъ потому, что ему нужно *жрать*, „жрать что́ бы то ни было, цѣною чего бы то ни было". Онъ относится къ своимъ дѣяніямъ „совершенно объективно, т.-е. исключительно съ точки зрѣнія чистоты отдѣлки"; онъ летитъ, хватаетъ, ловитъ, скрежещетъ зубами—но, въ сущности, онъ только „веселонравный мужчина, которому хочется удивить вселенную своею стремительностью". Приступая къ своей дѣятельности, онъ сознаетъ, что передъ нимъ „небольшой океанъ грязи, который нужно переплыть"; но это не останавливаетъ его потому, что грязь, наполняющая океанъ—„грязь метафизическая, отвлеченная"; наглядно, осязательно она не пачкаетъ, элегантную наружность пловца не измѣняетъ—а за нею, на томъ берегу, виднѣется столько привлекательнаго: вино, игра, женщины! понятно, что ташкентецъ идетъ въ грязь, какъ хорошо вымуштрованная собака—въ воду. Пока онъ барахтается въ ней одинъ, онъ только смѣшонъ и жалокъ (см. *Ташкентцы-цивилизаторы*); съ добычею въ рукахъ или въ зубахъ—онъ отвратителенъ и ужасенъ (см. *Они же*).

Дворянство и бюрократія—это остатки прошедшаго; перемѣнится ли впечатлѣніе, легче ли станетъ на сердцѣ, когда мы перейдемъ къ новизнѣ—къ земству, къ суду, къ адвокатурѣ, къ политической печати? Съ земствомъ мы встрѣчаемся въ первый разъ въ „Новомъ Нарциссѣ" *(Признаки времени)*—и что же мы видимъ? Азартные, безконечные споры о больничныхъ рукомойникахъ и нижнемъ бѣльѣ, заботы о чистотѣ половъ и плевательницъ, взаимное восхваленіе, взаимное надѣленіе тысячными земскими окладами. „Сѣятели" оказываются ничуть не лучше „дѣятелей"; земскія собранія немногимъ отличаются отъ дворянскихъ, и въ довершеніе сходства все оканчивается приглашеніемъ на обѣдъ къ гостепріимному предводителю дворянства. Искатели концессій и иныхъ благъ земныхъ, наполняющіе собою первую главу *Дневника провинціала*—все это „земскіе авгуры, члены

рязанско-курско-тамбовско-воронежско-саратовскаго клуба". Въ *Письмахъ о провинціи* мы встрѣчаемся уже не съ голымъ фактомъ, а съ его подкладкою; бѣдность добытыхъ земствомъ результатовъ объясняется здѣсь

„тѣми пререканіями, которыя встрѣтили земство въ самую минуту его появленія, и тѣми неполезными примѣсями, которыя имѣютъ обыкновеніе привязываться у насъ къ каждому дѣлу и не преминули привязаться и къ земству". „Есть, конечно,—читаемъ мы дальше,—и другія, еще болѣе рѣшительныя причины, временно обрекающія земство на безсиліе, но объ этихъ причинахъ находимъ благоразумнымъ до времени промолчать". Еще ничего не сдѣлавъ, едва появясь на свѣтъ, земство возбудило самыя широкія ожиданія. „Оно обязывалось обновить провинціальную жизнь, сдѣлавъ ее возможною не для однихъ брюхопоклонниковъ, но и для людей, не чуждающихся интересовъ мысли. Нѣкоторые восторженные умы шли далѣе и возлагали на земство разныя другія обязательства, какъ, напримѣръ, по освобожденію человѣческой личности отъ непроизвольныхъ передвиженій наѣздовъ, наскоковъ, по огражденію домашняго очага и т. д. Эти послѣднія надежды были, конечно, и преувеличены и преждевременны, но во всякомъ случаѣ казалось не невѣроятнымъ, что съ водвореніемъ земства хоть одно будетъ достигнуто: возможность жить и безъ помѣхи заниматься своимъ дѣломъ".

Для того, чтобы отвѣтить на эти ожиданія мало-мальски достойнымъ образомъ, земство должно было съ самаго начала понять свои задачи въ наиболѣе широкомъ смыслѣ. Коренная его ошибка заключается въ томъ, что оно этого не сдѣлало, подъ предлогомъ „неподготовленности" и истекающей оттуда необходимости самоограниченія.

„Неужели и въ самомъ дѣлѣ нужно особенную подготовку, чтобы сразу освоиться съ такою, напримѣръ, вещью, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній?.. Есть вещи, разставаться съ которыми никогда не рано, точно такъ же какъ есть вещи, для непосредственнаго пользованія которыми не требуется быть ни философомъ, ни политико-экономомъ. Къ числу такихъ простыхъ вещей принадлежитъ, несомнѣнно, и то, что́ мы называемъ самоуправленіемъ... Слѣдовательно, жалобы на неподготовленность къ самоуправленію едва ли можно принимать буквально. Скорѣе всего ихъ можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что мы, провинціалы, охотно ѣдимъ пирожное, когда намъ подадутъ его, а если не подадутъ, то довольствуемся и арестантскими щами съ несвѣжею солониной... Ограниченность круга нашей дѣятельности, говоримъ мы, есть залогъ ея прочности. Истина соблазнительная, но едва ли она не сдѣлается еще болѣе соблазнительною, если мы выведемъ изъ нея всѣ логическія послѣдствія, которыми она такъ богата. Вѣдь, тогда, пожалуй, окажется, что если совсѣмъ ничего не будетъ, то-есть никакого круга дѣятельности, то дѣло, пожалуй, сдѣлается еще прочнѣе"...

Новаго суда г. Салтыковъ касается рѣдко и осторожно; нетрудно замѣтить, что онъ дорогъ ему настолько же и

по той же причинѣ, насколько и почему онъ ненавистенъ *исторіографамъ* [1]). До извѣстной степени, однако, участь судебной реформы должна совпадать съ участью другихъ преобразованій. Девизъ современныхъ Митрофановъ: „Погодите, время еще не ушло“ (см. введеніе къ *Господамъ Ташкентцамъ*), не пощадилъ новаго суда, какъ не пощадилъ земства, адвокатуры, крестьянскаго самоуправленія. Учрежденіе держится людьми—а изъ числа людей, наполняющихъ суды, много бывшихъ „ташкентцевъ приготовительнаго класса“. „Государственные младенцы“, выведенные на сцену въ „третьей параллели“, идутъ не только въ „стоячую“, но и въ „сидячую“ магистратуру. Обвинителямъ и защитникамъ г. Салтыковъ, какъ и слѣдовало ожидать, удѣляетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ судьямъ. Представителями первыхъ служатъ Миша Нагорновъ (*Господа Ташкентцы*, параллель третья) и Николай Батищевъ (*Благонамѣренныя рѣчи*, ч. I, „Переписка“). Нагорновъ—это новѣйшій Молчалинъ, Молчалинъ говорящій, но тѣмъ не менѣе умѣренный и аккуратный; Батищевъ—это новѣйшій Загорѣцкій, прошедшій ташкентскую школу и вынесшій изъ нея полнѣйшую „готовность“. И тотъ и другой—это весьма характеристично—стоятъ на рубежѣ между двумя лагерями, часто противоположными только по имени; Батищевъ переходитъ отъ разыскиванія корней и нитей къ защитѣ скопцовъ, Нагорновъ жалѣетъ о томъ, что ему помѣшали сдѣлаться адвокатомъ. Есть, впрочемъ, и прокуроры убѣжденные, обвинители по призванію, готовые навсегда отказаться отъ трюфелей и довольствоваться кускомъ були и стаканомъ добраго вина.

„Чего у тебя никогда не будетъ въ твоей адвокатурѣ,—говорятъ они искусителю, напоминающему о трюфеляхъ,—это возможности восходить по лѣстницѣ должностей, расширять твои горизонты и встать со временемъ на ту высоту, съ которой человѣческіе интересы кажутся какимъ-то жалкимъ миражемъ, мгновенно разлетающимся при первомъ появленіи изъ-за тучъ свѣтила государственности!“ Въ переводѣ на болѣе простой языкъ та же мысль выражается слѣдующимъ образомъ: „Да ты пойми, два-три хорошихъ убійства—и у меня дѣло въ шляпѣ... Я ужъ на виду! А если тутъ не повезетъ, можно по части проектцевъ пройтись! Проектецъ, напримѣръ, по части измѣненія судебныхъ уставовъ... Какіе тутъ виды-то представиться могутъ!“

Адвокатовъ, достойныхъ стать въ пару съ гг. Нагорновымъ и Батищевымъ, мы находимъ великое множество;

[1]) См. первое „Письмо о провинціи“.

всего рельефнѣе обрисованы Тонкачевъ (*Господа Ташкентцы*), блестящій и изящный обѣлитель крупныхъ мошенниковъ, выигрывающій девяносто-семь изъ числа ста-пяти „отчаянныхъ“ процессовъ, и Балалайкинъ (*Въ средѣ умѣренности и аккуратности*, *Современная идиллія*), дѣлецъ и аблакатъ изъ категоріи безстрашныхъ и откровенныхъ. Турниръ между Нагорновымъ и Тонкачевымъ—это прелестная пародія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злая сатира не на новое судопроизводство, конечно, а на замашки и пріемы, угрожающіе ему глубокою внутреннею порчей.

Литература—или, лучше сказать, особый отдѣлъ литературы, заклейменный именемъ „пѣнкоснимательства“—играетъ особенно крупную роль въ *Дневникѣ провинціала*. Мы видимъ здѣсь вождя „пѣнкоснимателей“—Менандра Прелестнова, знакомимся съ ихъ руководящимъ органомъ „(Старѣйшей Всероссійской пѣнкоснимательницей“), съ ихъ собраніями, съ ихъ работами, съ уставомъ „вольнаго союза пѣнкоснимателей“. Главныя правила этого устава гласятъ: „не пропуская ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разсуждать съ такимъ расчетомъ, чтобы никогда ничего изъ сего не выходило; по наружности имѣть видъ откровенный и даже смѣлый, внутренно же трепетать; разсуждая о современныхъ вопросахъ, стараться, по возможности сокращать ихъ размѣры (Silenzio! Prudenzia!); всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось“.

Девизъ пѣнкоснимателя—„Наше время—не время широкихъ задачъ“; предметъ его антипатіи—„утопіи“; его любимые пріемы—тянуть канитель, дразнить, двусмысленно и загадочно либеральничать; если ему иногда пускаютъ камнемъ въ лобъ, то исключительно за назойливость, за приставанье, а не за другія, болѣе серіозныя провинности—таковыхъ за нимъ не водится. Пѣнкоснимать, въ глазахъ сатирика,—это неразлучный спутникъ хищника, вполнѣ достойный, а кое-въ-чемъ даже превосходящій своего патрона (см. параллель между ними на послѣднихъ страницахъ *Дневника*). Преслѣдованіе пѣнкоснимательства продолжается у г. Салтыкова и за предѣлами изучаемаго нами періода. Обращеніемъ къ теоретикамъ пѣнкоснимательства заканчивается введеніе къ *Благонамѣреннымъ рѣчамъ*; литературный Молчалинъ (*Въ средѣ умѣренности и аккуратности*), несомнѣнно состоитъ въ духовномъ родствѣ съ сотрудниками „Пѣнкоснимательницы“. „Менандръ стушевался,—читаемъ мы въ „Похоронахъ“ (*Сборникъ*); — не успѣвъ совладать съ

„разнузданностью въ похвалахъ", онъ до такой степени раздражилъ своими „наглыми" усиліями попасть въ тонъ минуты, что вынужденъ былъ уступить мѣсто другимъ, болѣе сноровистымъ дѣятелямъ". „Журналистъ Менандръ,—говоритъ г. Салтыковъ еще позже (*За рубежомъ*), — все надсѣдался — курлыкалъ: „Наше время не время широкихъ задачъ"; а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолобовъ, крикнулъ: „Ты что тутъ революцію распространяешь... брысь!"—и слопалъ Менандра".

Со староглуповскимъ обществомъ мы уже знакомы по первымъ произведеніямъ г. Салтыкова; мы присутствовали и при нарожденіи новоглуповцевъ, мы знаемъ, что благодаря имъ не вышелъ изъ употребленія исконный глуповскій air fixe. Переживъ эпоху „конфуза", онъ, конечно, долженъ былъ пережить и время оскудѣнія реформъ.

„Крѣпостное право,—читаемъ мы въ *Признакахъ времени*, — остается до сихъ поръ единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ... Хищничество—вотъ наслѣдіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ. Прежнія пресловутыя поговорки, въ родѣ: *съ сильнымъ не борись*, несмотря на ихъ ясность и знаменательность, представляютъ лишь слабые образчики той чудовищной терминологіи, которую выработало современное хищничество... Послѣднее слово крѣпостного хищничества было: получай въ зубы, и да величитъ душа твоя. Это же—послѣднее слово и хищничества современнаго".

Хищниковъ, власть имѣющихъ, мы уже видѣли въ лицѣ господъ ташкентцевъ; хищники въ простомъ фракѣ изображены въ *Признакахъ времени* („Нашъ savoir vivre") и еще ярче—въ первой главѣ *Дневника провинціала*. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ здѣсь сборищамъ въ устричной залѣ Елисѣева и въ Grand hôtel, погонѣ за концессіями и концессіонерами, проектамъ желѣзнодорожныхъ линій къ Изюму и къ устьямъ Печоры, къ пескамъ и къ выси поднебесной, стоятъ цѣлой обличительной литературы, расцвѣтшей впослѣдствіи на этой благодарной почвѣ и до сихъ поръ дающей запоздалые, блѣдные ростки въ разныхъ повѣстяхъ и фельетонахъ. Генезисъ хищниковъ разработанъ г. Салтыковымъ не такъ подробно, какъ генезисъ коршуновъ въ мундирѣ; четвертая параллель въ *Ташкентцахъ пріготовительнаго класса*—исторія происхожденія и воспитанія Порфиши Велентьева—одна только бросаетъ свѣтъ на отдаленный источникъ русскаго грюндерства. Этому этюду на тему

о качествахъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ могъ бы позавидовать авторъ „Ругопъ-Маккаровъ“.

Рядомъ съ „хищниками“, въ щедринской портретной галлереѣ могутъ быть поставлены „русскіе гулящіе люди“—гулящіе и за границей *(Признаки времени)* и у себя дома *(Дневникъ провинціала)*. Наклонность къ „гульбѣ“, по мѣткому наблюденію сатирика, выказываютъ примущественно „отцы“ или такія „дѣти“, „которыя, такъ-сказать, сдѣлались „отцами“ въ самую минуту своего рожденія. Въ *отцахъ* всегда было развито чувство изящнаго,

„развито даже въ ущербъ другимъ дѣятелямъ человѣческаго организма. Рядомъ съ этою потребностью изящнаго и какъ бы послѣдствіемъ ея являлась чувствительность сердца, способность воспламеняться при малѣйшемъ намекѣ на существо другого пола. Само-собою разумѣется, что такой воспламеняемости весьма много способствовало крѣпостное право, которое давало возможность удовлетворять ей почти безъ всякихъ препятствій“.

Что слѣдуетъ понимать подъ изяществомъ и чувствительностью, когда рѣчь идетъ о „гулящихъ людяхъ“—объ этомъ можно судить по сценѣ ужина у Донона, съ дѣвицей Сюзеттой *(Дневникъ провинціала)*, или по бесѣдамъ Nicolas Персіанова съ матерью и съ молодымъ сосѣдомъ *(Ташкентцы приготовительнаго класса*, параллель первая). Нужно замѣтить, впрочемъ, что „гулящіе люди“ вездѣ болѣе или менѣе одни и тѣ же; припомнимъ, напримѣръ, балъ у Барневицевъ въ „Загадочныхъ натурахъ“ Шпильгагена, или картины клубной жизни въ „Rois en exil“, Додэ.

Хищниковъ и гулящихъ людей масса привѣтствуетъ, большею частью, вполнѣ радушно, какъ кость отъ костей своихъ; зато она не терпитъ того, что въ одномъ изъ этюдовъ г. Салтыкова *(Признаки времени)* названо „Сеничкинымъ ядомъ“. „Благопамѣренные люди“ во всемъ обвиняютъ „мальчишекъ“, подобно тому, какъ патріархальное семейство, безмятежную жизнь котораго нарушилъ Сеничкинъ пріѣздъ, во всемъ обвиняло Сеничку. Люди голодны, потому что ихъ плохо кормятъ—семейный ареопагъ рѣшаетъ, что жаловаться на голодъ ихъ заставляетъ только Сеничкинъ ядъ, и спѣшитъ какъ можно скорѣе удалить Сеничку. Весьма можетъ быть, что не пріѣзжай Сеничка, не было бы жалобы—но отсюда еще не слѣдуетъ, что не было бы и голода. Жалоба непріятна для ареопага, это безспорно—но она хотя сколько нибудь увеличиваетъ шансы насыщенія голодающихъ.

„Обыватель", вообще, и „мужикъ", въ особенности, какъ самая распространенная разновидность обывателя, почти нигдѣ не стоятъ у г. Салтыкова на первомъ планѣ; но это еще не значитъ, что они забыты щедринскою сатирой. Они часто присутствуютъ въ ней незримо, какъ объектъ изучаемыхъ ею мѣропріятій, какъ матеріалъ, надъ которымъ упражняется всяческая „талантливость" и „готовность". „За Ташкентомъ,—читаемъ мы въ *Господахъ Ташкентцахъ*,—неизбѣжно скрывается человѣкъ, питающійся лебедою... Человѣкъ, который ѣстъ лебеду,—это тотъ самый человѣкъ, на которомъ окончательно обрушивается ташкентство всевозможныхъ видовъ и родовъ". Въ *Признакахъ времени* („Нашъ savoir vivre") мы сталкиваемся въ слѣдующими двумя вопросами: 1) какимъ образомъ могло случиться, что соломенныя головы вдругъ сдѣлались и экономистами, и финансистами, и чуть-чуть не политиками, и 2) ежели справедливо, что затѣи соломенныхъ головъ пахнутъ милліонами, то съ какого благодатнаго неба должны свалиться на насъ эти милліоны? Второй вопросъ, за трудностью, остается безъ разрѣшенія—но за нимъ, очевидно, стоитъ не кто другой, какъ опять-таки „человѣкъ, питающійся лебедою", тотъ самый, про котораго впослѣдствіи сказана знаменитая фраза: „ёпъ достанетъ!" Онъ же, этотъ человѣкъ играетъ главную роль въ сѣтованіяхъ исторіографовъ „объ оскудѣніи страны русской, прежде богатой шкурами и медомъ, теперь богатой только кабаками" (см. шестое *Письмо о провинціи*). Въ тѣхъ, сравнительно, рѣдкихъ случаяхъ, когда „обыватель" является дѣйствующимъ лицомъ, насъ поражаетъ, съ одной стороны, его приниженность и бѣдность (см. девятое *Письмо о провинціи*), съ другой—его отчужденность отъ воздвигнутаго на его же собственныхъ плечахъ офиціальнаго строя. Поразительную, несмотря на юмористическій колоритъ, картину этой отчужденности представляютъ тѣ страницы въ „Сомнѣвающемся" (*Помпадуры и помпадурши*), когда градоначальникъ бесѣдуетъ incognito съ толпящимся на базарной площади народомъ.

„Выѣдешь изъ дому хоть бы на базаръ,—говоритъ ему крестьянинъ,—а воротишься ли домой—впередъ сказать не можешь. Можетъ-быть, законъ тебѣ пропишутъ, али что"... „Странно это,—возражаетъ новѣйшій Гарунъ-аль-Рашидъ:—если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлаешь... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ"... „Ты и надѣйся,—прерываетъ его скептикъ,—а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градо-

начальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждаго человѣка своя планида".

Ту же мысль, въ нѣсколько иной формѣ, выражаютъ и сельскій священникъ, и мѣщанинъ въ нѣмецкомъ платьѣ. „Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ; все равно, какъ планета... Законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣетъ, а простой народъ ему не подверженъ!" Небольшими, но прелестными иллюстраціями той роли, которую игралъ и играетъ у насъ „мужикъ", служатъ два разсказа, написанные г. Салтыковымъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ [1]): *Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ*, и *Дикій помѣщикъ*. Содержаніе этихъ разсказовъ, безъ сомнѣнія, никѣмъ не забыто; они принадлежатъ, и принадлежатъ по праву, къ числу самыхъ популярныхъ произведеній г. Салтыкова. Доступные и понятные даже для дѣтей, они заключаютъ въ себѣ, подъ полу-шуточною, полу-сказочною оболочкой, глубоко серіозную мысль, далеко не шуточнаго свойства.

Мозаическая картина, составленная нами изъ четырехъ сочиненій г. Салтыкова, вышла большою, можетъ-быть, слишкомъ большою—и все-таки она неполна, не исчерпываетъ всѣхъ темъ, затронутыхъ сатирикомъ [2]). Мы нарочно не прерывали ея ни комментаріями, ни возраженіями, чтобы сохранить за нею возможно бо́льшую цѣнность. Одно заключеніе вытекаетъ изъ нея, какъ намъ кажется, очевидно и несомнѣнно: въ сатирѣ г. Салтыкова отразилась наша современная общественная жизнь, въ главныхъ своихъ фазисахъ, со своими типическими чертами. Споръ можетъ итти только о свойствѣ и вѣрности отраженія. „Съ кого онъ пишетъ эти портреты, гдѣ слышитъ эти разговоры?"—вотъ старый вопросъ, съ которымъ постоянно обращались и до сихъ поръ обращаются къ г. Салтыкову. Большинству вопрошающихъ неизвѣстенъ, по всей вѣроятности, отвѣтъ, заранѣе данный имъ самимъ авторомъ. Доведя разсказъ о Ѳеденькѣ Кроти-

---

[1]) Они вошли въ составъ „Сборника", изданнаго въ 1881 г.

[1]) Укажемъ, для примѣра, двѣнадцатое „Письмо о провинціи", посвященное судьбѣ тѣхъ лицъ, которыхъ судьба переноситъ съ Кабинетской или Разъѣзжей въ уѣздный городъ Непасыть; на описаніе псевдо-статистическаго конгресса въ „Дневникѣ провинціала"; на этюдъ о патріотизмѣ въ „Признакахъ времени".

ковѣ *(Помпадурѣ борьбы)* до церемоніи отреченія отъ сатаны, г. Салтыковъ предвидитъ, со стороны читателя, упрекъ въ преувеличеніи—и посвящаетъ нѣсколько страницъ опроверженію этого упрека.

„Читатель,—говоритъ онъ,—ставитъ на первый планъ форму разсказа, а не его сущность, называетъ преувеличеніемъ иносказаніе; гонялись за дѣйствительностью обыденною, осязаемою, онъ теряетъ изъ виду другую дѣйствительность, столь же реальную, имѣющую такое же право на признаніе. Литературному изслѣдованію подлежатъ не только тѣ поступки, которые человѣкъ безпрепятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ, несомнѣнно, совершилъ бы, если бы умѣлъ или смѣлъ... Вы скажете, какое намъ дѣло до того, волею или неволею воздерживается извѣстный субъектъ отъ извѣстныхъ дѣйствій; для насъ достаточно и того, что онъ не совершаетъ ихъ. Но берегитесь! *сегодня* онъ дѣйствительно воздерживается, но *завтра* обстоятельства поблагопріятствуютъ ему, и онъ *непремѣнно* совершитъ все, что́ когда-нибудь лелѣяла его тайная мысль... Многое потому только кажется намъ преувеличеніемъ, что мы безъ должнаго вниманія относимся къ тому, что́ дѣлается вокругъ насъ. На самомъ дѣлѣ, небывальщина гораздо чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ“. „Я не отрицаю,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ (*Круглый годъ*),—что въ писаніяхъ моихъ нерѣдко встрѣчаются вещи довольно неожиданныя, но это зависитъ отъ того, что въ любомъ курсѣ риторики существуютъ указанія на тропы и фигуры, и я, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ казенномъ заведеніи, не имѣю даже права оставаться чуждымъ этимъ указаніямъ. Есть метафора, есть метонимія, синекдоха“,—есть, прибавимъ мы отъ себя, и гипербола, о существованіи которой особенно охотно забываютъ враги щедринской сатиры.

„Небывальщина чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ“—это положеніе г. Салтыкова, понимаемое, разумѣется, cum grano salis, неоднократно приходило намъ на память при чтеніи его произведеній. Фантазія сатирика часто оказывается не чѣмъ инымъ, какъ предвосхищеніемъ событій; „преувеличеніе“ 1868 или 1870 г. восходитъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на степень достовѣрнѣйшаго факта. „Убѣжденія могутъ имѣть только люди безпокойные,—говоритъ одинъ изъ „легковѣсныхъ“ *(Признаки времени)*:—мы, люди спокойные и довольные, мы не страдаемъ такъ-называемыми убѣжденіями, а видимъ и признаемъ только долгъ... ты понимаешь—*долгъ*!“ Прочитавъ эти слова въ моментъ появленія ихъ въ печати, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, мы воскликнули бы, быть-можетъ: „Карикатура! шаржъ! кто станетъ такъ выражаться?“ Теперь подобное восклицаніе немыслимо, по той простой причинѣ, что изреченіе „легковѣснаго“ повторено почти буквально, и совер-

менно въ-серіозъ, „Московскими Вѣдомостями“ 1882 г. „Ежели невозможно предоставить губернатору издавать законы,—читаемъ мы въ третьемъ пунктѣ децентрализаціоннаго прожекта, записаннаго въ *Дневникѣ провинціала*,—то предоставить издавать *правила*, и отнюдь не стѣснять его въ мѣропріятіяхъ къ искорененію зла“. Это напечатано въ 1872 году, а въ 1876 или 1877 году администраціи, на самомъ дѣлѣ, дано и впослѣдствіи еще болѣе расширено право издавать обязательныя постановленія. То, что́ прежде казалось утрировкой, является, такимъ образомъ, простою прозорливостью; г. Салтыкову удается иногда подмѣтить „тѣнь, отбрасываемую грядущимъ“ (the shadow of coming things, какъ картинно выражаются англичане). Поразительныя проявленія этой способности мы увидимъ въ позднѣйшей дѣятельности его.

Подъ рубрику „предвосхищеній“ подходятъ, безъ сомнѣнія, далеко не всѣ „преувеличенія“ сатирика; многія изъ нихъ не имѣютъ другого оправданія, другой raison d'être, кромѣ самаго свойства и самыхъ задачъ сатиры. Сатира—не простое изображеніе дѣйствительности; коренясь въ реальной жизни и черпая изъ нея свою главную силу, она не стѣсняется въ выборѣ и группировкѣ красокъ, не заботится о равномѣрномъ распредѣленіи тѣней и свѣта. Ей мало показать, объяснить—она хочетъ заклеймить, ударить, пригвоздить къ позорному столбу, запечатлѣть бичуемый ею образъ не только въ памяти, но и въ воображеніи читателя. Имѣетъ ли она на то право, останется ли она, дѣйствуя такимъ образомъ, въ предѣлахъ и сферѣ искусства? Обязателенъ ли для нея девизъ диккенсовскаго Градграйнда: „Facts! nothing but Facts!“ или нео-реалистическій законъ, предписывающій фотографически-вѣрную передачу „человѣческихъ документовъ“? Вопросъ этотъ не можетъ считаться праздным, разъ-что онъ возбуждалъ сомнѣнія даже въ Бѣлинскомъ, даже въ позднѣйшемъ періодѣ его дѣятельности. „Сатира,—говоритъ великій критикъ въ обозрѣніи русской литературы за 1843 г. („Сочиненія“, т. VIII, стр. 70),—ложный родъ. Она можетъ смѣшить, если умна и ловка, но смѣшить, какъ остроумная карикатура, набросанная на бумагу карандашомъ искуснаго рисовальщика. Романъ и повѣсть выше сатиры. Ихъ цѣль—изображать вѣрно, а не карикатурно, не преувеличенно. Произведенія искусства,

они должны не смѣшить, не поучать, а развивать истину творчески-вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности". Намъ кажется, что ложныхъ родовъ искусства нѣтъ—есть только ложная манера, одинаково возможная во всѣхъ отрасляхъ его. Поученіе, въ смыслѣ тенденціозности, нельзя считать однимъ изъ проявленій этой ложной манеры. Тенденціозный романъ не выше, но и не ниже—ceteris paribus—романа нетенденціознаго [1]). Сатира немыслима безъ тенденціи—но это нимало не вліяетъ на ея художественное достоинство. Тенденція часто льется въ ней черезъ край—но это еще не низводитъ ея, само-по-себѣ, на степень карикатуры. Сатира безъ преувеличеній едва ли существуетъ; требовать отъ нея безусловно точнаго воспроизведенія фактовъ, значитъ исключать изъ области искусства Аристофана, Ювенала, Свифта, Барбье, Гоголя, Грибоѣдова. Вѣдь, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать серіозно, что въ Римѣ временъ Домиціана могли жить только „умѣющіе превращать черное въ бѣлое" (qui nigrum in candida vertunt; см. третью сатиру Ювенала); наврядъ ли существовалъ тогда и такой обжора, который бы одинъ съѣдалъ заразъ цѣлаго кабана (сатира первая). О преувеличеніяхъ Свифта нечего и говорить; они прямо вытекали изъ избранной имъ формы. Въ разговорѣ Чичикова съ Маниловымъ, навѣрное, не все списано съ натуры; прототипъ Молчалина едва ли произнесъ когда-нибудь знаменитую фразу о „собакѣ дворника". Все дѣло въ томъ, какую роль играютъ въ сатирѣ преувеличенія, какъ далеко и въ какую сторону они идутъ, какъ они связаны съ основною ея мыслью. Если они составляютъ самую суть сатиры, если сатирикъ принимаетъ и выдаетъ ихъ за чистую монету, если фантастическая оболочка перевѣшиваетъ реальное ядро и не отдѣляется отъ него легко и свободно, если факты гнутся въ направленіи противоположномъ тому, въ какомъ гнетъ ихъ дѣйствительность, тогда—но только тогда—сатира обращается въ карикатуру, въ пустую или злобную забаву. Чувство мѣры, вѣрное пониманіе настоящаго, серіозное отношеніе къ будущему—вотъ главные

[1]) Извѣстно, что въ концѣ своей жизни Бѣлинскій всего больше цѣнилъ въ повѣсти или романѣ именно поучительность, въ смыслѣ „нравственнаго впечатлѣнія, производимаго на общество" („Жизнь и переписка Бѣлинскаго", А. Н. Пыпина, т. II, стр. 312).

коррективы сатирическихъ преувеличеній; въ связи съ глубокимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, съ мастерствомъ формы, они обусловливаютъ собою возможность истинно-художественной сатиры.

Сатира, повторяемъ еще разъ, немыслима безъ тенденціи, въ особенности когда она выходитъ на широкую арену общественной жизни. Сатирикъ не только констатируетъ факты—онъ ихъ взвѣшиваетъ и оцѣняетъ. Для такой оцѣнки необходимъ критерій, которымъ можетъ служить лишь міросозерцаніе автора. Сатирикъ—не столько судья, сколько обвинитель или защитникъ (защитникъ въ той мѣрѣ, въ какой защита составляетъ оборотную сторону обвиненія). Упрекать его въ недостаткѣ безпристрастія болѣе чѣмъ странно; безпристрастный и безстрастный, онъ былъ бы чѣмъ угодно, только не сатирикомъ. Клеветать на противниковъ, приписывать имъ небывалыя стремленія, извращать факты онъ, безъ сомнѣнія, не долженъ; бо́льшаго отъ него требовать нельзя. Чѣмъ сильнѣе онъ умѣетъ ненавидѣть, тѣмъ лучше, лишь бы только ненависть его не останавливалась на мелочахъ, на отдѣльныхъ лицахъ; „He was a good hater“—какъ выразился Тургеневъ о Бѣлинскомъ—похвала еще бо́льшая для сатирика, чѣмъ для критика. Кто умѣетъ, въ этомъ смыслѣ, ненавидѣть, тотъ умѣетъ и любить, какимъ бы суровымъ и безпощаднымъ онъ ни казался; въ сатирѣ, достойной этого имени, какъ и въ наукѣ, за отрицаніемъ всегда скрывается нѣчто положительное. Мы готовы примириться даже съ крайностями, съ несправедливостями сатиры, если въ основаніи ея лежитъ идеалъ, незримо поддерживающій ея пламя.

Салонъ князя Оболдуй-Тараканова, прожекты, удручающіе провинціала и заставляющіе его искать убѣжища у Палкиныхъ и въ „Старыхъ Пекинахъ“, рѣчь Накатникова о „principe du télégue russe“, подвиги ташкентцевъ-цивилизаторовъ или „Помпадура борьбы“, словоизверженія Митеньки Козелкова—всѣ эти продукты щедринской сатиры, безспорно, не чужды преувеличеній и притомъ преувеличеній тенденціозныхъ. Никто, безъ сомнѣнія, не предлагалъ ни разстрѣлянія „несогласно мыслящихъ“, ни „оглушенія въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ“; ни одна помпадурша не гарцовала, какъ новая Іоанна д'Аркъ, на вороно́мъ конѣ, „призывая всѣхъ къ покаянію и къ борьбѣ противъ матеріализма“; ни одинъ

„исполнитель“ не сравнялся въ усердіи съ героемъ этюда: *Они же*. Не въ этомъ, однако, дѣло, не отъ вѣрности такихъ деталей зависитъ мѣткость и мощь удара. Схваченъ ли сатирикомъ общій колоритъ картины, правильно ли угаданъ имъ часъ, переживаемый обществомъ—вотъ, къ чему сводится вопросъ; неточность въ постановкѣ минутной стрѣлки значитъ здѣсь ничуть не больше, чѣмъ дозволенная математикой неточность въ задачахъ, допускающихъ лишь приблизительное рѣшеніе. Съ этой точки зрѣнія щедринская сатира подаетъ руку современной исторіи; явленія, намѣченныя первою, составляютъ или составятъ достояніе послѣдней. Дворянство, дѣйствительно, было выбито изъ сѣдла крестьянскою реформой, дѣйствительно, хваталось и за гриву, и за хвостъ, и за стремена, чтобы опять очутиться верхомъ на лошади; обновленная бюрократія, дѣйствительно, выдвинула изъ своей среды и Накатниковыхъ, и „Зиждителей“, и Козелковыхъ. Дистанціонные начальники, предлагаемые отставнымъ корнетомъ Петромъ Толстолобовымъ—развѣ это, въ сущности, не тѣ же помѣщики-волостные старшины, о которыхъ въ 1874 или 1875 г. (года три спустя послѣ появленія въ свѣтъ *Дневника провинціала*) разсуждало петербургское дворянское собраніе? Развѣ нѣтъ точекъ соприкосновенія между ними и недавно появившимися на горизонтѣ „властными показателями пути“? Развѣ „тире“, рекомендуемое кн. Оболдуй-Тараканомъ, многимъ отличается отъ знаменитой „точки къ реформамъ“? Развѣ у Гремикиныхъ и Праведныхъ мало близкихъ родственниковъ во всѣхъ такъ-называемыхъ дворянскихъ губерніяхъ россійской имперіи? Блестки и искры, изъ которыхъ сложился сатирическій костеръ для сословныхъ притязаній—это только точки надъ весьма реальными, осязательными *і*. Правда, точка не всегда соразмѣрна съ буквой, часто давитъ ее своею тяжестью, затмеваетъ ее своею яркостью—но отношеніе между ними, во всякомъ случаѣ, остается то же, какъ между безграмотнымъ человѣкомъ, дающимъ содержаніе для письма, и грамотеемъ, дающимъ для него форму. Для полноты сходства слѣдуетъ только предположить, что послѣдній—юмористъ, а первый—подходящій объектъ для юмора. Другое сравненіе еще больше пояснитъ нашу мысль; выпуклое зеркало—все-таки зеркало, хотя оно и утолщаетъ черты, сообщая лицу выраженіе отчасти глупое, отчасти смѣшное. Долго

смотрѣть на него бы скучно и утомительно; но рядомъ съ другими зеркалами и оно имѣетъ право на существованіе. Искусной рукѣ сатирика удается, бо́льшею частью, показать его кстати, во́-время и въ мѣру.

Въ созданіи помпадуровъ и ташкентцевъ фантазія автора участвовала ничуть не больше, чѣмъ въ созданіи дворянскихъ прожектеровъ. Иногда, повидимому, г. Салтыковъ имѣлъ передъ собою даже живыя, конкретныя модели: это особенно чувствуется въ *Зиждителѣ*, каждое слово котораго звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, доподлинно намъ извѣстнымъ. Бюрократы, увѣковѣченные щедринскою сатирой подъ именемъ „помпадуровъ“,—такіе же сыны своего времени, какими были когда-то новоглуповцы и крутогорцы. Условія крутогорской жизни требовали сокрушительной длани, широкихъ кармановъ, упрощенной до крайности морали—и все это состояло налицо въ достаточномъ числѣ экземпляровъ. Эпоха конфуза благопріятствовала двоедушію и двогласію; мы видѣли процвѣтаніе того и другого. Новыя времена призвали къ жизни новыхъ людей; новые люди принесли съ собой новыя пѣсни. Въ сороковыхъ и даже въ пятидесятыхъ годахъ *Помпадуры борьбы* были немыслимы, потому что не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было бороться, потому что нельзя было даже вообразить себя призваннымъ къ борьбѣ. Призракъ „крестьянскихъ бунтовъ“, вызванныхъ пугливою фантазіей наканунѣ освобожденія крестьянъ, сдѣлался первымъ объектомъ наступательныхъ и оборонительныхъ мѣропріятій; за нимъ послѣдовали другіе, отчасти столь же фантастическаго, отчасти болѣе реальнаго свойства. Спускаясь внизъ по административной лѣстницѣ, это своеобразное движеніе захватывало все бо́льшее и бо́льшее число лицъ, выводило ихъ за предѣлы обычнаго круга дѣйствій, заставляло ихъ искать какихъ-то новыхъ путей, какихъ-то новыхъ задачъ, присоединять къ управленію—составленіе проектовъ, къ распорядительности—высшую политику, къ исполнительности—все превозмогающее усердіе. Достаточно вспомнить хотя бы одну извѣстную „записку“, увидѣвшую свѣтъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, чтобы убѣдиться въ рожденіи новаго типа, незнакомаго нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Положеніе дѣлъ еще болѣе усложнилось тѣмъ, что параллельно съ возрастающею важностью начальства шло нѣкоторое ограниченіе его власти или, лучше сказать, суженіе

ея предѣловъ. Призваніе администратора, по крайней мѣрѣ въ его собственныхъ глазахъ, возвышалось не по днямъ, а по часамъ—а, между тѣмъ, рядомъ съ нимъ воздвигались независимыя отъ него силы: преобразованный судъ, контроль, земскія учрежденія. Найти выходъ изъ этого положенія становилось почти потребностью; въ ожиданіи выхода придумывались обходы, предпринимались подкопы и даже легкіе штурмы. Если прибавить къ этому, что по мѣрѣ расширенія замысловъ и плановъ не только не увеличивался, а скорѣе уменьшался запасъ знанія и подготовки, что прохожденіе курса административныхъ наукъ у Бореля или Донона—не красное словцо, а сжатая формула для безспорнаго, хотя, конечно, и далеко не общаго факта, то въ появленіи помпадуровъ не останется ничего загадочнаго и непонятнаго. Это, бо́льшею частью, довольно милые люди; вся бѣда въ томъ, что они попали не въ свои сани. Пускай Быстрицынъ продолжалъ бы заниматься разведеніемъ поросятъ, Козелковъ—увеселять департаментъ скабрезными анекдотами, Кротиковъ—гранить тротуары Невскаго проспекта; большой пользы отъ этого бы не было, но не было бы и вреда—все хорошо на своемъ мѣстѣ. Ташкентцевъ никакъ нельзя назвать милыми или хотя бы только довольно милыми людьми; это, скорѣе, звѣри, чѣмъ люди—но г. Салтыковъ усмотрѣлъ и въ нихъ человѣческую черту, увеличивающую ихъ жизненность и реальность. Поступки, наиболѣе характеризующіе ташкентца, совершаются имъ какъ бы въ угарѣ: „Если бы могли видѣть,—восклицаетъ онъ самъ,—какъ разрывается послѣ этого угара голова, какъ болѣзненно бьется и сжимается сердце!“

Ташкентецъ—насколько онъ принадлежитъ къ административной сферѣ—относится къ помпадуру, какъ исполнитель къ распорядителю; *такимъ* распорядителямъ нужны были, именно, *такіе* исполнители. Реальность типа и здѣсь стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; близко познакомиться съ нимъ пришлось, между прочимъ, Болгаріи, во время и послѣ войны 1877 г. Нельзя не замѣтить, однако, что въ разработкѣ типа есть слабые пункты, есть противорѣчія или пробѣлы. Рамка оказывается слишкомъ тѣсною для всего того, что́ включилъ въ нее г. Салтыковъ; разновидности типа настолько отличны другъ отъ друга, что съ гораздо большимъ успѣхомъ могли бы составить нѣсколько отдѣль-

ныхъ типовъ. Ташкентцы, въ глазахъ сатирика—это Митрофаны нашего времени; между тѣмъ, Митрофанамъ приписываются такія черты, которымъ нѣтъ мѣста въ понятіи о ташкентцѣ.

„Митрофанъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на политическихъ и общественныхъ формахъ, потому что видитъ ихъ внѣшнюю измѣнчивость, и отъ этого признака приходитъ къ заключенію о негодности самого процесса созданія этихъ формъ... Митрофанъ живетъ въ вѣкъ открытій и изобрѣтеній, и думаетъ, что между ними и тою или другою формою жизни нѣтъ ничего общаго. Въ его глазахъ матеріальныя и умственныя богатства перемѣщаются изъ однѣхъ рукъ въ другія, а онъ продолжаетъ думать, что все это не болѣе какъ случайность, и спѣшитъ заткнуть ту или другую дыру и сдѣлать нѣкоторыя ничтожныя поправки въ обветшавшемъ зданіи табели о рангахъ“.

Не ясно ли, что мы вышли здѣсь изъ сферы ташкентства и попали въ другую, только граничащую съ нимъ? Ташкентецъ, девизъ котораго: *жрать*, не размышляетъ о политическихъ и общественныхъ формахъ, не заботится ни о затычкѣ дыръ, ни о поправкахъ въ табели о рангахъ; это совсѣмъ не его ума дѣло, это занятіе, вовсе не свойственное „веселонравному мужчинѣ“. Митрофаны, какъ они опредѣлены г. Салтыковымъ, гораздо ближе къ помпадурамъ, къ князьямъ Оболдуй-Таракановымъ, чѣмъ къ настоящимъ, истымъ ташкентцамъ, дѣйствующимъ въ этюдахъ: *Ташкентцы-цивилизаторы* и *Они же*. Колебанія въ установкѣ типа отразились и на „ташкентцахъ приготовительнаго класса“. Между героями „четырехъ параллелей“ въ несомнѣнномъ, близкомъ родствѣ съ ташкентцами состоитъ только Хмыловъ („палачъ“), въ болѣе отдаленномъ—Порфиша Велентьевъ и, пожалуй, Топкачевъ; Nicolas Персіановъ и Миша Нагорновъ—это, скорѣе, будущіе помпадуры. Если слово „ташкентецъ“ сдѣлалось именемъ нарицательнымъ, наравнѣ „съ помпадуромъ“, то это объясняется необыкновенною рельефностью фигуръ, выведенныхъ на сцену подъ кличкой „ташкентцевъ-цивилизаторовъ“. *Видъ*, ярко расцвѣченный и полный жизни, затмилъ собою *родъ*, задуманный слишкомъ широко и обрисованный недостаточно опредѣленно.

Нужно ли доказывать, что не всѣ бюрократы—помпадуры или ташкентцы, не всѣ дворяне—князья Оболдуй-Тараканы, Гремикины или Прокопы? Сатирикъ—не историкъ, обязанный исчерпать всѣ стороны предмета; ему не зачѣмъ говорить о томъ, что̀ не можетъ служить темой для его

сатиры. У насъ эта простая истина до сихъ поръ не получила еще права гражданства; Гоголя, сорокъ лѣтъ тому назадъ, упрекали за то, что онъ изображаетъ только людскіе слабости и пороки,—г. Салтыкова съ такимъ же точно правомъ обвиняютъ въ односторонности и пессимизмѣ. Намъ придется еще возвратиться къ этому обвиненію, по поводу страницъ, посвященныхъ ему самимъ г. Салтыковымъ (въ *Круломъ годѣ*); теперь мы касаемся его только потому, что оно раздалось съ особенною силой въ самомъ началѣ изучаемаго нами фазиса щедринской сатиры. Когда, въ 1868 г., появился въ свѣтъ *Новый Нарцисъ*, онъ былъ встрѣченъ общимъ недоумѣніемъ, къ которому у однихъ примѣшивалось злорадство, у другихъ—разочарованіе и огорченіе. „Какъ?..—спрашивали многіе,—авторъ *Губернскихъ Очерковъ*, лѣтописецъ Глупова и Крутогорска, врагъ бюрократическихъ порядковъ, выступаетъ противникомъ земства, т.-е. самоуправленія? Онъ играетъ въ руку тѣмъ, съ которыми до сихъ поръ всегда боролся?“ Отвѣчать на этотъ вопросъ было не слишкомъ трудно и въ то время; теперь онъ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи документовъ, т.-е. на основаніи *Писемъ о провинціи*. Взглядъ г. Салтыкова на земство выраженъ здѣсь въ формѣ, устраняющей всякое сомнѣніе: это взглядъ человѣка, глубоко сочувствующаго основной мысли учрежденія, вполнѣ убѣжденнаго въ достаточной подготовленности къ нему общества и констатирующаго, вмѣстѣ съ неудачей хорошаго дѣла, ближайшія и отдаленныя ея причины. Но, можетъ-быть, появленіе „Новаго Нарцисса“ нарушало правила политической тактики, можетъ-быть, оно было несвоевременно и неумѣстно въ данную минуту? И этотъ вопросъ, въ нашихъ глазахъ, не допускаетъ двухъ различныхъ рѣшеній. Какъ бы тяжело ни было впечатлѣніе, производимое дѣйствительностью, скрывать его не слѣдуетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ; правдѣ слѣдуетъ смотрѣть прямо въ глаза. Чѣмъ важнѣе и дороже учрежденіе, тѣмъ строже слѣдуетъ быть къ его ошибкамъ, въ особенности, если онѣ угрожаютъ ему извращеніемъ и нравственнымъ упадкомъ. Унаслѣдовавъ, въ значительной степени, личный составъ дворянскихъ собраній, земскія собранія не могли сразу освободиться отъ ихъ привычекъ и традицій; опасность заключалась въ томъ, что эти привычки и традиціи пустятъ корни и на новой почвѣ, войдутъ въ ея

домашній обиходъ, перестануть казаться пятнами на свѣжей одеждѣ. Другою опасностью было погруженіе въ океанъ мелочей—погруженіе не вынужденное, а добровольное и, именно потому, безнадежное. Можно ли было, при такихъ условіяхъ, удержаться отъ крика: „берегись", отъ поднятія сигналовъ, означающихъ близость мелей или подводныхъ камней? „Попеченіе о рукомойникахъ и нижнемъ бѣльѣ,— можетъ сказать упорный порицатель *Новаго Нарцисса*,—не заслуживаетъ ни осужденія ни насмѣшки; оно почтенно, какъ всякое исполненіе долга. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать; не всѣмъ же и не все же думать о высшихъ вопросахъ, не мѣшаетъ кому-нибудь позаботиться и о чистотѣ больницъ, и о безопасности мостовъ, и о многихъ другихъ безконечно-малыхъ величинахъ. Русскій человѣкъ безъ того слишкомъ расположенъ забывать ближайшее изъ-за отдаленнаго, насущный хлѣбъ—изъ-за лакомствъ, топку печей—изъ-за фейерверковъ; грѣшно поощрять эту наклонность, грѣшно глумиться надъ первыми шагами на пути практической дѣятельности". Разсуждать такимъ образомъ, значитъ, не понимать намѣреній сатирика и смысла сатиры. Осмѣивается въ *Новомъ Нарциссѣ* не чистка рукомойниковъ, an sich, возведенная въ перлъ созданія; осмѣивается не скромный трудъ надъ сравнительно неважнымъ дѣломъ, а самодовольство мнимыхъ тружениковъ, гораздо меньше дѣлающихъ, чѣмъ говорящихъ. Такимъ „сѣятелямъ" необходимо было сказать во всеуслышаніе, что они ничуть не лучше презираемыхъ ими „дѣятелей". Заглавіемъ тѣхъ *Писемъ о провинціи*, которыя посвящены земству, могли бы служить слова: „Земство, какимъ оно должно быть"; заглавіемъ *Новаго Нарцисса*—„Земство, какимъ оно не должно быть, но слишкомъ часто бываетъ". Въ общественной жизни, какъ и въ частной, громадное значеніе имѣетъ цѣль, виднѣющаяся вдали, освѣщающая дорогу; то, что англичане называютъ a high standard of life—*высоко водруженное знамя жизни*—не предрѣшаетъ еще окончательно исхода дѣятельности, но служитъ нѣкоторою гарантіей противъ слишкомъ жалкой ея развязки.

Такой же высокій standard of life, какимъ опредѣлялся взглядъ г. Салтыкова на земство, носился передъ его глазами и по отношенію къ адвокатурѣ. Для насъ, въ эту минуту, совершенно безразлично, справедливо ли мимоходомъ

высказанное мнѣніе сатирика о томъ или другомъ процессѣ, о томъ или другомъ адвокатѣ; насъ интересуетъ только общая постановка, общее освѣщеніе вопроса. Подобно тому, какъ *Губернскіе Очерки* создали цѣлую обличительную литературу, нападенія на адвокатовъ въ *Дневникѣ провинціала* дали первый толчокъ къ поголовному ополченію на адвокатуру. И здѣсь, однако, г. Салтыковъ не отвѣчаетъ за своихъ подражателей. Онъ никогда не касался самого принципа защиты, никогда не видѣлъ въ немъ *неизбѣжнаго* источника софизмовъ, никогда не отдѣлялъ хищниковъ, легковѣсныхъ или ташкентцевъ въ адвокатскомъ фракѣ отъ другихъ варіантовъ той же породы, никогда не смотрѣлъ на адвокатовъ съ высокомѣріемъ фарисея, благодарящаго Провидѣніе за несходство свое съ мытаремъ. Адвокатскій цинизмъ, адвокатская погоня за наживой, адвокатское смѣшеніе чернаго съ бѣлымъ—это только одинъ изъ результатовъ той обстановки, которая составляетъ главный предметъ щедринской сатиры. Напрасно было бы возражать сатирику, что наши адвокаты, въ среднемъ выводѣ, не хуже—съ нравственной стороны—западно-европейскихъ своихъ коллегъ, что между адвокатурой и міромъ, въ которомъ она движется, нѣтъ и не можетъ быть китайской стѣны, что Нагорновы въ своемъ родѣ стóятъ Тонкачевыхъ; онъ знаетъ все это какъ нельзя лучше — но задача его состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы воздать каждому должное, чтобы подчеркнуть всѣ обстоятельства, уменьшающія вину или уничтожающія вмѣненіе. Существуетъ ли другой standard of life, высшій, сравнительно съ тѣмъ, который усвоила себѣ и на которомъ успокоилась западно-европейская адвокатура? Если существуетъ, то возможно ли хоть нѣкоторое приближеніе къ нему со стороны русской адвокатской корпораціи? Утвердительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ—а намъ кажется, что они *должны* быть разрѣшены утвердительно—снимаетъ съ г. Салтыкова всякій упрекъ въ несправедливости по отношенію къ адвокатурѣ. Адвокатская профессія—безспорно, одна изъ опасныхъ, скользкихъ; противъ нѣкоторыхъ ея условій постоянно и неусыпно должно реагировать нравственное чувство—иначе оно рискуетъ подпасть подъ ихъ вліяніе. Въ стимулахъ для реакціи нѣтъ недостатка—но далеко не послѣдняя роль между ними принадлежитъ сатирѣ Салтыкова.

Война противъ литературнаго „пѣнкоснимательства“ тѣсно связана съ *Новымъ Нарциссомъ*, съ *Письмами о провинціи*, насколько послѣднія посвящены земству. Исходная точка г. Салтыкова и тамъ, и тутъ одна и та же. Литература еще въ большей степени, чѣмъ земство, можетъ быть названа солью русской жизни; что́ дѣлать, если соль перестанетъ быть соленою? Литература, какъ и земство, связана по рукамъ и ногамъ; что дѣлать, если и та и другое сами наложатъ на себя еще добавочныя цѣпи, добровольно вступятъ на путь „самоограниченія“? Вотъ мысль, кошмаромъ давящая, мучащая сатирика. Изъ двухъ составныхъ частей ея онъ особенно близко принимаетъ къ сердцу ту, которая касается литературы—и это вполнѣ понятно. По отношенію къ земству г. Салтыковъ только посторонній наблюдатель, да и земство, притомъ,—новичокъ въ русской жизни. Литература—это второе отечество г. Салтыкова; ея славныя преданія дороги ему, какъ дорого достоинство отца для любящаго сына. Ея упадокъ болѣзненно дѣйствуетъ на его нервы и на его сердце. Свидѣтель и участникъ двухъ цвѣтущихъ ея періодовъ, онъ не можетъ примириться съ сумерками, смѣнившими яркій солнечный блескъ, не можетъ примириться, въ особенности, съ тѣми, которые—такъ, по крайней мѣрѣ, ему кажется—провозглашаютъ эти сумерки самымъ лучшимъ и нормальнымъ, самымъ желательнымъ свѣтомъ. „Ограниченность круга дѣятельности—лучшій залогъ ея прочности“ и „Наше время—не время широкихъ задачъ“—эти два афоризма одинаково ненавистны г. Салтыкову, но послѣдній раздражаетъ его больше перваго, какъ родившійся не на земской, а на литературной почвѣ. Въ пылу раздраженія трудно взвѣшивать и разсчитывать удары, трудно соразмѣрять ихъ силу со степенью вражды, заслуживаемой противниками. Теперь, смотря издалека на давно опустѣвшее поле битвы, легко замѣтить, что г. Салтыковъ потратилъ въ ней слишкомъ много слишкомъ тяжелыхъ снарядовъ. Это было бы еще ничего; но „преувеличенія“, о которыхъ мы говорили выше, законны въ сатирѣ до тѣхъ поръ, пока она не обращена противъ опредѣленнаго лица или противъ небольшой группы опредѣленныхъ лицъ. Когда на сцену выводится не типъ, составленный изъ множества разбросанныхъ наблюденій, а живая личность, когда за вымышленнымъ именемъ ясно виднѣется другое, реальное

и хорошо извѣстное читателямъ, тогда свобода сатирической фантазіи перестаетъ быть неограниченною. Изображеніе „Старѣйшей Всероссійской Пѣнкоснимательницы", разъ-что оно снабжено всѣми признаками портрета, должно было отличаться точностью, обязательною для портретиста. Удовлетворяетъ ли оно этому условію—предоставляемъ судить каждому, слѣдившему за журналистикой тѣхъ временъ, недавнихъ, но уже кажущихся далекими. Сомнѣнія, какія могли бы еще оставаться по этому предмету, устраняются, повидимому, позднѣйшими событіями, участью, постигшею Менандра; не такъ, однако, смотритъ на дѣло г. Салтыковъ. Менандръ, съ его точки зрѣнія, погибъ только потому, что не успѣлъ совладать съ „разнуздапностью въ похвалахъ", и раздражалъ усиліями „попасть въ тонъ минуты". Осудивъ „пѣнкоснимателей" во время ихъ жизни, г. Салтыковъ остался къ нимъ непреклоннымъ даже послѣ ихъ безвременной кончины. Въ нашихъ глазахъ эта кончина рѣшаетъ дѣло и рѣшаетъ его не въ смыслѣ г. Салтыкова; „пѣнкоснимательство", настоящее, заправское пѣнкоснимательство, и скоропостижная смерть отъ „непреодолимой превосходящей силы"—это понятія, безусловно несовмѣстимыя. Оправдательный приговоръ надъ Менандромъ произнесенъ, какъ бы для вящшаго убѣжденія, не одинъ разъ, а цѣлыхъ два; Менандръ умеръ дважды, вопреки всѣмъ законамъ природы.

Пріуроченіе „пѣнкоснимательства", преимущественно, къ одному лицу и къ одной газетѣ было не только несправедливостью, но и ошибкой; оно сузило замыселъ и стѣснило размахъ сатирика. „Пѣнкоснимательство,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ *Дневника*,—не какое-нибудь частное явленіе; это—болѣзнь данной минуты. Это—общее пониженіе мыслительнаго уровня до той неслыханной степени, которая сама себѣ отыскала названіе пѣнкоснимательства". Обобщеніе, заключающееся въ этихъ словахъ, слишкомъ, можетъ-быть, рѣшительно и рѣзко; но основная ихъ мысль несомнѣнно вѣрна. Умственному уровню, дѣйствительно, угрожало пониженіе; скажемъ болѣе—угроза отчасти осуществилась. Литература, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, переживала одинъ изъ тѣхъ періодовъ апатіи и вялости, когда мысль, утомленная продолжительною разработкой старыхъ темъ, не находитъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы замѣнить ихъ другими. Историкъ литературы можетъ ограничиться конста-

тированіемъ этого факта и объясненіемъ его причинъ, коренящихся въ общемъ настроеніи эпохи; совершенно иначе долженъ отнестись къ нему сатирикъ, для котораго литература—не предметъ изученія, а какъ бы часть собственнаго существа, собственной жизни. Негодованіе, овладѣвшее г. Салтыковымъ, для насъ вполнѣ понятно; мы жалѣемъ только о томъ, что оно сосредоточилось на одномъ пунктѣ. Постановка вопроса, вслѣдствіе этого, сразу измѣнилась; широко распространенное явленіе сдѣлалось точно личною виной небольшого кружка. Отсюда возможность такихъ фальшивыхъ нотъ, какъ параллель между хищникомъ и пѣкоснимателемъ, заключающая собою *Дневникъ провинціала*. Къ характеристикѣ „пѣнкоснимательства“ она не только ничего не прибавляетъ—она уничтожаетъ ясно намѣченный типъ, вплетая въ него чуждыя ему черты, смѣшивая его съ другимъ или съ другими. Тою же ошибкою, хотя и въ меньшей степени, испорченъ уставъ „вольнаго союза пѣнкоснимателей“. Результаты, къ которымъ „пѣнкоснимательство“ приходило иногда, само того не замѣчая, обращены здѣсь въ нѣчто постоянное, намѣренное, сознательное (см., напр., главу 4-ю, правило 4-е: „разсуждая о современныхъ вопросахъ, *стараться*, по возможности, сокращать ихъ размѣры“); пѣнкоснимательству приписаны стремленія, свойственныя другому литературному лагерю (см. ту же главу, правило 7-е: „проводить русскую мысль, русскую науку и высказывать надежду, что *новое слово* когда-нибудь будетъ сказано“). Окончательно разъяснить вопросъ о пѣнкоснимательствѣ не настало еще, впрочемъ, время; это будетъ сдѣлано тогда, когда сдѣлается возможною полная, безусловно откровенная исторія нашихъ литературныхъ партій.

Мы касались, во всемъ сказанномъ до сихъ поръ, только немногихъ лѣтъ дѣятельности г. Салтыкова, только немногихъ его произведеній—и сколько встрѣтилось уже на нашемъ пути важныхъ вопросовъ, сколько живыхъ и рельефныхъ типовъ, сколько лучей свѣта, ярко освѣщающихъ цѣлую эпоху! А между тѣмъ, впереди насъ остаются еще такія крупныя созданія, какъ: *Благонамѣренныя рѣчи*, *Господа Головлевы*, *Дворянская хандра*, *Больное мѣсто*, *Убѣжище Монрепо*; такія фигуры, какъ Ѳеденька Неугодовъ *(Круглый годъ)*; такія страницы, какъ бесѣда мальчика въ штанахъ съ мальчикомъ безъ штановъ или правды съ торжествующею свиньей

(За рубежомъ). Не странно ли, не смѣшно ли вспомнить, что автору *Господъ ташкентцевъ* и *Помпадуровъ*—ограничимся хотя бы этими двумя титулами—отказываютъ въ имени сатирика, что его хотятъ низвести на степень „фельетониста"? Это не споръ о словахъ—это попытка унизить одну изъ самыхъ крупныхъ силъ русской литературы. Фельетономъ мы привыкли называть нѣчто эфемерное, мимолетное, скользящее по поверхности предмета, посвященное „злобѣ дня", въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ фельетонной формѣ можетъ быть выражена самая серіозная, самая глубокая мысль—но въ такомъ случаѣ фельетонъ перестаетъ быть только фельетономъ; въ литературѣ непримѣнимъ французскій юридическій афоризмъ: „La forme emporte le fond". Припомнимъ, напримѣръ, „Газетную" Некрасова; это фельетонъ въ стихахъ, которому—если разсматривать его, какъ цѣлое—неминуемо угрожаетъ забвеніе (можетъ быть даже, оно уже и наступило); но страница, начинающаяся словами: „Не заказано вѣтру свободному", будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ самое имя Некрасова. Различіе между фельетономъ и сатирою можетъ быть изучено, какъ нельзя лучше, именно на произведеніяхъ г. Салтыкова. Если принять въ соображеніе, что написанное имъ наполняетъ уже теперь семнадцать томовъ (не считая статей, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій), что ему часто приходилось писать на срокъ, подчиняться условіямъ журнальной работы, то можно предположить a priori, что достоинство его произведеній далеко не одинаково—и это предположеніе подтверждается вполнѣ ближайшимъ съ ними знакомствомъ. Повредить его славѣ это не можетъ; у кого же изъ знаменитыхъ писателей нѣтъ своего балласта? Многое ли уцѣлѣетъ, напримѣръ, изъ стиховъ Некрасова—и много ли пострадаетъ уцѣлѣвшее отъ исчезновенія всего остального? Балластъ г. Салтыкова—именно фельетоннаго свойства; это наброски, бо́льшею частью, полные юмора, остроумія, веселости, но не оставляющіе сильнаго впечатлѣнія, да и вовсе не разсчитанные на него. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ—напримѣръ, въ *Господахъ ташкентцахъ*—такихъ набросковъ почти вовсе нѣтъ, въ другихъ—напримѣръ, въ *Помпадурахъ и Помпадуршахъ*—они занимаютъ довольно много мѣста. *Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою, Старый конь на покоѣ, Старая помпадурша, Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ*—это настоящіе фельетоны, написанные рукою

мастера, но все-таки фельетоны. Прочесть ихъ можно съ удовольствіемъ и теперь, но это не камни въ зданіи щедринской сатиры, а легкіе орнаменты, безъ которыхъ оно ровно ничего бы не потеряло. Въ другихъ сборникахъ играютъ такую же роль *Утро у Хрептюгина (Невинные разсказы)*, *Недовольные (Сатиры въ прозѣ)*, *Проектъ современнаго балета (Признаки времени)*, сцена похоронной закуски въ *Дневникѣ провинціала* и др. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что у г. Салтыкова есть и фельетонные типы, т.-е. типы фельетонной важности и фельетонныхъ очертаній. Сюда относится, напримѣръ, типъ „помпадурши", нѣсколько разъ выведенный на сцену, но оставшійся—можетъ-быть, вслѣдствіе бѣдности содержанія—далеко ниже параллельнаго съ нимъ типа „помпадура". Если возвратиться отъ „фельетоновъ" къ сатирамъ, составлявшимъ главный предметъ нашего изученія, то разница уровня и атмосферы окажется поразительною—до такой степени поразительною, что въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ вопроса о свойствѣ дарованія г. Салтыкова непредубѣжденный читатель не встрѣтитъ надобности. Онъ пойметъ инстинктивно, сколько лжи таится въ нападеніяхъ и намекахъ консервативной прессы; онъ почувствуетъ, что передъ нимъ стоитъ сатирикъ, сатирикъ отъ головы до ногъ, во всеоружіи мысли и таланта.

„Вы говорите о *всеоружіи мысли*"—скажетъ намъ, можетъ-быть, тотъ или другой упорный скептикъ; „но, вѣдь, оно предполагаетъ цѣльное, законченное міросозерцаніе. Гдѣ же признаки такого міросозерцанія у г. Салтыкова? Въ чемъ заключаются его положительные идеалы?"

Нужно быть слѣпымъ или нарочно закрывать себѣ глаза, чтобы не найти въ нихъ ясныхъ указаній на исходныя точки щедринской сатиры. Въ *Письмахъ о провинціи* онѣ иногда выражаются прямо, безъ тѣхъ болѣе или менѣе прозрачныхъ покрывалъ, которыми прикрываетъ ихъ, обыкновенно, сатирическая форма. Напомнимъ, для примѣра, взглядъ г. Салтыкова на „неподготовленность", на „самоограниченіе", какъ залогъ прочности. Съ помощью такихъ комментаріевъ, мысль г. Салтыкова становится доступною даже для едва зрячихъ. Кто думаетъ до сихъ поръ, что г. Салтыковъ умѣетъ только нападать на чиновниковъ, но не составилъ себѣ опредѣленныхъ представленій о задачахъ администраціи, тому мы рекомендуемъ прочесть сначала

„Эпоху увольненія отъ войнъ“ въ *Исторіи одного города* и очеркъ: „Единственный“ въ *Помпадурахъ и Помпадуршахъ*, а потомъ заключеніе седьмого *Письма о провинціи*.

„Какого рода услугу,—спрашиваетъ здѣсь авторъ,—могутъ оказать центры своимъ окраинамъ? На первый разъ совершенно достаточно будетъ, если услуга эта выразится въ четырехъ словахъ: не мѣшать жить провинціи... Въ чемъ же должно заключаться осуществленіе выраженія: *не мѣшать жить?* По нашему скромному мнѣнію, это осуществленіе заключается въ слѣдующемъ: какъ можно меньше заниматься провинціей, не окружать ее цѣпью неловкихъ опекателей, которые только смущаютъ и запутываютъ общественное мнѣніе, и не пугаться (именно, только не пугаться) при появленіи въ ней признаковъ самодѣятельности... Не мѣшать жить! Повидимому, какой скромный и непребовательный смыслъ заключаетъ въ себѣ это выраженіе! А между тѣмъ, какъ оно выпрямляетъ человѣка, какую бодрость вливаетъ въ его сердце, какъ просвѣтляетъ его умъ! Не мѣшать жить! да вѣдь, это значитъ *разрѣшить* жить, искать, двигаться, дышать, шевелить мозгами! Шутка!“

Неправда ли, трудно повѣрить, что эти слова написаны пятнадцать лѣтъ тому назадъ? Они полны современности и жизни, ихъ слѣдовало бы начертать золотыми буквами на стѣнахъ, за которыми происходитъ работа нѣкоторыхъ комиссій, да и не на однѣхъ только этихъ стѣнахъ [1]). Возьмемъ другой вопросъ, также вполнѣ современный—о такъ-называемой „самобытности“; много ли можно прибавить къ слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ *(Господа Ташкентцы)*:

„Насъ ждетъ еще *новое слово*... но Боже мой! сколько же есть прекрасныхъ и вполнѣ испытанныхъ старыхъ словъ, которыхъ мы даже не пытались произнести, какъ уже хвастливо выступаемъ впередъ съ чѣмъ-то новымъ, которое мы, однако жъ, не можемъ опредѣлить! Есть ли расчетъ предпочесть неизвѣстное извѣстному? и честно ли, наконецъ, угрожать вселенной „новымъ словомъ“, когда намъ самимъ небезызвѣстно, что матеріалъ для этого „новаго слова“ состоитъ исключительно изъ „краткихъ начатковъ“ да изъ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики?“

Для того „новаго слова“, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лучшаго опредѣленія нельзя придумать и понынѣ.

Варіантомъ обвиненія въ отсутствіи положительнаго элемента служитъ обвиненіе въ недосказанности, въ недо-

[1]) Прочитавъ только-что сказанное, плодители недоразумѣній, которыхъ такъ много развелось въ наше время, могутъ обвинить насъ въ желаніи сопричислить г. Салтыкова къ сонму „гнилыхъ либераловъ“, къ приверженцамъ laissez faire, laissez passer. Спѣшимъ оговориться, что формула „не мѣшать жить“ вполнѣ совмѣстна съ формулой „помогать жить“; теорія „вмѣшательства“, правильно понятая, не имѣетъ ничего общаго съ теоріей мѣшанья.

молвкахъ. Оно будетъ разобрано нами въ связи съ отвѣтомъ, даннымъ на него въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній г. Салтыкова (*Круглый годъ*). Оставаясь въ предѣлахъ нашего настоящаго этюда, мы можемъ сказать только одно: сатира Щедрина пишется не для того, чтобы служить послѣобѣденнымъ чтеніемъ, отдыхомъ или забавой послѣ дневныхъ занятій. Она требуетъ отъ читателя болѣе напряженной головной работы, чѣмъ легкій журнальный разсказъ или заурядный французскій романъ; она требуетъ еще, пожалуй, нѣкотораго умѣнья читать между строками, нѣкотораго знакомства съ своеобразною „риторикой", выработанною условіями русской жизни. Это послѣднее требованіе, впрочемъ, не принадлежитъ сатирѣ исключительно и нераздѣльно,—оно часто предъявляется и другими отраслями русской литературы. Кому не лѣнь думать, кто не въ первый разъ беретъ въ руки русскій толстый журналъ, тотъ всегда пойметъ г. Салтыкова—конечно, если *захочетъ* его понять.

Мы можемъ указать только одно мѣсто, которое несомнѣнно выиграло бы отъ бо́льшей ясности выраженій. Это—тѣ страницы въ *Дневникѣ провинціала*, которыя посвящены „самообкладыванію". Въ то время, когда отдѣльныя главы *Дневника* печатались въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1872 г.), интересомъ дня былъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, за который, какъ извѣстно, высказалось тогда большинство земскихъ собраній. Дѣло шло объ отмѣнѣ податныхъ привилегій, объ уничтоженіи различія между сословіями податными и неподатными. Одновременно съ этимъ приближался къ разрѣшенію вопросъ о всеобщей воинской повинности, т.-е. готовился другой шагъ къ уравненію сословій. Логически мыслящій „провинціалъ" недоумѣваетъ, почему же, въ такомъ случаѣ, не уравнять сословія еще въ одномъ отношеніи—въ отношеніи къ праву на тѣлесныя наказанія? „Мы обобщаемъ,—говоритъ по этому поводу авторъ,—но приступаемъ къ обобщенію не прямо, а такъ-сказать, сбоку, или, еще точнѣе, съ задней стороны. Мы не говоримъ: выгоды, которыми я пользуюсь, справедливо распространить и на другихъ, но говоримъ: невыгоды, которыя стѣсняютъ жизнь другихъ, я нахожу справедливымъ распространить и на меня". Вотъ эта-то мысль и нуждалась, какъ намъ кажется, въ дальнѣйшемъ поясненіи.

Она была бы вполнѣ понятна, если бы кто-нибудь предлагалъ серіозно отмѣнить всѣ изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, сдѣлать „поронцы“, въ видахъ равенства, общимъ достояніемъ всѣхъ сословій. На такое оригинальное предложеніе можно было бы отвѣтить, что гораздо проще достигнуть равенства „съ передней стороны“, посредствомъ безусловной отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Въ вопросѣ о налогахъ подобная простота рѣшенія немыслима; безусловно отмѣнить ихъ нельзя—слѣдовательно, остается только стремиться къ равенству путемъ обложенія привилегированныхъ сословій. Само-собою разумѣется, что о математическомъ равенствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; безъ изъятій, въ дѣлѣ обложенія, обойтись нельзя—но основанія ихъ и кругъ дѣйствій должны быть совершенно другіе, чѣмъ въ старой податной системѣ.

Формой, въ своихъ произведеніяхъ разсмотрѣннаго нами періода, г. Салтыковъ овладѣлъ вполнѣ; онъ является здѣсь своеобразнымъ, оригинальнымъ мастеромъ русскаго слова. Публицистъ въ *Письмахъ о провинціи* и во многихъ другихъ отдѣльныхъ этюдахъ, онъ становится иногда,—напр., въ исторіи семьи Нагорновыхъ или Велентьевыхъ (*Ташкентцы приготовительнаго класса*, параллели третья и четвертая),—на ряду съ нашими лучшими беллетристами. Ему остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы достигнуть той высоты, на которой мы его увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ его дѣятельности.

К. К. Арсеньевъ.

Сатира Салтыкова [1]).

Несмотря на всю популярность г. Салтыкова, сочиненія его, разсматриваемыя какъ одно цѣлое, извѣстны читающей публикѣ гораздо меньше, чѣмъ сочиненія другихъ писателей, стоящихъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ первыхъ рядахъ нашей литературы. Объясняется это отчасти самымъ числомъ и объемомъ его произведеній, отчасти содержаніемъ ихъ. Романъ, при равенствѣ остальныхъ условій, гораздо сильнѣе врѣзывается въ память, гораздо чаще перечитывается, чѣмъ сатира—въ особенности сатира безличная, публицистическая, какою она сплошь и рядомъ бываетъ у г. Салтыкова. У нея нѣтъ того твердаго остова, какимъ служитъ дѣйствіе въ романѣ; ея составныя части не такъ крѣпко цѣпляются одна за другую и потому легче упускаются изъ виду. Подчеркивать, освѣщать ихъ внутреннюю связь—дѣло критики; но мы знаемъ, что критика едва касалась г. Салтыкова.

Не ошибочна ли, однако, наша исходная точка? Такъ ли много общаго между дѣятельностью г. Салтыкова и теченіемъ общественной жизни, чтобы можно было разсматривать первую въ постоянной связи съ послѣднимъ? Насъ хотятъ увѣрить, что г. Салтыковъ—сказочникъ, а не бытописатель, что „фантастическіе узоры“, имъ вышиваемые, не могутъ служить матеріаломъ для изученія нашей эпохи. „Будущій историкъ,—говорятъ намъ съ большою увѣренностью,—не посмотритъ на картины г. Салтыкова, какъ на снимки или отраженія дѣйствительности; онъ увидитъ въ нихъ блестящую фантазію, которая жила, питалась и обогащалась явленіями жизни и выродилась въ чудесный фарсъ, *въ которомъ такъ же было бы безполезно искать дѣйствительности, какъ и*

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., № 5. (См. стран. 88.)

въ сказкахъ Гофмана“ [1]). Любопытно узнать, какъ смотритъ на занимающій насъ вопросъ самъ г. Салтыковъ.

„Писанія мои,—говоритъ онъ въ *Круломъ годѣ*,—до такой степени проникнуты современностью, такъ плотно прилаживаются къ ней, что ежели и можно думать, что они будутъ имѣть какую-нибудь цѣнность въ будущемъ, то именно и единственно, какъ иллюстрація этой современности“. „Моя дѣятельность,—читаемъ мы въ *Письмахъ къ тетенькѣ*,—почти исключительно посвящена злобамъ дня. Очень возможно, что съ точки зрѣнія высшаго искусства эта дѣятельность весьма ограниченная, но такъ какъ я никакихъ другихъ претензій не заявляю, то мнѣ кажется, что и критика въ правѣ прилагать ко мнѣ свои оцѣнки только съ этой точки зрѣнія, а не съ иной... Я ничего не создаю, ничего лично мнѣ одному принадлежащаго не формулирую, а даю только то, чѣмъ болитъ въ данную минуту каждое честное сердце... *Это самое я всегда мыслилъ*, говоритъ (мой) читатель и пускаетъ вычитанное въ общій обиходъ, какъ свое собственное. И онъ не совершаетъ при этомъ ни малѣйшаго плагіата, потому что, дѣйствительно, эти мысли—его собственныя, точно такъ же, какъ я не совершаю плагіата, формулируя мысли и чувства, волнующія въ данный моментъ меня наравнѣ съ читающею массой, ибо эти мысли и чувства—тоже мои собственныя“.

Итакъ, вся дѣятельность г. Салтыкова, въ собственныхъ глазахъ его, неразрывно связана съ современностью, прямо отражаетъ въ себѣ настроенія переживаемой нами эпохи. Мнѣніе писателя о самомъ себѣ—въ особенности писателя мыслителя, какимъ никто, конечно, не откажется признать г. Салтыкова—тяжело ложится на вѣсы, но рѣшающаго значенія оно все-таки имѣть не можетъ. Оно требуетъ повѣрки—если только въ умѣ читателей не сложилось уже заранѣе убѣжденіе въ его правильности. Къ такому убѣжденію ведетъ каждый крупный образъ, созданный сатирикомъ. Неужели же Деруновъ, кузина Машенька, Ѳеденька Неугодовъ—сказочныя фигуры, плоды досужей фантазіи? Неужели „столпы“, съ ихъ подкопами подъ Монрепо и подъ мужика, съ ихъ побѣдоноснымъ шествіемъ впередъ, существуютъ только въ воображеніи автора? Неужели наша дѣйствительность не представляетъ ни Аннетовыхъ и Парначевыхъ, выживаемыхъ изъ деревни офиціальными и неофиціальными „сердцевѣдцами“, ни Сепичекъ, наводящихъ страхъ даже на родного отца, ни графовъ Твэрдоонто, регулирующихъ циркулярами благосостояніе народа? Если бы объекты щедринской сатиры не были взяты прямо изъ жизни, какимъ образомъ прозвища ея героевъ могли бы

[1]) См. „Новости“, № 39, статью г. Чуйко.

сдѣлаться именами нарицательными, наименованіями для типовъ? Ставить г. Салтыкова рядомъ съ Гофманомъ можно развѣ потому, что между произведеніями перваго есть нѣсколько сказокъ—но это сказки только по названію, по формѣ; въ содержаніи ихъ сказочнаго крайне мало. Гофманъ оставался въ области фантазіи даже когда говорилъ о дѣйствительности; г. Салтыковъ остается на почвѣ дѣйствительности, даже когда даетъ волю своей фантазіи. Припомнимъ разсказъ о дикомъ помѣщикѣ, повѣсть о томъ, „какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ“, картину суда надъ пескаремъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Отечественныхъ Записокъ“; неужели изъ-за „фантастическихъ узоровъ“ здѣсь трудно разглядѣть реальную, очень реальную подкладку? Не знаемъ, какъ поступитъ будущій историкъ; но для современника искать дѣйствительности въ сатирахъ г. Салтыкова далеко небезполезно или, лучше сказать, совершенно неизбѣжно.

Кто хочетъ близко подойти къ г. Салтыкову и разсмотрѣть его настоящій, неискаженный обликъ, тотъ долженъ пробиться сквозь цѣлый лѣсъ недоразумѣній, опрокинуть цѣлый рядъ преградъ, воздвигнутыхъ недобросовѣстностью или непониманіемъ. Всего менѣе серіозны между ними тѣ, которыя построены изъ старыхъ риторическихъ правилъ, изъ завалявшихся общихъ мѣстъ псевдо-классической піитики. Когда г. Страховъ, напримѣръ, провозглашаетъ сатиру „*межеумочнымъ* родомъ, не принадлежащимъ къ настоящему художеству“ [1]), когда г. Щебальскій упрекаетъ г. Салтыкова за то, что онъ спускается въ „низменности урядниковъ, управы благочинія, деревенскихъ кулаковъ“ [2]), тогда можно только пожалѣть о писателяхъ, ничему не научившихся и ничего не забывшихъ. Опредѣлять художественность произведенія не содержаніемъ его и формой, а кличкою, подъ которую оно подходитъ—это невинная, безвредная забава; требовать отъ сатирика, чтобы онъ всегда „оставался на высотѣ общихъ началъ“ и молчалъ о происходящемъ въ „низменностяхъ“—это повтореніе задовъ, напоминающее споръ о правѣ Гоголя заниматься Селифаномъ и Петрушкой. Гораздо важнѣе тѣ обвиненія, которыя составляются по

[1]) См. „Русь“, 1883 г., № 2. „Взглядъ на текущую литературу“.
[2]) См. „Русскій Вѣстникъ“, 1882 г., № 8: „Новости литературы“.

слѣдующему рецепту: возьми какую-нибудь слабую сторону писателя, докажи ее выхваченными изъ разныхъ мѣстъ фразами или словами, возведи ее въ квадратъ или кубъ и провозгласи ее отличительною чертой ненавистнаго тебѣ дарованія, игнорируя всѣ остальныя. Можно ли характеризовать иначе слѣдующія, напримѣръ, слова г. Страхова, исчерпывающія, вмѣстѣ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ сатиры, все сказанное имъ о г. Салтыковѣ: „То, что́ пишетъ г. Щедринъ,—не сатира, а переходящая всякую мѣру карикатура; не иронія, а нахальная издѣвка, неистовое глумленіе; не насмѣшка, а надругательство надъ всякимъ предметомъ, за который берется этотъ сатирикъ. Все это совершается съ несомнѣннымъ талантомъ; и скажемъ болѣе—несомнѣнный талантъ глумленія и нахальства одинъ только и руководитъ автора въ его долгой дѣятельности; онъ давно уже забылъ требованія мысли и художества, давно уже обдумываетъ не лица, а только прозвища, не дѣйствія, а только сальныя выраженія и язвительные обороты рѣчи. Но художество не даетъ попирать себя безнаказанно; та правда, которой мы въ немъ ищемъ и въ которой состоитъ его сущность, не открывается писателю, который не служитъ искусству добросовѣстно. Вотъ почему этотъ фельетонистъ, конечно, не стоящій имени сатирика, такъ успѣшно потѣшаетъ свою публику, но невообразимо скученъ, почти невозможенъ для чтенія, для людей сколько-нибудь серіозныхъ. Изрѣдка можно полюбоваться тѣми чертами нашей поздревщины и хлестаковщины, которыя схватываетъ г. Щедринъ; но, въ цѣломъ, изъ этого ничего не выходитъ, и внимательный читатель скоро убѣждается, что тутъ не только нѣтъ самаго отдаленнаго *послѣдствія* Гоголя, а даже наоборотъ, что вся эта пресловутая сатира сама есть нѣкотораго рода поздревщина и хлестаковщина, съ большою прибавкою Собакевича“. Къ „критической“ манерѣ г. Страхова близко подходитъ образъ дѣйствій г. Щебальскаго, выписывающаго изъ сочиненій г. Салтыкова цѣлый рядъ крѣпкихъ словъ и приписывающаго сатирику, на этомъ основаніи, два лозунга: „Гуляй, душа!“—для себя самого и для своихъ; „Прочь, расшибу!“—для всѣхъ остальныхъ. Гораздо удивительнѣе то, что односторонній взглядъ на г. Салтыкова проникаетъ, mutatis mutandis, даже въ лагерь, скорѣе дружелюбный ему, чѣмъ враждебный. Мы видѣли

уже, что его произведенія называютъ „чудеснымъ фарсомъ“; въ той же статьѣ мы встрѣчаемся съ слѣдующими фразами: „Въ большинствѣ случаевъ г. Салтыковъ поступаетъ именно какъ фельетонистъ,—фигуры, въ освѣщеніи его сатиры, являются не отвратительными, внушающими ужасъ или презрѣніе, а просто до уродливости смѣшными, которыя, кромѣ безобиднаго, безпредметнаго смѣха, ничего другого вызвать не могутъ. Черты рисуемой г. Салтыковымъ дѣйствительности до такой степени преувеличены, шаржированы и комично-нелѣпы, этикетки и ярлыки до такой степени неожиданны, что является неудержимое желаніе хохотать, и сатирическія фигуры скорѣе возбуждаютъ симпатію, чѣмъ чувство негодованія“. Авторъ этой статьи сходится съ систематическими противниками г. Салтыкова еще въ другомъ отношеніи: онъ утверждаетъ, что сатирика читаютъ нарасхватъ помпадуры, бюрократы и прочія задѣтыя имъ лица или группы—читаютъ, не сердясь, не негодуя, а смѣясь наравнѣ со всѣми. Нѣчто въ этомъ родѣ говоритъ и г. Щебальскій, конечно, въ другомъ тонѣ и съ другимъ чувствомъ. „Осталась ли,—восклицаетъ онъ,—на пространствѣ, на коемъ дѣйствуетъ сатира г. Щедрина, хоть одна неоплеванная точка? И все это вранье, вѣдь, сходитъ съ рукъ. Аракчеевъ молчитъ въ своей могилѣ; за безшабашныхъ совѣтниковъ, за Удава, за Дыбу, за Твэрдоонто никто не можетъ заступиться, потому что ихъ прикрылъ *рабій языкъ*... Молчитъ и цензура: ей что за дѣло до всѣхъ этихъ покойниковъ и псевдонимовъ?.. А публика смѣется, и рубли сыплются въ шапку ловкаго забавника“.

Итакъ, г. Салтыковъ—не сатирикъ, а фельетонистъ; его спеціальность—сальныя выраженія; его таланта хватаетъ только на нахальство и глумленіе; онъ невообразимо скученъ для однихъ, невообразимо потѣшенъ для другихъ; онъ возбуждаетъ не негодованіе, а смѣхъ—вотъ почему ему все сходитъ съ рукъ, согласно съ французскою поговоркой: „Celui qui rit est à moitié désarmé“. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло отчасти съ подтасовкой фактовъ, отчасти съ риторическою фигурой, подставляющею часть на мѣсто цѣлаго? Вся бѣда въ томъ, что эта фигура принимается, или, по крайней мѣрѣ, выдается, за чистую монету. Нѣкоторые изъ сатирическихъ очерковъ г. Салтыкова безспорно имѣютъ характеръ фельетонный—но развѣ отсюда слѣдуетъ,

что онъ *только* или *преимущественно* фельетонистъ? Развѣ рядомъ съ сатирой, въ сочиненіяхъ одного и того же писателя, не можетъ быть мѣста для фельетона, какъ для веселой интермедіи среди мрачной, суровой драмы? Фельетонъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и сатира; его можно найти и у Фрейтага, и у Теккерея, и у Бальзака; съ нимъ близко граничатъ даже цѣлыя произведенія, прославившія своихъ авторовъ—напримѣръ: „Пиквикскій клубъ“ Диккенса. Весь вопросъ заключается въ степени такта, съ какимъ выбирается и разрабатывается тема для фельетона; въ степени искусства, съ какимъ избѣгаются подводные камни этого литературнаго жанра; въ отношеніи его, наконецъ, къ другимъ сторонамъ дѣятельности писателя. Когда предметъ, вызывающій на горькую, жгучую сатиру, выставляется исключительно въ смѣшномъ свѣтѣ, задѣвается слегка, поверхностно, съ одной несеріозной стороны, насильственно втискивается въ водевильныя рамки; когда фельетонистъ смѣется надъ тѣмъ, что, въ сущности, вовсе не смѣшно, стрѣляетъ мимо цѣли, ударяется въ шаржъ, не оправдываемый обстановкой и не выкупаемый задушевною, искреннею веселостью,—тогда, и только тогда, позволительно поставить фельетонъ въ пассивъ авторскаго счета. Нельзя сказать, чтобы такихъ фельетоновъ у г. Салтыкова не было вовсе. Безусловно неудачною кажется намъ, напримѣръ, сцена съ Лабулэ *(За рубежомъ)*, въ которой французскій сенаторъ выставленъ чуть не облизывающимъ тарелку изъ-подъ вкуснаго блюда, „бросающимъ на нее любострастные взгляды“, напивающимся до-пьяна, восклицающимъ: vive Henri Cinq, и т. д. Не говоря уже о томъ, что Лабулэ—вовсе не подходящій объектъ для русской хотя бы и фельетонной сатиры,—невозможность положенія, невозможность происходящей передъ нами бесѣды слишкомъ бросается въ глаза; такой колоссальной натяжки не выдерживаетъ даже талантъ г. Салтыкова. Столь же неудаченъ, по нашему мнѣнію, вечеръ у Грызунова (двѣнадцатое *Письмо къ тетенькѣ*), съ опытами „непосредственнаго самопитанія дамы изъ Амстердама“, съ исчезновеніемъ носового платка изъ сенаторскаго кармана, съ пуговицей, которою вознаграждается потерпѣвшій отъ воровства, и съ другими эпизодами ejusdem farinae. Не слѣдуетъ забывать, что Ноздревъ (redivivus), главный герой этого вечера—персонажъ не послѣдней важ-

ности въ *Письмахъ къ тетенькѣ*, что его спеціальность—вовсе не тасканіе платковъ изъ кармана, и что шутовской колоритъ нимало не соотвѣтствуетъ настоящей его роли. Избытокъ шаржа вредитъ, какъ мы уже видѣли, характеристикѣ „свѣдущихъ людей", вредитъ и изображенію „Помоевъ", которое дѣйствовало бы гораздо сильнѣе, если бы не было до такой степени переполнено комическими чертами. Начало одиннадцатаго *Письма къ тетенькѣ*, съ своими смѣхотворными объявленіями, съ описаніемъ раута у княгини Насофѣполежаевой, съ извѣстіями, „слышанными отъ Репетилова", съ телеграммами, сочиненными въ самой редакціи, уменьшаютъ значеніе далеко не шуточной страницы, непосредственно слѣдующей за нимъ. Карикатура, доведенная до крайнихъ предѣловъ, заслоняетъ собою реальный объектъ сатиры. Много ли, однако, найдется у г. Салтыкова неудачныхъ фельетоновъ, въ родѣ только-что упомянутыхъ нами? Если мы присоединимъ къ нимъ эпизодъ съ тайными совѣтниками, занимающимися статистикой въ Парижѣ *(За рубежомъ)*, обѣдъ у бабиньки и погребеніе ея въ *Письмахъ къ тетенькѣ*, пожалуй, еще „Первое сентября" въ *Круломъ году* (похожденія Саши Непарочнаго въ Петербургѣ), то исчерпаемъ, кажется, все, заслуживающее упрека въ карикатурности,—по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ десятилѣтнемъ періодѣ дѣятельности г. Салтыкова. 40—50 страницъ на девять томовъ—такая ли это пропорція, чтобы строить на ней какіе-нибудь рѣшительные приговоры? Что сказали бы мы о критикѣ, который сталъ бы опредѣлять значеніе В. Гюго двумя-тремя десятками самыхъ вычурныхъ, самыхъ трескучихъ стихотвореній; значеніе Бальзака—„Серафитой" или „Луи Ламберомъ"; значеніе Лермонтова—„Казначейшей"; значеніе Диккенса—сантиментально-добродѣтельными его персонажами? Тенденціозные противники г. Салтыкова поступаютъ именно такимъ образомъ. Они видятъ букашекъ и не хотятъ видѣть слона; изъ сатирическаго моря они выдѣляютъ только фельетонныя капли, и притомъ тѣ, которыя всего меньше выдерживаютъ критики. Если и разсматривать г. Салтыкова, какъ фельетониста, то съ самымъ небольшимъ запасомъ доброй воли можно отыскать у него множество прелестныхъ вещей—легкихъ, милыхъ, изящныхъ. Мы указали уже, въ другомъ мѣстѣ, на цѣлый циклъ такихъ фельетоновъ въ *Помпадурахъ и Помпадуршахъ*; назовемъ

еще „Привѣтъ“ въ *Благонамѣренныхъ рѣчахъ*, „Старческое горе“ въ „*Сборникѣ*, идиллію русской колоніи въ Парижѣ *(За рубежомъ)*, картину оазиса (Еротидушка) въ четвертомъ *Письмѣ къ тетенькѣ*. Есть, наконецъ, цѣлые тома щедринской сатиры, въ которыхъ самому сильному увеличительному стеклу, т.-е. самому предубѣжденному псевдо-критическому глазу—не удастся найти ничего фельетоннаго. Таковы, напримѣръ, *Господа Ташкентцы*, таковы *Господа Головлевы* и *Убѣжище Монрепо*.

Второй обвинительный пунктъ противъ г. Салтыкова—это пристрастіе его къ грубымъ, браннымъ, сильнымъ выраженіямъ. Мы готовы допустить, что въ послѣднихъ его сочиненіяхъ слишкомъ часто говорится о хлѣвахъ, ретирадныхъ мѣстахъ, клоповникахъ, трихинахъ; мы готовы признать, что нѣкоторыя фразы, переполненныя подобными словами, производятъ тяжелое впечатлѣніе и, скорѣе, уменьшаютъ, чѣмъ увеличиваютъ силу паденія. Не слѣдуетъ забывать, однако, съ какихъ поръ языкъ щедринской сатиры пріобрѣтаетъ несвойственную ему прежде жестокость; не слѣдуетъ упускать изъ виду, что никогда литературная борьба не обострялась настолько, какъ въ послѣднее время. Одинъ изъ журналовъ, ополчающихся на способъ выраженій г. Салтыкова, пустилъ въ ходъ знаменитую фразу о „мошенникахъ пера и разбойникахъ печати“; другой не перестаетъ говорить о либералахъ, какъ о лакеяхъ Западной Европы. Можно ли, притомъ, принимать бо́льшую или меньшую рѣзкость формы за критерій художественнаго достоинства сатиры, за основаніе для осужденія сатирика? Совмѣстна ли мягкость, вѣжливость, сдержанность съ самымъ содержаніемъ и назначеніемъ сатиры? Развѣ Гюго переставъ быть поэтомъ, когда сравнилъ своего врага съ поросенкомъ, валяющимся на львиной шкурѣ (ce pourceau qui se vautre dans la peau du lion)? Развѣ Поль-Луи Курье потерялъ свое мѣсто между классическими французскими писателями, потому что употребилъ слово „проституція“ въ примѣненіи къ цѣлой общественной группѣ? Сказанное Барбье о самомъ себѣ въ предисловіи къ „Ямбамъ“ (si mon vers est sans frein, c'est qu'il sonne aujourd'hui dans un siècle d'airain... c'est la haine du mal qui enfante l'hyperbole) относится одинаково ко всѣмъ сатирикамъ. Ювеналъ читается въ школахъ, хотя у него встрѣчаются стихи въ родѣ слѣдующаго: „cujus ad

effigiem non tantum miere fas est". Критики извѣстной категоріи, впрочемъ, неисправимы. Нѣтъ ничего легче, какъ поднять вопль во имя оскорбленной стыдливости, во имя нарушеннаго приличія; это самый дешевый способъ уязвить противника, щегольнуть деликатностью собственнаго чувства. Напускное негодованіе противъ формы освобождаетъ отъ обязанности вникать въ содержаніе. Обвиненію въ цинизмѣ подвергались въ свое время Вольтеръ, Байронъ, Гейне, Барбье, Курье, Бальзакъ; понятно, что оно повторяется теперь и противъ г. Салтыкова. Можно пожалѣть, что онъ облегчаетъ своимъ врагамъ пользованіе этимъ оружіемъ; но употреблять розовую воду вмѣсто чернилъ сатирикъ не можетъ. Выражаясь вдвое мягче, онъ все-таки не избѣжалъ бы упрековъ, наиболѣе удобныхъ и сподручныхъ для враговъ сатиры. „Сатирикъ бранится, слѣдовательно, онъ сердится, слѣдовательно, онъ неправъ", вотъ—силлогизмъ, посредствомъ котораго, какъ мы уже видѣли, хотятъ сразу покончить съ Салтыковымъ. Торопливый судья не замѣтилъ только того, что силлогизмъ, имъ сооруженный, приложимъ вполнѣ ко всѣмъ знаменитымъ представителямъ сатиры, древней и новой, то-есть, не приложимъ ни къ одному изъ нихъ.

Сатира г. Салтыкова,—говорятъ намъ далѣе,—возбуждаетъ не негодованіе, а смѣхъ; ее читаютъ охотно, безъ гнѣва, даже тѣ, противъ которыхъ она направлена. Не споримъ, можетъ-быть, нѣкоторыя ея страницы и способны разсмѣшить того или другого помпадура, ташкентца, „государственнаго младенца"; но не объясняется ли это тѣмъ, что многіе изъ читателей этой категоріи отлично пріучены „кивать на Петра" и были бы очень удивлены (или, по крайней мѣрѣ, притворились бы удивленными), если бы имъ сказали: de te fabula narratur? Въ общей суммѣ впечатлѣніе щедринской сатиры далеко не безобидно для тѣхъ, въ кого направлены ея стрѣлы; улыбка, вызываемая ею, часто прикрываетъ желаніе faire bonne mine à mauvais jeu. Ожесточенныя нападенія на сатиру—да и на самого сатирика—доказываютъ какъ нельзя лучше, что она умѣетъ хватать за живое, проникать сквозь самую крѣпкую броню, сквозь самую толстую кожу. Что касается до зрителей боя, то ощущенія ихъ могутъ быть до крайности различны, смотря по чуткости слуха, по тонкости зрѣнія, по настроенію, которое они при-

носятъ съ собою. Смѣшное—и только смѣшное для одного можетъ быть какъ нельзя болѣе серіознымъ для другого. Возьмемъ, для примѣра, хоть того самаго Ѳеденьку Кротикова, о которомъ идетъ рѣчь въ статьѣ „Новостей“. „До такихъ размѣровъ доведенный комизмъ помпадурства, приправленный такимъ гомерическимъ фарсомъ“,—читаемъ мы въ этой статьѣ,—„перестаетъ возмущать, онъ просто дѣлается милъ. Надъ комическимъ положеніемъ Ѳеденьки мы смѣемся; онъ, конечно, дуракъ и прохвостъ, но въ то же время настолько своеобразенъ, что возбуждаетъ даже своеобразную симпатію. Изъ-за этого фарса дѣйствительныя черты помпадурства какъ-то исчезаютъ, уходятъ въ какой-то пеясный туманъ; остается лишь любопытная фигура Ѳеденьки, настолько фантастическая, что у самого читателя сознаніе дѣйствительности, иногда горькой и, вообще, неприглядной, мало-по-малу исчезаетъ, теряясь въ уродливыхъ очертаніяхъ фантазіи“. Ошибочна здѣсь, какъ намъ кажется, самая исходная точка критика. *Фигура* Ѳеденьки нимало не фантастична; фантастичны только *нѣкоторыя положенія*, въ которыя ее ставитъ авторъ. Откиньте отреченіе отъ сатаны, откиньте гарцованіе дѣвицы Волшебновой на воронномъ конѣ и публичный призывъ къ покаянію—и вы получите въ остаткѣ нѣчто вполнѣ жизненное и нимало не комическое. Пока семилѣтній мальчикъ мечтаетъ о томъ, какъ лихо онъ управился бы съ тройкой бѣшеныхъ коней, вы можете добродушно смѣяться надъ его мечтой и чувствовать къ нему „своеобразную симпатію“; но представьте себѣ, что онъ какими-то судьбами попалъ въ кучера такой тройки, а вы сидите въ коляскѣ, которую она несетъ, закусивъ удила—и вамъ, вѣроятно, будетъ не до смѣха. Ѳеденька Кротиковъ—это, именно, мальчикъ на кучерскихъ козлахъ. И онъ и ему подобные—повторяемъ сказанное нами въ другомъ мѣстѣ—бо́льшею частью довольно милые люди; вся бѣда въ томъ, что они попали не въ свои сани. Когда Ѳеденька устраиваетъ „облаву на либераловъ“, лучше ли имъ отъ того, что на тротуарахъ Невскаго проспекта ихъ гонитель былъ бы обворожительнымъ молодымъ человѣкомъ? Могутъ ли обыватели города Навознаго утѣшаться тѣмъ, что расхлебываемая ими каша заварена градоправителемъ ихъ исключительно вслѣдствіе простоты душевной? Чтобы хохотать, и только хохотать, надъ подвигами Ѳеденьки, нужно

вообразить себѣ, что они совершаются внѣ времени и пространства или производятся in anima vili; нужно забыть, во что они обходятся своимъ реальнымъ объектамъ. Негодовать лично противъ Ѳеденьки, сѣвшаго не въ свои сани, было бы несправедливо; но что сказать объ обстановкѣ, благодаря которой сани сдѣлались для него доступными? „Смѣшны и жалки,—говоритъ, по другому поводу, г. Салтыковъ *(Круглый годъ)*,—кинутые въ болото черти, но само болото—не жалко и не смѣшно".

Если Ѳеденьки Кротиковы, Митеньки Козелковы, Нагибины, Накатниковы могутъ, по недоразумѣнію, возбуждать невинную веселость, то въ примѣненіи ко многимъ другимъ типамъ щедринской сатиры подобная ошибка совершенно немыслима. Наше воображеніе безсильно представить себѣ читателей,—конечно, не изъ разряда гоголевскихъ или грибоѣдовскихъ Петрушекъ,—которые могли бы смѣяться надъ *Дворянской хандрой*, надъ „Вечеркомъ" въ *Круглomъ годѣ*, надъ *Больнымъ мѣстомъ*, надъ *Непочтительнымъ Коронатомъ*. Антошка Стрѣловъ, генералъ Утробинъ съ сыномъ, запрещенный попъ Арсеній, Терпибѣдовъ, Граціановъ, Разуваевъ—неужели всѣ эти фигуры созданы „ловкимъ забавникомъ", мастеромъ потѣшать почтеннѣйшую публику? Мы знаемъ, что изъ райка раздается иногда смѣхъ во время монолога: „Быть или не быть" (особенно если у Гамлета, согласно съ театральной традиціей, спущенъ одинъ чулокъ), при появленіи Отелло въ спальнѣ Дездемоны; но кому же приходило въ голову связывать этотъ смѣхъ съ содержаніемъ пьесы и дѣлать его основаніемъ критической ея оцѣнки?

Желаніе доказать „безобидность" щедринской сатиры доводитъ ея зоиловъ до ссылки на „молчаніе цензуры". Что это такое—наивность или нѣчто противоположное? Въ какомъ заоблачномъ мірѣ живетъ критикъ—или за кого онъ принимаетъ своихъ читателей? Ближайшимъ поводомъ къ его статьѣ послужили *Письма къ тетенькѣ*; ему извѣстно, значитъ, приключеніе съ письмомъ, не дошедшимъ по адресу, извѣстенъ и отвѣтъ, данный автору почтовымъ чиновникомъ: „которыя письма не нужно, чтобъ доходили, тѣ всегда у насъ пропадаютъ". Нужно ли объяснять, вдобавокъ, что при такихъ почтовыхъ порядкахъ многія письма не пишутся вовсе или пишутся не такъ, какъ

желалъ бы и могъ бы написать ихъ авторъ? Мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ о „рабьемъ языкѣ“, „рабьей манерѣ“— вопросомъ, котораго никакъ нельзя обойти, говоря о г. Салтыковѣ.

„Моя манера писать,—читаемъ мы въ *Кругломъ годѣ*,—есть манера рабья. Она состоитъ въ томъ, что писатель, берясь за перо, не столько озабоченъ предметомъ предстоящей работы, сколько обдумываньемъ способовъ проведенія его въ среду читателей. Еще древній Езопъ занимался такимъ обдумываньемъ, а за нимъ и множество другихъ шло по его слѣдамъ. Эта манера изложенія, конечно, не весьма казиста, но она составляетъ оригинальную черту очень значительной части произведеній русскаго искусства, и я лично тутъ ровно не причемъ... Она нимало не затемняетъ моихъ намѣреній, а, напротивъ, дѣлаетъ ихъ только общедоступными“.

Противники г. Салтыкова поспѣшили подхватить эти слова. „Рабій языкъ“,—восклицаютъ они,—это „искаженіе прямого и всѣмъ извѣстнаго смысла словъ“; это надежное средство противъ строгостей цензуры, гарантія безнаказанности для „оплеванія“, ключъ ко всему тому, что̀ сатира лицемѣрно признаетъ для себя недоступнымъ. Не слишкомъ ли поспѣшны всѣ эти выводы? Не упускается ли здѣсь изъ виду послѣдняя, знаменательная фраза сатирика: „Рабья манера нимало не затемняетъ моихъ намѣреній“? Скажемъ болѣе—можно ли понимать буквально самыя выраженія: „рабій языкъ“, „рабья манера“? Намъ кажется, что они сдѣлались источникомъ такихъ же недоразумѣній, какъ и знаменитыя слова Некрасова: „Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной, мой угрюмый, неуклюжій стихъ“. Сколько разъ эти слова были повторяемы безъ дальнѣйшей повѣрки, какъ безапелляціонный приговоръ поэта надъ самимъ собою! А между тѣмъ, они, очевидно, заключаютъ въ себѣ только часть истины. Рядомъ съ стихомъ неуклюжимъ, шероховатымъ у Некрасова на каждомъ шагу встрѣчается стихъ звучный, изящный, поэтическій, встрѣчаются цѣлыя пьесы, мастерскія не только по содержанію, но и по формѣ. Противники Некрасова ухватились за его „признаніе“, какъ судья стараго покроя хватался за признаніе подсудимаго— не разбирая, согласно ли оно съ обстоятельствами дѣла. Не случилось ли то же самое и съ „признаніемъ“ г. Салтыкова? Безспорно, манера сатирика носитъ на себѣ ясный слѣдъ условій, при которыхъ онъ пишетъ; обиліе недомолвокъ, полу-словъ, риторическихъ фигуръ зависитъ, конечно,

не отъ доброй воли писателя, котораго они, видимо, тяготятъ и стѣсняютъ. Всегда ли, однако, онъ идетъ этимъ извилистымъ путемъ, всегда ли ощупываетъ передъ собою почву, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, всегда ли заботится о достаточной охранѣ съ фланговъ и съ тылу? Нѣтъ, можно насчитать тысячу случаевъ, въ которыхъ его рѣчь льется прямо и свободно. Прибѣгаетъ ли онъ къ „рабьей манерѣ“, когда защищаетъ литературу или, лучше сказать, слагаетъ восторженный гимнъ въ честь человѣческой мысли? „Рабьимъ“ ли языкомъ написаны такія произведенія, какъ *Больное мѣсто*, какъ *Дворянская хандра?* Много ли „рабьяго“ въ варіаціяхъ на тему: humanum est mentire? Самыя аллегоріи, въ которыя иногда закутывается сатира, не бываютъ ли, сплошь и рядомъ, прозрачнѣе самыхъ тонкихъ кружевъ? Наша литература давно уже переживаетъ переходное время; *право* говорить за нею еще не признано вполнѣ, но *возможностью* говорить она пользуется, то въ бо́льшей, то въ меньшей степени. Рѣдко возвышаясь до нормальнаго діапазона, голосъ ея колеблется, бо́льшею частью, между едва слышнымъ лепетомъ и такъ-называемымъ театральнымъ шопото́мъ, понятнымъ для всѣхъ привычныхъ посѣтителей театра. Г. Салтыковъ принадлежитъ къ числу писателей, лучше всего усвоившихъ себѣ акустическіе законы этого шопота.

Не желая видѣть въ щедринской сатирѣ никакой другой манеры, кромѣ „рабьей“, враги сатирика преувеличиваютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобство этой манеры; они увѣряютъ, что съ помощью ея можно всего касаться, всюду проникать, все высказывать. Мы думаемъ, наоборотъ, что, именно, въ ограниченности круга дѣйствій, ничѣмъ не устранимой, слѣдуетъ искать самое больное мѣсто современной русской сатиры. Въ какія бы формы она ни облеклась, съ какимъ бы мастерствомъ ни умѣла обходить разныя помѣхи, она безпрестанно встрѣчается съ пограничными столбами, на которыхъ написано: до сихъ поръ—и не дальше! Многаго она договорить не можетъ, о многомъ вовсе должна молчать. Припомнимъ ту дилемму, которая помѣшала г. Салтыкову коснуться вопроса о „новыхъ людяхъ“: всесторонне говорить о предметѣ—нельзя, выставлять на видъ одну только сторону его, въ одномъ только свѣтѣ—не подобаетъ. Эта дилемма попадается на каждомъ шагу и составляетъ

глубокій ровъ, черезъ который нельзя ни перейти ни перепрыгнуть. Провозглашать сатиру фактически свободною, утверждать, что передъ ней открыты всѣ дороги, ставить ей въ вину молчаніе ея о томъ или другомъ вопросѣ—значитъ, не понимать самыхъ простыхъ вещей, намѣренно игнорировать очевидность или смѣшивать сатиру съ диѳирамбомъ. Формулѣ нашихъ ретроградовъ: сатирѣ не на что жаловаться, она выработала себѣ „рабій“ языкъ и болтаетъ на немъ какъ и сколько ей угодно—мы противопоставляемъ другую: сатира, въ лицѣ лучшаго представителя своего, наполняетъ всю отмежеванную ей область, постоянно старается расширить свои рамки, употребляетъ рабій языкъ какъ можно меньше и рѣже—но полетъ ея вдаль и вверхъ ограниченъ непреодолимыми преградами, и высшій предѣлъ, котораго она могла бы безъ нихъ достигнуть, остается загадкой для нея самой.

Отрицая самый фактъ безусловнаго преобладанія „рабьей манеры“ въ щедринской сатирѣ, мы не можемъ, конечно, согласиться и съ тѣмъ заключеніемъ, которое извлекаютъ изъ него даже нѣкоторые приверженцы г. Салтыкова. Источникомъ ошибки, въ которую они впадаютъ, служатъ отчасти слова самого сатирика. Несчастное положеніе „бытописателя волшебствъ и загадочныхъ превращеній“ изображено имъ, въ *Письмахъ къ тетенькѣ*, слѣдующими красками:

„Уже современники читаютъ его не иначе, какъ угадывая смыслъ и цѣль его писаній, и комментируя и то и другое, каждый по-своему; дѣтямъ же и внукамъ и подавно безъ комментаріевъ шагу ступить будетъ нельзя. Все въ этихъ писаніяхъ будетъ имъ казаться невозможнымъ и неестественнымъ, да и самый бытописатель представится человѣкомъ назойливымъ и безъ нужды неяснымъ... Вотъ странный человѣкъ (скажутъ они)! всю жизнь описывалъ чепуху, да еще предлагаетъ намъ читать свои описанія... съ комментаріями!“

Эти слова, сорвавшіяся съ пера сатирика въ минуту гнѣва и скорби, очевидно, не должны быть понимаемы au pied de la lettre. Необходимо помнить, что въ тѣхъ же *Письмахъ къ тетенькѣ* авторъ говоритъ о солидарности, дѣлающей его понятнымъ для читателей, заставляющей ихъ узнавать въ его словахъ собственныя мысли и чувства; необходимо помнить, что, по словамъ самого сатирика, „рабья манера нимало не затемняетъ его намѣреній“. Въ мимолетномъ пессимистическомъ порывѣ нельзя, поэтому, видѣть „вѣрное представленіе самимъ писателемъ будущей судьбы своихъ пи-

саній"; нѣтъ повода восклицать: „Рабій языкъ умерщвляетъ его для потомства"! [1]) Въ сатирѣ, даже самой талантливой, есть, безъ сомнѣнія, много скоропреходящихъ элементовъ; все то, что́ касается въ ней сравнительно-мелкой, второстепенной злобы дня, интересно только для современниковъ, да и для нихъ интересно не надолго. Долговѣчность, однако, возможна и для нея, разъ-что она возвышается хоть отчасти надъ горизонтомъ одного дня, разъ что она становится настоящею сатирой нравовъ и учрежденій. Значеніе ея, въ этомъ смыслѣ, не уменьшается даже необходимостью комментаріевъ.

К. К. Арсеньевъ.

---

[1]) См. библіографическую замѣтку о „Письмахъ къ тетенькѣ" въ № 2 „Русской Мысли" 1883 г. (См. стран. 146),— замѣтку, написанную въ духѣ горячаго сочувствія къ г. Салтыкову

Щедринъ-публицистъ.

(Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова) [1]).

Никто изъ нашихъ первостепенныхъ беллетристовъ, за исключеніемъ развѣ Некрасова, не стоялъ такъ близко къ „воинствующей“ литературѣ въ журналистикѣ, какъ г. Салтыковъ; никто изъ нихъ не радовался больше него ея радостями, не скорбѣлъ больше него ея печалями. Послѣднія пятнадцать лѣтъ проведены имъ въ неустанной журнальной борьбѣ, на бреши и въ вылазкахъ, вездѣ, гдѣ требовалась искусная рука или мѣткое слово. Онъ былъ и продолжаетъ быть литераторомъ не только между дѣломъ, въ часы досуга: литература—его профессія, его родная стихія. Онъ принадлежалъ ей всѣмъ сердцемъ даже тогда, когда еще не отдавалъ ей всего своего времени; она покорила его при самомъ вступленіи его въ жизнь, покорила его тѣмъ свѣтомъ и тѣмъ тепломъ, единственнымъ источникомъ которыхъ она была въ темную и холодную эпоху.

„Я страстно и исключительно преданъ литературѣ,—говоритъ г. Салтыковъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній *(Круглый годъ)*:—я обязанъ литературѣ лучшими минутами моей жизни, всѣми сладкими волненіями ея, всѣми утѣшеніями“... „Литература мнѣ особенно дорога,—читаемъ мы въ *„Письмахъ къ тетенькѣ“*,—потому что на ней съ дѣтства были сосредоточены всѣ мои упованія, и она, въ свою очередь, дала мнѣ гораздо больше того, что я достоинъ былъ получить. Весь жизненный процессъ этого замкнутаго, по волѣ судебъ, міра былъ моимъ личнымъ жизненнымъ процессомъ; его незащищенность—моею незащищенностью; его замученность—моею замученностью“.

Чувство солидарности, выражающееся въ этихъ словахъ, личныя воспоминанія, личная признательность—только одна изъ нитей, связывающихъ г. Салтыкова съ литературой; еще сильнѣе влечетъ его къ ней ея высокое призваніе, ея господствующая роль въ исторіи человѣческаго ума и обще-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., № 4. (См. стран. 88.)

ственнаго развитія. Отождествляя ее съ мыслью, онъ возноситъ ее надъ всѣмъ остальнымъ, признаетъ ее—ее одну—изъятою отъ законовъ тлѣнія и разрушенія.

„Литература не умретъ! не умретъ вовѣки вѣковъ! Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ея, какъ представленіе о литературѣ... Общество, не имѣющее литературы, не сознаетъ себя обществомъ, а только безпорядочнымъ сбродомъ индивидуумовъ; страна, лишенная литературы, стоитъ внѣ общей міровой связи и привлекаетъ любопытство лишь въ качествѣ диковины... Если бъ не было литературы, этого единственнаго сборнаго пункта, въ которомъ мысль человѣческая можетъ оставить прочный слѣдъ, ты ходилъ бы теперь на-четверенькахъ, обросшій шерстью, лакалъ бы болотную воду, питался бы сырыми злаками и акридами... Всѣ знанія, которыми ты обладаешь, даны тебѣ литературой; всѣ понятія, сужденія, правила, все, чѣмъ ты руководишься въ жизни, все выработано ею. Даже понятіе о благонамѣренности литературы, и то ты почерпалъ изъ нея, а никакъ не додумался бы до него непосредственно. Безъ литературы не существовало бы ни живописи, ни музыки, ни искусствъ вообще, потому что она все разложила, и свѣтъ и звукъ, и она же все сочетала. Не будь того свѣточа, который она всюду приноситъ съ собой, и звуки, и краски, и линіи—все было бы смѣшеніе, хаосъ. Одна литература имѣетъ привилегію *гласить во всѣ концы*, она одна имѣетъ даръ всѣхъ соединять подъ сѣнію своею, всѣмъ давать возможность вкусить отъ сладостей общенія“ [1]).

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы констатировать внѣшнюю точку соприкосновенія между взглядомъ г. Салтыкова на литературу и взглядомъ Золá на *писанную мысль* [2]). „Реальное и прочное вліяніе, — говоритъ Золá, — принадлежитъ исключительно писанной мысли... Все сводится къ писанной мысли; остальное—тщетная суета, минутныя видѣнія, уносимыя вѣтромъ“. Сходство воззрѣній бросается въ глаза—но за нимъ скрывается глубокое разногласіе. Для Золá „писанная мысль“ существуетъ, какъ говорятъ нѣмцы, an und für sich; онъ поклоняется ей не какъ средству, а какъ цѣли, не какъ орудію прогресса, а какъ художественному произведенію, сильному только своею красотою. Культъ писанной мысли дорогъ Золá и по тому ореолу, которымъ онъ окружаетъ профессію писателя; вознося литературу на неизмѣримо высокій пьедесталъ, авторъ Ругонъ-Маккаровъ возно-

[1]) См. „Круглый годъ“, собесѣдникъ автора—Ѳеденька Неугодовъ.

[2]) Та статья Золá, въ которой выраженъ этотъ взглядъ, напечатана въ „Figaro“ въ 1880 г., т.-е. черезъ годъ послѣ появленія „Круглаго года“; она вошла въ составъ сборника: „Une campagne“.

ситъ вмѣстѣ съ нею и самого себя, куритъ ѳиміамъ и передъ самимъ собою. Ему пріятно думать, что его имя переживетъ имя Гамбетты, что путь къ безсмертію, ведущій черезъ его рабочій кабинетъ, вѣрнѣе того, который проходитъ черезъ залы парламентскихъ засѣданій. Ничего подобнаго мы не видимъ у г. Салтыкова. Литература, въ его глазахъ—могучій факторъ культуры, залогъ движенія, ведущаго къ общему благу. Понимая и чувствуя прелесть формы, онъ не въ состояніи любоваться исключительно ею, въ ней одной искать „прочности мрамора или бронзы". На первомъ планѣ стоитъ для него *содержаніе* литературы—та работа мысли, которая началась еще гораздо раньше изобрѣтенія письма, та работа, благодаря которой человѣчество вышло изъ первобытнаго, дикаго состоянія. Съ помощью печатнаго слова, она совершается теперь все быстрѣе и быстрѣе, захватываетъ все бо́льшую и бо́льшую область. Драгоцѣнны и благотворны не только положительные, но и отрицательные результаты этой работы—не только истины, раскрываемыя ею, но и ея ошибки.

„Литература имѣетъ право допускать заблужденія, потому что она же сама и поправляетъ ихъ. Они составляютъ подготовительный процессъ той работы, въ результатѣ которой оказывается истина. Истина—не кладъ, случайно находимый въ полѣ, и не болидъ, падающій съ неба совсѣмъ готовымъ; она дается ищущему цѣною величайшихъ жертвъ и усилій, цѣною *заблужденій*" [1]).

Зола́, замкнувшись въ сферѣ писанной мысли и взирая оттуда съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ на суету политической и общественной жизни, сохраняетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ спокойствіе натуралиста, разглядывающаго подъ микроскопомъ давно знакомую букашку; г. Салтыковъ вноситъ въ свои произведенія душевную тревогу человѣка, для котораго наблюденіе—только первый шагъ къ активному воздѣйствію на общество. Вопросы, мимо которыхъ равнодушно проходитъ Зола́ или на которые онъ смотритъ издалека, глазомъ посторонняго зрителя, волнуютъ, терзаютъ г. Салтыкова, какъ вопросы собственнаго его существованія. Напрасно было бы искать въ щедринской сатирѣ той ноты самодовольствія и самопоклоненія, которая такъ громко звучитъ у Зола́; нашему автору не до того, чтобы заранѣе предвкушать свою будущую славу. Ужъ если проводить, съ за-

[1]) „Круглый годъ".

нимающей насъ точки зрѣнія, параллель между г. Салтыковымъ и французскими писателями, то всего ближе къ нему окажется Викторъ Гюго, преклоняющійся передъ человѣческимъ умомъ именно въ томъ же духѣ и смыслѣ, въ какомъ г. Салтыковъ преклоняется передъ творческимъ словомъ. Человѣческій умъ, „преобразующій общества и правительства, служащій великимъ пастыремъ поколѣній, просвѣщающій массы, все болѣе и болѣе приближающій торжество права“ [1],—это, очевидно, та же сила, которую г. Салтыковъ олицетворилъ въ литературѣ. Какъ ни велико различіе между русскимъ сатирикомъ и французскимъ поэтомъ, они сошлись на почвѣ общей для всѣхъ честныхъ и смѣлыхъ умовъ,—на почвѣ уваженія къ мысли, къ ея неудержимому полету, къ ея свободѣ.

Литература, воспитавшая г. Салтыкова, навсегда привязавшая его къ себѣ—это преимущественно литература сороковыхъ годовъ. Достаточно назвать ее, чтобы вызвать представленіе о чемъ-то хорошемъ, чистомъ, свѣжемъ. Не нужно быть современникомъ ея, чтобы понять, какую роль играло тогда печатное слово. Люди, владѣвшіе имъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ горячимъ чувствомъ, не забыты послѣдующими поколѣніями; имена Бѣлинскаго, Грановскаго, имена живущихъ еще между нами представителей славной эпохи не потеряли и до сихъ поръ своей обаятельной силы. Незаслуженные упреки не пощадили, однако, и этой блестящей страницы нашего прошлаго. Ее обвиняютъ въ „практической безразультатности“—и обвиняютъ совершенно напрасно.

„Вѣра въ чудеса, — говоритъ г. Салтыковъ *(Круглый годъ)*, — помогла литературѣ сороковыхъ годовъ отыскать извѣстные идеалы добра и истины, благодаря которымъ она не задохлась; она же создала тѣ человѣчныя преданія, ту честную брезгливость, которыя выдѣлили ее изъ общаго строя жизни и дали возможность выйти незапятнанною изъ-подъ ига всевозможныхъ давленій. Все это было настолько характеристично и плодотворно, что въ этомъ одномъ можно безъ особой натяжки видѣть своего рода практическій результатъ... Кромѣ этого практическаго результата, былъ и другой, не столь рѣшительный, но зато болѣе непосредственный. Несмотря на свою изолированность, несмотря на полное отсутствіе воинствующихъ элементовъ, литература сороковыхъ годовъ, въ сущности, не оставалась

[1]) См. рѣчь В. Гюго о свободѣ печати, произнесенную въ 1850 г., въ законодательномъ собраніи („Avant l'exil“).

безъ вліянія на большинство тогдашней интеллигенціи. Какъ ни испорчены и ни себялюбивы были представители этой интеллигенціи, но въ молодыхъ ея отпрыскахъ уже можно было подмѣтить нѣкоторыя несомнѣнныя пробужденія, замѣчательныя по своей мучительной искренности". „Тогдашняя литература, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ (*Похороны*, въ *Сборникѣ*), — какъ-то сама-собою подѣлилась на два лагеря, при чемъ не допускалось ни смѣшеній, ни компромиссовъ, ни эклектизма. Говорятъ, что это было односторонне; но лучше ли было бы, если бы существовала разносторонность—въ этомъ позволительно усомниться. Во всякомъ случаѣ, односторонность спасала литературу отъ податливости... Замкнутость—явленіе не особенно плодотворное; но она охраняла литературный декорумъ и положила начало нѣкоторымъ литературнымъ преданіямъ, на которыя не безъ пользы можно ссылаться и нынѣ".

Какъ совершился, что повлекъ за собою переходъ отъ замкнутости къ толкотнѣ, отъ односторонности къ разношерстности—вотъ вопросъ, на которомъ часто останавливается мысль г. Салтыкова. Онъ понимаетъ, что изолированность не могла продолжаться вѣчно, что она была тягостна и ненормальна, какъ „безмолвный отвѣтъ плѣннаго заложника, не могущаго ничѣмъ инымъ протестовать противъ глумленій торжествующей современности"; онъ понимаетъ, что, „отчуждая себя отъ жизни, литература обрекала себя, такъ-сказать, на зимнюю спячку, но отнюдь не теряла надежды на пробужденіе, при первыхъ лучахъ весенняго солнца". И вотъ, пробужденіе настало, изолированность исчезла; какъ же это отразилось на литературѣ? Почему, несмотря на неоскудѣвающую попрежнему любовь къ ней, она наводитъ сатирика на грустныя, мрачныя мысли? Почему онъ думаетъ, что хорошо быть литераторомъ, но только не настоящимъ, не дѣйствующимъ, а *бывшимъ*?—Причинъ этому много; начнемъ съ тѣхъ, которыя коренятся не въ самой литературѣ.

Судьба литературы, вообще, и значительной части литераторовъ, въ особенности—внушать подозрѣнія, отъ которыхъ только одинъ шагъ до положительной непріязни.

„Начальство знаетъ, что литература, вслѣдствіе вѣкового недоразумѣнія, считается украшеніемъ, но въ то же время не игнорируетъ и того, что излишество украшеній производитъ непріятную для глазъ пестроту. Вотъ, кабы всѣ дѣйствующіе литераторы какимъ-нибудь сладкимъ волшебствомъ вдругъ превратились въ литераторовъ *бывшихъ*—вотъ было бы хорошо! Напримѣръ, Державинъ... ода „Богъ", „Фелица"... Или вотъ Пушкинъ... хотя все-таки лучше было бы, если бы онъ былъ Державинымъ, а не Пушкинымъ—ну, да ужъ Богъ ему, покойнику, проститъ! А эти дѣйствующіе литераторы... ахъ, эти литераторы!.. Словомъ сказать, дѣйствующій лите-

раторъ представляется чѣмъ-то закоренѣлымъ, нераскаяннымъ и до такой степени заблуждающимся, что онъ, подобно анекдотическому пошехонцу, способенъ въ трехъ соснахъ заблудиться".

Заблужденія литераторовъ — таковъ господствующій взглядъ—угрожаютъ опасностью *основамъ*. „Дядя,—спрашиваетъ Ѳеденька Неугодовъ въ *Кругломъ годѣ*,—позвольте узнать, зачѣмъ ваша литература съ такимъ упорствомъ ищетъ осмѣять и подорвать священнѣйшія основы нашего общества? Съ какого права она нападаетъ на коренныя основы нашей жизни? Кто далъ ей это полномочіе? Кто разрѣшилъ ей представлять въ гнусномъ видѣ семью, собственность, государство?" Воззрѣніе, представителемъ котораго является Ѳеденька, допускаетъ только *извѣстную* самостоятельность литературы, только *извѣстную*, съ ея стороны, критику; другими словами, литература можетъ помогать, но не должна противодѣйствовать, можетъ писать дифирамбы, но должна воздерживаться отъ анализа. Отступленіе отъ этого правила почитается потрясеніемъ основъ или, по меньшей мѣрѣ, дерзкимъ „сованіемъ носа", „непрошеннымъ разглагольствіемъ", „хожденіемъ въ чужой монастырь со своимъ уставомъ". Отсюда тѣ своеобразныя формы, въ которыя вылилось „общеніе литературы съ жизнью"—общеніе, заступившее мѣсто *изолированности*.

„Жизнь поступилась литературѣ не существенными своими интересами, не тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, которое составляетъ источникъ ея радостей и горестей, а только безчисленной массой пустяковъ. Въ то же время сдѣлалось яснымъ, что старинный афоризмъ: *не твое дѣло*, настолько заматерѣлъ и въѣлся во всѣ закоулки жизни, что слабымъ рукамъ оказалось совершенно не-подъ-силу бороться съ нимъ. Литература искала общенія съ жизнью—а обрѣла общеніе съ пустяками".

Таково положеніе, созданное для литературы „независящими отъ нея обстоятельствами". Отнестись къ нему она могла двоякимъ образомъ: либо возвратиться къ „изолированности" и опять ожидать „пробужденія", либо примириться съ „пустяками". Изъ этихъ двухъ путей болѣе удобнымъ, почти неизбѣжнымъ оказался послѣдній. „Съ одной стороны, изолированность пріобрѣла какой-то неблагонамѣренно подозрительный характеръ, съ другой—школа юркихъ практикантовъ какъ-то чрезвычайно быстро создала совсѣмъ новую публику, которая, въ свою очередь, ничего не хочетъ знать, кромѣ пустяковъ". Постепенная деморализація литературы, постепенное паденіе традицій, созданныхъ ею въ

сороковыхъ годахъ—вотъ болѣзнь, скорбный листъ которой давно уже начатъ и все еще не законченъ г. Салтыковымъ. Уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ *Признакахъ времени*, сатирикъ констатируетъ появленіе на литературной сценѣ сначала „каплуновъ мысли", добросовѣстно копавшихся въ навозѣ, тихо курлыкавшихъ одну и ту же несложную пѣсню, потомъ „взбѣсившихся жеребчиковъ", передъ которыми должны были исчезнуть или стушеваться даже мирныя, безобидныя птицы. За этой картиной слѣдуетъ извѣстная намъ уже эпопея пѣнкоснимательства, заканчивающаяся предисловіемъ къ *Благонамѣреннымъ рѣчамъ*.

„О теоретики пѣнкоснимательства! о вы, которые съ пытливостью заслуживающею лучшей участи, допытываетесь, сколько грошей могло бы быть сбережено, если бъ суммы, отпускаемыя на околку льда на волжскихъ пристаняхъ, были расходуемы болѣе осмотрительнымъ образомъ! Подумайте, не цѣлесообразнѣе ли поступили бы вы, обративъ вашу всепожирающую пѣнкоснимательную дѣятельность на изслѣдованіе тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ ущербовъ, которые несетъ человѣческое общество, благодаря господствующимъ надъ нимъ призракамъ!"

Въ ближайшемъ затѣмъ отдѣлѣ щедринской сатиры: *Въ средѣ умѣренности и аккуратности*, мы видимъ мытарства, которыя уготовляетъ для мысли черезчуръ боязливая редакторская цензура. „Литературный Молчалинъ", еще недавно содержавшій табачную лавку и перенесенный оттуда, волею судебъ, въ редакцію „либеральной" газеты: „Чего изволите", никакъ не можетъ привыкнуть къ своей новой роли. Онъ „такъ боится, такъ боится, что, можно сказать, вся его жизнь—лихорадка одна". Съ одной стороны, бранятъ сотрудники, съ другой—угрожаетъ начальство:

„Всего три года,—восклицаетъ несчастный редакторъ,—я въ этой передѣлкѣ нахожусь, а ужъ болѣзнь сердца нажилъ! Каждый день слышать ругательства и каждый же день ждать бѣды! Еще вчера, напримѣръ, писалъ о какомъ-нибудь предметѣ, писалъ безстрашно—и ничего, сошло! Сегодня опять тотъ же предметъ, съ тѣмъ же безстрашіемъ тронулъ—хлопъ! А я почемъ знадъ!"

Зато съ какимъ усердіемъ его карандашъ прохаживается по авторской корректурѣ, какъ слѣпо подчиняется онъ совѣтамъ цензоровъ-добровольцевъ, какъ ловко замѣняетъ не только одно слово другимъ, менѣе рѣзкимъ, но и одну мысль другою, прямо противоположною! Подобно тому, какъ подъ рукой фокусника платокъ превращается въ бутылку, бутылка—въ платокъ, рука литературнаго Молчалина превращаетъ порицаніе въ похвалу, критику—въ низкопоклон-

ство, „дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ“—въ адвокатовъ, „лютаго звѣря“—въ „свѣтлаго ангела“. Каково положеніе сотрудниковъ, надъ статьями которыхъ производятся молчалинскіе фокусы—объ этомъ мы можемъ судить по біографіи Пимена Корпунова (*Похороны*, въ *Сборникѣ*). Бѣдный, скромный труженикъ, литературный чернорабочій, онъ смотрѣлъ на свою профессію глазами идеалиста, вѣрнаго преданіямъ сороковыхъ годовъ. Въ эпоху „пробужденія“ и вызванныхъ имъ ликованій, онъ не раздѣлялъ общей радости, именно, потому, что предвидѣлъ вторженіе въ литературу новыхъ, опасныхъ для нея элементовъ.

„До сихъ поръ,—говорилъ онъ,—русскіе писатели держались особнякомъ, а если кто изъ нихъ и чувствовалъ поползновеніе къ податливости то или совѣстился высказываться, или же понималъ, что въ результатѣ этой податливости можетъ быть только грошъ, такъ что, собственно говоря и компрометировать себя не изъ чего. А теперь, съ этой „практической арены“, смотри, какая скачка съ препятствіями пойдетъ! Изъ всѣхъ щелей бойцы вылѣзутъ, и всякій непремѣнно будетъ добиваться, чтобъ ему дали возможность товаръ лицомъ показать“.

Предчувствія Пимена сбылись—и, что еще хуже, ему самому пришлось вступить на „практическую арену“, чтобы кое-какъ добывать средства къ жизни. Онъ предсказывалъ, что о практическихъ вопросахъ, сдѣлавшихся доступными для литературы, „любая курица можетъ написать съ три короба руководящихъ статей“—и дѣйствительно, собственныя его статьи стали „обдавать читателя какимъ-то специфическимъ куринымъ запахомъ“. А между тѣмъ, вполнѣ пристать къ лагерю, въ который бросила его судьба, Пименъ долго не былъ способенъ: этого не допускали водившіяся за нимъ, по старой памяти, „блохи“. Непрерывно его щекоча и покусывая, блохи не давали его литературно-публицистическому дарованію развиться въ томъ благовременномъ направленіи, которое во Франціи извѣстно подъ именемъ оппортюнистскаго, а у насъ, покуда, носитъ кличку газетнаго легкаго поведенія“. Наступилъ, однако, конецъ и блохамъ, Пименъ пересталъ ерошить волоса, пересталъ восклицать: „ахъ, это ужасно“! а „неутомимо и безропотно строчилъ съ утра до вечера, не чувствуя ни удовольствія ни омерзѣнія“, строчилъ для газеты: „Чего изволите“, строчилъ для газеты: „И шило брестъ!“ Кругомъ него вымирали и исчезали люди, сколько-нибудь ему близкіе; подойдя къ старости, онъ очутился въ невѣдомой средѣ, окруженный незнакомцами и

все-таки вынужденный работать съ ними. Онъ умеръ такъ же безотрадно, какъ и жилъ; на памятникѣ его—если бы кто-нибудь вздумалъ поставить ему памятникъ—самою подходящею надписью были бы слова: „литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце".

Подвигаясь впередъ, мы встрѣчаемся съ картинами, еще болѣе печальными. На послѣднихъ страницахъ *За рубежомъ* появляется на сцену „торжествующая свинья", появляются на сцену „литературные клоповники". Свинья не только допрашиваетъ Правду, но и издѣвается надъ нею, „сыскиваетъ ее своими средствами", гложетъ ее съ громкимъ чавканьемъ, coram populo, нимало не стѣсняясь. И въ прежнія времена

„правда, дѣйствующая въ кварталахъ, представлялась обязательною но никому не приходило въ голову утверждать, что правду высшую, человѣческую, слѣдуетъ заковать въ кандалы... А нынче—послушайте, какая трель всенародно раздастся изъ любого литературнаго клоповника! Мыслить не полагается! добрый сынъ отечества обязывается предаваться установленнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ и затѣмъ насыщаться, переваривать и извергать. Всякій же, кто обнаружитъ попытку мышленія, будетъ яко пособникъ, укрыватель и соучастникъ злодѣйскихъ замысловъ... Неужто же мы такъ и останемся при этихъ хлѣвныхъ идеалахъ?.. Помилуйте! вѣдь, насъ, наконецъ, всѣхъ, отъ мала до велика, вша заѣстъ! Мы разучимся говорить и начнемъ мычать! Мы будемъ въ состояніи только совершать обрядныя тѣлесныя упражненія, не понимая ихъ значенія, не умѣя ни направлять ихъ, ни пользоваться какими-нибудь результатами! Мы будемъ хлѣбъ сѣять на камнѣ, а навозъ валить во́ щи!.. Наши консервативные клоповники хлопочутъ, въ сущности, только объ одномъ: о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ народнаго порабощенія; но они знаютъ, что встрѣтятъ на пути противниковъ, которымъ дѣйствительно ненавистно народное порабощеніе. Стало-быть, прежде всего нужно упразднить этихъ людей, стереть ихъ съ лица земли, обрызгать „слюною бѣшеной собаки". А для этого, необходимо сдѣлать ихъ подозрительными, дать имъ кличку, воспользоваться всѣми неясностями и недоразумѣніями жизни, чтобы наплодить массу новыхъ неясностей и недоразумѣній. И когда травля будетъ надлежащимъ образомъ организована, тогда... Что будетъ тогда—клоповники сами не уяснятъ себѣ. Они не прозираютъ въ будущее, а преслѣдуютъ лишь ближайшія и непосредственныя цѣли! Поэтому ихъ даже не пугаетъ мысль, что *тогда* они должны будутъ очутиться лицомъ къ лицу съ пустотой и безсиліемъ. Пока мѣстъ, они удовлетворены уже тѣмъ, что ненавидѣть могутъ свободно. И дѣйствительно, они ненавидятъ все, за исключеніемъ своей ненависти. Ненавидятъ завтрашній день, потому что тайна, которую онъ хранитъ въ нѣдрахъ своихъ, мѣшаетъ имъ безумно предаться удовлетворенію инстинктовъ человѣконенавистничества; ненавидятъ своихъ собственныхъ дѣтей, потому что видятъ въ нихъ пособниковъ и соучастниковъ завтрашняго дня. Собственно говоря, нельзя представить себѣ положенія болѣе ужас-

наго. Быть осужденному на вѣчное омертвѣніе и знать, что тутъ же рядомъ нѣчто страдаетъ, изнываетъ, стонетъ, но все-таки живетъ—развѣ можно представить себѣ казнь болѣе жестокую, нежели это пустоутробное, пустомысленное и клокочущее самодовлѣющей злобой существованіе!"

Въ приведенныхъ нами словахъ изображеніе „литературныхъ клоповниковъ" возвышается до трагизма; комическую ихъ сторону—комическую, впрочемъ, только по формѣ—мы видимъ въ одиннадцатомъ *Письмѣ къ тетенькѣ*. Оно посвящено характеристикѣ газеты, основанной Ноздревымъ,—газеты, носящей знаменательное названіе „Помоевъ". Отличительная черта этого органа—

„непререкаемая и даже, можно сказать, наглая увѣренность въ авторитетности и долговѣчности. Ужъ мнѣ-то не заградятъ уста! Я-то, вѣдь, до скончанія вѣковъ говорить буду!—такъ и брызжетъ между строками... Тактика Ноздрева заключается въ слѣдующемъ. По всякому вопросу непремѣнно писать передовую статью, но не затѣмъ, чтобы выяснить самую сущность вопроса, а единственно ради того, чтобы высказать по поводу его „русскую точку зрѣнія". Разумѣется, выищутся люди, которые тронутся такимъ отношеніемъ къ дѣлу и назовутъ его недостаточнымъ—тогда подстеречь удобный моментъ и закричать: караулъ! Въ виду неизбѣжныхъ перетолкованій, самая приличная роль приличныхъ органовъ прессы по отношенію къ „Помоямъ"—это молчаніе. *Клевету* въ журналистикѣ Ноздревъ не признаетъ: „журналистика,—говоритъ онъ въ откровенной бесѣдѣ,—поле для всѣхъ открытое, гдѣ всякій можетъ свободно оправдываться, опровергать и даже, въ свою очередь, клеветать. Безъ этого немыслимо издавать мало-мальски *живую* газету. Но главное, надо же, наконецъ, за умъ взяться. Пора разъ навсегда покончить съ этими гнѣздами разъѣвшагося либерализма, покончить такъ, чтобъ они ужъ не воскресли. Щадить врага—это самая плохая политика". Находятся люди, которые называютъ Ноздрева умницей: „мерзавецъ, говорятъ, но уменъ; знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и понимаетъ, что̀ по нынѣшнему времени требуется. Стало-быть, будетъ съ капитальцемъ".

Авторъ *Писемъ къ тетенькѣ* согласенъ съ этимъ мнѣніемъ только отчасти; онъ допускаетъ пріобрѣтеніе Ноздревымъ „капитальца", но не считаетъ его умницей. Забывъ о переходчивости временъ, „Ноздревъ обнаружилъ себя до того, что даже виноградная листа ему достать не откуда, чтобы прикрыть, въ крайнемъ случаѣ, свою наготу".

Брезгливая изолированность и союзъ человѣконенавистничества съ нахальствомъ—вотъ двѣ крайнія точки, между которыми вращается у г. Салтыкова исторія русской литературы. Гдѣ же выходъ изъ положенія, обрисованнаго имъ съ такою поразительною силой? Средство поднять уровень литературы ея друзья видятъ, обыкновенно, въ свободѣ пе-

чати—а подъ свободой печати, осуществимой въ наше время понимается, обыкновенно, подчиненіе ея исключительно суду и закону. Г. Салтыковъ не раздѣляетъ этого послѣдняго взгляда. Когда, въ концѣ 1880 г., всѣ заговорили о предстоящихъ для печати льготахъ, автора *За рубежомъ* смущалъ вопросъ, будетъ ли судъ по дѣламъ печати судомъ, свойственнымъ всѣмъ русскимъ гражданамъ, или судомъ экстраординарнымъ, свойственнымъ одной литературѣ? и какого рода „скорпіонами" будетъ тотъ судъ вооруженъ? Не худо было бы заявить,—думалъ онъ,—что „отъ суда мы не прочь, но только нельзя ли постараться, чтобы оный вмѣстить было можно?"

„Для меня,—читаемъ мы дальше,—не лишено важности то обстоятельство, что въ теченіе почти тридцатипятилѣтней литературной дѣятельности я ни разу не сидѣлъ въ кутузкѣ. Но не придется ли познакомиться съ кутузкой теперь, когда литературу ожидаетъ покровительство судовъ?.. Я боюсь кутузки по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, тамъ должно-быть сыро, непріятно, темно и тѣсно; во-вторыхъ, кутузка, несомнѣнно, должна воспитывать цѣлую тучу клоповъ. Право, я положительно не знаю такого тяжкаго литературнаго преступленія, за которое совершившій его могъ бы быть отданнымъ въ жертву сырости и клопамъ".

Для того, чтобы отдача подъ судъ за проступокъ печати была „дѣйствительнымъ наслажденіемъ, а не перифразой исконнаго русскаго озорства", представлялось бы, по мнѣнію автора, небезполезнымъ „обставить это дѣло нѣкоторыми иллюзіями, а именно: 1) чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъестественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такіе же, какъ для татей; 3) чтобы кутузки ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось. Ежели эти мечтанія осуществятся, да еще ежели денежными штрафами не слишкомъ донимать будутъ, то будетъ совсѣмъ хорошо". Годъ спустя, при измѣнившихся уже обстоятельствахъ, г. Салтыковъ остается вѣренъ прежнему мнѣнію: „если бы мы были простые тати, говоритъ онъ въ первомъ *Письмѣ къ тетенькѣ*,—я бы и самъ скоро суда запросилъ. Но, вѣдь, мы, тетенька, *разбойники печати*"...

Прошелъ еще годъ—обстоятельства измѣнились еще разъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно уяснился, по крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ, вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ „покровительства" административнаго и судебнаго. Съ

теоретической точки зрѣнія, противъ трехъ „иллюзій“ г. Салтыкова нельзя сказать ни слова —но, вѣдь, печать обитаетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, существованіе ея обусловливается не иллюзіями, а до крайности реальными фактами. Оставаясь на этой почвѣ, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, примириться съ мыслью о „кутузкѣ“. Лично для литераторовъ кутузка была бы весьма непріятна, это безспорно; имъ пришлось бы познакомиться съ клопами (уже не въ переносномъ смыслѣ слова), надышаться сырымъ воздухомъ, пріучить глаза къ полутемнотѣ—а кто же не предпочелъ бы остаться свободнымъ отъ подобныхъ экспериментовъ? Выше интереса литераторовъ стоитъ, однако, интересъ литературы; если нужно сдѣлать выборъ между кутузкой для первыхъ и тисками для послѣдней, то колебаніе едва ли мыслимо. Прекрасно, идеально-хорошо было бы соединеніе неприкосновенности автора съ неприкосновенностью печатнаго слова; но если, до поры до времени, нельзя обойтись безъ пожертвованія одною изъ нихъ, то съ меньшимъ ущербомъ для цѣлаго можетъ быть принесена въ жертву неприкосновенность автора. „Бей, да слушай“, сказалъ нѣкогда герой классической древности; „Отправляйте насъ въ въ кутузку, но не запрещайте говорить“ —могутъ сказать по его примѣру, хоть и безъ всякаго геройства, современные литераторы. Если бы и можно было вообразить себѣ кутузку, поглощающую заразъ всѣхъ литераторовъ извѣстнаго оттѣнка, то на мѣсто ихъ сейчасъ явились бы другіе, и начатая рѣчь продолжалась бы безъ перерыва; при системѣ, обходящейся безъ кутузки, возможно безслѣдное (конечно, на время) исчезновеніе даннаго взгляда, безусловное молчаніе данной литературной группы. Снисходительности „разбойники печати“ ни отъ кого и ни откуда ожидать не могутъ; но намъ сдается все-таки, что при господствѣ „судебныхъ скорпіоновъ“ — въ чистомъ видѣ, безъ посторонней примѣси — скорѣе бы насталъ конецъ тому чудовищному недоразумѣнію, которому обязано своимъ бытіемъ самое понятіе о „разбойникахъ печати“. О естественности или сверхъестественности суда по дѣламъ печати теперь говорить не время; замѣтимъ только, что какъ ни справедливо, въ принципѣ, требованіе суда, равнаго для литераторовъ и для татей, мы помирились бы даже съ нѣкоторыми отступленіями отъ этого равенства, лишь бы только были сохранены

въ силѣ существенныя судебныя гарантіи — независимость суда, равноправность сторонъ, гласность судопроизводства, непоколебимость окончательнаго приговора. Совершенно фиктивны и безплодны были бы только такія реформы въ области законодательства о печати, которыя регулировали бы произволъ, установляли бы правила для „усмотрѣнія“— однимъ словомъ, пытались бы обнять необъятное. Къ подобнымъ реформамъ вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова г. Салтыкова, хотя они и сказаны по другому поводу:

„Прежде говорили—человѣкъ смертенъ двояко; во-первыхъ, по божескому произволенію, и во-вторыхъ, по усмотрѣнію; а нынѣ, къ послѣдней части этого положенія прибавляютъ: по правиламъ, о Макарѣ, телятъ не гоняющемъ, установленнымъ. Кажется, маленькая прибавка сдѣлана (многіе даже „упорядоченіемъ“ ее называютъ или „введеніемъ произвола въ рамки законности“), а какая въ ней чувствуется обида! Прежнее положеніе о порядкѣ пристиженія смертью принадлежало къ области права обычнаго, а не писаннаго. И вдругъ партикулярному человѣку не только во всеуслышаніе напоминаютъ, что онъ двояко смертенъ, но еще прибавляютъ, что по сему предмету существуютъ какія-то правила! Ужели это не обида? А кромѣ того, и страхъ, потому что, если разъ на бумажкѣ написано „смертенъ“, такъ ужъ прямо, значитъ, и заруби у себя на носу: теперь, братъ, не пронесетъ“ (см. послѣднее *Письмо къ тетенькѣ*).

Все это такъ, пока идетъ рѣчь объ установленіи формъ для Макара, телятъ не гоняющаго, т.-е. для силы по преимуществу безформенной; но совсѣмъ не о томъ мечтала печать, въ эпоху ожиданія „кутузки“.

Итакъ, рискуя страннымъ, съ перваго взгляда, сопоставленіемъ понятій, мы рѣшаемся утверждать, что открытіе передъ *литераторами* дверей въ вещественную кутузку было первымъ шагомъ къ освобожденію *литературы* изъ той невещественной кутузки „пустяковъ“, въ которую она засѣла по окончаніи періода „изолированности“. Само-собою разумѣется, что „общеніе литературы съ пустяками“ не должно быть понимаемо буквально. Совершенно чуждою „существеннымъ интересамъ жизни“ литература никогда не была; до извѣстной степени она всегда могла ихъ касаться и всегда пользовалась этою возможностью. Мысль сатирика, отдѣленная отъ гиперболической оболочки, заключается въ томъ, что вступленіе на „практическую арену“, суженную и загроможденную преградами всякаго рода, внесло въ литературу, съ одной стороны, пристрастіе къ мелочамъ, наклонность раздувать ихъ во что-то важное и крупное, съ другой стороны — обиліе низменныхъ стремленій, прежде прятав-

шихся по угламъ, теперь беззастѣнчиво протискивающихся впередъ и не боящихся солнечнаго свѣта. Радикально измѣнить положеніе литературы можетъ, слѣдовательно, только включеніе въ ея область „существенныхъ интересовъ жизни“, на равныхъ правахъ съ „пустяками“. Совершенно соглашаясь съ этою мыслью, мы идемъ дальше и говоримъ: если расширеніе сферы, доступной для литературы, и соединенное съ нимъ поднятіе литературнаго уровня возможно, въ настоящее время, лишь подъ условіемъ личной отвѣтственности литераторовъ, т.-е. подъ условіемъ „кутузки“, то кутузка, со всею своею сыростью и со всѣми своими клопами, должна быть предметомъ нашихъ вожделѣній. Да здравствуетъ кутузка, если только ей суждено положить конецъ преобладанію „пустяковъ“ въ литературѣ!

Изучая причины упадка нашей литературы, г. Салтыковъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній (одиннадцатое *Письмо къ тетенькѣ*), коснулся вопроса о вторженіи „улицы“ въ литературу — вопроса въ высшей степени важнаго, тѣсно связаннаго со взглядомъ сатирика на толпу, на массу, на ея значеніе въ народной жизни.

„Ноздрева провела въ литературу улица... Улица заявила о своемъ рожденіи уже на нашихъ глазахъ. Она создалась сама-собою, вдругъ, безъ всякаго участія со стороны литературы. Послѣдняя, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, была до того истощена, измучена и отуманена, что при появленіи улицы даже не выказала особенной способности къ уясненію своихъ отношеній къ ней... Улица съ перваго же раза зарекомендовала себя безсвязнымъ галдѣніемъ, неизменною несложностью требованій, живостью предразсудковъ, дикостью идеаловъ, произвольностью отправныхъ пунктовъ и, наконецъ, какою-то удручающею безграмотностью. Но въ то же время та же улица высказала и чуткость: а именно, она отлично поняла, что литература для нея необходима, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, всею массой хлынула, чтобы овладѣть ею“. Перевѣсъ оказался на сторонѣ улицы, „не только не заподозрѣнной, но прямо, какъ на преимущество, ссылающейся на родство своихъ идеаловъ съ идеалами управы благочинія. Съ появленіемъ улицы, литература, въ смыслѣ творчества, не замедлила совсѣмъ сойти со сцены, отчасти за недоступностью новыхъ мотивовъ для разработки, отчасти за общимъ равнодушіемъ ко всему, что не прикасается непосредственно къ уличному галдѣнію... По наружности, кажется, что никогда не бывало въ литературѣ такого оживленія, какъ въ послѣдніе годы; но, въ сущности, это только шумъ и гвалтъ взбудораженной улицы, это нестройный хоръ обострившихся вожделѣній, въ которомъ главная нота принадлежитъ подозрительности, сыску и безшабашному озлобленію... Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, улица представляетъ собою

только матеріалъ для литературы, а у насъ, напротивъ, она господствуетъ надъ литературой. Во всѣхъ видахъ господствуетъ: и въ видѣ частной инсинуаціи, частнаго насилія, и въ видѣ непререкаемо возбраняющей силы... Улицей овладѣлъ испугъ, и она ищетъ освободиться отъ него во что бы то ни стало... Она хочетъ, чтобы торжество досталось ей даромъ или, во всякомъ случаѣ, стоило какъ можно меньше. Дешевле и проще плющильнаго молота ничего мракомъ временъ не завѣщано—вотъ, она и приводитъ его въ дѣйствіе, не разбирая, что и во имя чего молотъ плющитъ... Не думайте, однакожъ, что я пишу обвинительный актъ противъ возникновенія улицы и противъ ея вторженія въ литературу—напротивъ того, я отлично понимаю и неизбѣжность, и несомнѣнную законность этого факта. Невозможно, чтобы улица вѣчно оставалась подъ-спудомъ; какъ только появились сколько-нибудь подходящія условія, улица и воспользовалась ими, чтобъ засвидѣтельствовать о себѣ. Она создалась сама-собою, потому что имѣла право на самосозданіе. Мало того, что она сама создалась—она втянула въ себя и табель о рангахъ, которая еще такъ недавно не признавала ея существованія". Если требованія улицы низменны, отправные пункты дики и произвольны, то это объясняется фатальнымъ закономъ, въ силу котораго „первая стадія развитія всегда принимаетъ формы ненормальныя и даже уродливыя". „Состояніе хаотической взбудораженности, въ которомъ улица нынѣ находится, можетъ привести ее только къ глухой стѣнѣ—и разъ это случится, самая невозможность итти далѣе заставитъ ее очнуться. И тогда же начнется провѣрка руководившихъ ею идеаловъ, а затѣмъ и несомнѣнное ихъ упраздненіе".

Мы стоимъ здѣсь передъ одною изъ тѣхъ, сравнительно немногихъ страницъ щедринской сатиры, которыя даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ и нуждаются въ комментаріяхъ. Лучшій матеріалъ для комментаріевъ—это прежнія сочиненія г. Салтыкова. Понятія объ *улицѣ*—въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребено въ *Письмахъ къ тетенькѣ*,—мы въ нихъ не находимъ, но часто встрѣчаемся, зато, съ несомнѣнно близкимъ къ нему представленіемъ о *толпѣ*. Толпа выступаетъ на сцену уже въ предисловіи къ *Сатирамъ въ прозѣ*, подъ общимъ именемъ Ивапушекъ; она присутствуетъ, безмолвно и пассивно, при возмутительной кулачной расправѣ. Отличительная ея черта—„непреклонная вѣра въ роковую неизбѣжность силы" *(Къ читателю)*. Такою же является толпа и въ *Признакахъ времени*.

„Торжество силы,—читаемъ мы въ „Литературномъ положеніи",—еще отнюдь не утратило, въ глазахъ толпы, рѣшительнаго своего вліянія. Въ сущности, ей очень мало дѣла до внутренняго содержанія торжества; ей нравятся его внѣшнія декораціи. Труба трубитъ, штандартъ скачетъ, а затѣмъ, Гарибальди или Францискъ въѣзжаетъ въ Неаполь—толпа одинаково зѣваетъ, одинаково плещетъ руками". Когда въ городѣ Навозномъ падали либералы, подъ ударами Ѳеденькинаго: *фютъ*, какъ относилась къ этому масса обывателей? „Въ глазахъ большинства, это были единичныя

жертвы, отъ исчезновенія которыхъ городу было ни тепло ни холодно. Оеденька старался своимъ преслѣдованіямъ придать характеръ борьбы съ безвѣріемъ и непризнаніемъ властей. А такъ какъ обыватели Навознаго искони боялись вольнодумства пуще огня, то они не только не обращали вниманія на вопли жертвъ, но, напротивъ, хвалили Оеденьку и подстрекали его къ новымъ подвигамъ" (*Помпадуръ борьбы*). „Средній человѣкъ, человѣкъ стадный, вырванный изъ толпы,—говоритъ г. Салтыковъ въ *Дневникѣ провинціала*,—это представитель той безразличной, малочувствительной къ высшимъ общественнымъ интересамъ массы, которая во всякое время готова даромъ отдать свои права первородства, но которая ни за что не поступится ни одною ложкой чечевичной похлебки, составляющей ея насущный хлѣбъ. Кромѣ этой похлебки, она ничего не знаетъ, и ужъ, конечно, тотъ потратилъ бы даромъ время, кто предпринялъ бы трудъ вразумить ее, что между правомъ первородства и чечевичною похлебкой существуетъ извѣстная связь, которая, скорѣе, послѣднюю ставитъ въ зависимость отъ перваго, нежели первое отъ послѣдней".

Еще безнадежнѣе, повидимому, взглядъ на сближеніе съ толпою, на единеніе съ народомъ, выраженный въ послѣдней главѣ: *За рубежомъ*.

„Не призыва требуетъ народъ, а подчиненія, не руководительства и ласки, а самоотреченія. Вы задаете себѣ задачу: міръ, валяющійся во тьмѣ, призвать къ свѣту; на массы, болящія и недугующія, пролить исцѣленіе. Но бываютъ историческія минуты, когда и этотъ міръ, и эти массы преисполняются угрюмостью и недовѣріемъ, когда они сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобы не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты, къ этому валяющемуся во тьмѣ и недугахъ міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою же самою проказой, которая грозитъ его истребить".

Какая печальная картина—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое раздолье для близорукихъ судей, для намѣренно-слѣпыхъ враговъ сатирика! Какой удобный случай для „благороднаго негодованія", для изліянія высокихъ чувствъ! Какъ легко, нападая на ненавистнаго писателя, выставить себя народолюбцемъ, защитникомъ униженной и оскорбляемой массы! Мы сейчасъ увидимъ, что никакихъ оскорбленій ей, въ сущности, не нанесено, что въ защитѣ—особенно въ *такой* защитѣ—она вовсе не нуждается. Заручимся прежде еще одною цитатой, игнорируемою доброжелательными критиками, но, какъ нельзя болѣе, знаменательною и вѣскою. Въ шестомъ *Письмѣ о провинціи*, констатировавъ еще разъ равнодушіе массы, раболѣпное тяготѣніе ея къ силѣ, г. Салтыковъ останавливается на другой сторонѣ медали.

„Негодуя на толпу,—говоритъ онъ,—и сознавая вполнѣ свое право на негодованіе, мы все-таки не можемъ скрыть отъ себя, что не въ другомъ

чемъ-нибудь, а именно въ ней, въ этой безсознательной толпѣ, заключается единственное основаніе нашей собственной силы... Есть что-то фаталистическое въ томъ, что мы всѣ завѣтныя свѣтлыя думы наши посвящаемъ именно забитой, малосмысленной и подчасъ жестокой толпѣ, что самый великій мыслитель именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности. Да, тутъ есть своего рода фатализмъ, объясняемый тою общечеловѣческою основой, которая именно и составляетъ соединительное звено между неразвитою толпой и наиболѣе развитою отдѣльною личностью. Исторія показываетъ, что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу. Это вовсе не значитъ, чтобъ эти люди идентифировались толпѣ, чтобъ они принимали ея инстинкты за руководящій законъ, а значитъ только, что мысль о толпѣ, какъ о конечной цѣли всякаго полезнаго человѣческаго дѣйствія, сообщила ихъ дѣятельности то живое содержаніе, котораго она не имѣла бы, если бы вращалась въ сферѣ отвлеченностей"... Необходимо „отыскать для массъ выходъ изъ той глубокой безсознательности, которая равно вредна для нея, какъ и для насъ". Средства къ достиженію этой цѣли „откроются сами собой всякому человѣку, взирающему на народъ не съ высоты безсмысленнаго величія". Одно изъ нихъ, это—„сближеніе съ народомъ, или, иными словами, симпатическое отношеніе къ тѣмъ разнороднымъ и безчисленнымъ убожествамъ, которыя оцѣпляютъ его жизнь... Сближеніе такого рода не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго; это не славянофильское любованіе какими-то таинственными задачами, это не ласкательство предразсудковъ потому только, что они родились въ народѣ; нѣтъ, это просто изученіе народныхъ нуждъ и представленій, сложившихся болѣе или менѣе своеобразно, но все-таки принадлежащихъ, несомнѣнно, взрослому человѣку. Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостаетъ, необходимо поставить себя на его точку зрѣнія—а для этого не требуется ни нагибаться ни кокетничать".

Эти слова написаны лѣтъ пятнадцать тому назадъ—но они сохраняютъ, въ нашихъ глазахъ, весь интересъ современности. Міросозерцаніе г. Салтыкова, въ главныхъ чертахъ, никогда не измѣнялось; не измѣнился—мы въ этомъ убѣждены—и взглядъ его на толпу, выраженный въ *Письмахъ о провинціи*. Сатирѣ, достойной этого имени, свойственно останавливаться на тѣневой сторонѣ явленій; она не идеализируетъ, не прекраснодушествуетъ, не открещивается отъ непріятныхъ или „низкихъ" истинъ, не отдаетъ себя во власть „насъ возвышающаго обмана". Она констатируетъ зло, гдѣ бы его ни встрѣчала; къ недостаткамъ массы она относится такъ же строго, какъ и къ недостаткамъ сословій, профессій, партій, общественныхъ группъ. Косность толпы, ея невѣжество, ея преклоненіе передъ торжествующею силой, ея преданность предразсудкамъ—все это факты, которыхъ

пельзя ни отрицать, ни забывать; они мечутся въ глаза, постоянно напоминаютъ о себѣ, вызываютъ или обусловливаютъ многое изъ того, что̀ служитъ мишенью для сатиры. Соціологъ или психологъ можетъ сдѣлать ихъ предметомъ спокойнаго, объективнаго изслѣдованія; сатирикъ слишкомъ возмущенъ ихъ безобразіемъ, слишкомъ пораженъ приносимымъ ими вредомъ, чтобы находить для нихъ на каждомъ шагу оправданіе или объясненіе, чтобы прерывать страстную рѣчь оговорками, смягченіями, чтобы соединять въ своемъ лицѣ обвиненіе съ защитой. Исторія всѣхъ литературъ, не исключая и русской, должна была бы научить чтенію между строками сатирическихъ произведеній, пониманію положительной ихъ подкладки, безъ подчеркиваній ея самимъ сатирикомъ; но для ограниченности, какъ и для ненависти, не существуетъ никакихъ поученій. Не видя или не желая видѣть ничего, кромѣ буквы, цѣпляясь за отдѣльныя слова, за отдѣльныя фразы, онѣ всегда готовы приписать сатирику далекую отъ него мысль, чуждое ему чувство. Страница, выписанная нами изъ *Писемъ о провинціи*, отличается отъ другихъ исключительно тѣмъ, что г. Салтыковъ является здѣсь не столько сатирикомъ, сколько публицистомъ. Онъ разсматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ—и договариваетъ то, что̀, въ сущности, подразумѣвается у него вездѣ и всегда. Какъ бы то ни было, эта страница освобождаетъ насъ отъ догадокъ и толкованій; она поможетъ намъ больше всего въ той работѣ, къ которой мы теперь приступаемъ.

Необходимость „сближенія съ народомъ“ была провозглашена г. Салтыковымъ гораздо раньше, чѣмъ большинствомъ современныхъ эксплуататоровъ этой формулы; она была провозглашена имъ тогда, когда великая идея не успѣла еще обратиться въ испошленную, затаскапную фразу. Не смѣшны ли, въ виду этого несомнѣннаго факта, тѣ вопли, которыми были встрѣчены слова сатирика о „тьмѣ и проказѣ“? Непрошенные защитники народа не только забыли прежнія произведенія г. Салтыкова—они не потрудились даже прочесть, какъ слѣдуетъ, тѣ немногія фразы, въ которыхъ они усмотрѣли преступленіе противъ величества націи. Тьма и проказа выставлены здѣсь не постоянными, неразлучными спутниками массы, а случайною принадлежностью ея *въ данную историческую минуту*. Сатирикъ вовсе

не думаетъ утверждать, что погруженіе во тьму и зараженіе проказой—необходимыя предварительныя условія для всякаго „единенія съ народомъ“; онъ говоритъ только, на образномъ своемъ языкѣ, что черезъ этотъ искусъ предстоитъ пройти тому, кто *теперь* захотѣлъ бы *съ успѣхомъ и безпрепятственно* приблизиться къ массѣ. Можно находить это положеніе преувеличеннымъ, не вполнѣ вѣрнымъ—но непозволительно смѣшивать его съ отрицаніемъ, въ принципѣ, самой возможности „сближенія“. Вся послѣдняя глава *За рубежомъ*—крикъ отчаянной скорби, вызванный зрѣлищемъ злобы, испуга и умственной смуты. Среди этой смуты громко раздавался призывъ къ общенію съ народомъ,—призывъ, варіантомъ котораго служило восклицаніе: „назадъ! домой!“. Соединять понятіе о народѣ съ понятіемъ о регрессѣ, значило, очевидно, поднимать на щитъ именно тѣ особенности массы, которыя тянутъ ее внизъ, стоятъ между нею и свѣтомъ,—именно, тѣ характеристическія черты толпы, съ которыми издавна вела борьбу щедринская сатира. Удивляться ли, затѣмъ, отпору, встрѣченному лже-народническою пропагандой со стороны г. Салтыкова? Краски, въ которыхъ имъ изображенъ народъ, относятся, собственно говоря, только къ этой пропагандѣ; народъ, обрѣтающійся во „тьмѣ и проказѣ“—это, въ глазахъ сатирика, не столько народъ реальный, сколько народъ сочиненный и возведенный на степень фетиша, для вящшей выгоды фетишистовъ.

Что значатъ, однако,—можетъ спросить насъ кто-нибудь изъ фетишистовъ,—указанія сатирика на „непостижимое упорство массы“? Что значатъ жалобы его на то, что народъ „требуетъ не руководительства, а самоотреченія“? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что сатирику или его друзьямъ хотѣлось бы двигать народъ какъ пѣшку, по произвольно начертанному для него пути, а народъ не спѣшитъ подчиняться ихъ желанію, и именно за то подвергается гнѣвному обвиненію въ упорствѣ? Отвѣтомъ на всѣ эти вопросы служитъ извѣстный намъ уже взглядъ автора *Писемъ о провинціи* на сближеніе съ народомъ. Стремленіе облагодѣтельствовать народъ безъ его вѣдома или даже вопреки его волѣ предполагаетъ такое высокомѣрное отношеніе къ массѣ, противъ котораго прямо протестуетъ г. Салтыковъ. Онъ признаетъ необходимымъ „поставить себя на точку зрѣнія народа“, изучить не только его нужды, но и

его представленія—„представленія болѣе или менѣе своеобразныя, но все-таки принадлежащія, несомнѣнно, взрослому человѣку“. Опекуны народа, въ какую бы сторону они ни предполагали повести своего питомца, должны, во всякомъ случаѣ, считать его несовершеннолѣтнимъ, потому что несовершеннолѣтіе — единственное основаніе, единственная raison d'être для опеки. Провозглашать народъ „взрослымъ человѣкомъ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держать въ карманѣ готовую для него указку—это было бы противорѣчіемъ слишкомъ явнымъ, чтобы быть вѣроятнымъ; непослѣдовательность не принадлежитъ, притомъ, къ числу недостатковъ г. Салтыкова. Руководительство, о которомъ идетъ рѣчь въ разбираемомъ нами мѣстѣ—это очевидно, не что иное, какъ „симпатическое отношеніе къ тѣмъ разнороднымъ и безчисленнымъ убожествамъ, которыя оцѣпляютъ жизнь народа“. Освободиться отъ нихъ безъ помощи меньшинства масса едва ли можетъ; она сознаетъ и чувствуетъ ихъ, но пріисканіе средствъ къ ихъ устраненію составляетъ задачу, большею частью для нея непосильную. Найти эти средства, значитъ привести народъ къ желанной цѣли—но найти ихъ меньшинство, въ свою очередь, можетъ только въ взаимнодѣйствіи съ народомъ. Все идущее наперекоръ такому взаимнодѣйствію, все поддерживающее и усиливающее рознь между интеллигенціей и массой, должно быть признано законнымъ достояніемъ сатиры. Самоотреченіе, противъ котораго возстаетъ г. Салтыковъ, есть отреченіе отъ сознательной мысли; право, которое онъ хочетъ сохранить за меньшинствомъ—это право на умственную свободу, единственное право, котораго нельзя принести въ жертву даже интересамъ массы. Правильно понятые, эти интересы никогда, впрочемъ, и не могутъ требовать подобнаго жертвоприношенія.

Симпатическое отношеніе къ убожествамъ массы не всегда идетъ рука-объ-руку съ живой любовью къ народу,—къ народу не въ идеѣ, не въ идеалѣ, а въ дѣйствительности, иногда суровой и неприглядной. Можно желать добра народу, можно служить ему словомъ и дѣломъ—и все-таки видѣть одни дурныя его стороны, внушающія сожалѣніе, состраданіе, но не сочувствіе. Такъ ли относится къ нему г. Салтыковъ? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только прочесть рѣчь сельскаго учителя на фантастическомъ юбилейномъ обѣдѣ крестьянина Мосенча *(Сонъ въ лѣтнюю*

ночь, въ *Сборникѣ*). Она можетъ быть поставлена на одинъ рядъ съ лучшими страницами некрасовской поэмы: „Кому на Руси жить хорошо“; она не только отвѣчаетъ на вопросъ, хорошо ли живется крестьянскимъ дѣтямъ, крестьянкамъ, самимъ крестьянамъ—она возвышается до лиризма, немыслимаго безъ глубокаго чувства.

„Исторія отмѣтила много видовъ геройства и самоотверженности, но забывала объ одномъ: о геройствѣ и самоотверженности русской крестьянской женщины. Это—скромное, безпримѣрное геройство, никогда не прекращающееся, не ослабѣвающее ни при первомъ крикѣ пѣтела, ни при третьемъ. Это—геройство, замкнутое въ тѣсныхъ предѣлахъ крестьянскаго двора, но всегда стоящее на стражѣ и готовое встрѣтить врага... Кто видитъ слезы крестьянки? Кто слышитъ, какъ онѣ льются капля по каплѣ, подтачивая драгоцѣннѣйшее человѣческое существованіе? Ихъ видитъ и слышитъ только русскій крестьянскій малютка, но въ немъ онѣ оживляютъ нравственное чувство и полагаютъ въ его сердцѣ первыя сѣмена любви и добра“.

Самая мысль, лежащая въ основаніи *Сна въ лѣтнюю ночь* едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Интеллигентный человѣкъ потрудится десять, пятнадцать, много—двадцать пять лѣтъ—и уже чувствуетъ потребность чествованія, хотя бы дѣятельность его немногимъ отличалась отъ дѣятельности Максима Петровича Севастьянова, помощника экзекутора департамента Препонъ. Крестьянинъ работаетъ всю жизнь, не покладая рукъ—и работа его проходитъ незамѣченною, принимается другими, да и имъ самимъ, какъ нѣчто должное, разумѣющееся само-собою. Прологомъ къ сновидѣнію о крестьянскомъ юбилеѣ недаромъ служитъ доношеніе волостного писаря Дудочкина; финаломъ сновидѣнія—звонъ колокольчика и восклицаніе: „А, голубчики!“.

„Кромѣ установленныхъ правительствомъ воскресныхъ и табельныхъ дней,—пишетъ Дудочкинъ господину приставу второго стана,—учитель и священникъ, и прежде замѣченные мною въ приватныхъ толкованіяхъ, дерзостно придумали ввести еще праздновать добродѣтели и другимъ мужицкимъ якобы качествамъ... И 15-го сего іюля долженъ быть у насъ сей новый праздникъ, и чѣмъ оный кончится и въ чемъ будетъ состоять—того заранѣе опредѣлить нельзя... И мое мнѣніе таково, чтобъ мужикамъ потачки не давать, но дабы они впослѣдствіи не могли отговориться невинностью, то дать имъ покуражиться и весь образъ мыслей выполнить, а потомъ и накрыть съ поличнымъ по надлежащему“.

Мнѣніе Дудочкина принято начальствомъ—и вотъ почему сельскій учитель не успѣлъ досказать своей рѣчи о крестьянской „добродѣтели“.

„Негодуя на толпу,—говоритъ г. Салтыковъ въ *Письмѣ*

изъ провинціи,—и сознавая вполнѣ свое право на негодованіе"...
Остановимся на этихъ словахъ: они знаменуютъ собою единственную слабую сторону разбираемаго нами взгляда. Негодованіе—чувство, не всегда поддающееся разсужденію; овладѣвая человѣкомъ съ непреодолимою силой, оно не разбираетъ правыхъ и виноватыхъ, не взвѣшиваетъ мѣру и степень вины, обрушивается на все, препятствующее достиженію желанной цѣли. Становясь на точку зрѣнія сатирика, мы вполнѣ понимаемъ негодованіе, иногда внушаемое ему толпою—ея вялостью, ея инерціей, внезапно уступающею мѣсто короткому, стихійному порыву; мы готовы даже признать за нимъ *право на негодованіе*, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно говорить о правахъ страсти, въ смыслѣ естественной связи между напряженностью чувства и энергіей его выраженія. Отъ этого права до права, основаннаго на сознаніи, еще весьма далеко. Сознаніе предполагаетъ анализъ явленій, вызывающихъ чувство—а такой анализъ едва ли можетъ оставить мѣсто для негодованія противъ толпы. Ея недавнее прошедшее, объясняя вполнѣ всѣ мало привлекательныя ея свойства, снимаетъ съ нея всякую отвѣтственность за ея дѣйствія, и тѣмъ болѣе за ея бездѣйствіе. Не можетъ быть, чтобы этого не понималъ г. Салтыковъ—но горячность, съ которою онъ воспринимаетъ впечатлѣнія минуты, заставляетъ его, по временамъ, упускать это изъ виду. Мы не ставимъ ему въ вину невольной забывчивости—она неразрывно соединена съ той силой убѣжденія и увлеченія, въ которой коренится главная мощь щедринской сатиры; мы только намѣчаемъ черту, необходимую для полноты оцѣнки. Сатирику ненавистенъ застой, онъ рвется впередъ, къ лучшему будущему; однимъ изъ задерживающихъ элементовъ на этомъ пути, безспорно, является толпа—отсюда гнѣвъ, не всегда сдерживаемый въ строго-законныхъ предѣлахъ. Въ сравненіи съ тѣмъ взглядомъ на толпу, который отразился въ *Нашихъ глуповскихъ дѣлахъ (Сатиры въ прозѣ)* и отчасти въ *Исторіи одного города*, позднѣйшія произведенія г. Салтыкова представляютъ, впрочемъ, замѣтный поворотъ къ безпристрастію, къ справедливости. Если онъ не говоритъ почти вовсе о положительныхъ сторонахъ народной жизни, если онъ не выставляетъ на видъ тѣхъ свѣтлыхъ народныхъ свойствъ, изученію которыхъ посвятила себя, въ послѣднее время, цѣлая группа беллетристовъ, то это объяс-

няется не столько предубѣжденіемъ противъ толпы, сколько самымъ характеромъ сатиры. Ея призваніе—раскрывать зло, а не рисовать утѣшительныя картины.

Установивъ отношеніе г. Салтыкова къ „толпѣ", мы можемъ возвратиться къ нашей исходной точкѣ—къ тому „вторженію улицы въ литературу", которое изображено въ *Письмахъ къ тетенькѣ*. На *сходство* „улицы" съ „толпою" мы указали съ самаго начала; теперь намъ предстоитъ опредѣлить, *тождественны* ли эти два понятія. „Живость предразсудковъ, несложность требованій, удручающая безграмотность"—всѣ эти отличительныя черты улицы, безспорно, свойственны и толпѣ. Вполнѣ подходитъ къ послѣдней и все сказанное сатирикомъ о правѣ улицы на самосозданіе, о ненормальныхъ формахъ, принимаемыхъ первою стадіей развитія, о предстоящей провѣркѣ уличныхъ идеаловъ. Ошибочно было бы, однако, заключать отсюда, что улица, въ устахъ г. Салтыкова—синонимъ толпы, массы, народа. Толпа еще не вторгалась въ литературу; ничто не предвѣщаетъ даже близости такого вторженія. Если „мужикъ", къ ужасу и огорченію Ѳеденекъ Неугодовыхъ, господствуетъ *въ литературѣ* (см. *Круглый годъ*), то это еще не значитъ, чтобы онъ господствовалъ *надъ литературой*, какъ господствуетъ надъ нею улица. Толпа еще слишкомъ скромна, слишкомъ запугана и забита, чтобы стремиться къ торжеству надъ кѣмъ и надъ чѣмъ бы то ни было. Она не прочь, пожалуй, взмахнуть „плющильнымъ молотомъ"—но только тогда, когда онъ будетъ кѣмъ-нибудь вложенъ ей въ руки или когда нѣчто необычайное выведетъ ее изъ обычной апатіи и дремоты. Возводить плющильный молотъ въ перлъ созданія, какъ самое простое и самое дешевое орудіе торжества, она рѣшительно не въ состояніи. Итакъ, улица—не толпа, по крайней мѣрѣ, не та толпа, съ которою мы прежде встрѣчались у г. Салтыкова; что же она такое? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она означаетъ ту промежуточную сферу, которая лежитъ между интеллигенціей и народомъ, соприкасаясь и съ тою и съ другимъ, захватывая и тамъ и тутъ родственные по духу элементы. Интеллигенція, льстящая худшимъ инстинктамъ толпы, примыкаетъ къ улицѣ, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, примыкаютъ къ ней выходящіе изъ народа Разуваевы и Деруновы. Въ противоположность безсознательному консерватизму толпы, улица

сознательно консервативна, въ смыслѣ охраненія собственныхъ своихъ интересовъ. Она пуглива, и жестока въ своей пугливости; она любитъ, чтобъ ее увеселяли, и не любитъ, чтобъ ей говорили правду или заставляли ее думать. Портретъ, снятый съ нея г. Салтыковымъ, несомнѣнно, схожъ съ подлинникомъ; остается только спросить себя, вѣрно ли опредѣлена роль улицы по отношенію къ литературѣ. Появленіе „улицы“ пріурочено г. Салтыковымъ къ началу пятидесятыхъ годовъ; это или слишкомъ поздно, или слишкомъ рано. Слишкомъ поздно, если начинать исторію улицы съ самыхъ раннихъ набѣговъ ея въ литературу, несомнѣнно, восходящихъ къ эпохѣ Булгарина и Греча; слишкомъ рано, если имѣть въ виду широкое развитіе уличныхъ вліяній. Въ концѣ пятидесятыхъ, даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ эти вліянія еще едва замѣтны. Первыя попытки основать „маленькую прессу“ остаются безъ успѣха (припомнимъ судьбу „Весельчака“ и другихъ, подобныхъ ему изданій); она пускаетъ корни только въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, почти одновременно съ появленіемъ „Вѣсти“ и обновленныхъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Дѣлежъ булгаринскаго наслѣдства, нѣсколько лѣтъ лежавшаго открытымъ, происходитъ именно около этого времени; „житейскую всякую всячину“ берутъ изъ него русскія копіи съ „Petit Journal“, русскіе подражатели Тимоте Тримма, а доспѣхи болѣе крупнаго колибра и политическаго, если можно такъ выразиться, свойства, переходятъ въ руки большихъ консервативныхъ или реакціонныхъ органовъ. Съ тѣхъ поръ значеніе улицы идетъ crescendo, достигая кульминаціонной точки около половины семидесятыхъ годовъ и удерживаясь на ней вплоть до настоящей минуты. О полномъ торжествѣ улицы, о господствѣ ея надъ литературой не можетъ, однако, быть и рѣчи; пессимизму сатирика дѣйствительность, безъ сомнѣнія, не свѣтлая, представляется уже чересчуръ мрачною. Литературу можно сравнить съ гостинымъ дворомъ, состоящимъ изъ длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ магазиновъ. Въ однихъ—приказчики громко зазываютъ публику, расхваливаютъ свой товаръ, бранятъ сосѣдскій и порочатъ самихъ сосѣдей; въ другихъ—торговля ведется спокойно, просто, безъ назойливости и бахвальства. Въ однихъ предлагается все бросающееся въ глаза, блещущее яркими, но быстро блекнущими красками, все модное, приспособленное къ господ-

ствующему вкусу, разсчитанное на спросъ данной минуты; въ другихъ соблюдается строгая коммерческая честность, допускающая только одну заботу—о доброкачественности товара. Нетрудно угадать, куда повалитъ „улица", въ особенности, если лавки второй категоріи будутъ, отъ времени до времени, закрываться помимо воли ихъ владѣльцевъ; но это еще не значитъ, чтобы побѣда принадлежала всецѣло лавкамъ перваго рода, чтобы улица повсюду и всѣмъ предписывала свои законы. „Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ,—говоритъ г. Салтыковъ,—улица представляетъ собою лишь матеріалъ для литературы". Это не совсѣмъ такъ: улица вездѣ вторгается въ литературу, только не въ равной степени и не съ одинаковымъ успѣхомъ. Развѣ „Figaro"—не порожденіе парижской улицы [1])? Не ей ли, именно, онъ служитъ, не отъ нея ли получаетъ великія и богатыя милости? Не доказываетъ ли его примѣръ, что въ исторіи литературы, какъ и въ исторіи обществъ, есть свои переживанія или выживанія, что литературное явленіе, созданное извѣстными условіями, можетъ уцѣлѣть и при совершенно другой обстановкѣ? Конечно, „Figaro" не пользуется никакими привилегіями; существованіе его обезпечено съ внѣшней стороны ничуть не больше, чѣмъ существованіе органовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ „улицей"; упомянувъ о немъ, мы хотѣли только доказать, что различіе между нашей литературой и другими, съ точки зрѣнія „уличныхъ" вліяній, скорѣе количественное, нежели качественное. Процвѣтаніе „улицы"—неблагопріятное обстоятельство, съ которымъ постоянно слѣдуетъ считаться, но не камень преткновенія, котораго нельзя было бы обойти. Побольше равенства въ условіяхъ конкуренціи—т.-е. побольше свободы печати—и „улица" перестанетъ быть опасною для тѣхъ, кто не считаетъ пужнымъ запгрывать съ нею. Она сохранитъ своихъ литературныхъ слугъ, но не будетъ мѣшать не-уличной литературѣ.

„Улица", въ щедринскомъ смыслѣ слова—это главный очагъ тѣхъ „шкурныхъ инстинктовъ", которые, несомнѣнно, играютъ большую роль въ современной жизни.

---

[1]) Слова: „парижская улица" возбуждаютъ въ насъ обыкновенно представленія совершенно другого рода—но мы употребляемъ ихъ здѣсь именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ объ „улицѣ" авторъ „Писемъ къ тетенькѣ".

„Боязнь за шкуру, за завтрашній день—вотъ основной тезисъ, изъ котораго отправляется современный русскій человѣкъ—и это смутное ожиданіе вѣчногрозящей опасности уничтожаетъ въ немъ не только позывъ къ дѣятельности, но и къ самой жизни. На первый взглядъ, тутъ кроется какъ бы противорѣчіе. Ежели человѣкъ тревожно цѣпляется за свой завтрашній день—стало-быть, онъ жаждетъ жить. Ничуть не бывало. Не жажда жизни заставляетъ трепетать, а просто, инстинктивная сердечная смута, которая, помимо сознанія, каждоминутно сосетъ и терзаетъ. Не завтрашняго дня жаль, а жутко при мысли, что, можетъ-быть, онъ будетъ, а, можетъ-быть, и не будетъ. Шкурный инстинктъ грозитъ погубить, если ужъ не погубилъ всѣ прочіе жизненные инстинкты... Невольно вырывается крикъ: неужто-все это есть, неужто ничего другого и не будетъ? Вѣдь, было же когда-то время, когда твердили, что безъ идеаловъ ступить нельзя! Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о „шкурѣ“, ни одинъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій“ (*За рубежомъ*).

Да, шкурный инстинктъ—это врагъ, съ которымъ необходимо бороться, врагъ тѣмъ болѣе опасный, что онъ таится въ насъ самихъ, опираясь на естественное чувство самосохраненія; не слѣдуетъ, однако, принимать слова сатирика au pied de la lettre, не слѣдуетъ возводить преувеличеніе, понятное и неизбѣжное въ сатирѣ, на степень черты, характеристичной для всего современнаго быта. Если бы безусловное господство шкурныхъ инстинктовъ было совершившимся фактомъ,—перемѣну къ лучшему, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, пришлось бы признать невозможною; въ обществѣ, поголовно объятомъ „боязнью за шкуру“, очевидно, нельзя предполагать способности къ самоуправленію. На самомъ дѣлѣ, къ счастію, рядомъ со шкурнымъ инстинктомъ, дѣйствуютъ и другіе, подобно тому, какъ въ литературѣ, рядомъ съ вліяніемъ „улицы“, остается мѣсто и для традицій, и для идеаловъ. Мы увидимъ, что въ болѣе спокойныя минуты такъ смотритъ на дѣло и самъ г. Салтыковъ.

К. К. Арсеньевъ.

Хандрящіе и ликующіе въ сатирѣ Щедрина [1]).

„Изолированность“, составлявшая нѣкогда отличительную черту русской литературы, имѣетъ до сихъ поръ своихъ представителей въ русскомъ обществѣ. Писатели сороковыхъ годовъ создали типъ „лишняго человѣка“, или, лучше сказать, прямо выхватили его изъ жизни; этотъ типъ еще не вымеръ, онъ только видоизмѣнился. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ *Дворянскихъ мелодіяхъ (Въ средѣ умѣренности и аккуратности)*, въ *Дворянской хандрѣ (Сборникъ)*, въ *Убѣжищѣ Монрепо*.

„Дворянскія мелодіи зародились уже давно, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Это было время, когда крѣпостное право царствовало въ полномъ разгарѣ, обезпечивая существованіе избранныхъ и доставляя всѣ удобства для украшенія ихъ досуговъ. И между тѣмъ—странное дѣло - молодые дворяне тосковали; ихъ сердца уже растворились и, слѣдовательно, требовали пищи—такой пищи, которая, хоть косвенно, соприкасалась бы съ крѣпостною дѣйствительностью и въ то же время не слишкомъ компрометировала бы тотъ общедворянскій жизненный складъ, отказаться отъ котораго совсѣмъ и не предполагалось. Экскурсіи въ область униженныхъ и оскорбленныхъ, которыми такъ богата была европейская литература того времени, представлялись въ этомъ смыслѣ пищей почти идеальной. Онѣ располагали сердца къ чувствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушали привычекъ. Отсюда—дворянскія мелодіи. Отличительныя свойства этихъ мелодій: слезливость, хорошій слогъ, обиліе околичностей, и въ то же время отсутствіе конкретнаго объекта. И какъ естественный результатъ всѣхъ этихъ свойствъ, взятыхъ вмѣстѣ,—неуловимость... Мелодіи эти раздаются и нынѣ, хотя съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже. Въ большинствѣ случаевъ, дворянскія мелодіи довольно свободно обратились въ дворянскія же рычанія, но все-таки существуютъ разсѣянныя по лицу земли стыдливыя единицы, которыя упорствуютъ и доднесь“.

Прежде въ „дворянскихъ мелодіяхъ“ была своего рода цѣльность—теперь она уступила мѣсто двоегласію. Въ нихъ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., № 4 („Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова“).

слышится то раскаяніе, то гордость, то самобичеваніе, то самооправданіе. Гордость или, по крайней мѣрѣ, самооправданіе преобладаетъ въ нихъ тогда, когда запоздалые пѣвцы сравниваютъ себя съ людьми „торжествующей современности".

„Есть почва,—говоритъ одинъ изъ пѣвцовъ,—на которой я довольно прилично могу примириться съ встревожившеюся совѣстью. Нѣтъ дѣятельнаго торжествующаго зла: право, и это не бездѣлица! Конечно, это не Богъ знаетъ какая почва, а скорѣе соломинка—но, въ качествѣ человѣка отживающаго, человѣка иныхъ пѣсней и иныхъ традицій, я хватаюсь за эту соломинку и возлагаю на нее великія надежды... Я могу себѣ сказать смѣло, что проявленія совѣсти, самоотверженности никогда не возбуждали во мнѣ позыва къ хохоту. Напротивъ того, я относился къ нимъ скорѣе благосклонно или, лучше сказать, опрятно, хотя и безсильно. Я понимаю, разумѣется, что безсиліе очень мало украшаетъ человѣка, но въ извѣстной обстановкѣ самое воздержаніе можетъ претендовать на названіе заслуги. Вѣдь, хохотъ (хохотъ надъ совѣстью, надъ самоотверженіемъ) не только жестокъ—онъ подозрителенъ, придирчивъ. Онъ не терпитъ никакой неясности и ежели, до поры до времени, позволяетъ воздержанію прозябать въ темномъ углу, куда загналъ его испугъ—то именно только до поры до времени, и притомъ въ видѣ безпримѣрнаго снисхожденія"... „Насъ слѣдуетъ благодарить уже за то,—восклицаетъ другой пѣвецъ,—что однимъ изъ главныхъ результатовъ нашего существованія былъ стыдъ. Мы ничего не можемъ! ничего не знаемъ!—вотъ восклицанія, которыя не сходятъ у насъ съ языка; восклицанія, сами-по-себѣ, не важны, но важно въ нихъ то, что они не дозволяютъ краскѣ стыда сойти съ нашихъ лицъ. Не за себя однихъ стыдимся мы, но и за другихъ—за всѣхъ. Стыдъ животворитъ. Безсильному онъ помогаетъ нести бремя жизни, сильному внушаетъ мысль о подвигѣ. Но, сверхъ того, онъ и прилипчивъ. Одинъ видъ стыдящагося человѣка, среди проявленій безстыжести, уже можетъ служить небезполезнымъ напоминаніемъ. Вотъ во имя чего стыдъ долженъ быть зачтенъ даже такому существованію, котораго кондуитный итогъ формулируется словами: ни зла, ни добра!"

Таковъ одинъ мотивъ изъ симфоніи дворянскихъ мелодій; переплетается съ нимъ, нарушаетъ его благозвучность другой, болѣе рѣзкій и строгій.

„Возможно ли, однажды сознавъ справедливость того или другого явленія, не итти на защиту его? или, сознавъ несправедливость его, не выступить на бой съ нимъ? Возможно ли успокоиться на одномъ сознаніи справедливости или несправедливости, и затѣмъ считать себя нравственно свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ? По моему мнѣнію, это возможно только въ одномъ случаѣ: когда человѣкъ сидитъ въ четырехъ глухихъ стѣнахъ, и когда ему ничего другого не остается, какъ утѣшаться тѣмъ, что и этимъ стѣнамъ не дано погасить въ немъ свѣточа мысли озаряющей даже непроглядный мракъ тюрьмы. Но людямъ, которые, во всякомъ случаѣ, пользуются свободой исполнять начальственныя распоряженія... Помилуйте! что же значитъ тогда „сознаніе"? Зачѣмъ „благородный образъ мыслей"? Къ чему вся эта комедія устремленій, порывовъ,

зубовныхъ скрежетовъ и слезъ?" Когда это настроеніе беретъ верхъ, пѣвцы дворянскихъ мелодій говорятъ другъ другу: „существовать и постыдно, и не зачѣмъ. Ни въ лагерѣ торжествующихъ, ни въ лагерѣ толкущихся мы одинаково не у мѣста. Мы способны лишь волноваться—да и не волноваться въ строгомъ смыслѣ слова, а только жалкія слова говорить. Но, вѣдь, это, наконецъ, и постыдно, и надоѣло. Ясно, что выходъ для насъ предстоитъ одинъ: уйти".

Дворянская хандра рисуетъ передъ нами, именно, этотъ выходъ изъ очарованнаго круга „дворянскихъ мелодій". Забыть, успокоиться, умолкнуть, заживо похоронить себя—вотъ цѣль, съ которою „гробокопатель" пріѣзжаетъ въ свою глухую усадьбу. И онъ когда-то порывался, совался, къ чему-то примазывался, кому-то предлагалъ свои услуги. Сначала къ нему снисходили, хотя въ этомъ снисхожденіи и чувствовался оттѣнокъ чего-то похожаго на изумленіе; потомъ онъ надоѣлъ, какъ надоѣли и всѣ „совавшіеся" вмѣстѣ съ нимъ.

„Все измѣнилось кругомъ насъ; спросъ на наши услуги вдругъ понизился до минимума, снисходительныя улыбки превратились въ откровенно-кислосладкія; одни мы не измѣнились и продолжали выказывать назойливѣйшую готовность итти въ огонь и въ воду. Тогда, чтобы отдѣлаться отъ насъ, пришлось употребить насильство... Что было потомъ—лучше не вспоминать. Скажу одно: человѣку, который гордо шелъ въ храмъ славы и вмѣсто того попалъ въ хлѣвъ—и тому едва ли пришлось испытать столько горечи. Нить жизни порвана, привычки нарушены, всѣ планы, всѣ стремленія, все, чѣмъ жилъ человѣкъ—все разомъ упразднено... „Пятое колесо въ колесницѣ"—кто первый выдумалъ это ужасное сравненіе? „Ничего не знаю", „ничего не могу"—кто возвелъ эти ужасныя слова въ доктрину? Куда бѣжать, куда провалиться отъ этихъ заплечныхъ афоризмовъ? И вотъ, навстрѣчу выдвигается... гробъ!"

Счастливъ, сравнительно, тотъ, для котораго гробъ уготованъ заранѣе, въ образѣ благопріобрѣтеннаго или, еще лучше, наслѣдственнаго Монрепо.

„Я чувствую себя хорошо,—говоритъ отшельникъ, устроившійся въ своемъ гробу.—Та страшная мысль, что я ничего не могу, ничего не знаю, что я пятое колесо въ колесницѣ, уже не терзаетъ меня такъ неотступно, какъ прежде. Имѣя впереди только гробъ, мнѣ не нужно ни мочь, ни знать; мнѣ нужно одно—чтобы молчаніе, объемлющее меня, не нарушалось ни единымъ призывомъ къ жизни... Одиночество имѣетъ втягивающую силу. Оно нашептываетъ думы, не имѣющія ничего общаго съ думами живыхъ людей. Что-то совершенно особенное: не скажу, чтобъ фантастическое или безсвязное, но никогда не кончающееся и притомъ доступное для безконечныхъ видоизмѣненій... Есть одна свѣтящаяся точка, въ которую неизмѣнно вперенъ взоръ—и этой одной точки совершенно достаточно, чтобы наполнить существо взирающаго до краевъ... Одиночество должно оказать мнѣ великую услугу: оно спасетъ меня отъ жизни. Умирать, хотя и заживо,

но во-время—не только необходимо, но и полезно, поучительно: я на этомъ стою. Я знаю, что вообще достойнѣе и сообразнѣе съ человѣческимъ назначеніемъ говорить: благо живущимъ! Но знаю также, что бываютъ такія изумительныя обстановки, въ которыхъ и умѣстнѣе, и приличнѣе говорить: благо умирающимъ и еще большее благо—умершимъ!"

Немного найдется въ нашей литературѣ произведеній, которыя производили бы столь сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь угнетающее впечатлѣніе, какъ *Дворянскія мелодіи* и, въ особенности, *Дворянская хандра*. Разгадку этого впечатлѣнія нельзя искать въ одномъ искусствѣ, съ которымъ изображены страданія современныхъ „лишнихъ людей", вѣчно колеблющихся, вѣчно сомнѣвающихся и находящихъ покой только въ полномъ отреченіи отъ надежды, отъ жизни. Пѣвцы дворянскихъ мелодій, воспитанные атмосферою сороковыхъ годовъ—несомнѣнно, типъ вымирающій; гробоискатели рѣдки и между ними. Отчего же картина ихъ безысходной скорби такъ болѣзненно дѣйствуетъ на душу? Отчего она отзывается въ насъ чѣмъ-то знакомымъ, будитъ въ насъ не то предчувствія, не то воспоминанія? Кто-то, не помнимъ, замѣтилъ по поводу Гамлета, что каждый чувствовалъ себя Гамлетомъ хоть нѣсколько минутъ въ продолженіе своей жизни, и что именно въ этомъ коренится больше всего обаяніе безсмертной трагедіи Шекспира. Нѣчто подобное можно сказать, toutes proportions gardées, и о двухъ разбираемыхъ нами сочиненіяхъ г. Салтыкова. *Дворянскія мелодіи*—названіе слишкомъ тѣсное для означаемаго имъ предмета. Это, въ значительной степени, мелодіи переходнаго времени, мелодіи средняго человѣка, отставшаго отъ одного берега и не приставшаго къ другому. Задача, лежащая на такомъ среднемъ человѣкѣ—далеко не гамлетовская; но относится онъ къ ней, сплошь и рядомъ, именно по-гамлетовски. Безсильный справиться съ нею, онъ безсиленъ и примириться съ своимъ безсиліемъ; его гнететъ смутная мысль о неисполненномъ долгѣ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ нея ни насмѣшкой, ни фатализмомъ, ни квіетизмомъ. До трагизма положеніе его, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не доходитъ, потому что его отвлекаетъ отъ гамлетовской думы злоба дня, житейская суета, обязательный трудъ; убаюкиваетъ его и привычка, утѣшаетъ его и та мысль, что стоять на распутьѣ обреченъ не онъ одинъ. Та интенсивность унынія, которую мы видимъ въ *Дворянской хандрѣ*, выпадаетъ, какъ

нѣчто постоянное, безповоротное, на долю немногихъ; но кому не случалось соприкасаться съ нею мимоходомъ, кому не случалось восклицать, съ искреннимъ, въ данную минуту, чувствомъ: „Благо умирающимъ! благо умершимъ!“ Читая *Дворянскія мелодіи*, *Дворянскую хандру*, современный человѣкъ переживаетъ вновь иногда еще свѣжія, иногда полузабытыя страницы собственнаго прошедшаго; передъ нимъ опять возстаетъ цѣлый рядъ „проклятыхъ вопросовъ“, возстаетъ дилемма: „самообвиненіе или самооправданіе?“ А что, если „кондунтный списокъ“ читателя не можетъ быть резюмированъ словами: „ни зла, ни добра“? если ему приходится спросить себя, имѣетъ ли онъ право даже на то дешевое успокоеніе, на которомъ останавливаются иногда пѣвцы дворянскихъ мелодій? если онъ прекратилъ „сованія“ и „порывы“ не по „независѣвшимъ обстоятельствамъ“, а по собственной волѣ, изъ любви къ „минутнымъ благамъ жизни“?.. Удивляться ли, затѣмъ, что *Дворянскія мелодіи* и *Дворянская хандра* принадлежатъ, какъ и *Больное мѣсто*, къ числу тѣхъ „рѣчей“, которымъ „безъ волненія внимать невозможно“—только не вслѣдствіе „темноты ихъ значенія“, а вслѣдствіе ихъ глубокой жизненной силы? Горечь впечатлѣнія смягчается, въ *Дворянскихъ мелодіяхъ*, только надгробнымъ словомъ, гармонически разрѣшающимъ длинный рядъ предшествующихъ диссонансовъ.

„Геройство не было въ привычкахъ этого человѣка, а, можетъ-быть, отсутствовало и въ самой природѣ его, но при этомъ нельзя не принять во вниманіе, во-первыхъ, традицій эстетизма и обезпеченности, на лонѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ, а во-вторыхъ, и того, что геройство вообще ни для кого необязательно. Это послѣднее соображеніе въ особенности вѣско, хотя, по недоумѣнію, довольно рѣдко принимается въ расчетъ“.

Совершенно вѣрно; но остается еще опредѣлить, необходимо ли „геройство“, чтобы въ итогахъ жизни оказалась не одна пустота, выражаемая формулой: „ни добра, ни зла“? Неужели нельзя достигнуть, и безъ геройства, менѣе отрицательнаго результата? А если можно, то во что обращается утѣшеніе, преподанное пѣвцомъ дворянскихъ мелодій?

Въ *Дворянской хандрѣ* нѣтъ даже такого полууспокоительнаго аккорда, какимъ заканчиваются *Дворянскія мелодіи*. Заживо-похороненный человѣкъ выходитъ на минуту изъ своего гроба, но только для того, чтобы увидѣть нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ гробъ—разбитое семейное счастье, рушившіяся надежды, старика, одинокаго среди развалинъ.

„Сколько разъ, въ былыя времена,—восклицаетъ этотъ старикъ,—я провожалъ глазами вечернюю зарю и говорилъ себѣ: завтра я опять увижу ее тамъ, на востокѣ! А теперь говорю: сейчасъ она потухнетъ, и затѣмъ начнется ночь... Да, ночь—и навсегда! Ничего, кромѣ ночи!“ Правда, этому воплю отчаянія противопоставляется лучъ надежды: „Заря опять придетъ,—возражаетъ старику внучка,—и не только заря, но и солнце“. Но послѣднее слово останется за старикомъ: „Тяжелы эти повторенія старой сказки объ упованіяхъ! Будемъ изнывать каждый въ своемъ углу... Довольно“.

Антиподы „хандрящихъ людей“, это—„люди торжествующей современности“. Мы познакомились уже съ ними отчасти, говоря о „столпахъ“, о Батищевыхъ и Неугодовыхъ, о кузинахъ Машенькахъ и графахъ Твэрдоонто; прибавимъ къ нимъ, для полноты картины, типическія фигуры Плѣшивцева и Тебенькова [1]). Тебеньковъ—это волкъ въ овечьей шкурѣ, консерваторъ въ образѣ либерала; Плѣшивцевъ—консерваторъ съ національнымъ оттѣнкомъ, поклонникъ „русской подоплёки“. „Плѣшивцевъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ быть консерваторомъ не только за страхъ, но и за совѣсть; Тебеньковъ же объявляетъ, что прибавка словъ „за совѣсть“ только усложняетъ дѣло, и что человѣкъ вполнѣ правъ передъ обществомъ и закономъ, если можетъ доказать, что онъ консерваторъ только „за страхъ“. И Тебеньковъ и Плѣшивцевъ одинаково утверждаютъ, что для человѣка необходима „почва“, внѣ которой человѣкъ для обоихъ представляется висящимъ въ воздухѣ. Но, высказавши это, Тебеньковъ объясняетъ, что „почва“, въ его глазахъ, не что иное, какъ modus vivendi, какъ сборникъ извѣстныхъ правилъ, на которыя человѣкъ, дѣлающій себѣ карьеру, можетъ опереться. По мнѣнію Плѣшивцева, *почва* „не опредѣляется, а чувствуется; безъ почвы человѣкъ не можетъ чувствовать себя человѣкомъ. Почва, однимъ словомъ, это... вотъ *это!..*“ Тутъ Плѣшивцевъ дѣлаетъ жестъ, какъ будто копается гдѣ-то глубоко руками.

„И Тебеньковъ и Плѣшивцевъ—оба религіозны и оба очень усердно выполняютъ требуемые религіей обряды; но Тебеньковъ стоитъ на почвѣ

---

[1]) „Благонамѣренныя рѣчи“, ч. 2 („По части женскаго вопроса“ и „Въ дружескомъ кругу“).

государственной религіи, говоритъ, что религія есть одинъ изъ рычаговъ, которымъ государство имѣетъ право пользоваться для своихъ цѣлей, а лично о себѣ выражается, что онъ *обязанъ* быть религіознымъ, потому что долженъ подавать примѣръ „нуръ ле жансъ“. Плѣшивцевъ тоже считаетъ государство немыслимымъ безъ религіи, но видитъ въ послѣдней не подспорье, какъ Тебеньковъ, а основаніе, и вслѣдствіе того, жалѣетъ о временахъ патріарховъ. Религія, почва и любовь—вотъ-тріада, которой поклоняется Плѣшивцевъ и въ которой онъ видитъ такъ-называемую русскую подоплёку. Онъ не можетъ болѣе ясно опредѣлить, въ чемъ собственно состоитъ эта подоплёка, но ожидаетъ отъ нея очень многаго. Наконецъ, и Тебеньковъ и Плѣшивцевъ—оба уважаютъ народность, но Тебеньковъ смотритъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія армій и флотовъ, а Плѣшивцевъ—съ точки зрѣнія подоплёки. Оба говорятъ: есть ли на свѣтѣ другой народъ, какъ русскій!—но Тебеньковъ относитъ свои похвалы преимущественно къ дисциплинѣ, а Плѣшивцевъ—къ смиренію... Въ разномысліи ихъ скорѣе играетъ роль различіе темпераментовъ, нежели различіе убѣжденій. Плѣшивцевъ пылокъ и нетерпѣливъ; Тебеньковъ разсудителенъ и сдержанъ. Плѣшивцевъ охотно лѣзетъ на стѣну; Тебеньковъ предпочитаетъ пролѣзть въ подворотню... Говорятъ, будто Плѣшивцевъ искреннѣе, нежели Тебеньковъ, и будто бы, съ этой точки зрѣнія, онъ заслуживаетъ болѣе симпатіи; но, по-моему, они оба—равно симпатичны“.

И Тебеньковъ и Плѣшивцевъ считаютъ возможнымъ распространять похвальныя чувства путемъ начальственныхъ предписаній и распоряженій; но въ проектѣ циркуляра, составленномъ Плѣшивцевымъ, говорится больше о любви къ отечеству; въ проектѣ циркуляра, составленномъ Тебеньковымъ—больше любви къ государству. Это не мѣшаетъ сходству обоихъ циркуляровъ, по крайней мѣрѣ, въ заключительной ихъ части, рекомендующей „воспитаніе и неуклонное охраненіе, въ предѣлахъ вѣдомства, надлежащаго похвальнаго чувства и пресѣченіе превратнымъ толкованіямъ всѣхъ способовъ къ омраченію и извращенію онаго“. Немудрено, что, разсуждая, по поводу преній въ германскомъ рейхстагѣ, о правѣ Германіи на преданность покореннаго ею Эльзаса, Тебеньковъ и Плѣшивцевъ приходятъ къ одному и тому же утвердительному рѣшенію вопроса, хотя и мотивируютъ его не одинаково: Плѣшивцевъ—правомъ болѣе нравственнаго организма на порабощеніе менѣе нравственнаго, Тебеньковъ—формулою: „люби не люби, а подлясывай!“

„Тебѣ нравится,—справедливо замѣчаетъ Тебеньковъ, обращаясь къ Плѣшивцеву,—московскій періодъ государства россійскаго, мнѣ нравится петербургскій періодъ государства россійскаго, но мы оба имѣемъ въ виду одну и ту же государственность. А при одинаковыхъ результатахъ, какая надобность знать, откуда кто отправляется: съ Плющихи ли въ столичномъ городѣ Москвѣ, или съ Офицерской въ столичномъ городѣ Петербургѣ?“

Картинка, приведенная нами, нарисована г. Салтыковымъ тѣтъ семь или восемь тому назадъ—но, если можно такъ выразиться, она въ настоящую минуту еще болѣе современна, чѣмъ была тогда. Характеризуя Плѣшивцева, сатирикъ подмѣтилъ и соединилъ въ одно цѣлое тѣ черты, которыя для менѣе проницательныхъ глазъ выяснились вполнѣ лишь недавно, въ эпоху преобладанія такъ-называемой „народной политики". Не былъ ли онъ тысячу разъ правъ, констатируя неопредѣленность понятія о подоплёкѣ—понятія, выражаемаго не столько словами, сколько жестами? Не былъ ли онъ правъ, перечисляя точки соприкосновенія Плѣшивцевыхъ съ Тебеньковыми, указывая, за прозрачной занавѣсью наружнаго разногласія, глубокое между ними сходство? Не предугадалъ ли онъ возможность ихъ союза, по крайней мѣрѣ временнаго? Мы далеки отъ мысли, чтобы подъ именемъ Плѣшивцева и Тебенькова г. Салтыковъ хотѣлъ вывести на сцену какія-либо реальныя лица; мы думаемъ, наоборотъ, что онъ ни въ кого спеціально не мѣтилъ, ни съ кого не снималъ портрета—но именно потому ему и удалось создать типическія фигуры. За Плѣшивцевымъ, какъ и за Тебеньковымъ—въ особенности за первымъ—скрывается цѣлое направленіе; согласіе, обнаруживающееся между ними послѣ долгаго и, повидимому, ожесточеннаго спора, знаменуетъ нѣчто бблышее, чѣмъ сближеніе двухъ журналистовъ, двухъ политическихъ дѣятелей. Изъ массы разрозненныхъ фактовъ и мелкихъ симптомовъ г. Салтыковъ сдѣлалъ общій выводъ, вполнѣ подтвердившійся дальнѣйшимъ ходомъ событій. Онъ доказалъ еще разъ, что владѣетъ даромъ „второго зрѣнія", что передъ его глазами проносится иногда, невидимая для другихъ, „тѣнь грядущаго".

У Тебенькова есть не только опредѣленный взглядъ на почву, народность и прочее—у него есть и цѣлый планъ дѣйствій, на случай, если бы ему удалось приблизиться къ кормилу.

„Моя система очень проста,—говоритъ онъ въ минуту откровенности:—*никогда ничего прямо не дозволять и никогда ничего прямо не запрещать.* Первое, что́ я дѣлаю—это ослабляю бразды; хотя, въ сущности, въ этомъ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго, но для насъ, русскихъ, уже одно это очень и очень важно. Мы такъ чувствительны къ браздамъ, что малѣйшее измѣненіе въ манерѣ держать ихъ уже очень цѣпится нами. И вотъ, когда я ослабилъ бразды, когда всѣ почувствовали это—вдругъ начинается настоящее либеральное пиршество. Литература ликуетъ, студенты ликуютъ, жен-

щины ликуютъ: я, съ своей стороны, тоже ликую... Проходитъ годъ; начинаютъ тамъ и сямъ прорываться проявленія такъ-называемой licence [1]). Я призываю зачинщиковъ и келейнымъ образомъ дѣлаю имъ внушеніе: „Если вы хотите, чтобы я имѣлъ возможность защищать васъ, то побеспокойтесь и меня; если не хотите, то скажите прямо—я удалюсь въ отставку!“ Разумѣется, моя угроза дѣйствуетъ; всѣ кричатъ: „Осторожнѣе! осторожнѣе! Потому что если оставитъ насъ Тебеньковъ—мы погибли!“ Такъ проходитъ, можетъ-быть, еще цѣлый годъ: la licence relève la tête [2])—я говорю уже прямо: „Messieurs, je m'en lave les mains!“ [3]), и уступаю мое мѣсто князю Ивану Семенычу... Собственно говоря, я ничего не имѣю противъ князя Ивана Семеныча и даже, въ ряду прочихъ феноменовъ, признаю его далеко небезполезнымъ. Не нужно только, чтобы такіе люди слишкомъ долго оставались въ должности воздухоочистителей; но по-временамъ очищать воздухъ—небезполезно. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; волненія отчасти усмирены, отчасти подавлены, и существованіе князя Ивана Семеныча само-собой утрачиваетъ свой raison d'être. Тогда опять прихожу я, и опять приношу свою систему... Такимъ образомъ мы чередуемся: сперва я, потомъ князь Иванъ Семенычъ, потомъ опять я, опять князь Иванъ Семенычъ, и такъ далѣе... Безъ князя Ивана Семеныча tout mon système s'écroule et s'évanouit!“

Шагъ впередъ и шагъ назадъ, шагъ впередъ и шагъ назадъ—какъ убійственно-монотонна эта программа Тебенькова! Въ дѣйствительной жизни абсолютно-правильная монотонность, къ счастію, немыслима; но кто же рѣшится утверждать, что между дѣйствительностью и мечтой Тебенькова нѣтъ ровно ничего общаго? „Ослабленныя бразды“, общее ликованіе, тезисъ: „ничего прямо не дозволять и ничего прямо не воспрещать“—не напоминаетъ ли все это чего-то недавняго, гораздо болѣе недавняго, чѣмъ тотъ очеркъ *(По части женскаго вопроса)*, въ которомъ изложена г. Салтыковымъ тебеньковская система? Спѣшимъ прибавить, что въ этихъ воспоминаніяхъ нѣтъ мѣста для самого Тебенькова; что бразды были ослаблены безъ всякой предвзятой мысли о князѣ Иванѣ Семенычѣ; что за первымъ шагомъ впередъ предполагались и другіе. Но если оставить въ сторонѣ вопросъ о намѣреніяхъ и обратить вниманіе только на результаты, то сходство получится поразительное, и къ числу намѣченныхъ сатирикомъ „тѣней грядущаго“ прибавится еще одна. Если не пріурочивать воспоминаній къ одному опредѣленному моменту, если пробѣжать мы-

---

[1]) Распущенность.

[2]) Распущенность подымаетъ голову.

[3]) Господа, я въ этомъ умываю руки.

сленно періодъ времени болѣе продолжительный, то найдется нѣчто схожее и съ формулой: „шагъ впередъ и шагъ назадъ“; придется задуматься и о томъ, скоро ли эта формула окончательно отслужитъ свою службу.

У „хандрящихъ людей“ есть еще и другіе антиподы, кромѣ „людей торжествующей современности“; но они затрогиваются г. Салтыковымъ лишь изрѣдка и мелькомъ (напр., въ *Непочтительномъ Коронатѣ*, въ *Больномъ мѣстѣ*, въ *Дворянской хандрѣ*). Причина, почему онъ не останавливается на нихъ обстоятельнѣе и чаще, давно уже объяснена имъ самимъ.

„Существуютъ люди, — читаемъ мы въ *Дневникѣ провинціала*, — которые называютъ себя „новыми людьми“. Это не манекены съ наклеенными этикетами, а живые люди, которые въ этомъ качествѣ имѣютъ свои недостатки и свои достоинства, свои пороки и свои добродѣтели. Какъ долженъ былъ бы я поступать, если бы повелъ рѣчь объ этихъ людяхъ? Я могъ бы, конечно, не хуже любого изъ современныхъ беллетристовъ указать на темныя ихъ стороны; но меня останавливаетъ одно обстоятельство. Вѣдь, ежели я стану смѣяться или пугать просто: какъ, дескать, оно смѣшно или омерзительно!—это, быть-можетъ, покажется нѣсколько глупымъ; а ежели я захочу смѣяться или пугать вплотную, то не найдусь ли я вынужденнымъ прежде всего подвергнуть осмѣянію самыя причины, породившія тѣ факты, которые возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ или ужасъ?.. Съ добродѣтелями—и того хуже. Извѣстно, что „новый человѣкъ“ принадлежитъ къ тому виду млекопитающихъ, у котораго по штату никакихъ добродѣтелей не полагается. Значитъ, самое упоминовеніе имени добродѣтелей становится въ этомъ случаѣ продерзостнымъ, и можетъ быть прямо принято за апологію. Такимъ образомъ, „новый человѣкъ“ самою-силою обстоятельствъ устраняется изъ области беллетристики. Указывать на его пороки—легко но жутко; указывать же на его добродѣтели не только неудобно, но если хорошенько взвѣсить всѣ условія современнаго русскаго быта, то и матеріально невозможно“.

Къ этой цитатѣ мы можемъ прибавить только тѣ слова, которыми г. Салтыковъ заканчиваетъ свои *Письма къ тетенькѣ:* Sapienti sat [1]).

Мы говорили до сихъ поръ о такихъ сторонахъ щедринской сатиры, которыя относятся, въ большей или меньшей степени, къ цѣлому періоду русской общественной жизни; перейдемъ теперь къ тѣмъ случаямъ, когда она прямо откликается на злобу дня, на вопросъ данной минуты. Славянскими дѣлами и восточною войной 1877—78 г. внушены три

[1]) Умный пойметъ.

этюда г. Салтыкова: *День прошелъ — и слава Богу, На досугѣ* и *Тряпичкины-очевидцы (Въ средѣ умѣренности и аккуратности)*. Послѣдній изъ нихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ очерковъ, которые мы, въ другомъ мѣстѣ, назвали фельетонными; эпопея двухъ корреспондентовъ, отправившихся на Дунай и въ Малую Азію, но застрявшихъ въ Чебоксарахъ, вызываетъ только легкую улыбку. Въ дѣятельности нѣкоторыхъ заправскихъ корреспондентовъ, благополучно доѣхавшихъ по назначенію, можно было бы найти больше матеріала для настоящей сатиры. Болѣе колоритна, но также не свободна отъ водевильнаго оттѣнка, отъ шаржа и карикатуры, повѣсть о Балалайкинѣ, замышляющемъ осчастливить наши войска поставкой килекъ съ запашкомъ и выдерживающемъ потомъ цѣлый рядъ фантастическихъ приключеній.

„Сдѣлай транспортировку Балалайкиныхъ,—говоритъ Глумовъ своему другу,—переложи ихъ нѣсколькими тонами выше, усложни ихъ ребяческіе проекты, прибавь къ нимъ гнилые сухари, толченый уголь вмѣсто пороха—и поводы для ожесточенія получатся самые полные. Не въ Балалайкинѣ, а въ совокупности Балалайкиныхъ, въ ихъ общедоступности и общепризнанности, въ разлитости балалайкинскаго зопра въ воздухѣ—вотъ, гдѣ настоящая причина негодованія!“

Это совершенно справедливо — но самъ Балалайкинъ до такой степени комиченъ, многое изъ переживаемаго имъ до такой степени неправдоподобно, что читатель не настраивается на ладъ, звучащій въ словахъ Глумова. Съ истинно-сатирическою, зато, нотой мы встрѣчаемся въ изображеніи той суматохи, которая овладѣла русскимъ обществомъ подъ вліяніемъ непривычно-серіознаго интереса. Какъ быстро успокаивается нравственное чувство, возмущенное извѣстіями о болгарскихъ ужасахъ! Какъ легко заключаются сдѣлки съ совѣстью, цѣною трехъ рублей, отсылаемыхъ въ „дамскій кружокъ“! Какой диссонансъ слышится въ словѣ „мерзавцы“ (обращенномъ къ туркамъ), когда оно произносится Лёвушкой Колѣнцовымъ, въ промежутокъ между заказомъ тонкаго обѣда и мечтами о предстоящемъ помпадурствѣ! Какой контрастъ между трагедіей, совершающейся за Дунаемъ, и сценами у Бореля или даже въ гостиной Положиловыхъ! Хороша генеральша, участвующая въ четырехъ комитетахъ и заказывающая себѣ обувь, изъ патріотизма, у русскаго башмачника (для разлуки съ французской модисткой у нея нехватаетъ силы); хорошъ купецъ Дрыгаловъ,

щедрый на жертвы изъ „общественнаго ящичка“, а жертвуемымъ изъ собственныхъ средствъ одѣяламъ назначающій длину въ два аршина,— по хорошъ и самъ Глумовъ, дешевый скептикъ, „рабъ съ головы до ногъ; рабъ, выполняющій свое дѣло съ безупречною исправностью и въ то же время старающійся, съ помощью цѣлой системы показываемыхъ въ карманѣ кукишей, обратить свое рабство въ шутку“! Было въ то время и нѣчто гораздо худшее, чѣмъ глумовскій скептицизмъ, положиловская апатія, генеральшина суета— это лже-патріотизмъ, то грубый, то сентиментальный, всегда полный нетерпимости, ничѣмъ не рисковавшій лично, но отъ другихъ требовавшій безграничнаго и беззавѣтнаго риска. Въ лицахъ онъ у г. Салтыкова не изображенъ, но мѣтко характеризованъ слѣдующими словами Глумова:

„Почему у насъ всякое бѣдствіе словно шабашъ какой-то въ сердцахъ производитъ? Вся мразь, все отпѣтое въ сердцахъ оживаетъ и, пользуясь симъ случаемъ, принимается старые счеты сводить. О здравомъ смыслѣ и свободѣ сужденія—нѣтъ и въ поминѣ. На всѣхъ языкахъ – угроза, во всѣхъ взглядахъ—намѣреніе горло перекусить... Всякое бѣдствіе застаетъ наши лучшія силы врасплохъ. Люди вполнѣ хорошіе до того теряются при этомъ, что сами себя головой выдать готовы. Иной прямо говоритъ: виноватъ! другой—подлѣйшимъ образомъ вторитъ въ тонъ господамъ ташкентцамъ или хорошится. „Когда посѣтители ресторановъ, гранители мостовыхъ, газетчики начинаютъ ликовать,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—то невольно возникаетъ вопросъ: справедливо ли поступаютъ эти люди, принимая дѣятельное участіе въ легчайшей части подвига, то-есть въ ликованіи по его поводу, и не сознавая себя, въ то же время, матеріально-отвѣтственными за его послѣдствія? Не знаю, ошибаюсь ли я; но думаю, что самаго слабаго проблеска совѣсти достаточно, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно“.

Удержать „человѣка сороковыхъ годовъ“ отъ участія въ ликованіи должно было уже воспоминаніе о предыдущей восточной войнѣ, когда трубныхъ звуковъ также было, на первыхъ порахъ, слишкомъ достаточно.

„Я помню очень многое и, между прочимъ, 1853—1855 годы [1]). Помню ликующихъ жуликовъ, помню людей, одолѣваемыхъ простымъ долгоязычіемъ, и людей, пользовавшихся долгоязычіемъ, какъ подходящимъ средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ ближняго или казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда благонамѣренными, несмотря на то, что ихъ лганье было шито бѣлыми нитками... Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и измѣнилось, конечно, къ лучшему; но одного серіознаго момента достаточно, чтобъ ветхій культурный человѣкъ всплылъ на поверх-

[1]) Эпизодомъ изъ этихъ воспоминаній служитъ очеркъ „Тяжелый годъ“, напечатанный во второй части „Благонамѣренныхъ рѣчей“.

ность во всеоружіи. Да! онъ все тотъ же: съ одной стороны—долготерпѣливый, назидательно прислушивающійся къ чужому ликованію, съ другой—робкій и устраняющійся. Оба эти отношенія къ современности одинаково естественны, но такъ какъ первое изъ нихъ, сверхъ того, отмѣчено явною печатью нахальства, то понятно, что люди, умѣющіе сохранить нѣкоторую стыдливость, предпочитаютъ держать себя въ сторонѣ".

Незавидно было положеніе этихъ „устранившихся": помимо обвиненій, къ которымъ могло дать поводъ воздержаніе отъ ликованій, имъ угрожала еще другая опасность — опасность остаться наединѣ съ собственною мыслью.

„Смутная тревога,—говоритъ одинъ изъ нихъ, овладѣла моимъ существомъ. Я боюсь радоваться успѣху, потому что въ самомъ успѣхѣ представляется столько выстраданнаго и пріятъ невѣрнаго, невыясненнаго что въ невольномъ страхѣ закрываешь глаза, чтобъ отогнать отъ себя выдвигающуюся на заднемъ планѣ картину, которую торжествующая смерть съ верху до низу наполнила безконечною свитою жертвъ. Я боюсь отчаиваться и роптать, потому что самый неуспѣхъ сопровождается здѣсь такимъ очевиднымъ искупленіемъ, передъ которымъ должны умолкнуть и праздный ропотъ и безплодное молчаніе".

Такимъ языкомъ, въ эпоху ликованій, рѣшались говорить немногіе; но многіе ли теперь станутъ отвергать, что въ минорной, глухо слышавшейся мелодіи было больше правды, чѣмъ въ громко раздававшейся мажорной? Свѣтъ послѣдующихъ событій, упадая на слова г. Салтыкова, не обнаруживаетъ въ нихъ ни ошибокъ ни преувеличеній—а много ли найдется „ликующихъ" рѣчей, которыя такъ же хорошо выдержали бы это испытаніе?

Вопросъ Глумова: „Почему у насъ всякое бѣдствіе словно шабашъ какой-то въ россійскихъ сердцахъ производитъ?"—былъ сдѣланъ въ 1876 г., по случаю неистовствъ турокъ надъ южными славянами; нѣсколько лѣтъ спустя, его можно было бы повторить съ большею еще силой, по поводу внутреннихъ событій. Насталъ 1879-й годъ, „страшный годъ, который неизгладимыми чертами врѣзался въ сердцѣ каждаго русскаго". Г. Салтыковъ былъ его лѣтописцемъ и выдержалъ свою роль до конца. Какое мрачное впечатлѣніе производятъ, зато, многія страницы *Круглаго года*! Озираясь назадъ, на только-что пережитый періодъ, авторъ характеризовалъ его словами: „общая внутренняя пригнетенность". Правда, „въ общемъ хорѣ унынія, почти граничащаго съ безпадежностью, раздавались и голоса звонкіе, увѣренные, даже какъ бы почти торжествующіе"; но въ этой звонкости не было ничего ободрительнаго; она скорѣе заслуживала

названіе зазорной. „Есть явленія, которыя до такой степени захватываютъ общество въ его настоящемъ и будущемъ, что передъ ними должно умолкнуть самое звонкое пустословіе“; между тѣмъ, оно не умолкало, разражаясь громами противъ „унынія“ и осыпая обвиненіями „унывающую литературу“. Притихла и пріунила не одна литература—притихло и общество, притихли отдѣльныя лица. Картиной этой тишины, не заключавшей въ себѣ ровно ничего идиллическаго, служитъ послѣдняя глава *Круглаго года*, озаглавленная: *Вечерокъ*. Мы встрѣчаемъ здѣсь старыхъ знакомыхъ—Полокиловыхъ, Глумова, Плѣшивцева, Тебенькова. У Полокиловыхъ и прежде разговоры велись „чинно, смирно, держась преимущественно около фактовъ, допуская „справедливую критику“ ихъ, но не вдаваясь ни въ утопіи ни въ радикализмъ“. Теперь чинность дошла до мертвенности, смиреніе—до трусости. Тебеньковъ и Плѣшивцевъ боятся даже возобновить свой старый споръ о подоплёкѣ: на обсужденіе предлагаются вопросы въ родѣ слѣдующаго: „дѣйствительно ли даръ слова есть драгоцѣннѣйшій даръ природы, или такъ только, каверза, допущенная въ видахъ удобнѣйшаго подспориванія человѣковъ?“ Разговоръ прерывается то восклицаніемъ: „Господи! да неужто жъ это не кошмаръ!“, то словами: „Philippe ісі“, то справкой, нѣтъ ли кого-нибудь лишняго за дверью. Сильнѣе всѣхъ подобныхъ картинъ дѣйствуютъ, однако, тѣ мѣста *Круглаго года*, въ которыхъ слышится активный протестъ противъ заподозрѣваній, науськиваній, противъ ближайшихъ причинъ „общей пригнетенности“. Мы знакомы уже съ этимъ протестомъ; мы видѣли его въ суровомъ отпорѣ, данномъ обвинителямъ сатирика; въ пламенной апоѳеозѣ литературы, какъ воплощенія человѣческой мысли. Замѣчательная сама-по-себѣ, эта апоѳеза пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если обратить вниманіе на число, которымъ она помѣчена: 1 мая 1879 г. Извѣстно, что въ это время литература больше, чѣмъ когда-нибудь, обрѣталась не въ авантажѣ. Нужна была безпредѣльная вѣра въ идею, нужна была глубокая преданность ей, чтобы выступить тогда защитникомъ литературы—и какимъ еще защитникомъ! Авторъ *Круглаго года* доказываетъ не право литературы на снисхожденіе, даже не полную ея невиновность; онъ доказываетъ, что она вовсе не можетъ быть виновата, что заблужденія ея—необходимыя ступени на пути

къ истинѣ, что ей принадлежитъ будущее. Какими маленькими, съ этой высоты, кажутся обвиненія въ „потрясеніи основъ", вмѣстѣ съ самими обвинителями—Ѳеденьками Неугодовыми! Съ подобною увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ легче перенести невзгоды настоящей минуты, сколько бы въ нихъ ни заключалось „пригнетающихъ" элементовъ.

Эпоха такъ-называемой „диктатуры сердца" отразилась на щедринской сатирѣ, сравнительно, мало. Пессимистомъ въ теоріи, въ принципѣ г. Салтыкова назвать никакъ нельзя; но продолжительный горькій опытъ развилъ въ немъ наклонность къ практическому пессимизму, сдѣлалъ его невоспріимчивымъ къ надеждѣ, неподатливымъ на ликованіе. Мы видѣли уже, съ какимъ скептицизмомъ онъ отнесся къ слухамъ о льготахъ для печати. Его не прельстили даже толки объ „увѣнчаніи зданія", потому что во время разговора на эту тему съ Удавомъ и Дыбой ему пришло на мысль: „А что если вся штука разрѣшится уставомъ о кантонистахъ? Что ежели встанетъ изъ гроба графъ Алексѣй Андреичъ, отыщетъ въ архивѣ изъѣденный мышами „уставъ" и, дополнивъ оный краткими правилами на случай могущаго быть свѣтопреставленія, воскликнетъ: шабашъ!" *(За рубежомъ)*. Гораздо больше мѣста отведено г. Салтыковымъ слѣдующему періоду нашей современной исторіи—періоду „народной политики". Мы знаемъ уже, что къ этому періоду пріурочена дѣятельность Сенечки, пріурочено появленіе Ноздрева, процвѣтаніе „Помоевъ", окончательное торжество „улицы". На мѣсто старинной поговорки: errare humanum est, выступаетъ на сцену новый девизъ: humanum est mentire.

„Мы всегда были охотники полгать; но не могу скрыть, что между прежнимъ, такъ-сказать, дореформеннымъ лганьемъ и нынѣшнимъ такая же разница, какъ между лимономъ, только что сорваннымъ съ дерева, и лимономъ выжатымъ. Прежнее лганье было сочное, нахучее, ядреное; нынѣшнее лганье—дряблое, безуханное, вымученное... По формѣ современное лганье есть не что иное, какъ грошовая будничная правда, только вывороченная наизнанку. По существу оно коварно и въ то же время тенденціозно. Оно представляетъ собой послѣднее убѣжище, въ которомъ мудрецы современности надѣются укрыться отъ наплыва развивающихся требованій жизни; послѣднее средство, съ помощью котораго они думаютъ поработить въ свою пользу обезумѣвшее подъ игомъ злоключеній большинство... Прежде мы лгали потому, что была потребность скрасить правду жизни; нынче—лжемъ потому, что боимся притронуться къ этой правдѣ" (второе *Письмо къ тетенькѣ*).

Исходною точкой этой новомодной лжи была фраза о

потрясеніи основъ, ближайшею ея цѣлью—образованіе миража, соблазнительнаго для „корелы“ (т.-е. для толпы).

„Мы съ вами, тетенька, обязываемся воздерживаться отъ бредней, а корела пусть бредитъ. Мы съ вами пусть не надѣемся на сложеніе недоимокъ, а корела—пусть надѣется... Надо, чтобъ корела постоянно видѣла впереди благополучныя перспективы, всеминутно вѣрила и ждала, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: что все сіе лишь тогда совершится, когда краеугольные камни будутъ утверждены“.

Рука-объ-руку съ лганьемъ всегда идутъ „извѣщенія“.

„Если видишь гдѣ-нибудь въ окнѣ огонекъ,—читаемъ мы въ третьемъ *Письмѣ къ тетенькѣ*,—то, навѣрное, тамъ, при трепетномъ свѣтѣ керосиновой лампы, какой-нибудь современный Нименъ строчитъ и декламируетъ: „Еще одно облыжное сказанье, и извѣщеніе окончено мое“. „Взволновавъ и развративъ общество,—говоритъ г. Салтыковъ въ другомъ мѣстѣ (письмо седьмое),—ябеда постепенно вторгается и въ семью. Она грозитъ порвать завѣщанный преданіемъ связующій элементъ и, вмѣсто него, посѣять въ сердцахъ однихъ—ненависть, въ сердцахъ другихъ—безнадежность и горе... Улица, съ неслыханною доселѣ наглостью, врывается въ самыя неприступныя твердыни и, къ удивленію, не встрѣчаетъ дружнаго отпора, какъ въ бывалое время, а только производитъ расколъ. Такъ что весь вопросъ теперь въ томъ, на чьей сторонѣ останется окончательная побѣда: на сторонѣ ли ябеды, которая вознамѣрилась весь міръ обратить въ пустыню, или на сторонѣ остатковъ совѣсти и стыда?“ Говорятъ, что ябеда не имѣетъ, большею частью, ощутительныхъ послѣдствій; „однако, вѣдь, это смотря по тому, что́ разумѣть подъ именемъ ощутительныхъ послѣдствій. Для иного, вѣдь, и то ужъ *ощутительно*, что поскудныхъ обвиненіямъ нѣтъ отпора“ (письмо третье). Въ восьмомъ *Письмѣ къ тетенькѣ* та же самая глубоко-вѣрная мысль выражена еще рельефнѣе. „Я знаю, вы скажете, что всѣ эти провѣрки, добровольныя выслѣживанія и подслушиванія до такой степени нелѣпы и несеріозны, что даже опасеній не могутъ внушать. Я знаю также, что современная дѣйствительность почти сплошь соткана изъ такого рода фактовъ, по поводу которыхъ и помыслить нельзя, полезны они или неполезны, а именно только опасны или мало опасны (и, притомъ, съ какой-то непосредственной, чисто-личной точки зрѣнія). Вслѣдствіе долголѣтней практики, этотъ критеріумъ настолько окрѣпъ въ нашемъ обществѣ, что о другихъ оцѣнкахъ какъ-то и не слыхать совсѣмъ. Но это-то именно и наполняетъ мое сердце какимъ-то загадочнымъ страхомъ. По мнѣнію моему, съ такимъ критеріумомъ нельзя жить, потому что онъ прямо бьетъ въ пустоту. А между тѣмъ, люди живутъ. Но не потому ли они живутъ, что представляютъ собой особенную породу людей, фасонированныхъ ad hoc самою исторіей,—людей, у которыхъ нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ одной: что, можетъ-быть, ихъ и не перешибетъ пополамъ, какъ они того всечасно ожидаютъ“...

Самымъ выдающимся событіемъ періода „народной политики“ былъ, безъ сомнѣнія, призывъ „свѣдущихъ людей“. Для того, чтобы понять отношеніе г. Салтыкова къ этому событію, необходимо познакомиться съ взглядомъ сатирика

на современныхъ земскихъ дѣятелей, изъ среды которыхъ, какъ извѣстно, были преимущественно приглашены свѣдущіе люди. Уже въ послѣдней главѣ *За рубежомъ* мы видимъ земца новой формаціи, не безобиднаго и наивнаго, какъ „сѣятели“ временъ *Новаго Нарцисса*, а смотрящаго вглубь и мечтающаго о какой-то немаловажной роли. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ земскихъ людей, которые

„слывутъ дѣльцами, сочиняютъ формочки съ безчисленнымъ множествомъ граѳъ, называютъ себя консерваторами, хвастаются связью съ землею, утверждаютъ, что русскій мужичокъ не выдастъ, и приходятъ въ умиленіе отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Они всегда смотрятъ въ одну точку, мыслятъ азбучно, но съ сознаніемъ благонадежности своихъ мыслей, и безконечно надоѣдаютъ всѣмъ авторитетностью и изобиліемъ пустяковъ“.

Узнавъ сатирика, земецъ начинаетъ слегка „сѣкситать“ его насчетъ патріотизма и требовать, чтобы онъ сказалъ, наконецъ, „трезвенное слово“. Трезвенное слово самого земца заключается въ осужденіи интеллигенціи, „не имѣющей ничего общаго съ народомъ, вливающей отраву и разложеніе въ его свѣжій и непочатой организмъ“. Отсюда проистекаетъ уже сама-собою необходимость вырвать съ корнемъ злое начало; „коль скоро мы знаемъ, что нашъ врагъ — интеллигенція, стало-быть, съ нея и начать нужно“.—„Въ земскомъ человѣкѣ,—читаемъ мы въ пятомъ *Письмѣ къ тетенькѣ*,—я вижу нѣчто двойственное. По наружному осмотру и по первоначальнымъ діалогамъ каждый изъ нихъ—парень хоть-куда, а какъ заглянешь къ нему въ душу, анъ тамъ *крѣпостное право* засѣло“. Прежнія недоразумѣнія между администраціей и земствомъ исчезли почти безслѣдно.

„Администраторы догадались, что луженіе кастрюль есть луженіе и ничего больше; стало-быть, если земскіе дѣятели въ одномъ мѣстѣ не долудили, а въ другомъ—перелудили, то это бѣда небольшая. Земцы же, съ своей стороны, сознались, что уклонились отъ своей задачи, но теперь приносятъ повинную и ходатайствуютъ объ одномъ: чтобы, независимо отъ луженія, имъ разрѣшено было, преимущественно передъ прочими уполномоченными на сей предметъ лицами, вопіять: страхъ врагамъ!“

Подъ этимъ страннымъ ходатайствомъ—ибо вопіять: „страхъ врагамъ“ никогда никому воспрещено не было—скрывается, въ сущности, желаніе устранить бюрократію отъ „пирога“ и перенести ея права и обязанности по отношенію къ „пирогу“ на излюбленныхъ земскихъ людей. Исполненіе этого желанія—весьма нежелательно; Нафнутьевы и Дра-

кины, въ качествѣ земскихъ ярыжекъ, заткнули бы за поясъ даже Сквозниковъ-Дмухановскихъ.

„Я знаю, что Сквозникъ-Дмухановскій не Богъ знаетъ какое сокровище, но зачѣмъ же возводить его въ квадратъ въ лицѣ безчисленныхъ Дракиныхъ и Забіякиныхъ? Я иду еще дальше и говорю, что ужъ если мы осуждены выбирать между Сквозникомъ-Дмухановскимъ и Дракинымъ, то имѣются очень существенные доводы, которые заставляютъ предпочесть перваго послѣднему. Сквозникъ-Дмухановскій пришелъ ко мнѣ извнѣ и виситъ надъ моей головой яко мечъ Дамокловъ: о Дракинѣ же предполагается, что я самъ себѣ его выпяньчилъ. Никогда я его не излюблялъ, а всѣ мнѣ говорятъ: излюбилъ. Сквозниковъ-Дмухановскихъ, сравнительно, немного, тогда какъ Дракинъ на каждомъ шагу словно изъ-подъ земли выросъ. Сквозникъ-Дмухановскій, какъ человѣкъ пришлый, не всю статистику ввѣреннаго ему края знаетъ: напротивъ того, Дракинъ, какъ мѣстный старожилъ, всю статистику изучилъ до тонкости... Если въ жизни регулирующимъ началомъ является пословица: „Какъ ни кинь—все будетъ клинъ“, то и между клиньями все-таки слѣдуетъ отдавать преимущество такому, который попритупился“.

Усматривая въ земцахъ преимущественно Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ, г. Салтыковъ, конечно, не могъ возлагать большихъ надеждъ на ихъ „содѣйствіе“. Глаголъ „содѣйствовать“, ими спрягаемый, казался ему синонимомъ глаголовъ: „наяривать, жарить, хватать за шиворотъ, гнуть въ бараній рогъ“.

„Вы, пожалуй, возразите,—говоритъ онъ тетенькѣ (письмо шестое):—неужели же въ плотной массѣ Ивановыхъ не найдется такихъ, которымъ небезызвѣстны и другого рода слова? Не спорю: вѣроятно, гдѣ-нибудь такіе Ивановы и водятся—такъ, вѣдь, это Ивановы неблагонамѣренные, которыхъ содѣйствіе, уже по заведенному изстари порядку, предполагается несвоевременнымъ. Какимъ же образомъ они *найдутся*, коль скоро ихъ *не ищутъ*?“

Въ число содѣйствователей-добровольцевъ попадаетъ, зато, самъ Ноздревъ, колеблющійся между двумя формулами содѣйствія: просто „какъ угодно“ и „наяривай... а впрочемъ, какъ угодно“. За Ноздревымъ виднѣются „содѣйствователи“ уже совершенно баснословные—Мартынъ Иванычъ Задека, „свѣдущій человѣкъ“ по питейной части, безошибочно, съ завязанными глазами, различающій по вкусу всѣ возможныя сорта водки, или Иванъ Непомнящій, „свѣдущій человѣкъ“ по части болѣзней, въ особенности тѣхъ, для лѣченія которыхъ существуетъ калинкинская больница (см. двѣнадцатое *Письмо къ тетенькѣ*).

Безусловно „висящимъ на воздухѣ“ взглядъ г. Салтыкова на земство и земцевъ признать никакъ нельзя. Паф-

путьевы—это земскіе или, лучше сказать, земско-дворянскіе или дворянско-земскіе прожектеры; Дракины—это исполнители, усердію которыхъ тѣсно въ существующей земской сферѣ. И тѣ и другіе, безспорно, имѣются налицо въ земскихъ собраніяхъ и управахъ; и тѣ и другіе вздыхаютъ о потерянныхъ тучныхъ пажитяхъ, неуклонно мечтая о средствахъ возмѣщенія потери. Мы не станемъ отвергать и того, что Дракины и Пафнутьевы, вмѣстѣ взятые, могутъ превзойти Сквозниковъ-Дмухановскихъ; что обиліе, на мѣстахъ, „властныхъ показателей пути“ — напримѣръ, волостныхъ старшинъ, проектированныхъ въ средѣ петербургскаго дворянства (1874) или московскаго земства (1881)—оказалось бы зломъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ недостаточность числа становыхъ приставовъ. Намъ кажется, однако, такія обобщенія нельзя принять безъ существенно-важной оговорки. Несмотря на свои слабыя стороны, земство—если разсматривать его какъ одно цѣлое—стоитъ гораздо выше того уровня, на который оно низводится въ *Письмахъ къ тетенькѣ*. Оно ходатайствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не о правѣ вопіять: „страхъ врагамъ“. Если изъ его среды исходятъ попытки заполонить массу въ дракинско-пафнутьевскія сѣти, то въ немъ же коренится и противодѣйствіе этимъ попыткамъ—противодѣйствіе, почти вездѣ и почти всегда побѣдоносное. Допустимъ на минуту, что земское самоуправленіе можетъ и не быть управленіемъ Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ,—и мы должны будемъ прійти къ совершенно иному выводу и относительно Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Знаніе мѣстныхъ условій, близость къ жизни, самый принципъ излюбленности—однимъ словомъ, все то, что́ не безъ причины кажется опаснымъ въ рукахъ Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ—обратится тогда въ преимущество, въ удобство, въ аргументъ не *за*, а *противъ* гоголевскихъ героевъ.

Избытокъ строгости къ земству отразился и на отношеніи г. Салтыкова къ „свѣдущимъ людямъ“. Читатели „Вѣстника Европы“, вѣроятно, помнятъ, что нашъ журналъ никогда не былъ ни поклонникомъ этого учрежденія—въ томъ видѣ, въ какомъ призвала его къ жизни „народная политика“ — ни панегиристомъ дѣятельности „свѣдущихъ людей“; но если послѣдніе не имѣютъ права на большой почетъ, то не заслужили и тяжкой кары. Правда, многое въ *Письмахъ къ тетенькѣ*, относящихся къ этому предмету, слишкомъ ко-

мично, слишкомъ сознательно карикатурно, чтобы быть для кого бы то ни было оскорбительнымъ; фигуры Ивана Непомнящаго или Мартына Задеки, конечно, не претендуютъ даже на отдаленное сходство съ кѣмъ бы то ни было изъ числа реальныхъ „свѣдущихъ людей".

„Я знаю,—говоритъ г. Салтыковъ послѣ эпизода съ Мартыномъ Задекой,—вы скажете, что я впадаю въ карикатуру... Карикатура, такъ карикатура—большая бѣда! Не все же стоять, уставившись лбомъ въ стѣну; надо когда-нибудь и улыбнуться. Есть въ человѣческомъ сердцѣ эта потребность улыбки, есть. Даже измученный и ошеломленный человѣкъ—и тотъ ощущаетъ ее".

Это справедливо; но бываютъ случаи, когда карикатура, переплетенная съ сатирой, вредитъ значенію послѣдней. Ноздревъ, съ одной стороны, Задека и Непомнящій, съ другой,—мало подходящія ножны для шпаги, острее которой обращено противъ „свѣдущихъ людей". Тѣ элементы этого явленія, которые дѣйствительно напрашивались на сатиру, остаются почти незатронутыми ею. Фраза о „неблагонамѣренныхъ Иванахъ" одна стоитъ цѣлаго десятка страницъ, посвященныхъ вечеру у Грызунова; она бьетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и освѣщаетъ предметъ такимъ яркимъ свѣтомъ, котораго не можетъ дать самая удачная карикатура.

Возвращаясь къ земству, замѣтимъ, что матеріалъ для менѣе скептическаго отношенія къ нему можно найти и у г. Салтыкова. Земство и общество—понятія, безспорно, близкія между собою; въ составъ земства входятъ элементы изъ среды общества; земство, если можно такъ выразиться, врѣзывается въ общество, имѣетъ съ нимъ тысячи точекъ соприкосновенія. Между тѣмъ, взглядъ г. Салтыкова на русское общество вовсе не запечатлѣнъ пессимизмомъ, какимъ любятъ щеголять, въ послѣднее время, не только наши ретрограды, отрицающіе „общественное содѣйствіе", но и многіе изъ среды противоположной партіи.

„Иногда мнѣ представляется вопросъ,—читаемъ мы въ третьемъ *Письмѣ къ тетенькѣ*:—поддастся ли наше общество наплыву низкопробнаго озлобленія, которое набрасывается на все, выходящее за предѣлы хлѣвной атмосферы, или же оно будетъ только наружно окачено имъ, внутренно же останется вѣрнымъ инстинктамъ порядочности, которая до сихъ поръ отъ времени до времени, прорывалась въ немъ?—И знаете ли, къ какому заключенію я пришелъ?—Непремѣнно останется вѣрнымъ порядочности. Какъ ни запугано наше общество, какъ ни слабо развито въ немъ чувство самостоятельности, но несомнѣнно, что внутреннія сочувствія его направлены въ сторону добраго и плодотворнаго дѣла".

Послѣднее письмо къ тетенькѣ заканчивается слѣдующими знаменательными словами: „Въ теченіе года *въ моемъ имѣніи* вы настолько выросли, что первоначальные пріемы родственной любезности представляются мнѣ уже недостаточными. Нужно ли прибавлять, что отъ этого вы не только не подурнѣли, на мой взглядъ, но даже похорошѣли". Снисходительностью къ „тетенькѣ"—т.-е. именно къ обществу—г. Салтыковъ никогда не отличался; комплиментовъ ей онъ не дѣлалъ никогда, не дѣлаетъ и въ словахъ, только-что приведенныхъ. Онъ констатируетъ ими безспорный фактъ общественнаго роста —роста, не исключающаго ни слабостей ни болѣзней, но во всякомъ случаѣ знаменующаго собою безповоротный переходъ отъ дѣтства къ возмужалости.

К. К. Арсеньевъ.

Сказки [1]).

1.

„Сказки“ Щедрина проникнуты тѣмъ живымъ гуманическимъ элементомъ, который отличалъ направленіе сороковыхъ годовъ и лучшія произведенія тогдашняго времени. Ихъ передъ нами три: *Самоотверженный заяцъ*, *Бѣдный волкъ* и *Премудрый пескарь*, и каждая изъ нихъ рисуетъ одинъ изъ типовъ животной природы и общественнаго человѣка — типовъ, вызванныхъ всеобщею войною несогласованныхъ инстинктовъ и интересовъ. Въ *Премудромъ пескарѣ* передъ нами типъ того обширнаго класса людей, который отличается малоспособностью къ защитѣ своихъ даже личныхъ правъ на существованіе и силенъ только всяческимъ уклоненіемъ отъ борьбы и самозащиты. Авторъ рисуетъ намъ поражающе жалкую картину существованія субъекта этого сорта. Сказка написана съ обычнымъ щедринскимъ юморомъ, который такъ часто переходитъ въ желчное настроеніе, вызывая и въ читателѣ острыя чувства презрѣнія и негодованія на этотъ самъ-по-себѣ неповинный, но жалкій и безразсудный классъ общественный, вредный своей инертностью. Проникая въ сущность общественнаго значенія этого класса, необходимо приходишь къ заключенію о противогосударственности его. Верховная власть законами опредѣляетъ права и обязанности всякихъ классовъ и личностей совершенно не затѣмъ, чтобы эти законы оставались мертвою буквой. Непользованіе своими правами совершенно такое же общественное зло, и зло преступное, какъ и неисполненіе своихъ обязанностей. Права и обязанности распредѣляются въ обществѣ въ извѣстной систематичности, и

[1]) Эта статья принадлежитъ А. И. Введенскому. (См. выпускъ III-й, стран. 284.)

если одинъ классъ людей не защищаетъ своихъ правъ, другой воспользуется ими, а въ результатѣ выйдетъ общественная неурядица, въ которой одни будутъ играть роль приниженныхъ жертвъ будто бы общественной несправедливости (хотя эти приниженные будутъ страдать отъ собственнаго отказа отъ своихъ правъ и сами представляютъ собою то самое общество, которое къ нимъ „несправедливо"), а другіе прямо уже пріучатся не уважать чужихъ правъ и введутъ въ общество произволъ и всѣ виды общественной эксплоатаціи.

Въ своей сказкѣ Щедринъ, впрочемъ, не касается этой общественной стороны типа премудрыхъ пескарей, полагающихъ житейскую мудрость въ устраненіи отъ всякихъ поводовъ къ защитѣ своихъ правъ. Онъ рисуетъ частную, личную жизнь такого мудреца. И Боже! какъ грустно и нелѣпо его существованіе!

Премудрый пескарь не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ и своею мудростью обязанъ до извѣстной степени наслѣдственности. „Отецъ и мать были у него умные", говоритъ сатира. Умирая, отецъ далъ сыну такой совѣтъ: „Коли хочешь жизнью жупровать, такъ гляди въ оба!" И вотъ, молодой пескарь, у котораго „ума палата была", начинаетъ глядѣть въ оба и убѣждается, что „куда ни обернется—вездѣ ему матъ". Въ качествѣ „просвѣщеннаго, умѣренно либеральнаго" пескаря, нашъ герой понималъ, что жизнь прожить—не мутовку облизать, и потому рѣшаетъ: „такъ прожить, чтобъ никто не замѣтилъ,—а не-то какъ-разъ пропадешь"... Выдолбилъ онъ себѣ нору, такую, чтобъ только одному помѣститься, и устроился по слѣдующимъ соображеніямъ: „Ночью, когда люди, звѣри, птицы и рыбы спятъ, онъ будетъ моціоны дѣлать, а днемъ станетъ въ норѣ сидѣть и дрожать. Но такъ какъ пить-ѣсть все-таки нужно, а жалованья онъ не получаетъ и прислуги не держитъ, то будетъ онъ выбѣгать изъ норы около полденъ, когда вся рыба уже сыта, и Богъ дастъ, можетъ-быть, козявку-другую и промыслитъ. А ежели не промыслитъ, такъ и голодный въ норѣ заляжетъ и будетъ опять дрожать. Ибо лучше не ѣсть, не пить, нежели съ сытымъ желудкомъ жизни лишиться". На основаніи такихъ-то соображеній и соблюдая отцовскій завѣтъ, начинаетъ пескарь столь великолѣпнымъ образомъ „жизнью жупровать"; т.-е. ночью

моціонъ дѣлаетъ, въ лунномъ свѣтѣ купается, а днемъ забирается въ нору и дрожитъ. „Лежитъ онъ день-деньской въ норѣ, ночей не досыпаетъ, куска не доѣдаетъ и все-то думаетъ: „Кажется, что я живъ? Ахъ, что-то завтра будетъ?“ Бываютъ и веселыя нарушенія этого однообразнаго существованія, бываютъ и страхи. Такъ, „во снѣ ему снится, что у него выигрышный билетъ, и онъ на него двѣсти тысячъ выигралъ. Не помня себя отъ восторга, перевернется на другой бокъ—глядь, анъ у него во снѣ цѣлыхъ полъ-рыла изъ норы высунулось“...

Какое убійственно-глупое и мучительное существованіе! Это личное прозябаніе является безусловно „противопескарнымъ“; оно можетъ вести уже не къ одной только общественной неурядицѣ, а и къ вырожденію ума и совѣсти. Конечно, пескарь не Богъ знаетъ какъ виноватъ лично. Всѣ мы болѣе или менѣе пескари; но не нами устроены существующія условія жизни, создающія пескарину мудрость; не нами свѣтъ начался, не нами и кончится. И Щедринъ обращается къ вамъ, господа всероссійскіе пескари, не съ обвиненіемъ васъ, а съ увѣщаніемъ бросить тупые пескаринные идеалы существованія. Потому что, вѣдь, право, выгоднѣе и честнѣе тридцать разъ умереть, чѣмъ жить такъ, чтобы „ночью моціонъ дѣлать, а днемъ въ нору забираться и дрожать“... Общество и государство, съ своей стороны, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы пескаринные идеалы замѣнились новыми, болѣе жизненными и общественными, потому что въ противномъ случаѣ, въ случаѣ торжества пескарнаго идеала, никакая власть не можетъ быть увѣрена въ томъ, что ея предначертанія будутъ поняты и цѣли ея не встрѣтятъ пассивнаго противодѣйствія въ инертности общества. То литературное направленіе, котораго представителемъ является Щедринъ въ своей сказкѣ, есть *общественное* направленіе и составляетъ общественную заслугу, приводя въ сознаніе общества *вредность* пескарнной жизни.

2.

Въ сказкѣ *Бѣдный волкъ* мы—на противоположномъ концѣ общественныхъ явленій. Передъ нами субъектъ, вся жизнь котораго зиждется на разрушеніи жизней другихъ. Сатирикъ, съ тактомъ истиннаго художника, не усиливаетъ красокъ,

чернящихъ „волка“; напротивъ, „волкъ“ не является у художника счастливымъ, въ противоположность избитому, шаблонному и, въ сущности, тупому воззрѣнію, что если человѣкъ живетъ на счетъ чужихъ жизней, то, значитъ, всенепремѣнно счастливъ. И любопытно, что въ образахъ пескаря и волка есть одна и та же характернѣйшая черта: пока они не сознаютъ своего существованія, они, какъ-будто, и довольны, но сознаніе немедленно повергаетъ ихъ въ отчаянный протестъ противъ всего ненормальнаго, лежащаго въ ихъ жизни. Пескарю представляются передъ смертью вся безполезность и пошлость его жизни. Онъ соображаетъ, что „неправильно полагаютъ тѣ, кои думаютъ, что лишь тѣ пескари могутъ считаться достойными гражданами, кои, обезумѣвъ отъ страха, сидятъ въ норахъ и дрожатъ“... Ибо кому они пользу принесли? И ему пришла вдругъ охота „вылѣзти изъ норы да гоголемъ по всей рѣкѣ проплыть“. Но привычка—натура: пескарь немедленно испугался своей мысли „и началъ, дрожа, помирать“... Не то же ли самое почти происходитъ и съ волкомъ?.. Онъ тоже, въ концѣ концовъ, сознавая вредъ, наносимый имъ, и слыша со всѣхъ сторонъ проклятія, приходитъ къ пониманію, что его жизненный идеалъ не годится, и смерть приходитъ къ нему, какъ „избавительница“. Его душевное, нравственное состояніе авторъ выражаетъ такъ:

„Много лѣтъ волкъ въ этихъ мысляхъ промучился, и только одно слово въ ушахъ его и гремѣло: проклятый! проклятый! проклятый! Да и самъ себѣ онъ все чаще и чаще повторялъ: „Именно, проклятый! проклятый и есть! Душегубъ, живорѣзъ!“ И все-таки, мучимый голодомъ, онъ шелъ на добычу, душилъ, рвалъ и терзалъ... И началъ онъ звать смерть: „Смерть! смерть! хоть бы ты освободила отъ меня звѣрей, мужиковъ и птицъ!..“ Но натура, конечно, брала свое; всѣ сѣтованія волка оставались тѣмъ тяжелѣе, что практическихъ результатовъ отъ нихъ не получалось. И вотъ, когда однажды медвѣдь поймалъ волка и упрекалъ его въ жестокости къ ближнимъ, тотъ отвѣчалъ: „Ваше степенство! позвольте вамъ доложить: долженъ ли я пить-ѣсть, волчиху свою накормить, волчатъ воспитать! Какую вы на этотъ счетъ резолюцію изволите положить?.. А, вѣдь, я, кромѣ мясного—ни-ни!“... И медвѣдь заключаетъ эту любопытную бесѣду словами: „Пренесчастнѣйшій ты есть на свѣтѣ звѣрь—вотъ, что я скажу. Не могу я тебя судить“...

Странное и поражающее сходство въ судьбѣ „мудраго“ пескаря и „бѣднаго“ волка! И тѣмъ не менѣе, сходство это представляетъ естественнѣйшій и неизбѣжнѣйшій результатъ жизненныхъ условій. Волчьи идеалы существованія значительно болѣе ложны, чѣмъ идеалы пескарные, и въ этомъ лежитъ зародышъ грядущихъ мученій душевныхъ, гораздо

болѣе сильныхъ, чѣмъ мученія пескаря. Какъ скоро волкъ и пескарь искали разума и сознанія, ни тотъ ни другой не могли прійти ни къ чему иному, какъ къ острому сознанію неразумности своихъ идеаловъ и своей жизни, къ сознанію горькаго противорѣчія, лежащаго между разумомъ и ихъ дѣлами. И такъ какъ дѣла волка, истребителя жизни и источника вреда, въ несравненно большемъ противорѣчіи съ разумомъ, чѣмъ дѣла пескаря, уродующаго, главнымъ образомъ, личную жизнь свою и только безполезнаго, а не прямо вреднаго,—то и сознаніе этого противорѣчія и истекающія отсюда нравственныя муки несравненно тяжелѣе у волка, чѣмъ у пескаря. Такъ оно, именно, и выходитъ у Щедрина. Авторъ здѣсь опять является не обвинителемъ, а только истолкователемъ ложности какъ волчьихъ, такъ и пескариныхъ идеаловъ. Въ сказкахъ сквозитъ грустное, пессимистическое воззрѣніе на жизнь и людей. Герои представляются настолько подчиненными своей природѣ, что даже острое и мучительное сознаніе нелѣпости ихъ жизни не освобождаетъ ихъ отъ необходимости продолжать жить такъ, какъ прежде. Но въ томъ-то и дѣло, что люди—не волки и не пескари, и ихъ идеалы независимы; бытъ людской, слагающійся на основаніи общихъ идеаловъ, измѣняется вмѣстѣ съ ними. И литература, вносящая въ сознаніе общественное ложность старыхъ идеаловъ и возможность лучшихъ, именно, къ тому и направляетъ свои усилія, чтобы прекратить въ мірѣ людскомъ господство волчьихъ, пескариныхъ и иныхъ животныхъ идеаловъ.

3.

Третья сказка Щедрина, *Самоотверженный заяцъ*, имѣетъ болѣе условное значеніе. Заяцъ уже не волкъ и не пескарь, но онъ представляетъ все-таки, можно сказать, частный случай пескаря. Пескарь—это частью независимое существо, дѣйствительно добившееся нѣкоторой независимости, очень грустной и пустой, правда; на нее и пошла вся его постылая жизнь. Заяцъ—типъ того сорта существъ, которыя хотятъ жить и живутъ, покорно склоняя голову передъ фактомъ своей жизни. Не мудрствуя, не анализируя жизни, они умѣютъ только подчиняться обстоятельствамъ и силѣ. Суть сказки въ томъ, что заяцъ, попавшійся въ лапы сытаго

волка и отпущенный имъ, не считаетъ себя въ правѣ нарушить приказаніе—явиться къ извѣстному сроку на съѣденіе. Мы не будемъ останавливаться надъ этою сказкою, смыслъ которой намъ представляется менѣе опредѣленнымъ и болѣе условнымъ. Впрочемъ, смыслъ ея такъ простъ въ чисто-житейскомъ отношеніи, что говорить о немъ много не приходится.

Во всѣхъ этихъ „сказкахъ“ Щедрина, составляющихъ, собственно, одно нераздѣльное цѣлое, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ „дѣтей“ уже „изряднаго“ возраста, для которыхъ онѣ предназначаются,—во всѣхъ нихъ большая и сильная мысль проведена такъ опредѣленно, въ такихъ цѣлесообразныхъ и выразительныхъ формахъ, что въ сознаніи читателя всѣ тѣ жизненныя отношенія, которыя воплощаютъ „сказки“, возникаютъ со всѣми своими характерными деталями. Конечно, самыя воззрѣнія на эти отношенія останутся различными, каждый читатель пойметъ ихъ нѣсколько по-своему, сообразно своему общему настроенію и міросозерцанію, но каждый же непремѣнно выиграетъ въ ближайшемъ пониманіи ихъ и обратитъ вниманіе на такія частности, которыхъ прежде, быть-можетъ, не замѣчалъ. Но мы говоримъ о людяхъ, самостоятельно продумавшихъ то, о чемъ говоритъ Щедринъ, а, вѣдь, есть много людей, для которыхъ мысли, точка зрѣнія и освѣщеніе для фактовъ, взятое въ сказкахъ, будутъ совершенно новы. Художественный талантъ автора, проявляющійся въ рельефности отдѣльныхъ картинъ, необыкновенно усиливаетъ впечатлѣніе. Вы такъ и видите, напримѣръ, остановившагося противъ пескариной норы рака; созерцаете, какъ онъ „стоитъ неподвижно, словно околдованный, вытаращивъ на пескаря костяные глаза,—и только усы по теченію воды пошевеливаются“; понимаете, какого страху набрался „несчастный пескарь“ и пр. И эта живость впечатлѣнія могущественно содѣйствуетъ закрѣпленію въ вашемъ умѣ сознанія всей горемычной доли пескаря и неудобства пескариныхъ идеаловъ.

А. И. Введенскій.

„Пестрыя письма“ [1]).

1.

Если призваніе и назначеніе литературы состоитъ въ томъ, чтобы отражать—констатировать и разъяснять психическую жизнь даннаго общества, извѣстной части общества, извѣстнаго кружка людей, то *Пестрыя письма* Щедрина представляютъ собою литературное произведеніе, наиболѣе отвѣчающее своему назначенію. Необходимо остановиться на той точкѣ зрѣнія, съ которой они представляютъ собою отраженіе думъ и чувствъ автора и всѣхъ тѣхъ, чьимъ онъ является представителемъ въ русскомъ обществѣ. Въ наши дни, дни несомнѣннаго приниженія въ массѣ общества интересовъ мысли и нравственнаго сознанія, всякому человѣку, искренно и честно преданному идеѣ (мы не говоримъ объ истинности, силѣ, жизненности идеи, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ) живется нелегко. Именно, это чувство и проглядываетъ въ письмахъ Щедрина сквозь грустную насмѣшку. Если освободить письма отъ горькой иронiи, сплошь проникающей ихъ, то останется весьма реальный и тяжелый смыслъ, характеристическiй и для жизни русской вообще и для душевной жизни многихъ мыслящихъ людей нашего общества, не остающихся равнодушными къ общественному благу.

Представьте себѣ человѣка, всю жизнь свою отдавшаго на дѣло общественнаго счастія, вѣрнѣе—на то, чтобы уменьшить, насколько возможно, насколько въ силахъ человѣка, бѣдствія въ жизни человѣческой. Представьте далѣе общественное сочувствіе къ этому человѣку, дающее ему гордую увѣренность въ справедливости и полезности его дѣятель-

---

[1]) Эта статья принадлежитъ А. И. Введенскому. (См. выпускъ III-й, стран. 284.)

ности. Представьте, наконецъ, горькое несчастіе видѣть, что это общественное сочувствіе съ неменьшею страстностью устремляется въ самое короткое время, положимъ, хоть на оперетку и всякую литературную пошлость. Нѣтъ хуже и тяжелѣе несчастія. Таково, именно, положеніе русскихъ людей, не могущихъ приладиться къ „современности“. Пусть идеи, которыми они руководствуются, которыми они одушевлены, не могутъ претендовать на истинность и господство; пусть какія-угодно сомнѣнія обуреваютъ самихъ приверженцевъ ихъ. Но видѣть замѣну этихъ, хотя бы „сомнительныхъ“, общественныхъ идей опереткой—это, какъ хотите, положеніе, возмущающее душу.

Въ минуты тяжелаго недовѣрія къ обществу, къ его сознательной силѣ на благо, естественно, бросить въ лицо его горькій и страстный упрекъ. И Щедринъ не останавливается передъ нимъ.

„Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился,—говоритъ онъ,—что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ниоткуда поддержки для себя ждать нечего. Сколько разъ, въ теченіе моей долгой трудовой жизни, я взывалъ:—гдѣ ты, русскій читатель? откликнись!—и, право, даже сію минуту не знаю, гдѣ онъ, этотъ русскій читатель. По-временамъ, правда, мнѣ казалось, что гдѣ-то просвѣчиваютъ какіе-то признаки, свидѣтельствующіе о самосознаніи и движеніи впередъ, но чѣмъ глубже я уходилъ въ ту страну терній, которая называется русскою литературой, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ безплодности моихъ чаяній. Нѣтъ тебя, любезный читатель! еще не народился ты на Руси! Нѣтъ тебя, нѣтъ и нѣтъ“.

Читающее общество русское Щедринъ представляетъ думающимъ и полагающимъ, что „онъ, читатель,—самъ-по-себѣ, а литература—сама-по-себѣ; что литераторъ пописываетъ, а онъ, читатель, почитываетъ—только и всего“. „Когда затѣмъ для писателя наступитъ трудная минута,—продолжаетъ сатирикъ,—то читатель въ подворотню шмыгнетъ, а писатель увидитъ себя въ пустынѣ“... Не касаясь вопроса, правъ ли сатирикъ, вообще, по отношенію къ читателямъ, къ обществу, необходимо признать законность, естественность чувствъ его, высказанныхъ въ этомъ обращеніи къ читателямъ, и грустныхъ мыслей, оправдываемыхъ обстоятельствами.

Весь горько-ироническій разсказъ автора о его обращеніи къ вполнѣ „благонамѣренному ничегонедѣланью“ и процвѣтанію въ сферѣ служительскихъ словъ, его характеристика

„психологическаго момента“, выручившаго его въ трудную минуту неожиданно поразившаго его „нравственнаго косноязычія“,—все это представляетъ пародію на тотъ кодексъ современной нравственности вмѣстѣ съ его мотивами, который дѣйствительно получилъ широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ. Развѣ „привычка“, „опытъ и мудрость вѣковъ“ и, наконецъ, „среднее разсужденіе“—не избитыя, въ самомъ дѣлѣ, положенія, на которыхъ основываютъ жизнь практики жизни? И все, что̀ выходитъ изъ узкихъ рамокъ близорукой практики житейской, неизбѣжно и неизмѣнно вызоветъ нынѣ одинъ отвѣтъ: „Не до мечтаній теперь — жизнь ждетъ настоящаго дѣла, практическаго дѣла“. Но такъ какъ человѣку не дано погрязнуть въ сферѣ практической суеты, такъ какъ для всякаго человѣка существуетъ законъ: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“, то естественъ и результатъ „среднихъ разсужденій“. Не имѣя истинно-нравственныхъ духовныхъ интересовъ, люди, для удовлетворенія эстетическихъ и иныхъ высшихъ, но ложно направленныхъ и загрязненныхъ духовныхъ потребностей, идутъ въ театры, и еще хуже—въ „Аркадіи“ и „Ливадіи“ и отъ Дюссо къ Донону. И это „благонамѣренное ничегонедѣланье“ не есть опять ни сатирическій пріемъ ни преувеличеніе, а настоящая правда.

Сатиры Щедрина на общественное безсиліе, его горькіе упреки за равнодушіе общества къ высшимъ интересамъ жизни, за растлѣвающую безпринципность и эгоистичность невольно напрашиваются на сближеніе. Дѣло въ томъ, что русскій читатель, какъ и всякій другой, переживаетъ странное время, когда всякія вѣры и надежды колеблются на своихъ основахъ.

2.

На Щедрина, обыкновенно, смотрятъ какъ на человѣка извѣстной литературной партіи, ему приписывается цѣлый циклъ воззрѣній, характеризующихъ ее, въ немъ находятъ протестъ противъ посягательствъ на права, именно, этой партіи, и были бы очень удивлены, нашедши его противникомъ или, по меньшей мѣрѣ, равнодушнымъ къ нѣкоторымъ возлюбленнымъ и, конечно, ставшимъ шаблонными воззрѣніямъ той самой доктрины, къ которой онъ пріурочивается. При нѣкоторой условной справедливости, такой взглядъ на Ще-

дрина намъ представляется очень узкимъ. Конечно, Щедринъ принадлежитъ къ извѣстной партіи по своимъ воззрѣніямъ, но еще болѣе онъ, какъ всякій большой самостоятельный умъ и талантъ, отличается независимостью воззрѣній. Читатель находитъ въ сатирѣ Щедрина то, что́ хочетъ найти, но истинный смыслъ его сатиры и воззрѣнія самого сатирика далеко не всегда сходятся съ тѣмъ, что́ находятъ критика и читатель. Длинный рядъ годовъ литературной дѣятельности Щедрина весь отмѣченъ этою умственною независимостью, и какъ часто, соблюдая только возможную мѣру литературнаго такта, воспрещающаго побивать друзей, бичъ сатиры нашего писателя обращался не на противниковъ въ узкомъ смыслѣ. Щедрину свойственно смотрѣть на міръ Божій грустными очами, чувствовать ту „великую скорбь въ мірѣ“, которую, по словамъ одного изъ персонажей Достоевскаго, *должны* чувствовать всѣ замѣчательные люди. И какъ часто, среди поражающе-смѣшныхъ картинъ человѣческаго безобразія, въ сатирѣ вдругъ появлялся великій призракъ міровой скорби передъ мертвеннымъ міромъ бьющихъ мертвыми руками въ мертвыя перси. Но сколько смѣшного и грустнаго долженъ представлять сатирическому взгляду и міръ людей, самыхъ близкихъ къ сатирику по воззрѣніямъ; сколько лучшихъ идей являются исковерканными, опошленными и выброшенными на позорище людьми, считающими себя истинными сторонниками и поборниками ихъ! И Щедринъ никогда не останавливался передъ фальшивымъ „благочестіемъ къ идеѣ“, воспрещающимъ нападать даже на искаженія ея. Одинаково съ государственными младенцами всѣхъ сортовъ и видовъ, съ помпадурами и ташкентцами, на сатирической сценѣ являлись у Щедрина и иные игрушечныхъ дѣлъ людишки, занимающіеся даже и очень „либеральными“ дѣлами. И тѣ, которые не стыдились утверждать, будто бы Щедринъ, въ угоду какой-то партіи, поступался своею искренностью и своимъ великимъ талантомъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствовали только о своей великой смѣлости.

Итакъ, читая сатиру Щедрина, не нужно и не стоитъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ, искать непремѣнно изображенія чуть-чуть не данныхъ лицъ и данныхъ событій. Сатирическія картины Щедрина складываются, творятся, думаемъ мы, по общимъ законамъ литературно-художественнаго творчества. Внимательно вглядываясь въ жизнь, уловляя ея законы и

мотивы, Щедринъ, какъ и всякій художникъ, не по личному произволу, а по неизвѣданнымъ законамъ психической дѣятельности соединяетъ впечатлѣнія свои въ извѣстныя типическія картины. Но въ такомъ случаѣ въ эти картины войдутъ элементами всѣ партіи и всѣ глупости и бѣдствія человѣческія. Личныя воззрѣнія автора, его міровоззрѣніе является здѣсь только однимъ изъ создающихъ элементовъ и отразится на свѣтѣ, которымъ будутъ освѣщены изображенныя явленія жизни. Естественно, мнѣнія автора скажутся и въ смыслѣ партійномъ, въ томъ, что не предстанутъ въ его образахъ симпатичныя ему явленія въ смѣшномъ свѣтѣ и наоборотъ; но чѣмъ выше талантъ, чѣмъ онъ искреннѣе и независимѣе, тѣмъ вѣрнѣе и чище; яснѣе и разумнѣе будутъ художественные образы писателя и тѣмъ меньше въ нихъ будетъ условности и партійности.

3.

Пестрыя письма Щедрина принадлежатъ именно къ подобнымъ обобщеніямъ жизненныхъ явленій въ типы. Жизнь можно характеризовать и представлять себѣ извѣстными фантастическими образами, и характеристика жизни у Свифта нисколько не потеряла, а, напротивъ, много выиграла въ фантастическихъ лилипутахъ, и у Сервантеса—въ не менѣе фантастическомъ Донъ-Кихотѣ. Въ произведеніяхъ Щедрина фантастическій элементъ такъ же перемѣшивается съ истинно-реальными изображеніями жизни. Не ища ни дѣйствительныхъ лицъ, ни дѣйствительныхъ событій, внимательный читатель откроетъ въ немъ, въ общемъ и деталяхъ, драгоцѣнныя мысли и откровенія сущности самыхъ приглядѣвшихся и оттого еще болѣе непонятныхъ явленій нашей жизни. Вотъ передъ нами „статскій совѣтникъ Передрягинъ, похищенный медвѣдями (впослѣдствіи оказавшимися особеннаго рода „братушками“) для водворенія среди нихъ конституціи, оказываетъ такому либеральному стремленію надлежащее сопротивленіе, однакоже, отъ начальства за то поощренія не получаетъ, а напротивъ, увольняется въ отставку, почему и обращается къ занятіямъ приватнымъ, напечатавши объявленіе, въ которомъ предлагаетъ „изготовлять конституціи для всѣхъ странъ и во всѣхъ смыслахъ, проектировать реформы,— и согласенъ въ отъѣздъ“. Этотъ фантастическій изготовитель

конституцій кажется Щедрину столь правдоподобнымъ, что, по его мнѣнію, „объявленіе, чего добраго, возымѣетъ дѣйствіе, и Передрягинъ получитъ заказъ“... И если, дѣйствительно, вглядѣться въ эту фантастическую фигуру, она поразитъ такою реальностью, такими типическими и ясными свойствами, давно извѣстными на нашей родинѣ, что уже всякое сомнѣніе въ дѣйствительности существованія статскаго совѣтника Передрягина станетъ невѣроятнымъ.

Конечно, объявленій объ изготовленіи конституцій и проектированіи реформъ въ газетахъ печатаемо еще не было; но серіозно говоря, кто же у насъ въ Россіи не считаетъ себя способнымъ изготовить наилучшую конституцію? Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ съ своею обычною мѣткостью и обладаніемъ слова охарактеризовалъ нѣкоего молодого русскаго „генія“ тѣмъ, что въ 20 лѣтъ онъ порѣшилъ всѣ вопросы науки и жизни, при замѣчательной, впрочемъ, бездарности... Имя такихъ людей—легіонъ, и они не что иное, какъ доблестныя яблоки съ той яблони, съ которой недавно упали. Есть у насъ ужъ такъ устроенные чуть ли не съ самаго рожденія люди, которые считаютъ себя призванными управлять народами и дѣлать исторію, и большая часть изъ нихъ—Передрягины.

Не будемъ останавливаться на массѣ удачныхъ характеристикъ и только укажемъ хотя бы на то, какъ создавалась у „братушекъ“ конституція, мечтанія о которой разрушены проведеніемъ къ нимъ столбовой дороги, окладными листами и урядникомъ Справедливымъ. И всѣ эти картинки въ сатирѣ дышатъ такою правдою, такъ напомнятъ вамъ и освѣтятъ всю нашу русскую жизнь съ крупныхъ историческихъ событій до мелочей обыденнаго быта, что вамъ не-зачѣмъ будетъ видѣть въ сатирѣ Щедрина только обличеніе частныхъ, единичныхъ фактовъ, а не мощный анализъ русской національной психики, начиная съ бездушнаго реформированія посредствомъ спеціальныхъ изготовленій конституцій и кончая безтолковою суетней топтыгинской „цивилизаціи“.

4.

Искусство, какъ воспроизведеніе характернѣйшихъ, типичнѣйшихъ чертъ жизни, гораздо ближе къ наукѣ, преимущественно къ философіи, чѣмъ кажется, и, подобно наукѣ,

не можетъ отдаваться на служеніе только временнымъ задачамъ жизни. Оно имѣетъ дѣло съ общими законами жизни, отыскиваетъ ихъ и уже этимъ служитъ могущественнымъ орудіемъ для движенія жизни; но никогда оно не должно сходить къ служенію чисто-партійнымъ цѣлямъ—если говорить о настоящемъ искусствѣ, творящемъ и свободномъ. Но тамъ, гдѣ жизнь слишкомъ сильно дѣйствуетъ на нервы, гдѣ она не оставляетъ мѣста свободному созерцанію,—тамъ она не оставляетъ свободнымъ и поэта. Возбуждаемый и тревожимый дѣйствительностью, совершающеюся передъ глазами, онъ невольно отступаетъ отъ далекихъ перспективъ и отъ широты воззрѣній и воспроизводитъ ближайшую жизнь. Но если онъ великій талантъ, общіе законы жизни не ускользнутъ отъ него, въ его произведеніяхъ выступятъ въ яркомъ свѣтѣ современныя ему дѣла, разсматриваемыя и съ точки зрѣнія общихъ законовъ жизни и съ точки зрѣнія чисто-временныхъ жизненныхъ вопросовъ, въ нѣкоторомъ странномъ, иногда противорѣчивомъ соединеніи этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Въ русскихъ писателяхъ это свойство обычно. Таковъ Гоголь, изображавшій искаженія законовъ вѣчной красоты въ Чичиковыхъ и Маниловыхъ, а въ концѣ-концовъ удалившійся въ область идеальныхъ Костанжогло и мистицизма; таковъ Тургеневъ, страстно отдавшійся въ своихъ произведеніяхъ первѣйшей задачѣ времени—освобожденію народа, и въ то же время проникнутый томительною грустью, обусловленною печальными воззрѣніями вообще на міръ,—писавшій почти въ то же время и идеалистическое „Наканунѣ“ и совершенно пессимистическіе „Призраки“, подрывавшіе, на основаніи общихъ фатальныхъ законовъ человѣческой жизни, вѣру въ тотъ самый „завтрашній день“, который обѣщало „Наканунѣ“. Да и кто изъ выдающихся русскихъ писателей не вынесъ на себѣ этой крестной муки сомнѣній и разлада, подъ вліяніемъ самонаблюденія и анализа жизни!

Любопытенъ и знаменателенъ фактъ, что такіе представители художественнаго слова, какъ геніальный графъ Л. Толстой, Щедринъ, Гл. Успенскій, оставляютъ художественную форму и обращаются въ чистыхъ публицистовъ, оставаясь, впрочемъ, неожиданнѣйшимъ образомъ въ высшей степени поэтами и художниками, желающими отвѣтить на мучительные вопросы момента, но освѣщающими только

душевную жизнь свою и своего поколѣнія, всю нравственную неудовлетворенность, всю тоску, всѣ мучительныя исканія Бога, идеаловъ жизни и нравственности, характеризующія наши извѣрившіяся поколѣнія. Вся современная литература, несмотря на весь свой „натурализмъ", низводящій жизнь съ идеалистическихъ высотъ въ тину и грязь дѣйствительности, есть больной крикъ исканія жизни, лирическій порывъ. И въ какомъ-нибудь самомъ „натуралистическомъ" романѣ, претендующемъ описать жизнь безстрастно, вы не можете не отмѣтить болѣзненнаго отчаянія вѣка. Нашъ Достоевскій—истинный сынъ своего вѣка, мучительно переживній съ своими героями глубочайшія паденія съ тоской о „потерянномъ раѣ"—представляетъ разительнѣйшій примѣръ въ нашемъ смыслѣ. Но какъ ни различны по темпераментамъ, убѣжденіямъ, отношеніямъ писатели, всѣ они одинаково носятъ на себѣ эту печать вѣка, печать сомнѣній и отчаянія за идеалы за ихъ примѣнимость, за ихъ, наконецъ, нравственное достоинство. И всѣ ищутъ, и для всѣхъ это исканіе составляетъ нѣчто, поистинѣ, роковое. Когда человѣчество нравственно успокоится на принципахъ жизни, которые оно найдетъ, наше время и наши литературныя направленія предстанутъ совершенно не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они представляются теперь намъ, на слишкомъ близкомъ разстояніи.

Щедринъ, подобно другимъ писателямъ, постоянно выходитъ изъ художественныхъ формъ, и вмѣсто образовъ даетъ размышленія. Но эти размышленія суть только лирическіе порывы, въ нихъ авторъ остается все тѣмъ же сатирикомъ-поэтомъ. Сила лирическаго негодованія придаетъ размышленіямъ сатирика жгучесть, захватывающую читателя. Такимъ лирическимъ порывомъ въ *Пестрыхъ письмахъ* касается онъ самыхъ больныхъ струнъ современности. Онъ говоритъ о той всеобщей жалобѣ, что „жить становится скучно и тяжело", и не въ смыслѣ „сокращенія суммы развлеченій", не въ смыслѣ даже „суммы утратъ и несбывшихся надеждъ", а въ смыслѣ сознанія безплодности мечтаній, и того, что „жизненный процессъ хотя и не прекратился, но въ то же время утерялъ творческую силу". Авторъ говоритъ объ исчезновеніи руководящей идеи, что неоткуда и взяться ей: „прошедшее несостоятельно, будущее загромождено". Сатирикъ говоритъ о попыткахъ разо-

браться въ удручающихъ жизнь противорѣчіяхъ; о томъ, что они еще больше запутываютъ пониманіе предстоящихъ задачъ; что всѣ они, главнымъ образомъ, свидѣтельствуютъ только объ ощущеніи боли, присущемъ рѣшительно всѣмъ, „начиная отъ самыхъ ядовитыхъ и нагло торжествующихъ и кончая самыми наивными и пригнетенными".

Едва ли нужно что-нибудь прибавить къ рисуемой сатирикомъ картинѣ современнаго намъ умственнаго скитанія. Все, что̀ въ ней есть горькаго и больного, давно, разумѣется, чувствуется и сознается; но дѣло писателя почти всегда—только формулировать уже предчувствуемыя обществомъ мысли, приводить къ ясному сознанію и выраженію то, что̀ живетъ въ душѣ смутно, въ формѣ тяжкихъ ощущеній. Характеризуя и изображая умственный бытъ нашъ и вытекающіе отсюда — отъ недодѣлокъ и недомолвокъ — „кризисы" разнаго рода, сатирикъ съ горестью восклицаетъ, что „дѣло совсѣмъ не въ укорахъ и завиненіяхъ", а въ томъ, *чтобы жизнь не калѣчила живыхъ*... И для иллюстраціи нашей жизни сатирикъ знакомитъ читателей съ двумя проектами объ „упорядоченіи" поколѣній, составленныхъ Ѳедотомъ Архимедовымъ.

Въ своей сатирѣ Щедринъ является, именно, такимъ писателемъ, о которыхъ мы говорили выше: и общіе законы жизни присутствуютъ въ его изображеніяхъ, и вопросы чисто-временные. Но сатирику предстояла, быть-можетъ, самая благодарная и благотворная задача—во имя общихъ законовъ жизни защищать человѣка, обличать это удивительное стремленіе не признавать законовъ жизни, калѣчить людей, по изобрѣтеннымъ „тѣми Ѳедотами" проектамъ, составляемымъ въ кабинетахъ и канцеляріяхъ, безъ соображенія съ обстоятельствами жизни, даже насилуя законы природы. Но законы природы и жизни всегда посмѣются надъ дерзкими попытками итти наперекоръ имъ и послужатъ только тѣмъ, кто идетъ въ соотвѣтствіи и согласіи съ ними; они умѣютъ мстить за себя, создавая противоположные ожидаемымъ результаты...

Насмѣшки сатиры имѣютъ общій смыслъ: проекты „упорядоченія", полные непониманія законовъ жизни, создаются не теперь только и не въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ „Ѳедоты". Нисколько не лучше и не умнѣе этихъ Ѳедотовъ люди совершенно иныхъ лагерей, но, подобно имъ,

думающіе, что жизнь можно вытянуть по ниточкѣ; не догадывающіеся, что жизнь—дѣло большое и сложное, требующее внимательнаго изученія и затѣмъ допускающее только расчистку пути для свободнаго проявленія ея законовъ, но не терпящее ломки, которая, естественно, ведетъ за собой смерть или увѣчье.

5.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи *Пестрыя письма* уводятъ насъ отъ современныхъ волненій въ ту блаженную эпоху, когда „катастрофа“ не совершилась и когда, слѣдовательно, все было хорошо, даже великолѣпно; но уводитъ въ это великолѣпное прошлое насъ письмо Щедрина не надолго и только затѣмъ, чтобы снова перенести въ самую суть современныхъ дѣлъ и отношеній. Отношеніе стараго, „докатастрофнаго“ времени къ современности выражено съ поразительною правдой, и читатель невольно всматривается въ перспективу дѣлъ и отношеній, открываемую авторомъ.

Какъ всегда, чисто-общественный элементъ, элементъ вопросовъ и запросовъ, волнующихъ сегодняшняго человѣка, занимаетъ въ сатирѣ большое мѣсто; но, въ противоположность огромному большинству авторовъ произведеній общественнаго характера, сатирикъ не предрѣшаетъ вопросовъ, возникающихъ изъ сложныхъ житейскихъ отношеній, не навязываетъ подборомъ фактовъ своихъ уже готовыхъ мыслей, а заставляетъ говорить факты то, что́ они могутъ сказать. Въ сатирѣ вы не находите, напр., восхваленія настоящаго на счетъ прошлаго, или казни прошлаго въ пользу настоящаго; все въ ней на своемъ мѣстѣ и въ своемъ времени, какъ въ дѣйствительности. Смыслъ фактовъ, смыслъ этой дѣйствительности, историческая послѣдовательность явленій прошлаго и настоящаго—выясняется передъ читателемъ работой его же собственнаго ума, обсуживающаго описанныя явленія.

Вотъ жизнь двухъ представителей правящаго русскаго человѣчества до „катастрофы“, „господъ“ Оконцевыхъ. Основаніемъ ея, китами, на которыхъ стояла она, была—что́ бы вы думали?—Любовь! И вы готовы, чего добраго, прійти въ умиленіе при этомъ столь прославленномъ словѣ... Но Боже, до какой пошлости проявленій можетъ доходить

это „святое“ чувство! Почтеннѣйшіе „старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя—прототипъ, первообразъ Оконцевыхъ—и тѣ возвышеннѣе ихъ. „И мужъ и жена жили душа-въ-душу,—разсказываетъ Щедринъ.—Она взяла на себя всѣ хлопоты по домашнему обиходу и по управленію имѣніемъ; на немъ—лежала только сладкая обязанность любить ее...“ И вотъ, эта-то любовь, не выходящая за предѣлы двухъ человѣкъ и дома, утвержденная на „имѣніи“, составляла всю суть существованія описываемыхъ помѣщиковъ. И больше ничего въ ихъ жизни не было. „Встанутъ, бывало, въ восемь утра; Ариша по хозяйству исчезнетъ, а Савося временно останется одинъ въ цѣлой „анфиладѣ“ комнатъ. Посидитъ онъ и походитъ, какъ вздумается... Но пройдетъ часъ-другой, и онъ уже начинаетъ просовывать голову въ коридоръ, выглядывая, не пройдетъ ли мимо Ариша. И, разумѣется, поймаетъ.—Ариша! ты?—„Ахъ ты мо-о-ой!“—Поцѣлуются и опять... А вечеромъ, еще восьми нѣтъ, а Савося уже—„пѣтушокъ, который къ курочкѣ подъ крылышко баиньки собрался“... И годы проходятъ, а „любовь“ все продолжаетъ торжествовать...

А хозяйство, которымъ такъ занята Ариша? а управленіе имѣніемъ? Не одна же любовь къ мужу и къ спальной занимали Аришу! По современнымъ теоріямъ минувшаго счастія при крѣпостныхъ порядкахъ, нужно предположить, что она была матерью своихъ подданныхъ, „руководительницей изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ“. Къ величайшему сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать что-нибудь подобное, не находя въ описаніи Щедрина описанія именно этой плодотворной дѣятельности Арины Оконцевой, кромѣ того развѣ, что и крестьяне и дворовые говорили про нихъ: „У насъ не господа, а ангелы“.

Но вотъ, наступила „катастрофа“ и доказала новосвѣтскимъ помѣщикамъ уже тысячу разъ опошленное правило, гласящее: „Ничто не вѣчно подъ луною“. Ариша и Савося отрясли деревенскій прахъ отъ ногъ своихъ, не умѣя примириться даже съ мыслью о томъ, что—сегодня наше, а завтра—Божье, и уѣхали въ Москву. Прахъ они, дѣйствительно, отрясли — но захватили съ собой нѣчто болѣе цѣнное, именно: сто-двадцать тысячъ рублей. Вотъ съ этого, именно, и начинаются новыя времена. Савося скоро умеръ и сейчасъ же нашелся человѣкъ, которому деньги понадобились.

Аришу обстроили такъ чисто, что двухъ третей ея денежекъ—увы!—не стало. Это было простое мошенничество. Потомъ г. Рыковъ прелестью процентовъ соблазнилъ обѣднѣвшую госпожу Оконцеву—и послѣдняя треть улетучилась... Такъ сказались „новыя времена“ г-жѣ Оконцевой. И странное дѣло! характеристикой новаго времени, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается тоже любовь, или, по крайней мѣрѣ, расположеніе... но только къ деньгамъ. И это чувство, бывшее въ докатастрофныя времена въ пользу Оконцевой и противъ кого-то другого, теперь уже было противъ нея и въ пользу... мошенниковъ. Вотъ вамъ и новыя и старыя времена въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, въ ихъ „прогрессѣ“...

Здѣсь мы, именно, и приходимъ къ общественному элементу сатиры. Откуда это торжественное шествіе негодяевъ и въ какой мѣрѣ оно споспѣшествуется новосвѣтскими помѣщиками? Оказывается, что „катастрофа“ не прошла даромъ и поселила во всѣхъ благонамѣренныхъ обывателяхъ-рутинерахъ духъ и даръ „пророчества“. Ариша представляетъ любопытнѣйшій типъ послѣднихъ лѣтъ, именно, этою своею стороной. По рутинѣ, не умѣя и думать о чемъ-нибудь лучшемъ тѣхъ порядковъ общественныхъ, которые, впрочемъ, такъ недурны были для нея, она поражалась всякою новизной, видѣла въ ней зло, протестовала, требовала устраненія и усмиренія, угрожая, что „еще не то будетъ“... И такъ какъ Аришами сплошь переполнена русская земля, то, естественно, „пророчества“ дѣйствовали, все, что не боялось будущаго и вѣрило въ него, устранялось, а на сцену понемножку выползали тѣ, которые ни во что не вѣрили, кромѣ эгоизма, которые все продали бы съ спокойною совѣстью и душою, которымъ потому ничего не стоило поддакивать пророчествамъ о зломъ будущемъ, а кстати ужъ и созидать его! Не польстилъ Щедринъ современности. Но кто же не согласится съ тѣмъ, что онъ говоритъ сущую правду, и кто же не видѣлъ „пророковъ“, не слышалъ „пророчествъ“, не чуялъ этого всеобщаго духа пророчествъ, обуявшаго карканьемъ всю нашу родину и столь блистательно выведшаго устранившаго изъ общества все „злое“ и оставившаго торжествовать добродѣтель въ лицѣ „оживителей“ всякихъ промышленностей...

Не ново и ясно, что глупость и невѣжество, одолѣваю-

щія міръ человѣческій, торжествуютъ во всемъ этомъ великолѣпномъ теченіи дѣлъ нашихъ, въ отчаяніе повергающихъ самый безтрепетный мыслящій умъ. Вѣдь, серіозно говоря, не глупо ли и самое расхищеніе милліоновъ, съ перспективами далеко неутѣшительнаго свойства?..

6.

Въ нашемъ обществѣ еще не выработано уваженіе къ слову, пониманіе значенія его; несмотря на факты, свидѣтельствующіе объ этомъ, мы еще недостаточно понимаемъ, что удачная характеристика извѣстныхъ идей и явленій жизни есть сила, двигающая людей къ истинѣ, и что, напротивъ, ложное опредѣленіе, недостаточно ясное изложеніе вещей литературою становится источникомъ удаленія отъ истины, источникомъ заблужденій, вліяющихъ на вѣка. И потому-то у насъ существуетъ постоянное пренебреженіе къ „слогу“, къ языку; у насъ сдѣлалось обычнымъ мнѣніемъ, что дѣло не въ томъ, *какъ* сказано, а въ томъ, *что* сказано, и нѣтъ хоть сколько-нибудь распространеннаго пониманія, что мнѣніе это глубоко ошибочно. Конечно, для того, кто говоритъ и кто пишетъ, повидимому, все равно, какъ бы онъ ни написалъ, лишь бы высказать то, что́ наболѣло на душѣ. Но не все равно читателю, потому что онъ, вѣдь, совершенно ложно можетъ понять мысль автора, можетъ понять превратно— и стремленіе автора къ истинѣ можетъ стать источникомъ заблужденій въ умахъ тысячъ людей. Исторія человѣчества, въ связи съ исторіей языковъ, представляетъ разительные примѣры того, какъ часто смѣшеніе одинаково произносимыхъ словъ и понятій, въ нихъ лежащихъ, вело къ созданію народами легендарныхъ представленій о мірѣ и его жизни, заблужденій, ложившихся въ основу умственной жизни столѣтій. Нужно оставить это пренебреженіе къ формѣ, въ которой выражается мысль, къ языку, къ его силѣ и красотамъ, которыми увлекались не напрасно наши литературные предки.

Щедринъ обладаетъ, именно, этою великою тайной слова; умѣетъ съ силою и опредѣлительностью формулировать мысли и чувства той части русскаго общества, которая способна подняться до той высоты созерцанія жизни, на которой онъ самъ стоитъ.

Въ одномъ изъ *Пестрыхъ писемъ* мы попадаемъ въ сферу литературныхъ, вѣрнѣе сказать, журнальныхъ обстоятельствъ. По свойству большого таланта, Щедринъ отражаетъ наиболѣе типическія стороны ихъ, развитыя временемъ. Конечно, и раньше сатиры Щедрина было извѣстно, что́ дѣлается въ сферѣ современной печати, что́ за типы журналистовъ и писателей создала она; но всѣ болѣе или менѣе извѣстныя разрозненныя явленія соединены сатирикомъ въ сложную картину, открывающую перспективы и прошлаго и будущаго нашей литературной жизни. Грустное положеніе современной русской литературы и печати поселяетъ въ душѣ читателя отвращеніе къ той пошлости, которая заѣдаетъ и уродуетъ таланты и убиваетъ способность лучшихъ чувствъ человѣческихъ, способныхъ удержать человѣка отъ страшнаго нравственнаго паденія. Въ современной печати большею частью не „проводятся“ идеи въ общество, какъ выражались прежде, а производится мелочная и оптовая торговля идеями, вращающимися въ обществѣ отъ прежнихъ временъ; и при этой торговлѣ естественно ожидать, что торгуютъ тѣмъ, на что́ есть спросъ въ данную минуту, а завтра перемѣнятъ товаръ, съ перемѣною требованій покупателей. А покупатели? Но покупатели ищутъ не того, что́ истинно, а того, что́ можетъ утѣшить, принарядить, создать праздничное настроеніе, вмѣсто надоѣвшихъ будней. Толпа капризна и требовательна и изъ двухъ предлагаемыхъ всегда выберетъ не то, что́ нужно и истинно, а то, что́ блеститъ и утѣшаетъ, что́ поддерживаетъ иллюзіи, а не разрушаетъ ихъ. И что же удивительнаго? Какое право имѣемъ мы требовать, чтобы эта масса людская, занятая заботами насущнаго хлѣба, могла въ многосложныхъ дѣлахъ міра всегда видѣть истину, могла отличать обманъ, и потому выбирала бы не то, что льститъ ея инстинктамъ счастія, въ пользу истины. Не масса людская виновата; въ ней, естественно, всегда мало людей, могущихъ обсуждать дѣла, предлагаемыя на ея усмотрѣніе. Виноваты тѣ, кто спекулируетъ на страсти и увлеченія массъ, кто сознательно и намѣренно извращаетъ съ этою цѣлью истину.

И вотъ, руками этихъ-то виноватыхъ созидаются безобразные факты, предлагаемые общественному вниманію сатирой Щедрина. Хищенія, хищенія, хищенія!—вотъ лозунгъ дня. Естественно, въ обществѣ должно, наконецъ, появиться

страстное, неотвратимое желаніе, чтобы прекратилось это господство хищенія, а вмѣсто него, настало царство справедливости. Положимъ, ожидать такого поворота дѣлъ сразу—невозможно. Но почему же ловкому журналисту не подслужиться публикѣ, не польстить ея ожиданіямъ. И г. Подхалимовъ распубликовываетъ: „Господство хищенія кончилось“. Г. Подхалимовъ—„извѣстный отмѣтчикъ, корреспондентъ и публицистъ“, и какъ же не вѣрить ему? А тутъ и другое доказательство. Смотритъ авторъ и глазамъ не вѣритъ: „Печатать дозволяется, цензоръ Бируковъ“. „О, коли такъ, стало-быть, и сомнѣнья быть не можетъ!..“ Дѣло, конечно, не въ томъ, что распубликовывается тотъ или другой фактъ, завѣдомо невѣрный, а въ возникновеніи и возвеличеніи на русской литературной почвѣ страшнаго типа литературныхъ Подхалимовыхъ, тянущихъ литературу въ грязь и тину позорной торговли.

Наблюденіе надъ явленіями современной литературы, ежедневно совершающимися передъ глазами, приводитъ сатирика къ одному изъ печальнѣйшихъ заключеній. Говоря о томъ, что въ послѣднее время чаще и чаще приходится слышать жалобы на оскудѣніе русской литературы и ссылки на отвлеченіе отъ нея даровитыхъ людей адвокатурою и другими болѣе выгодными профессіями, сатирикъ нашъ видитъ въ этомъ только недоразумѣніе.

„Прочитайте,—говоритъ онъ,—любое изъ подхалимовскихъ упражненій, которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка,—и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизненной образности, нежели во всѣхъ „послѣднихъ пѣсняхъ“ потухающихъ стариковъ. Не объ отсутствіи даровитости идетъ рѣчь, а о томъ, что Подхалимовъ сумѣлъ дать своему таланту омерзительную, гнусную, безчестную окраску“...

Другими словами: сатирикъ видитъ не „оскудѣніе“ русской литературы въ наше великолѣпное время, а „оподлѣніе“ ея. Дозволительно принять вполнѣ или не принять мысль автора, но этотъ выводъ одного изъ значительнѣйшихъ писателей русскихъ, имѣвшаго случай видѣть близко литературныя теченія въ продолженіе десятковъ лѣтъ, совершенно свободно можно предложить вниманію тѣхъ русскихъ „писателей“, которые обращаютъ умственную дѣятельность въ позорное ремесло, таскаемое до литературныхъ задворковъ, и проповѣдующихъ терпимость „гнусной

и безчестной окраски" подъ прикрытіемъ принципа „свободы мнѣній".

Но дозволительно не вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ относительно современнаго оскудѣнія русской литературы. Даже, именно, та самая постановка, которую даетъ вопросу сатира, уже опредѣляетъ, что непремѣнно должно быть въ извѣстномъ смыслѣ оскудѣніе и что оно должно состоять прежде всего въ неумѣніи писать, въ уменьшеніи числа людей, умѣющихъ и способныхъ сказать свое слово вѣско и опредѣленно. Если вся даровитость пошла на подхалимовскія продѣлки, то естественно ожидать въ литературѣ страннаго ослабленія убѣжденности, содержательности, имѣнья что сказать, а затѣмъ естественно ожидать постояннаго возрастанія небрежности въ передачѣ мысли (потому что авторы и не дорожатъ ими), постепеннаго упадка языка. Всѣ эти явленія и замѣчаются въ сферѣ русской литературы, отчего бы они ни происходили.

Міръ русской жизни такъ океанически великъ и допускаетъ разсмотрѣніе его со столькихъ различныхъ точекъ зрѣнія, представляющихъ неуловимые оттѣнки, что поэтъ, беллетристъ, сатирикъ, который не нашелъ бы разнообразныхъ воодушевляющихъ его мотивовъ, засвидѣтельствовалъ бы этимъ или бѣдность таланта, или лѣность наблюденія. Сатиры Щедрина слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывнымъ рядомъ. Но каждая изъ нихъ если и не представляетъ содержанія совершенно новаго, то, во всякомъ случаѣ, освѣщаетъ затрогиваемыя явленія съ новыхъ сторонъ, всего чаще имѣющихъ отношеніе къ данному моменту съ его животрепещущими интересами. И потому вдумчивый читатель не утомляется постоянно вызываемыми въ немъ Щедринымъ образами все того же порядка явленій жизни, а находитъ все новыя и новыя разъясненія въ нихъ.

7.

Въ самое послѣднее время русская умственная жизнь какъ-то понизилась, интересы общественные отступили: для отдѣльнаго лица, не удовлетворяющагося личною жизнью и личнымъ теоретическимъ созерцаніемъ міра, стремящагося къ общественному дѣлу, образовалась какая-то тяжкая пустота, заполняемая страстнымъ исканіемъ идеальныхъ

основаній жизни. И это, естественно, не могло не отразиться на сатирѣ Щедрина. Глухое современное существованіе, состоящее въ упорной стойкости и постоянствѣ пустоты, въ господствѣ мелкихъ, но раздутыхъ интересовъ, слишкомъ однообразно, чтобы вызывать въ душѣ писателя опредѣленныя, стройно направленныя къ совершенно ясной жизненной цѣли, стремленія. Поневолѣ взоры разбѣгаются по мелкимъ и ничтожнымъ подробностямъ жизни, сильнымъ только своею подавляющею, непреодолимою массою, но безсильнымъ противъ перваго дуновенія сѣвернаго вѣтра, который разнесетъ ихъ и уничтожитъ, несмотря на массу, на количество. И въ распоряженіе людей, во времена, подобныя настоящему, снова вступаютъ стремленія теоретическія, идеальныя, логическія построенія, желаніе какъ-нибудь помѣститься подальше отъ дѣйствительности съ ея грязью и паразитами, возбуждающими тѣмъ большее отвращеніе, чѣмъ тучнѣе они. Но для людей, ведшихъ продолжительную борьбу за будущее еще въ недавнее время, существуютъ яркіе отголоски прожитого; для нихъ все еще полно близкими воспоминаніями, и имъ невозможно отрѣшиться отъ интересовъ своего прошлаго. Понятно, что въ литературѣ нашего времени на сценѣ все еще старые мотивы, хотя жизнь вытѣсняетъ ихъ медленно, но послѣдовательно и вѣрно. Литература—все еще тѣсно связана съ непосредственнымъ прошлымъ, которое далеко не похоже на настоящее. Даже болѣе—литература обращаетъ свои взоры къ давнему прошлому, какъ бы тамъ ища отвѣтовъ на вопросы настоящаго дня. Въ этомъ обращеніи къ прошлому есть утѣшительныя черты серіозной мысли и безпристрастнаго сужденія.

Не слѣдуетъ забывать, что прошлое совсѣмъ не такъ далеко отъ настоящаго, какъ это можетъ казаться; по крайней мѣрѣ, есть для того и другого общія причины, анализируя которыя въ ихъ прошлыхъ проявленіяхъ, не особенно удаляешься отъ настоящаго. Сатиры Щедрина, всегда захватывающія коренныя явленія, центры жизни, должны обязательно относиться, именно, къ такимъ произведеніямъ, которыя, говоря о прошломъ, будутъ характеризовать настоящее. И слѣдовательно, въ отношеніяхъ ко всему, что мы разъясняли выше, сатиры Щедрина являются тѣмъ, чѣмъ всякое художественное произведеніе сильнаго таланта всегда будетъ

для читателей и прошлаго, и настоящаго, и будущаго,— молотомъ, всегда бьющимъ въ цѣль коренныхъ явленій жизни, будетъ ли она поставлена близко или далеко, въ вопросѣ ли минуты или въ роковомъ и вѣковѣчномъ вопросѣ: „Что́ есть человѣкъ?“

Одно изъ *Пестрыхъ писемъ* ставитъ читателя среди старинныхъ персонажей щедринской сатиры—помпадуровъ, не въ авантажѣ обрѣтающихся и занимающихся воспоминаніями о прошломъ величіи своемъ. Такимъ образомъ, сатира косвенно отвѣчаетъ на вздохи и чаянія, обращенныя нынѣ къ прошлому и существовавшимъ въ немъ устоямъ жизни. Но главное въ ней, ея суть, ея неоспоримая мораль и философія—въ самыхъ персонажахъ помпадуровъ не въ авантажѣ. Мы, читатели изъ родной и автору и этимъ персонажамъ среды, не можемъ—не одумавшись, по крайней мѣрѣ—правильно оцѣнить съ первыхъ же моментовъ всю характеристичность сатирическихъ образовъ Щедрина. Когда намъ представляютъ въ картинахъ дикій бытъ, дикую жизнь и дикія формы мыслей какого-нибудь папуасскаго племени мы изумляемся и негодуемъ; но если съ совершенно художественной полнотой изобразить папуасовъ имъ самимъ, этимъ зрителямъ все покажется и законнымъ и естественнымъ. То же самое правило существуетъ вполнѣ и безапелляціонно для не однихъ только великолѣпныхъ представителей русско-помпадурской „цивилизаціи“, а и для всего человѣчества. И если какого-нибудь персіянина заставить проѣхаться по Европѣ, какъ это сдѣлалъ въ своихъ знаменитыхъ письмахъ Монтенсьё, глазамъ его представится пестрая картина удивительныхъ безобразій и безсмыслія, для самихъ участниковъ ихъ почти нечувствительныхъ. Судить произведенія Щедрина можно главнѣйшимъ образомъ, именно, съ этой точки зрѣнія. Сатирикъ вѣренъ сатирическимъ чертамъ нашего общества и времени необычайно; но все необычайное безобразіе этихъ чертъ можетъ ускользнуть отъ привычнаго къ нимъ взгляда русскаго человѣка.

Пусть чуждый нашей жизни иностранецъ узнаетъ изъ сатиры Щедрина, что главное въ воспоминаніяхъ бывшихъ „помпадуровъ“, центръ ихъ мечты о достигнутыхъ ими результатахъ, выражается въ слѣдующемъ, напримѣръ, разговорѣ, заставляющемъ млѣть присутствующихъ.

„Лукерья Ивановна разсказывала, какъ она однажды въ Москву изъ

„своей“ губерніи ѣздила:—Сначала по своей губерніи ѣхали—ну, натурально... „Тише, сумасшедшіе, тише! куда вы, сломя голову, летите!“...—Не безпокойтесь, ваше превосходительство, мы въ отвѣтѣ!—„Ну, коли такъ, Богъ съ вами, поѣзжайте“... и т. д.—„Да, были лошади! были!—отозвался генералъ Краснощековъ,—и лошади были, и колокольчики были, и ѣзда была, и ямщики были! Все было!“... Онъ на мгновеніе поникъ головой и многозначительною густою октавой проговорилъ: „И страхъ былъ!..“

Авторъ, выслушавшій рядъ подобныхъ воспоминаній и сѣтованій на настоящее, узнаетъ

„главныя основанія, на которыхъ зиждилась дореформенная губернаторская власть. А именно: страхъ, быстрая ѣзда на почтовыхъ, поддержаніе въ обществѣ единодушія, при содѣйствіи пикниковъ, и пожары. И все шло прекрасно...“

Скажите, какой персіянинъ и какой папуасъ не былъ бы пораженъ этимъ изумительнымъ направленіемъ власти, которую представляетъ намъ сатирикъ. И если справедливо предположить, что этимъ не исчерпывается все содержаніе принциповъ власти въ прошломъ, то и оно способно поселить во всякой живой душѣ грустнѣйшія мысли насчетъ тщеты жизни человѣческой.

8.

Щедринъ присоединяетъ къ созданнымъ имъ сатирическимъ изображеніямъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые именемъ общественнаго блага прикрываютъ своекорыстныя побужденія, еще одно новое лицо, характеризующее и наше прошлое и наше настоящее. Всматриваясь въ этотъ характеръ, вскрываемый сатирическимъ скальпелемъ автора, вы находите его первенствующую, характернѣйшую и поражающую черту въ томъ, что это—общественный дѣятель только временъ смутныхъ, тѣхъ, когда появляется въ обществѣ приливъ мутной воды, въ которой легко ловить рыбу. Таковъ, именно, Захаръ Иванычъ Стрѣловъ. Этотъ „общественный дѣятель“, которому, чтобы „дѣйствовать“, необходимы умственная неустойчивость и недоразумѣнія въ обществѣ, является въ сатирѣ то исчезающимъ съ общественной арены, то вновь приходящимъ на нее, смотря по измѣняющимся обстоятельствамъ. И судьба его, его карьера, представляетъ въ этомъ смыслѣ любопытнѣйшій эпизодъ, отражающій теченіе русской жизни.

„Если бы не одно дѣльце, да дядя Захаръ Иванычъ вовремя удержался, то былъ бы онъ воротилою, наравнѣ съ

прочими". Но онъ не „остерегся" и воротилою не вышелъ. Въ качествѣ инженера, онъ рылъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ канавы въ Шлюшинѣ. „Хищникомъ, въ современномъ значеніи этого слова, онъ не былъ—въ то время люди были для этого слишкомъ безхитростны,—но взятки бралъ болѣе чѣмъ охотно и въ казнѣ черпалъ неукоснительно". Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже штабсъ-капитанъ и „почувствовалъ у себя въ карманѣ такія деньги, что хоть подполковнику не стыдно". Въ то время началъ ходить слухъ, что Петербургъ намѣреваются соединить съ Москвой желѣзнымъ путемъ, и Захаръ Иванычъ принялъ мѣры, чтобы „очутиться въ самомъ сердцѣ желѣзнодорожныхъ вожделѣній". Таково начало его карьеры. Въ сатирѣ Щедрина, по обыкновенію мѣткими, хотя и краткими чертами, заклеймлена личность этого мелкаго плута на его пути стяжанія, который не былъ, разумѣется, скуденъ поводами для униженій въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова. И это описаніе заставляетъ читателя въ одно и то же время смѣяться и скорбѣть надъ извращеніемъ и униженіемъ души человѣческой, яркій примѣръ которыхъ представляетъ любостяжательный и мелкій герой нашъ.

Но тутъ-то, въ самомъ сердцѣ желѣзнодорожныхъ вожделѣній, и ждала майора Стрѣлова напасть. Дорога велась по ровному мѣсту, а онъ рапортовалъ, что срылъ гору; на его несчастіе, мѣсто это было хорошо знакомо, потому рапортъ его произвелъ изумленіе. Дѣло могло кончиться дурно, но „начальство вспомнило прежнія заслуги майора (онъ нѣсколько такихъ горъ срылъ)—и онъ отдѣлался отставкой".—„И чортъ меня попуталъ,—жаловался майоръ, раскладывая пасьянсъ;—въ другомъ мѣстѣ двѣ горы могъ бы срыть, а тутъ изъ-за одной горушки пропадаю!" Но дѣлать было нечего, и онъ совсѣмъ бы погибъ въ неизвѣстности, если бы на помощь къ нему не подоспѣли „вѣянія".

„Что такое вѣяніе?" спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ такъ: „это—одно изъ выраженій той поскудной терминологіи, которая получила у насъ право гражданственности тридцать лѣтъ тому назадъ. Означаетъ оно: вотъ что нужно дѣлать, чтобы какъ можно больше напакостить. Вся эта терминологія есть плодъ личной алчности и совершеннаго отсутствія представленій объ интересѣ общественномъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни объ отечествѣ, ни о согражданахъ, ни объ общемъ благѣ. Одна обнаженная алчность—только и всего. Такихъ вѣяній въ нашемъ обществѣ было много, но я намѣчу лишь главнѣйшія. Во-первыхъ, вѣяніе радостныхъ ожиданій; во-вто-

рыхъ, вѣяніе горестныхъ утратъ; въ-третьихъ, вѣяніе хищничества; въ-четвертыхъ, вѣяніе сапоговъ всмятку, и наконецъ...“

Благодаря этимъ-то вѣяніямъ, дядѣ Захару Иванычу суждено было вынырнуть со „дна рѣки забвенія“, въ которую онъ былъ погруженъ обстоятельствами. Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ воздержанія, онъ посѣтилъ Петербургъ въ эпоху радостныхъ ожиданій, когда, „наконецъ, Подхалимовъ открылъ эпоху упраздненія хищничества и торжества покаянія“. Но эта эпоха оказалась, однакоже, неудобною для Захара Иваныча. Его спросили, послѣ большихъ успѣховъ съ его стороны: „Это вы срыли гору на ровномъ мѣстѣ?“ И дядѣ оставалось только стукнуть каблуками и отретироваться. Прошло нѣсколько лѣтъ, и „герой“ снова появляется въ Петербургѣ. „Ахъ, какое это было время! Мрачное, наполненное привидѣніями и какимъ-то удушливымъ безмолвіемъ. Улицы были почти пусты. Немногіе встрѣчавшіеся люди смотрѣли испуганно!“... Дядѣ Захару Иванычу нашлось дѣло, именно: „поступать, какъ слѣдуетъ всякому сыну отечества поступать“. Но и тутъ не повезло ему, и онъ снова удалился въ свой Муромъ. „Въ самый разгаръ желѣзнодорожной схватки“ онъ опоздалъ. Ему сказали: „Проектъ твой превосходный... но наше казначейство такъ скудно средствами...“ Въ настоящее время дядя Захаръ „служитъ предводителемъ, извѣстенъ, какъ человѣкъ, который держитъ свое знамя твердо и грозно, и слухи о его благонамѣренномъ пахальствѣ доходили даже до Петербурга“, и теперь „приглашенъ“ по случаю своего проекта обновленія, озаглавленнаго: „Время не терпитъ!“ Теперь уже никто бы не поставилъ нашему герою въ упрекъ его прошлое. Нашелся, правда, завистникъ, который шепнулъ кому слѣдуетъ, но ему отвѣчали съ неудовольствіемъ: „Всѣ въ свое время горы рыли! То было время, а теперь—другое; господинъ Стрѣловъ понялъ это лучше, нежели кто-нибудь, и конечно“... Собственно, ничего особеннаго съ проектомъ Захара Иваныча не произошло—онъ просто „пріобщенъ къ числу прочихъ“,—но автору его „жизнь снова улыбнулась, какъ въ эпоху раннеи молодости“.

Таковъ основной фонъ сатиры. На немъ съ бо́льшею подробностью отмѣченъ характеръ тѣхъ „вѣяній“, которыя привлекли дядю Захара. Эпоху вѣянія радостныхъ надеждъ сатирикъ опредѣляетъ такъ:

„Тогда говорили: земля наша обильна; и на поверхности и въ нѣ-

драхъ—всего у насъ довольно, и для себя и для Европы. Европа гніетъ и переживаетъ себя, а мы возрождаемся. До сихъ поръ мы жили какъ слѣпые, по милости крѣпостного права, а теперь вольный трудъ всѣ наши богатства откроетъ"... „Хорошее это было время, свѣтлое, хотя, какъ потомъ оказалось, не особенно умное", заключаетъ авторъ. Но кто же могъ думать, что изъ всѣхъ этихъ чаяній ничего не выйдетъ путнаго, кромѣ переворачиванія давно истлѣвшаго хлама?"

Слѣдующія затѣмъ „вѣянія" представляются уже, именно, этимъ „переворачиваніемъ давно истлѣвшаго хлама", торжествомъ, подъ разными благовидными предлогами, все тѣхъ же свойствъ нашей общественности, которыя и прежде благоденствовали, только въ другихъ формахъ, въ другомъ видѣ. Люди, оставаясь тѣми же, сумѣли приноровить къ себѣ новыя формы жизни и сами къ нимъ приноровиться такимъ образомъ, что сущность отношеній измѣнилась мало, и „вѣяніе ожиданій, смѣнившееся вѣяніемъ горестныхъ утратъ, перешло, наконецъ, въ вѣяніе сапоговъ всмятку"...

Конечно, сатира, какъ всякая сатира, облекая въ формы художественныхъ образовъ крайнія явленія жизни и нисколько не претендуя исчерпать жизнь во всей ея цѣлости, дѣлаетъ только то опредѣленное дѣло, что призываетъ мыслить, критически отнестись къ окружающей жизни. Всегда будя мысль въ извѣстномъ направленіи, сатира не даетъ оставлять явленія жизни необсужденными; она приглашаетъ не слишкомъ довѣрчиво относиться къ успокоительнымъ фразамъ о нашемъ движеніи впередъ, о нашихъ завоеваніяхъ въ области мысли и общественности; не даетъ заснуть надъ этими фразами, ставя передъ умственными очами общества идеалы и указывая на противорѣчія имъ. Сила и значеніе сатиръ Щедрина неоспоримо зиждется на томъ, между прочимъ, что идеалы эти—простые общечеловѣческіе идеалы осмысленности и честности человѣческихъ отношеній; ихъ онъ требуетъ отъ человѣка прежде всего, не выдвигая ничего, что̀ не было бы строго обязательно, и осмѣивая то, что̀, поистинѣ, достойно осмѣянія и позора. И потому онъ для всѣхъ убѣдителенъ, когда, раскрывая общественное зло, онъ протестуетъ противъ него во имя общаго блага.

9.

Въ дальнѣйшемъ развитіи сатиры сатирикъ создаетъ новый типъ корыстнаго предателя, для котораго маска измѣ-

няемыхъ подъ вліяніемъ времени убѣжденій служитъ лишь удобнымъ средствомъ къ достиженію личныхъ цѣлей, ничего общаго не имѣющихъ ни съ общественнымъ благомъ ни съ убѣжденіями. Это предатели иной среды, новая разновидность ихъ. Сатирикъ стремится объединить этотъ типъ, возвести его къ одному общему принципу и въ этомъ найти полное объясненіе его нравственной и общественной роли. „Въ пестрыхъ письмахъ было бы ненатурально не упомянуть о пестрыхъ людяхъ, заполонившихъ въ настоящее время вселенную", говоритъ онъ и въ этомъ имени „пестрыхъ" людей хочетъ дать общую—не обвинительную, а только объясняющую—характеристику.

„Пестрое время, пестрые люди. Оттого и жить трудно стало; не на кого положиться, не во что вѣрить; вездѣ шатаніе, пустодушіе, пестрота. Чего не ждешь, то, именно, и случится; отъ кого не чаешь—тотъ, именно, и стукнетъ тебя по темени. Дурное, спутанное время. Проворовались людишки, остатки совѣсти потеряли"... Такъ опредѣляетъ сатирикъ результаты того, что вселенная заполнена нынѣ пестрыми людьми. Но невольно является вопросъ: неужели же въ русской землѣ такъ много оскудѣнія честной мысли и честныхъ дѣлъ, что сплошною полосою проходитъ въ ней сознательная и намѣренная ложь? Сатирикъ, съ своею обычною гуманною мыслью, очевидно, не могъ и допустить такого остраго, безнадежно-пессимистическаго вывода, и даетъ опредѣленное объясненіе тѣмъ сѣтованіямъ на общество, на публику, которыя были въ послѣднее время такъ часты въ устахъ его. Не столько плохъ человѣкъ, сколько слабъ передъ давленіемъ обстоятельствъ, въ которыхъ слагается жизнь общества въ данный моментъ,—таково окончательное заключеніе, которое сквозитъ изъ горькихъ, полныхъ упрека строкъ сатиры. Гораздо болѣе жалокъ, чѣмъ преступенъ человѣкъ, взятый вообще,—такова гуманная сторона мысли писателя, всегда стоявшаго на стражѣ гуманности.

Конечно, само-собою разумѣется, въ обществѣ существуютъ люди, къ которымъ не примѣняется въ полной мѣрѣ это гуманное воззрѣніе, которые сознательно идутъ къ безнравственнымъ цѣлямъ и которые, именно, и создаютъ ту душную атмосферу, гдѣ такъ легко возникаютъ „шатаніе" и нравственная неустойчивость; но большинство сатирикъ относитъ къ тѣмъ, которые, слабые умомъ и волею, являются

жертвами, получающими въ этой душной атмосферѣ нравственное искалѣченіе. Сообразно съ этимъ, сатирикъ дѣлитъ своихъ „пестрыхъ“ людей на три категоріи. Общій признакъ ихъ тотъ, что „совѣсть свою они до дыръ износили, а взамѣнъ совѣсти выросло у нихъ во рту по два языка, и оба лгутъ по-очереди, а иногда—это еще постыднѣе—оба заразъ“; но затѣмъ между ними существуютъ и огромныя различія. Первая категорія состоитъ изъ тѣхъ,

„которые сами себѣ выработали пестрое сердце и пестрый умъ и преднамѣренно освободили себя отъ всѣхъ стѣсненій совѣсти. Это—коноводы и зачинщики. Они пишутъ передовыя статьи, шныряютъ по улицамъ, забираются въ публичныя мѣста... И въ либеральномъ смыслѣ каркаютъ и въ ежево-рукавичномъ“...

Это—„первообразъ“ пестрыхъ людей; но за ними, за этими коноводами и зачинщиками, „остальныя двѣ категоріи составляютъ только „естественный и неизбѣжный придатокъ“. Есть люди, которые, по выраженію сатирика, „пестрятъ“ ради шкурнаго спасенія; ихъ авторъ считаетъ просто несчастными. „Собственно говоря, ихъ даже нельзя причислить къ категоріи пестрыхъ людей, — замѣчаетъ онъ;— это не пестрота, а истязаніе, вымученный отвѣтъ на допросъ съ пристрастіемъ. Ужасно несчастные эти люди!“ Наконецъ, третій сортъ пестрыхъ людей — тѣ, „которымъ фея жизни, при рожденіи, пестрое ремесло въ видѣ дара, въ колыбель положила. Таковы, напр., всѣ Молчалины“. Это—люди, не сознающіе ни своей „пестроты“ ни ея нравственнаго ничтожества и вреда для общества, и „большинство ихъ такъ и умираетъ, не догадавшись объ этомъ“.

„Жалко этихъ людей, со стороны глядя,—говоритъ сатирикъ;—но сами они неудобства такого существованія не сознаютъ. Они обязательно принимаютъ пестроту къ исполненію и, исполнивъ, что по программѣ слѣдуетъ, обязательно же сдаютъ свою работу другимъ безсознательно пестрымъ людямъ, а сами исчезаютъ въ могилѣ“.

Чтобы понять все общественное значеніе пестрыхъ, преимущественно *сознательно* пестрыхъ, людей, лучше всего остановиться на конкретномъ примѣрѣ. Такой примѣръ даетъ самъ сатирикъ, и мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ, какъ краснорѣчиво говорящій самъ за себя.

„Я помню,—говоритъ авторъ,—время, когда впервые народилась идея хожденія въ народъ. Въ основѣ этой идеи лежала отнюдь не пропаганда „науки преступленій“, какъ ябедничали тогда взбудораженные и еще полные жизненности крѣпостники (да не живы ли они и теперь?), а внесеніе луча свѣта въ омертвѣлыя массы, подъемъ народнаго духа... Разскажите

эпизоды этой печальной исторіи и подробности возбужденной ею паники любому культурному нѣмцу—и вы увидите на его лицѣ только недоумѣніе. Онъ вспомнитъ свою добрую молодость, вспомнитъ, какъ онъ, цѣлымъ обществомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ пѣшкомъ всѣ уголки Германіи, посѣтилъ ея горы и долины, изучая родную страну и входя въ непосредственное общеніе съ ея народомъ. И непремѣнно скажетъ, что все это послужило къ пользѣ народной, къ поднятію общаго уровня народнаго самосознанія и къ освѣженію самой культурной среды".

Выше сказано, что сатирикъ изображаетъ въ своемъ письмѣ, между прочимъ, новую разновидность типа „пестрыхъ" людей. И, конечно, его вниманіе должно было остановиться не на тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ двоязычіе есть истязаніе, и не на тѣхъ, кто безсознательно совершаетъ свое пестрое дѣло, а на „первообразѣ", по его выраженію, который, преимущественно, и можетъ служить объектомъ сатирическаго отношенія. Скорняковъ—такъ авторъ называетъ своего героя—вполнѣ характеризуется тѣмъ, что онъ „и поборникомъ ежевой рукавицы былъ, и либераломъ, и западникомъ, и народникомъ, даже „сицилистомъ", какъ теперь говорятъ". Всѣ направленія, всѣ убѣжденія, всѣ „вѣянія"—имѣли для него значеніе лишь постольку, поскольку они служили его личнымъ цѣлямъ. Разсказывая судьбу этого представителя предательства, авторъ, какъ всегда, даетъ мѣткія характеристики нашего общества. Но существенный смыслъ этого лица и окружающаго его общества въ вопросѣ не о томъ, какъ могутъ существовать подобные люди,—гдѣ же ихъ нѣтъ!—а о томъ лишь, какъ возможно, чтобы Скорняковы играли въ обществѣ ту роль, которая достается имъ. Въ этомъ, собственно, главная тягостная сторона картины, изображаемой авторомъ. Страшно не то, что зло существуетъ, а что оно становится двигателемъ жизни, превращающимъ во зло и тѣ безразличные элементы двухъ послѣднихъ категорій пестрыхъ людей, которые, при торжествѣ добра и правды, были бы на сторонѣ ихъ; хотя и безъ всякой способности инициативы, служили бы ихъ цѣлямъ, ихъ еще бо́льшему торжеству въ обществѣ.

А. И. Введенскій.

Критическіе очерки [1]).

— Отчего вы,—говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ любитель „современнаго чтенія“,—отчего вы не занимаетесь въ вашихъ „критическихъ очеркахъ“ г. Щедринымъ. Въ послѣднее время онъ пишетъ такъ часто и такъ хорошо пишетъ, что для критики просто обязательно восхищеніе его писаніями. Къ тому же онъ въ каждомъ своемъ *Пестромъ письмѣ* такъ глубоко задѣваетъ нашу прелестную современность, что остается только удивляться силѣ и неувядаемой свѣжести его сатирическаго таланта. А вы, кажется, не удивляетесь этому таланту?

— Напротивъ, я всегда удивляюсь и удивлялся и таланту г. Щедрина и неувядаемой свѣжести этого таланта, какъ вы выражаетесь, и еще болѣе тому, что плоды этого таланта такъ изобильны, такъ постоянны. Когда я читаю „періодическія сатиры“ г. Щедрина, въ которыхъ онъ съ такою искреннею скорбью, съ такимъ выразительнымъ сокрушеніемъ выставляетъ полную безнадежность переживаемаго нами времени, безнадежность во всѣхъ отношеніяхъ: въ политическомъ, въ соціальномъ, въ моральномъ, даже въ литературномъ,—когда я читаю его „жгучія“ сатиры по этому печальному поводу, то мнѣ невольно хочется спросить сатирика: какъ это онъ можетъ писать въ такое безнадежное время и, притомъ, писать столь часто и изобильно, почти съ непрерывающеюся періодичностью; какъ это у него не опустятся руки; какъ онъ не почувствуетъ полной прострація, въ виду окружающей его „тьмы“, въ виду торжествующихъ „утробныхъ инстинктовъ“, въ виду гибели всего прекраснаго, человѣческаго и либеральнаго, въ виду полнаго ликованія всего сквернаго, животнаго и ретроградnаго? Что руководитъ нашимъ сатирикомъ, что поддерживаетъ неослабно

---

[1]) „Новое Время“, 1885 г., № 3330. (См. выпускъ II-й, стран. 49.)

его непрерывную дѣятельность: высо́кое ли, поистинѣ, стоическое мужество, не поддающееся никакимъ ужасамъ и скандаламъ безобразной оргіи времени, или же просто усвоенная долгими годами привычка „побуждать къ перу руки“? Если указанное мужество, то г. Щедринъ представляетъ почти античный характеръ: онъ выходитъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы россійскимъ Тразеею Петомъ, величественная фигура котораго возвышается живымъ укоромъ общему моральному растлѣнію времени. Если же указанная привычка, то г. Щедринъ... является однимъ изъ самыхъ трогательныхъ подтвержденій истины, что съ привычкой можно переносить очень мирно и удобно самыя несноснѣйшія существованія, что привычка, по глубокому свидѣтельству великаго поэта,

Свыше намъ дана:
Замѣна счастія она.

И не только замѣна счастія; она можетъ быть у писателя замѣною искренняго пафоса, одушевленія, живой мысли, горячаго и послѣдовательнаго убѣжденія, гражданскаго чувства и... и много еще чего!

Наше время несносно, говоритъ г. Щедринъ въ каждой своей сатирѣ. Это не только время толченія на одномъ мѣстѣ, но даже время, котораго основной девизъ—„поспѣшай обратно“. Это время глупой и мелкой реакціи, время возрожденія всякихъ угнетающихъ началъ и упраздненія всякихъ „честныхъ“ и либеральныхъ идеаловъ и преданій; это время тайнаго заговора противъ прогресса; время „антипреформенныхъ бунтарей“; время „самыхъ обыкновенныхъ плѣшивыхъ стариковъ, которые даже твердой пищи разжевывать не въ силахъ, которые не то говорятъ, не то урчатъ и ведутъ себя до того тлетворно, что безъ хорошаго вентилятора съ ними невозможно быть“. Это время, когда мы „вездѣ встрѣчаемся съ несомнѣнными сивыми меринами, которые пропагандируютъ несомнѣнно полоумные фантазіи и бреды, и, необинуясь, присвоиваютъ имъ наименованіе политическихъ и административныхъ программъ“. Это время, когда окружающая дѣйствительность не представляетъ „ничего, кромѣ навоза“; время, „когда въ печати господствуетъ“ полная сутолока и въ этой сутолокѣ ясно только одно: на каждомъ шагу продается отечество. Это время, когда „вся интеллигентствующая Россія охвачена сѣтью конспиративныхъ белибердъ, которыя не могутъ опредѣлить предмета своихъ вожделѣній и

протестуютъ, единственно, подъ вліяніемъ взбудораженнаго темперамента". Это время, когда белиберда стала „воздухомъ, которымъ мы дышимъ, хлѣбомъ, которымъ мы питаемся; когда она представляетъ отличнѣйшую во всѣхъ смыслахъ рекомендацію". Это время, когда „живые притаились въ могилахъ, мертвые самочинно встали изъ гробовъ и ходятъ по стогнамъ, стуча костями"; когда „кладбищенское волшебство замѣнило здоровую реальную жизнь"; когда „такія слова вошли въ обиходъ, которыя считались давно упраздненными, такія мысли пріобрѣли авторитетъ, отъ которыхъ недавно даже оселъ отказывался".

Вотъ какое это время. Ужасно—если истинно; а должно-быть, истинно, потому что не станетъ же лгать на склонѣ своихъ дней почтенный и маститый сатирикъ. Тамъ кто какъ хочетъ думай, а я, съ своей стороны, готовъ вѣрить г. Щедрину, готовъ согласиться съ нашимъ Ювеналомъ, что мы переживаемъ, именно, такое время. Но разъ повѣривъ этому, разъ согласившись съ авторомъ *Пестрыхъ писемъ*, я никакъ не могу понять вотъ чего: какъ можно въ подобное время что-либо проповѣдывать путемъ живого слова; какъ можно сохранить при такой проповѣди убѣжденіе, что живое слово, вызванное живою мыслью, можетъ имѣть какое-либо значеніе тамъ, гдѣ „по стогнамъ ходятъ мертвецы", гдѣ господствуетъ полная белиберда, гдѣ пріобрѣли авторитетъ мысли, отъ которыхъ даже оселъ недавно отказывался, гдѣ несомнѣнные сивые мерины пропагандируютъ полоумные бреды, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ белиберды и навоза. Для кого и для чего будетъ звучать проповѣдь, хотя бы даже она имѣла самое „либеральное" настроеніе? Выступать проповѣдникомъ и протестантомъ среди поголовной белиберды, среди послѣдователей ословъ, среди мертвецовъ, среди такихъ плѣшивыхъ старичковъ, которые ведутъ себя столь тлетворно, что безъ хорошаго вентилятора съ ними нельзя быть,—выступать при такихъ условіяхъ съ какою бы то ни было проповѣдью, по меньшей мѣрѣ, странно, а по большей, просто нелѣпо. Я думаю, даже настоящій Тразеа Петъ, если бы онъ былъ окруженъ такъ, какъ, по словамъ нашего сатирика, окруженъ онъ, сатирикъ,—я думаю, что даже настоящій Тразеа Петъ не сталъ бы тутъ протестовать и заявлять свои возвышенныя гражданскія и моральныя убѣжденія, а ограничился бы только однимъ протестомъ

молчанія. И такъ какъ въ наше время молчаніе еще, слава Богу, не считается преступленіемъ, какъ считалось во времена Нерона, то, повидимому, г. Щедринъ могъ бы смѣло оставить въ портфелѣ сатирическій протестъ.

Но, повторяю, руководимый, кажется, ничѣмъ больше, какъ единственно одною сладостною многолѣтнею привычкой „побуждать къ перу свои руки“, г. Щедринъ не только не молчитъ, но стремится говорить въ печати больше и чаще, чѣмъ онъ это дѣлалъ когда-либо прежде. Онъ измышляетъ разнообразныя формы для сатирическаго протеста: то сказокъ, то писемъ, то діалоговъ, то разсказовъ, то иносказаній. Г. Щедринъ, писавшій когда-то только въ ежемѣсячныхъ журналахъ сатиры-фельетоны, теперь пишетъ чуть не еженедѣльно фельетоны-сказки въ одной московской газетѣ. „Вѣстникъ Европы“ чуть ли не черезъ каждый мѣсяцъ украшается его болѣе объемистыми сатирами. Г. Щедринъ напрягается почти постоянно и не изнемогаетъ. Его безподобный юморъ отливаетъ всѣми блестящими красками; его сатирическое глубокомысліе роется въ самыхъ глубинахъ „навоза“ современности и переворачиваетъ и такъ и этакъ этотъ навозъ; онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и неослабѣвающимъ постоянствомъ дѣйствуетъ сатирическимъ вентиляторомъ, съ цѣлью провѣтриванія воздуха, заражаемаго тлетворнымъ поведеніемъ плѣшивыхъ старичковъ, и т. д. и т. д. Изумительный талантъ, изумительная дѣятельность! Изумительное дѣйствіе привычки „побуждать къ перу свои руки“!

В. Буренинъ.

„Пошехонская старина“ [1]).

1.

Сатирическіе очерки Щедрина—*Пошехонская старина*, *Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго*—представляютъ собою новое доказательство необыкновенной разносторонности таланта знаменитаго русскаго сатирика. Помнится, въ концѣ шестидесятыхъ или въ началѣ семидесятыхъ годовъ, по поводу сатиръ Щедрина появилась статья, озаглавленная словами: „Свѣжая струя въ русской литературѣ“ [2]). Съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы, и въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ почти каждое новое произведеніе знаменитаго сатирика вносило новую, все новую струю. Несказанно было почти удивленіе многихъ, когда появилась въ печати знаменитая исторія *Господъ Головлевыхъ*, съ точно изъ бронзы вылитою статуею Іудушки,—исторія, столь несходная по манерѣ изложенія съ предшествовавшими произведеніями ея автора. И тогда говорилось, что Щедринъ—истинный художникъ, не укладывающійся въ рамки опредѣленія „сатирика“; что Іудушка Головлевъ—изумительный художественно-созданный типъ, который одинъ способенъ былъ бы дать автору мѣсто и вѣчное значеніе въ русской литературѣ, если бы Щедринъ больше ничего въ своей жизни не написалъ. Появленіе *Сказокъ* вновь дало поводъ къ толкамъ о томъ, что знаменитый сатирикъ обнаруживаетъ все новыя и новыя стороны таланта, которому остается присущею вся свѣжесть и сила молодости. И враги и недруги автора, наравнѣ съ друзьями и поклонниками его, единогласно при-

---

[1]) Эта статья принадлежитъ А. И. Введенскому. (См. выпускъ III-й, стран. 284.)

[2]) См. выпускъ I-й, стран. 173.

знали за *Сказками* столь боль ше значеніе, что сравнивали ихъ съ вѣчно знаменитыми произведеніями Свифта. Проходятъ новые годы, а новыя произведенія Щедрина вновь вызываютъ представленіе о еще нетронутыхъ силахъ авторскаго вдохновенія, способныхъ дать оригинальнѣйшія произведенія, которыхъ ни формы ни содержанія предугадать невозможно.

Пошехонская старина принадлежитъ, именно, къ такимъ произведеніямъ автора, которыя, при всей своей связи съ предшествовавшими, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаются оригинальнѣйшими сторонами и особенностями. Между сатирами, написанными Щедринымъ, есть и такія, которыя бичуютъ исключительно смѣхомъ, и такія, которыя налагаютъ клеймо позора; есть и чисто-лирическіе негодующіе порывы, и слезы даже не сквозь смѣхъ, и смѣхъ совсѣмъ не сквозь слезы; есть сатиры, запечатлѣнныя такою субъективностью, что автора невозможно бы, кажется, и представить себѣ съ бо́льшею или меньшею объективностью описывающаго явленія окружающей жизни. А между тѣмъ *Пошехонская старина* съ перваго же взгляда поражаетъ такимъ почти объективнымъ описаніемъ ушедшаго въ вѣчность помѣщичьяго быта, что это описаніе возможно сопоставлять съ картиной помѣщичьей жизни въ „Снѣ Обломова“ Гончарова—писателя, какъ извѣстно, зачисляемаго въ разрядъ, по преимуществу объективныхъ.

Въ первыхъ главахъ *Пошехонской старины* Щедринъ рисуетъ важнѣйшія стороны семейной жизни нашего еще далеко не давнопрошедшаго времени. Полны и рѣзки эти характеристики; авторъ дѣлаетъ ихъ не съ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ онѣ сдѣланы, напримѣръ, въ „Снѣ Обломова“, а съ сдержаннымъ негодованіемъ. Изображая бытъ, создавшійся на почвѣ крѣпостного права, авторъ говоритъ:

„Съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда незащищеннаго существованія?—и, къ удивленію, отвѣчаешь: однакожъ, жили! И что всего удивительнѣе—объ руку съ этимъ сплошнымъ мучительствомъ шло и такъ-называемое пошехонское „раздолье“, къ которому и понынѣ не безъ тихой грусти обращаютъ свои взоры старички“.

Но, характеризуя такъ прошлое, авторъ не преминулъ замѣтить, что хотя крѣпостное право и снесли на погостъ, но

что на могилѣ для нашихъ временъ „выросло нѣчто—не особенно важное".

„Ибо,—говоритъ авторъ,—хотя старая злоба дня и исчезла, но нѣкоторые признаки убѣждаютъ, что, издыхая, она отравила своимъ ядомъ новую злобу дня, и что, несмотря на измѣнившіяся формы общественныхъ отношеній, сущность ихъ остается нетронутою".

Но, Боже мой!—какія печальныя картины жизни встаютъ передъ читателемъ въ изображеніи этого прошлаго, отравившаго своимъ ядомъ и настоящее. Даже чисто-физическое воспитаніе, кормленіе, вошедшее въ славу задолго до олицетворенія настоящей русской дворянской маменьки въ госпожѣ Простаковой,—даже физическое воспитаніе, какъ оно изображается авторомъ, должно было дѣйствовать убивающимъ образомъ на развитіе и физическое и нравственное. Описаніе выходитъ до такой степени поражающе, что самъ же авторъ предвидитъ возможность, естественность возраженія.

„Но вы описываете не дѣйствительность, а какой-то вымышленный адъ!—могутъ сказать мнѣ (говоритъ авторъ). Что описываемое мною похоже на адъ—объ этомъ я не спорю; но въ то же время утверждаю, что этотъ адъ не вымышленъ мною. Это „пошехонская старина"—и ничего больше. И, воспроизводя ее, я могу, положа руку на сердце, подписаться: съ подлиннымъ вѣрно".

Картины воспитанія „нравственнаго" производятъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе. Семейная разладица, раздѣленіе дѣтей на любимыхъ и постылыхъ, раннія мечты дѣтей о томъ, кому что останется отъ маменьки,—все это въ зловѣщихъ очертаніяхъ проходитъ передъ читателемъ. И невольно встаетъ передъ нимъ вопросъ: да какъ же, въ самомъ дѣлѣ, возможно жить, не имѣя въ воспоминаніяхъ даже о дѣтствѣ, объ этой наибольше безгрѣшной и чистой порѣ существованія, ничего, кромѣ ужасовъ безчеловѣчія? Неужели же, наконецъ, мать-природа, чувство которой прирождено человѣку, не смягчала, не скрашивала этихъ гнетущихъ впечатлѣній. Но сатирикъ предусмотрѣлъ и этотъ вопросъ; и вотъ, что онъ пишетъ о вліяніи на душу ребенка природы въ *Пошехонской старинѣ*:

„Бываютъ счастливыя дѣти,—говоритъ онъ,—которыя съ пеленокъ ощущаютъ на себѣ прикосновеніе тѣхъ безконечно-разнообразныхъ сокровищъ, которыя мать-природа на всякомъ мѣстѣ расточаетъ передъ каждымъ, имѣющимъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать... Что касается до насъ, то мы знакомились съ природою случайно и урывками—только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву или изъ одного имѣнія въ другое. Остальное время все кругомъ насъ было темно и безмолвно"...

И это дѣйствительное, ужасное, ненормальное и бѣдное впечатлѣніями существованіе авторъ признаетъ типическимъ общимъ для „пошехонской старины“.

Въ примѣчаніи къ самому началу очерковъ онъ говоритъ:

„Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я разумѣю подъ этимъ названіемъ вообще мѣстность, аборигены которой, по мѣткому выраженію русскихъ присловій, въ трехъ соснахъ заблудиться способны. Прошу также не смѣшивать мою личность съ личностью Затрапезнаго, отъ имени котораго ведется разсказъ,—автобіографическаго элемента въ моемъ настоящемъ трудѣ очень мало; онъ представляетъ собой просто-напросто сводъ жизненныхъ наблюденій, гдѣ чужое перемѣшано съ своимъ, а въ то же время дано мѣсто и вымыслу“.

Это примѣчаніе даетъ опредѣленныя границы для времени и мѣста пошехонской старины; и тѣмъ не менѣе, такъ какъ Пошехонье сатирика есть отраженіе дѣлъ и порядковъ прошлаго, общихъ для всѣхъ мѣстъ нашей родины, такъ какъ повсюду въ ней, въ большей или меньшей степени, примѣнялись пошехонскіе уставы и обычаи, то и характеристики автора, характеристики сатирическія, т.-е. имѣющія въ виду отрицательныя стороны жизни, примѣнимы также повсюду, но въ большей или меньшей степени. И тамъ, гдѣ кичились своимъ европейскимъ просвѣщеніемъ—гдѣ-нибудь въ домѣ Ласунской (въ „Рудинѣ“ Тургенева),—торжествовало все то же Пошехонье, лишь подъ другою окраскою.

2.

Глава *Пошехонской старины—День въ помѣщичьей усадьбѣ*—представляетъ детальное изображеніе того, какъ жили и чѣмъ жили, какими умственными и нравственными интересами руководились типическіе представители уѣздной глуши помѣщичьей,—изображеніе настолько объективное, что его смѣло можно ставить рядомъ какъ съ „Сномъ Обломова“, такъ и съ „Дѣтствомъ и отрочествомъ“ гр. Л. Толстого. Правда, въ *Пошехонской старинѣ* группируются все больше темныя краски, темныя черты быта, не оставляющія просвѣтовъ и вызывающія изъ души автора болѣзненный крикъ: „Кто повѣритъ, что было время, когда вся эта смѣсь алчности, лжи, произвола и безсмысленной жестокости, съ одной стороны, и придавленности, доведенной до поруганія человѣческаго образа, съ другой, называлась... жизнью?!“ Но,

вѣдь, и въ „Снѣ Обломова“ мы находимъ почти только однѣ отрицательныя стороны быта, потому что положительныхъ-то сторонъ, которыя подходили бы подъ идеалы автора „Обломова“, почти и не было въ этомъ бытѣ. Точно такъ же и въ *Пошехонской старинѣ*. Нельзя не помнить того обстоятельства, что какъ ни много въ нашей жизни еще преданій этой старины, все же въ своихъ основахъ старина—дѣло прошлое, и автору естественно было отнестись къ ней безъ той горечи, безъ той степени горечи, хотѣли мы сказать, которую вызывало бы настоящее; и потому авторъ объективнѣе относится къ ней, сохраняя только тихую горечь воспоминаній.

Какая поучительная картина получается изъ этого подробнаго анализа столь недавняго прошлаго нашей жизни! Авторъ искусно вскрываетъ передъ вами сокровенные—впрочемъ, и не очень даже сокровенные—мотивы, движущіе тою жизнью. Вы видите, какъ тяжелая и душная атмосфера одуряющаго эгоизма, съ одной стороны, и безотвѣтной приниженности, съ другой, развращаетъ все, что̀ входитъ въ нее или даже соприкасается съ ней. Передъ подрастающимъ поколѣніемъ проходятъ угрюмою чередой тягостнѣйшія явленія; но оно давно привыкло къ нимъ и смотритъ на все окружающее и на задачи своей жизни совсѣмъ съ неожиданной стороны. Вотъ, передъ нимъ день, начинающійся пощечинами, раздаваемыми мамашей въ дѣвичьей, продолжающійся пощечинами за съѣденныя двѣ-три горсти малины и оканчивающійся тяжелою сценою поимки бѣглаго солдата.

Сцена, на которую дѣтки смотрятъ изъ оконъ дѣвичьей, ужасна.

„Солдатъ изможденъ и озлобленъ (окруженный толпою приведшихъ его къ господскому крыльцу крестьянъ и связанный). На немъ нестряпанные до клочьевъ истрепанные портки и почти истлѣвшая рубаха, изъ-за которой виднѣется черное, какъ голенище, тѣло. Блѣдное лицо блеститъ крупными каплями пота; впалые глаза безпокойно бѣгаютъ; связанныя сзади въ локтяхъ руки безсильно сжимаются въ кулаки. Онъ идетъ, понуждаемый толчками, и кричитъ:—Я казенный человѣкъ—не смѣете вы меня бить!.. Я самъ, коли захочу, до начальства дойду... Не смѣете вы! И безъ васъ есть кому меня бить!“

Но этотъ преступный, а еще болѣе несчастный человѣкъ вызываетъ не состраданіе къ себѣ, а издѣвательство со стороны барыни. Объ озлобленныхъ крестьянахъ, потеря-

вшихъ на поимку его дорогóй лѣтній рабочій день, ужъ и говорить нечего, хотя они все-таки человѣчнѣе относятся къ нему. Храбрящійся сначала солдатъ въ концѣ-концовъ, падая духомъ, падаетъ и тѣломъ къ ногамъ помѣщицы:

„Матушка ты моя, заступница!—не кричитъ, а какъ-то безобразно мычитъ онъ, рухнувшись на колѣни,—смилуйся ты надъ солдатомъ! Вѣдь, я... вѣдь, мнѣ... ахъ Господи! да что жъ это будетъ! Матушка, да ты посмотри! Ты на спину-то мою посмотри! (Онъ уже прогнанъ былъ сквозь строй.) Вотъ онѣ, скулы-то мои... Ахъ Ты Господи милосливый!“

Но помѣщица резонно и холодно читаетъ ему пасмѣшливыя наставленія и приказываетъ забить въ колодки, и дѣтскіе голоса раздаются изъ оконъ дѣвичьей: „Колодки, колодки забиваютъ!“—въ то время какъ маменька ихъ говоритъ: „Ишь, печальникъ нашелся! Ужъ не на всѣ ли четыре стороны тебя отпустить!..“

Идутъ дѣтки по деревнѣ—и съ каждой избой у нихъ связывается жестокое воспоминаніе. Одинъ разоренъ по милости каприза барыни; другая, неволею отданная изъ горничныхъ замужъ за бѣдняка, на ироническій вопросъ дѣтокъ: хорошо ли ей жить,—отвѣчаетъ: „Ничего, буду-таки за вашу маменьку Бога молить. По смерть ласки ея не забуду“... И такъ далѣе. Но дѣтокъ во всемъ этомъ интересуетъ одна существенная сторона—то, что маменька подобными способами сумѣла создать солидное для нихъ наслѣдство. Поступки мамаши по отношенію къ крестьянамъ встрѣчаютъ ихъ безусловное одобреніе. Они называютъ ее „молодцомъ“, говорятъ, что у нея „губа не дура“, и что если бы не она, сидѣли бы они теперь при отцовскихъ трехстахъ-шестидесяти душахъ. И со стороны гувернантки своей они встрѣчаютъ полное одобреніе: „Вотъ теперь вы правильно разсуждаете,—говоритъ она,—и я маменькѣ про ваши добрыя чувства разскажу. Ваша маменька—мученица!..“

Какимъ же образомъ въ этой нравственно-удушающей атмосферѣ могъ сохраниться герой сатиры, отъ лица котораго ведется разсказъ. Вотъ что́ авторъ разсказываетъ объ этомъ устами своего героя:

„Весь домашній нашъ укладъ такъ плотно сложился, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-нибудь свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ; итти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ

Кирюшкой, котораго не нынче—завтра ожидала „красная шапка“. Такимъ животворнымъ лучомъ было для меня евангеліе“...

Но развѣ евангеліе не было въ рукахъ всѣхъ въ этомъ быту, который описываетъ авторъ? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ.

„Большинство,—говоритъ авторъ,—разумѣло подъ этимъ словомъ („евангеліе“) извѣстный церковно-служебный моментъ. Говорилось: „Мы пришли къ обѣднѣ, когда еще евангеліе не отошло“; или: „Это случилось, когда звонили ко второму евангелію“ и т. д. Внутреннее содержаніе книги оставалось закрытымъ и для наиболѣе культурныхъ людей. И не потому, чтобы это содержаніе представляло собой обличеніе, а просто вслѣдствіе общей низменности жизненнаго строя, который весь сосредоточивался около запросовъ утробы“.

Но герою нашему пришлось случайно познакомиться ближе съ евангеліемъ—и въ немъ совершился переломъ.

„Главное, что́ я почерпнулъ изъ чтенія евангелія,—говоритъ онъ,—заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ не такъ легко порабощалъ меня“... И далѣе: „Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То „свое“, которое заговорило во мнѣ, напомнило мнѣ, что и *другіе* обладаютъ такимъ же, равносильнымъ „своимъ“. И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ человѣческихъ существъ“.

Такъ явилась возможность для нашего героя выхода изъ одуряющей атмосферы рабства...

3.

Русское общество переживаетъ такое время, когда необходимъ анализъ явленій не одного только настоящаго, а, быть-можетъ, еще болѣе и прошлаго, въ которомъ люди извѣстныхъ убѣжденій преднамѣренно хотятъ видѣть время порядка и устойчивости, и картина его, нарисованная великимъ талантомъ, является въ этомъ смыслѣ полною современнаго интереса, составляя въ то же время цѣнное пріобрѣтеніе для русской литературы.

Даже среди произведеній самого Щедрина не много найдется такихъ, которыя могли бы сравняться съ *Пошехонскою стариной* по реальности изображенія жизни и по глубинѣ

психологическаго анализа. „Тетенька Аѳиса Порфирьевна“—одно изъ тѣхъ порожденій крѣпостническаго склада жизни, на которыхъ съ негодованіемъ останавливается гуманный человѣкъ. Если безконтрольное и безграничное господство надъ волею и поступками людей развращало подчиненныхъ ему, то не въ меньшей, если не большей, степени оно нравственно калѣчило и господствовавшихъ, развращая ихъ волю, дѣлая ихъ желанія и капризъ, ихъ произволъ—единственнымъ закономъ, которому они подчинялись, и, такимъ образомъ, подрывая въ нихъ всякіе нравственные устои. А жизнь, возникавшая на этой почвѣ, жестокая и безсмысленная, ложившаяся тяжкимъ гнетомъ на всякаго человѣка, подчинявшая и его самого произволу хотя въ извѣстный періодъ существованія, усиливала зло, какъ бы давая своего рода право на произволъ, когда возможность его переходила въ его руки. „Я же терпѣлъ и подчинялся—потерпите и подчиняйтесь и вы“, могъ сказать даже не худшій человѣкъ, прошедшій школу безправнаго существованія, какъ это говаривали въ недалекую старину часто добряки старые офицеры, выслужившіеся изъ рядовыхъ. Зло здѣсь лежало не въ личной испорченности человѣка, а гораздо болѣе—въ самомъ складѣ всей жизни.

Тетенька Аѳиса Порфирьевна была поставлена въ положеніе болѣе или менѣе исключительное даже и при порядкахъ тогдашняго времени: біографія ея полна ужаса. Выйдши замужъ за офицера, она уѣхала за нимъ „въ полкъ“ на чистое страданіе. Уже самое сватовство носило характеръ подготовленій къ борьбѣ, которая должна была начаться въ возникавшей семьѣ. Отецъ невѣсты счелъ приличнымъ предупредить жениха: „Ты смотри въ оба! Ты, сказываютъ, лихъ, да и она у насъ пещечко!“—„Не безпокойтесь, будетъ шелковая!“ отвѣчалъ женихъ. А мать дѣвушки, съ своей стороны, въ томъ же духѣ предупреждала Фисочку: „Смотри, Фиска! ты лиха, а твой Николушка еще того лише. Какъ бы онъ подъ пьяную руку тебя не зарубилъ!“ Но и Фисочка спокойно отвѣтила: „Ничего, матушка, я на себя надѣюсь! упетается! по струнке ходить будетъ!“

И вотъ, послѣ переговоровъ о томъ, „кто кого лише и кто кого прежде поѣдомъ-съѣстъ“, состоялся этотъ удивительный союзъ на счастіе цѣлой жизни. Естественно, что результаты не могли не сказаться въ самомъ скорѣйшемъ

времени. Въ четыре года скитанія съ мужемъ за полкомъ тетенька Анѳиса Порфирьевна вполнѣ испытала,

„до чего можетъ доходить настоящая человѣческая свирѣпость. Мужъ ся оказался не истязателемъ, а палачомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ утра пьяный и разъяренный, онъ способенъ былъ убить, засѣчь, зарыть живого въ могилу. Въ качествѣ особы женскаго пола, она ждала совсѣмъ не того; она думала, что дѣло ограничится щипками, тычками и бранью, на которые она и сама сумѣла бы отвѣтить. Но вышло нѣчто посерiознѣе: въ перспективѣ ежеминутно мелькало увѣчье, а чего добраго, и смерть... Не разъ Анѳиса Порфирьевна, окровавленная, выбѣгала по ночамъ (когда, по преимуществу, производились экзекуціи надъ нею) на улицу, крича караулъ, по ротный штабъ, во главѣ котораго стоялъ Савельцевъ (мужъ), квартировалъ въ глухой деревнѣ, и на крики ея никто не обращалъ вниманія“.

Какъ не озвѣрѣть человѣку въ такой жизни! Но настала пора и Анфисы Порфирьевны. Отецъ „героя“ умеръ, и онъ, вышедши въ отставку, поселяется въ деревнѣ. Тутъ бы, кажется, и быть простору его инстинктамъ. Но тутъ-то и стерегла его судьба, которой давно ждала жена. Онъ началъ и здѣсь свои подвиги. Подозрѣвая, не безъ основанія, что деньги, прикопленныя отцомъ, сумѣла припрятать фаворитка его, „барская барыня“ Улита, онъ засѣкъ ее нагайками на-смерть. Завязалось дѣло. Не помогли и деньги, скопленныя самимъ Савельцевымъ въ полку извѣстнымъ образомъ, и, несмотря на закупленное тогдашнее подьячество, изъ Петербурга пришла резолюція: „Отставного капитана Савельцева, какъ недостойнаго дворянскаго званія, лишить чиновъ и дворянства и отдать безъ срока въ солдаты въ дальніе батальоны“. Что было дѣлать? „Умная“ жена придумала выходъ. Подъ именемъ барина похоронили умершаго „совсѣмъ кстати“ дворовaго Потапа Матвѣева; дѣло такимъ образомъ потухло само-собою, а баринъ пошелъ гулять по свѣту подъ именемъ столяра Потапки—„и больше ничего“. Вотъ тутъ-то Анѳиса Порфирьевна и показала себя. На другой же день послѣ похоронъ мнимаго барина она облекла настоящаго барина въ синій затрапезъ, оставшійся послѣ покойнаго, отвела уголъ въ казармѣ и велѣла нарядить на барщину, на ряду съ прочими дворовыми. Когда же ей доложили, что баринъ стоитъ на крыльцѣ и проситъ доложить о себѣ, она рѣзко отвѣтила:

„Не надо. Пусть потрудится; Богъ труды любитъ. Скажите ему, поганцу, что отъ его нагаекъ у меня и до сихъ поръ спину ломитъ. И не смѣть

звать его бариномъ. Какой онъ баринъ! Онъ столяръ Потапка—и больше ничего".

Но разгуляться особенно Аѳенсѣ Порфирьевнѣ не пришлось. „Однажды вздумала она погонять мужа на кордѣ"; выведенный изъ терпѣнія, Савельцевъ ушелъ въ городъ и объявился тамъ. Разумѣется, его даже не выслушали и водворили обратно въ мѣстожительство; но вслѣдъ за тѣмъ предводитель вызвалъ Аѳенсу Порфирьевну и предупредилъ ее, чтобы она оставила мужа въ покоѣ, такъ какъ, въ случаѣ повторенія истязаній, онъ вынужденъ будетъ ходатайствовать о взятіи имѣнія ея въ опеку. Судьба мужа нѣсколько измѣнилась. „Потапа" переселили въ Овсецово, отвели особую каморку во флигелѣ и стали держать во дворѣ вмѣсто шута. Все это совершалось на виду у всѣхъ, всѣ знали подробности дѣла, и Аѳенса Порфирьевна даже такъ и прозвище получила „жены покойничка",—но это было въ порядкѣ вещей.

Чего можно было ожидать отъ такой особы—понятно. И вотъ, племянничекъ, Никаноръ Затрапезный, случайно попавшій къ тетенькѣ, съ перваго же шага натыкается на слѣдующую сцену:

„Дѣйствительность, представившаяся моимъ глазамъ,—разсказываетъ онъ,—была поистинѣ ужасна. Я съ дѣтства привыкъ къ грубымъ формамъ помѣщичьяго произвола, который выражался въ нашемъ домѣ въ формѣ сквернословія, пощечинъ, зуботычинъ и т. д., привыкъ до того, что онѣ почти не трогали меня. Но до истязанія у насъ не доходило... По мѣрѣ того, какъ я приближался къ службамъ, до слуха моего доносились сдерживаемые стоны... Я увидѣлъ картину такого возмутительнаго свойства, что на минуту остановился, какъ вкопанный, не вѣря глазамъ своимъ. У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и рвалась во всѣ стороны. Былъ второй часъ дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое слезами и слюною лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица. Дѣвочка терзалась, а тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ нея, преспокойно гуторили два старика, какъ-будто ничего необыкновеннаго въ ихъ глазахъ не происходило... Одинъ изъ этихъ стариковъ оказался „покойничкомъ", мужемъ Аѳенсы Порфирьевны. Сердце мальчика не выдержало, и онъ хотѣлъ отвязать несчастную дѣвочку. Но сама же дѣвочка первая и воспротивилась этому: „Не тронь,—говорила она:—тетенька забранитъ... хуже будетъ! Вотъ лицо фартукомъ оботри... Баринъ!.. миленькій!"

Таковы прекрасныя отношенія между людьми, возможныя въ этомъ прекрасномъ прошломъ, въ этой „пошехонской старинѣ". Тамъ и торжество „семейнаго начала" и принци-

новъ дисциплины и повиновенія—словомъ, „порядка“, незыблемыхъ устоевъ общественности. Скажутъ: да, вѣдь, Анѳиса Порфирьевна съ своимъ мужемъ вмѣстѣ составляютъ очевидныя исключенія, не опровергающія правила; а исключенія возможны всегда и вездѣ, потому что злой человѣкъ всегда найдетъ возможность обойти или игнорировать законъ. Это, конечно, имѣетъ свою долю правды. До такой степени ужасны явленія, описываемыя авторомъ, что можно бы ихъ считать маловѣроятными, если бы исторія того времени не сохранила фактовъ и дѣлъ, еще болѣе поразительныхъ. Но дѣло совсѣмъ и не въ томъ. Самъ авторъ указываетъ исключительность подобныхъ явленій уже тѣмъ, что Анѳиса Порфирьевна стала далеко въ околоткѣ притчею; что къ ней относились недружелюбно, до извѣстной степени избѣгали ее, не знакомились съ ней и не водили хлѣба-соли. Но это же окружающее общество терпѣло ее и находило только, что она, такъ-сказать, переходила границы; а самыя дѣйствія считало все же въ порядкѣ вещей, признавало самый порядокъ естественнымъ. Значитъ, въ большей или меньшей степени всѣ держались той же системы человѣческихъ отношеній, изъ которыхъ логически вытекала *постоянная возможность* злоупотребленій, лишь бы на нихъ была добрая воля. Анѳиса Порфирьевна, какъ и мужъ ея, находятъ полную защиту со стороны и предводителя дворянства, и суда, и всего общества, когда имъ грозитъ сверху возмездіе, вызываемое болѣе гуманнымъ пониманіемъ общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ, самый порядокъ дѣлъ стараго русскаго общественнаго строя, въ своихъ основахъ и подробностяхъ, находитъ въ сатирѣ Щедрина яркое освѣщеніе.

4.

Продолженіе сатиры Щедрина переноситъ насъ изъ деревни, гдѣ до сихъ поръ происходило дѣйствіе, въ Москву. Но дѣло отъ этого по отношенію къ героямъ произведенія измѣняется мало, и передъ нами совершается все та же безпощадная, полная внутренняго драматизма, борьба изъ-за презрѣннаго золотого тельца, но только въ новой обстановкѣ, съ новыми деталями. Какъ помнитъ читатель, мать нашего героя, Никанора Затрапезнаго, происходила изъ ку-

ческаго рода; отецъ ея и братья, коренные москвичи, и составляютъ центръ, около котораго сосредоточивается интересъ разсказа.

Отецъ, „дѣдушка Павелъ Борисычъ“, какъ онъ называется въ очеркахъ, представляетъ собою любопытный типъ, выработанный старою русскою, да еще купеческою, жизнью. Ему уже за семьдесятъ лѣтъ, но онъ скрываетъ свои года, потому что боится умереть, и при немъ состоитъ еще нѣкая Настасья „кралей“. Этотъ старикъ, послѣ своихъ торговыхъ злоключеній и удачъ, разъ отказавшись отъ нихъ, является до такой степени лишеннымъ всякихъ интересовъ, что жизнь его превращается въ невѣроятно нелѣпую канитель безсмысленныхъ занятій. Въ ней нѣтъ того, что́ принято называть обломовщиной—старикъ не лѣнивъ и даже обнаруживаетъ недюжинную для своихъ лѣтъ жизнеспособность,—но въ душѣ его нѣтъ никакихъ элементовъ къ разумному человѣческому существованію. Вотъ его день, какъ его описываетъ авторъ. Онъ сидитъ у окна своего небольшого деревяннаго домика, въ одномъ изъ переулковъ, окружающихъ Арбатъ. Съ одной стороны у него столикъ, на которомъ лежитъ вчерашній нумеръ газеты; съ другой, на подоконникѣ, лежитъ круглая табакерка съ березинскимъ табакомъ и кожаная хлопушка, которою онъ бьетъ мухъ. У ногъ его сидитъ его другъ и собесѣдникъ, жирный котъ Васька, и умывается. Одѣтъ старикъ въ ватный халатъ, который можно назвать скорѣе капотомъ. Еще рано; но онъ уже напился чаю и глядитъ въ окно, слѣдя за извозчиками, за продавцами съ лотковъ разной дряни; иногда покупаетъ что-нибудь; а чаще всего раздается крикъ: „Настáсь! а Настáсь!“—„Что еще?“—слышится издалека отвѣтъ. „Не идетъ!—говоритъ дѣдушка.—Мухи, слышь, одолѣли“.—„Ну и пущай васъ ѣдятъ“, отвѣтитъ Настасья. Дни идутъ за днями все въ одномъ же порядкѣ; больше десяти лѣтъ сидитъ-сидитъ дѣдушка въ своемъ домикѣ, никуда не выѣзжаетъ и не выходитъ. Только два раза въ годъ ему закладываютъ дрожки, и онъ отправляется въ опекунскій совѣтъ за полученіемъ процентовъ.

Но въ этой, повидимому, мирной жизни далеко отъ идиллической простоты „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Тамъ—какъ-никакъ, а все-таки трогательная любовь Аѳанасія Ивановича къ женѣ и обратно. Здѣсь—какое-то безчеловѣчіе

лежитъ въ основѣ всего существованія. Интересъ наживы—вотъ все, что тѣснитъ старика со всѣхъ сторонъ, и если онъ самъ не участвуетъ въ бѣшеной погонѣ за деньгами, то только по старческой слабости. У дѣдушки два сына и двѣ дочери, и между ними хитрая, обманная борьба изъ-за захвата его имущества. Старшій сынъ, впрочемъ, представляетъ до нѣкоторой степени того „урода“, безъ котораго нѣтъ семьи, по пословицѣ. Выдѣленный и обдѣленный, онъ скромно жилъ въ маленькомъ домикѣ съ мѣщанской дѣвицей Аннушкой, которую страстно любилъ и отъ которой имѣлъ сына. Родныхъ онъ чуждался, къ отцу ѣздилъ только по большимъ праздникамъ. Но, повидимому, никому не мѣшая, онъ всѣмъ мѣшалъ. Аннушка его служила предметомъ ненависти, такъ какъ предполагалось, что ей достанется небольшое состояніе Александра Павлыча. „Помяните мое слово,—повторяли всѣ,—что онъ и домъ и деньги—все своей передастъ! Да, плакали папенькины денежки!“ Дѣйствительно, умирая, Александръ Павлычъ, по духовному завѣщанію, передалъ все, что имѣлъ, сыну и его матери. Но хищники не дремали, и съ духовнымъ завѣщаніемъ его случилась „ловкая штука“. Схоронивши сожителя, Аннушка пришла къ „брату“, къ Григорію Павлычу, посовѣтоваться. „Братецъ“ благосклонно ее выслушалъ и въ заключеніе полюбопытствовалъ взглянуть на завѣщаніе. Затѣмъ взялъ завѣщаніе въ руки, разсмотрѣлъ, убѣдился въ его правильности и... положилъ его въ свой карманъ. Аннушка такъ и ахнула. „Было завѣщаніе, а теперь гдѣ оно?“ сентенціонно присовокупилъ „братецъ“. Дѣло Аннушки, разумѣется, пропало. Справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что Григорій Павлычъ далъ ей на бѣдность сто рублей, а сына опредѣлилъ въ ученье къ сапожному мастеру...

Вотъ какіе герои фигурируютъ передъ читателями. Но этотъ наглый грабежъ, совершенный „братцемъ“, не такъ рѣзко поражаетъ, какъ рядъ ухищреній со всѣхъ сторонъ, направленныхъ на то, чтобы не быть обдѣленными „папенькой“. Такая низость душевная, прикрывающаяся дочернею почтительностью, скрывается во всѣхъ дѣйствіяхъ, наприм., матери Никанора Затрапезнаго, что невозможно безъ негодованія читать очерковъ. Съ тѣмъ талантомъ, который характеризуетъ Щедрина, онъ созидастъ передъ читателемъ рядъ сценъ поистинѣ поразительныхъ по глубинѣ понима-

нія человѣка. Въ общемъ получается страшная картина жизни, приниженной безуміемъ и нравственнымъ развратомъ. Люди ли передъ вами—или дикіе звѣри, по ошибкѣ носящіе на себѣ образъ человѣческій? Тщетно вы ищете настоящихъ человѣческихъ свойствъ въ этомъ сонмѣ людей, связанныхъ къ тому же родствомъ; вся нравственная природа ихъ угнетена до послѣдней степени колоссальнымъ развитіемъ хищническихъ инстинктовъ.

5.

Дальше сатира вводитъ насъ глубже въ жизнь Москвы тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, мало чѣмъ отличающейся отъ Москвы грибоѣдовской. До сихъ поръ знаменитый сатирикъ знакомилъ насъ съ отдѣльными обитателями старинной русской столицы, съ дѣдомъ и братьями Никанора Затрапезнаго, происходившими къ тому же изъ купеческаго рода; другіе элементы общества играли роль случайную. Теперь передъ нами тотъ средній классъ такъ-называемаго „образованнаго“ общества Москвы (а пожалуй, и всей Россіи, такъ какъ значительная часть его состояла изъ съѣзжавшихся отовсюду помѣщиковъ), который придавалъ столицѣ особенную, характерную нравственную физіономію.

Само-собою напрашивается сравненіе героевъ Щедрина съ ихъ ближайшими родственниками, выведенными русскою литературою прежняго времени. Русское общество, которое описываетъ сатирикъ,—все то же общество, которое въ многообразныхъ видахъ уже являлось передъ русскимъ читателемъ въ произведеніяхъ первоклассныхъ русскихъ писателей, и новое въ сатирѣ Щедрина, какъ это иначе и быть не можетъ, заключается въ его личномъ оригинальномъ воззрѣніи на него, въ той новой точки зрѣнія, которая принадлежитъ преимущественно ему.

Въ этомъ смыслѣ особенно интереснымъ лицомъ является одинъ изъ „предметовъ“ дѣвицы Затрапезной, настоящій „герой“, въ котораго она сразу влюбилась. Клецевиновъ—такъ звали его—человѣкъ того же разряда, какъ и разные „интересные“ кавалеры, въ родѣ Бахтіарова (въ „Тюфякѣ“ Писемскаго) и иныхъ подражателей Печорина. Были, конечно, между ними и просто шалопаи, не находившіе другого интереса въ жизни, какъ только „побѣждать“ особъ прекрас-

наго пола, а во всемъ прочемъ самые ординарные люди, и въ худомъ и въ хорошемъ смыслѣ. Но, вѣдь, должны были быть и другіе, отличавшіеся не однимъ только отсутствіемъ нравственнаго смысла, а и прямо уже тяготѣвшіе къ подлости. Въ тупо-эгоистическомъ, нравственно невысокомъ обществѣ такимъ людямъ, несомнѣнно, должно было житься довольно привольно, и ихъ должно было быть и въ Москвѣ и въ провинціальныхъ, губернскихъ „свѣтахъ“ не мало. Сатирическій умъ Щедрина, естественно, долженъ былъ прежде всего остановиться на этомъ послѣднемъ сортѣ „героевъ“, который, быть-можетъ, гораздо болѣе всякаго другого характеренъ для нравственнаго состоянія общества тѣхъ временъ.

Клещевиновъ, дѣйствительно, выходитъ очень яркою фигурою на безличномъ фонѣ „небайронизированныхъ“ помѣщиковъ и помѣщицъ *Пошехонской старины*. Это была темная личность, говоритъ о немъ авторъ, о которой ходили самые разнорѣчивые слухи. Одни говорили, что Клещевиновъ появился въ Москвѣ неизвѣстно откуда, точно съ неба свалился; другіе свидѣтельствовали, что знали его въ Тамбовской губерніи, что онъ спустилъ три большихъ состоянія и теперь живетъ карточною игрою. Но всѣ сходились въ одномъ—что онъ игрокъ и мотъ. Игралъ онъ нечисто, а многіе даже прямо называли его шулеромъ. Но это не мѣшало ему имѣть доступъ въ лучшіе московскіе дома, потому что онъ былъ щеголь, прекрасно одѣвался, держалъ отличный экипажъ, сыпалъ деньгами, а на пальцахъ его рукъ, тонкихъ и безукоризненно бѣлыхъ, всегда блестѣло нѣсколько перстней съ цѣнными брильянтами — настоящими брильянтами, какъ удостовѣрялись скептики, только черезчуръ часто мѣнявшимися. Щегольство и щедрость настолько подкупали въ его пользу, что злые языки поневолѣ умолкали, тѣмъ болѣе, что онъ могъ постоять за себя и безъ церемоніи объявлялъ, что въ 20 шагахъ попадаетъ изъ пистолета въ туза.

Въ этомъ описаніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ чертъ, еще трудно, повидимому, узнать стараго знакомца, героя печоринскаго пошиба. Но въ слѣдующихъ же строкахъ автора вы находите уже прямое подтвержденіе вашихъ неясныхъ подозрѣній. Оказывается, что, несмотря и свои сорокъ лѣтъ, онъ обладалъ замѣчательно красивою наруж-

постью, глаза у него были совсѣмъ „волшебные“; словомъ, это была та „фатальная наружность“, которою такъ увлекались разныя прекрасныя особы русскихъ романовъ. И манера его держать себя была та самая, которою увлекались. „Быть-можетъ,—говоритъ авторъ,—онъ разыгрывалъ изъ себя одну изъ „загадочныхъ натуръ“, которыхъ въ то время, подъ вліяніемъ неостывшаго еще байронизма, расплодилось очень много. А эпитетъ этотъ, въ переложеніи на русскіе (т.-е., конечно, на помѣщичьи, гдѣ было „образованіе“) правы обнималъ и оправдывалъ цѣлый циклъ всякаго рода зазорностей: и шулерство, и фальшивыя заемныя письма, и нетрудныя побѣды надъ женскими сердцами“. Про Клещевинова разсказывали, что онъ уже „не одну дѣвку соблазнилъ, а онѣ, несмотря на предупрежденія, продолжали таять подъ лучами его волшебныхъ глазъ“.

Какъ видитъ читатель, въ этой характеристикѣ Щедрина—самый настоящій „герой“ указаннаго выше рода, но только болѣе, чѣмъ когда-либо, разоблаченный отъ фальшивыхъ прикрасъ, нѣкогда придававшихъ ему столь большую привлекательность. Помѣщики и помѣщицы, которымъ до байронизма, разумѣется, дѣла никакого не было, съ своей практической точки зрѣнія, хорошо понимали Клещевинова.

„Триста душъ (приданое сестры Никанора Затрапезнаго)... эка невидаль!—разсуждаетъ мать дѣвицы Затрапезной.—Да ему языкомъ слизнуть, только ихъ и видѣли! Сначала триста душъ спуститъ, потомъ еще столько же вызудитъ, потомъ и еще и еще... Пуститъ и жену и всю семью по міру, а самъ будетъ съ ярмарки на ярмарку переѣзжать... Да еще не отъ живой ли жены онъ жениться-то затѣялъ! Слышала она, будто у него въ Харьковѣ жена есть, а онъ ей деньгами роть замазываетъ, чтобы молчала...“

Все это не мѣшало играть тому же Клещевинову „геройскую“ роль среди безцвѣтнаго общества. Описывая это послѣднее, сатирикъ даетъ вамъ ключъ къ пониманію этого страннаго обстоятельства. Люди, проходящіе передъ вами, такъ малосодержательны, что даже господинъ Клещевиновъ представляется съ своимъ „байронизмомъ“ нелишенною силы и оригинальности фигурою. Этотъ „свѣтъ“ Москвы занятъ, главнымъ образомъ, сплетнями и злословіемъ да яко бы образовательными развлеченіями; но и въ этомъ смыслѣ нашъ герой всегда былъ умнѣе и ловчѣе. Какъ извѣстно, всѣ герои печоринскаго пошиба сплетничали болѣе разборчиво, злословили ядовитѣе, были первые танцоры, ловкости были всегда невѣроятной, въ театрахъ разыгры-

вали изъ себя первѣйшихъ знатоковъ дѣла, что́ не могло не удаваться при невѣжествѣ общества. Естественно, что молодыя, еще не слишкомъ искушенныя практическимъ опытомъ души, нравственно неразвитыя и не умѣвшія предъявить нравственныхъ требованій, ограничивавшіяся только внѣшностью, могли увлекаться подобными героями.

6.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своей сатиры Щедринъ вводитъ читателя въ кругъ явленій, которыхъ понынѣ русская литература едва касалась. Въ рядѣ типическихъ представителей крѣпостныхъ, знаменитый сатирикъ изображаетъ различныя формы мирнаго протеста противъ существовавшаго порядка вещей, противъ рабства, принижавшаго человѣческую личность. Мы сказали, что русская литература едва касалась этого предмета. Дѣйствительно, мы знаемъ въ ней изображенія протестовъ бурныхъ, доведенныхъ до страстнаго напряженія; мы имѣемъ, напр., „Горькую судьбину“ и т. п.; въ исторической перспективѣ протестъ противъ притѣсненій крѣпостничества намъ представляется въ формѣ насилій надъ помѣщиками, въ формѣ грубаго неповиновенія, въ формѣ самоубійствъ и убійствъ близкихъ людей, съ цѣлью спасти ихъ отъ позора подчиненія барскимъ прихотямъ. Но какъ относилась вся простая, смирная масса рабовъ къ своему положенію, въ какихъ формахъ она проявляла свое право на человѣческое существованіе—этого русская литература касалась мало. Такимъ образомъ, въ *Пошехонской старинѣ* передъ нами нѣчто совершенно новое, оригинальное уже не въ силу только высокой оригинальности таланта автора, а и по содержанію.

Съ большою прозорливостью сатирикъ анализируетъ душу крѣпостного русскаго раба. Прежде всего онъ разъясняетъ, что, собственно, крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ дышалось гораздо легче, нежели дворовымъ, такъ какъ они жили за-глазами и имѣли начальство изъ своего же брата, „а свой братъ, будь онъ хоть и съ норовомъ, все-таки знаетъ крестьянскую нужду и снизойдетъ къ ней“. Вообще, мужика берегли, притомъ, видя въ немъ тягло, которое производило полезную и для всѣхъ наглядную работу;

изнурять эту рабочую силу не было расчета. Совершенно иное положеніе было дворовыхъ, на которыхъ сами же „господа“ смотрѣли какъ на дармоѣдовъ, считая трудъ ихъ, состоявшій изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной ни даже мускульной силы, за ничто. Поэтому именно въ крѣпостной дворовой средѣ преимущественно и должны были возникать, съ одной стороны, рѣзкія формы крѣпостническаго господскаго произвола, а съ другой — наиболѣе характерныя формы протеста противъ него, какъ мирнаго, такъ и воинствующаго. Притомъ, по замѣчанію автора, въ средѣ дворовыхъ мужской прислугѣ жилось все-таки сноснѣе: ея было меньше, и она, занятая разными дѣлами, не скучивалась въ такой массѣ въ лакейской, какъ скучивалась въ „дѣвичьей“ женская прислуга. Вдобавокъ среди мужской прислуги встрѣчались личности, которыя могли за себя постоять; всѣхъ подъ красную шапку не отдашь — есть люди нужные, безъ которыхъ въ домѣ обойтись нельзя; они-то, именно, и „грубятъ“. Самый тяжкій гнетъ крѣпостной неволи падалъ, такимъ образомъ, на женщинъ; ихъ и рисуетъ, прежде всего, авторъ.

Первое лицо, на которомъ сатирикъ останавливаетъ вниманіе читателей,—это горничная Аннушка, „простодушнѣйшее существо, съ виду нѣсколько строптивое, но внутренно преисполненное доброты и жалѣнія“. Аннушка была „раба *по убѣжденію*“, какъ выражается авторъ; у нея сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала.

„Кодексъ этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ аѓоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избраннымъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ. „Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Аннушка,—чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его рабствомъ. Сказалъ: „Рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ...“

Это ученіе было своего рода протестомъ, подрывавшимъ косвеннымъ образомъ нравственное основаніе у крѣпостничества. Понятно поэтому, что, какъ говоритъ авторъ, доктрина эта въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и по внѣшности даже оправдывала крѣпостное право; но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто „злокачественное“. Аннушка, притомъ же, любила поучать, и во время всякой ѣды въ дѣвичьей немолчно гудѣлъ ея голосъ, какъ-будто она вознаграждала себя за то мертвое молчаніе,

на которое была осуждена въ остальное время. „Повинуйтесь! повинуйтесь! повинуйтесь!—причастницами свѣта небеснаго будете!“ твердила она безпрестанно и приводила примѣры, между прочимъ, въ которыхъ мученики противопоставляются тиранамъ въ полной своей славѣ, къ посрамленію послѣднихъ. Естественно, что барыня говоритъ ей: „Ты что, бунтовщица, мутишь!“—Я не мучу, а добру учу,—возражала Аннушка.—Я говорю: ежели господинъ слово бранное скажетъ—не ропщи; ежели рану причинитъ—прими съ благодарностью!—„Такъ по-твоему, значитъ, господа только и дѣлаютъ, что ругаются да причиняютъ раны рабамъ?“ спрашиваетъ барыня... и т. д.

Но въ средѣ самой женской дворни находятся элементы, которые не довольствуются этою формой протеста и отрицаютъ его. Такимъ лицомъ, не мирящимся съ ученіемъ Аннушки, является въ *Пошехонской старинѣ* ключница Акулина, „смотрѣвшая на рабство какъ на фаталистическое ярмо, которое при самомъ рожденіи придавило шею, да такъ и приросло къ ней“. Она является вѣчною оппонентною Аннушки, проповѣди которой ей представлялись праздною болтовней, которая могла только безполезно раздражать. Акулина эта также признавала принципъ полнаго повиновенія, но въ виду практическихъ соображеній, въ силу невозможности до поры не повиноваться; однако, въ каждомъ словѣ ея—признаніе факта, но не права.

Печальный, тяжелый, конечно нерѣдкій въ тѣ времена случай разсказываетъ авторъ въ главѣ „Мавруша-Новоторка“: такъ называли жену живописца Павла, добровольно закрѣпостившую себя замужествомъ, новоторжскую мѣщанку Мавру. Она не могла примириться съ мыслью, новою для нея, о своемъ рабствѣ. Вначалѣ она отказалась исполнить приказаніе барыни—явиться въ усадьбу; ее привели по этапу. Хилая и больная, она отказалась работать, и барыня уступила, назначивъ ее только хлѣбы печь разъ въ недѣлю. Постоянное тяготѣніе надъ нею барской воли, въ концѣ-концовъ, приводитъ ее въ странное, болѣзненное состояніе, въ которомъ она съ непреоборимымъ упорствомъ отказалась даже отъ нетруднаго дѣла печь хлѣбы, повторяя: „Не хочу—я вольная“. Напрасно любимый нѣкогда мужъ пытался силою убѣжденія примирить жену съ новымъ положеніемъ. Въ концѣ-концовъ, она возненавидѣла и его. Жизнь ея превратилась

въ сплошную безсмыслицу; въ ней не было ни настоящаго ни будущаго для нея—и она повѣсилась.

Въ высокой степени любопытный типъ вывелъ авторъ въ лицѣ „Ваньки-Каина“, попросту Ивана Макарова, цырюльника, обучавшагося въ Москвѣ. Это былъ человѣкъ нрава пронырливаго и беззавѣтный балагуръ. Пройдя въ Москвѣ чрезъ всевозможныя мытарства, Иванъ дѣлается тѣмъ, что́ называется сорви-голова, которому море по колѣна. Отпущенный по оброку, онъ и не думалъ исполнять своихъ обязанностей, и барыня вытребовала его въ деревню. Вотъ какъ происходитъ первое свиданіе барыни съ этимъ безпутнымъ рабомъ.

„—А, золото! добро пожаловать! Ты что же, молодчикъ, оброка не платишь?—привѣтствуетъ его барыня. Но Иванъ, вмѣсто отвѣта, развязно подходитъ къ ней. „Позвольте, сударыня, ручку поцѣловать“.—Прочь, негодяй! Смотрите, шута разыгрывать вздумалъ! Сказывай, почему ты оброка не платишь?—„Помилуйте, сударыня, я бы съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, да, признаться-сказать, самому деньги были нужны“.—А вотъ я тебя сгною въ деревнѣ. Я тебѣ покажу, какъ шута передъ барыней разыгрывать! Посмотрю, какъ „тебѣ самому деньги были нужны“!—„Это какъ вамъ будетъ угодно. Я и здѣсь въ превосходномъ видѣ проживу“.—Ахъ ты хамово отродье! Скажите на-милость!—„Мерси-бонжуръ... Что за оплеуха, коли не достала уха! Очень вами за ласку благодаренъ!“—Вонъ!—кричитъ изумленная барыня, дѣлая угрожающій жестъ и въ то же время благоразумно ретируясь.—„Же-ву-фелиситъ. Не доходя прошедши. Не извольте безпокоиться, получать не желаю...“ и т. д.

Само-собою разумѣется, что Ванька-Каинъ, при первой же возможности, сданъ „подъ красную шапку“.

Картины барскаго быта и крѣпостной неволи, написанныя Щедринымъ въ *Пошехонской старинѣ*, займутъ между произведеніями самого сатирика, и вообще въ русской литературѣ, самостоятельное и большое мѣсто, какъ нѣчто совершенно новое, въ высокой степени оригинальное и значительное какъ по своему содержанію, такъ и по совершенству художественнаго исполненія. Мы намѣтили только главнѣйшія черты бытовыхъ картинъ, созданныхъ авторомъ, съ цѣлью оттѣнить ихъ особое значеніе.

7.

Рядомъ съ представителями мирнаго протеста, существовавшаго среди дворовыхъ и свидѣтельствовавшаго, что рабское приниженіе личности не всегда успѣвало задушить

духовныя потребности человѣка той среды и стремленія къ свободѣ, сатирикъ выводитъ рядъ лицъ, въ которыхъ крѣпостной обезличивающій гнетъ проявилъ свою силу въ болѣе или менѣе полной силѣ, вполнѣ сдѣлавъ свое губительное дѣло.

Первое изъ такихъ лицъ, буфетчикъ Кононъ, „не отличался никакими особенными качествами, которыя выдѣляли бы его изъ общей массы дворовыхъ, но въ немъ эта послѣдняя нашла полное олицетвореніе своего сокровеннаго міросозерцанія“; такъ характеризуетъ его авторъ. Въ чемъ же состояло это „сокровенное міросозерцаніе“ общей массы дворовыхъ?

„Кононъ,—говоритъ авторъ,—зналъ твердо, что онъ природный малиновецкій дворовый. Кромѣ того, онъ помнилъ, что первоначально его обучали портному мастерству, но такъ какъ портной изъ него вышелъ плохой, то сдѣлали лакеемъ и приставили къ буфету. А завтра, или, вообще, когда вздумается, его приставятъ стадо пасти—онъ и пастухомъ будетъ. Въ этомъ заключалось все его міросозерцаніе—то сокровенное міросозерцаніе, которое не формулируется, а само-собой залегаетъ въ тайникахъ человѣческой души, не освѣщаемое лучомъ сознанія. Факты представлялись его уму безповоротными, и причина появленія ихъ въ той и другой формѣ съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ, никогда не пробуждала его любознательности“...

Вотъ какими ужасными чертами изображаетъ знаменитый сатирикъ умъ и душу человѣка, лишеннаго своей воли и потому живущаго безъ стремленій, сознательныхъ надеждъ и ожиданій, потерявшаго—вѣрнѣе сказать, и не имѣвшаго, не могшаго имѣть—какой-либо интересъ къ совершающейся кругомъ жизни; потому что вся она, цѣликомъ, навѣки должна была оставаться внѣ его вольнаго и сознательнаго участія. Разъ въ душѣ его нѣтъ протеста,—нелѣпые факты быта, который онъ видѣлъ, не подчиняясь никакой логикѣ, кромѣ логики чужой воли и силы, должны были представляться его уму какъ что-то отъ вѣка предопредѣленное и неизбѣжное, не возбуждающее вопроса. Простыми, но полными тайнаго горькаго смысла словами авторъ влагаетъ въ душу читателя скорбныя и тяжкія чувства... „Холодно сегодня?“ спрашиваетъ барыня несчастнаго Конона.—Не замѣтилъ-съ.—„Ишь шкура-то у тебя“...—Извѣстно, зима, а не лѣто...—„Давно бы пора сдѣлать...“ замѣчаетъ ему барыня.—Не одно, сударыня, дѣло!—Вотъ разговоры, среди которыхъ проходитъ его жизнь. Послѣднее „возраженіе,—говоритъ авторъ,—какъ-будто свидѣтельствовало, что резо-

нирующая способность не совсѣмъ еще въ немъ угасла; но и оно, пожалуй, не было результатомъ самодѣятельной внутренней работы, а слышалъ онъ, что другіе такъ говорятъ, и машинально повторялъ съ чужихъ словъ". Поистинѣ, жизнь его „представляла собой какъ бы непрерывное безсвязное сновидѣніе"... Въ Кононѣ мы видимъ существо, окончательно придавленное и искалѣченное безправностью, рабскимъ положеніемъ. Это человѣкъ, у котораго окончательно отнята вся нравственная сторона жизни.

Въ судьбѣ „безсчастной Матренки" передъ нами судьба того, кто, въ противность барской волѣ, позволялъ себѣ отлаваться хотя бы влеченіямъ инстинкта любви. „То ли дѣло господа! — говорится въ разсказѣ. — Живутъ какъ вздумается, ни на что имъ запрета нѣтъ. И таиться имъ не въ чемъ, потому что они въ свою пользу законъ отмежевали. А рабамъ... Увы! нѣтъ для раба иного закона, кромѣ беззаконія". И страшная кара постигла „Матренку". Склонность ли сердечная, или просто молодая кровь заговорила, но Матренкѣ пришлось сознаться, что она находится „въ четвертомъ мѣсяцѣ". „Ну, теперь жди жениха и собирайся въ дальній путь", рѣшила барыня. Матренку одѣли въ затрапезное платье, вывороченное наизнанку, и сняли съ нея передникъ, чтобы положеніе ея было для всѣхъ очевидно.

А изъ глухой, далекой деревни пріѣхалъ скоро „женихъ". Это былъ осьмнадцатилѣтній парень, на котораго барская прихоть налагала—не ждано, не гадано—ничѣмъ незаслуженное наказаніе: жениться на, по его понятіямъ, „нечестной" дѣвушкѣ, совершенно ему до того незнакомой. Сцены свиданій этихъ „нареченныхъ", вѣрнѣе сказать „обреченныхъ", написанныя сатирикомъ съ простотой и реальностью, невольно заставляютъ сжиматься сердце.

„Ни за что въ свѣтѣ я за тебя, за гаденка, не пойду!—кричала Матренка въ первое свиданіе (барыня была въ отлучкѣ), подступая къ жениху съ кулаками.—Такъ и въ церкви попу объявлю: несогласна! А ежели силкомъ выдадутъ, такъ я, и до мѣста доѣхать не успѣемъ, тебя изведу!" Жениха слегка передернуло; онъ исподлобья взглядывалъ на Матренкинъ животъ и молчалъ. „Слышишь,—продолжала волноваться невѣста:—такъ ты и знай! Лучше добромъ уѣзжай отсюда, а ужъ я что сказала, то сдѣлаю! не пойду за тебя! не пойду!"—Да и мнѣ неохота,—пробормоталъ мальчишка мрачно.—„Зачѣмъ же ты ѣхалъ, постылый?"—Староста велѣлъ... оттого!..—„Ступай съ моихъ глазъ! ступай!" Мальчишка повернулся и вышелъ. Матрена запла-

кала. Всего можно было ожидать, но не такого надругательства. Ей не приходило въ голову, что это надругательство гораздо мучительнѣе настигаетъ ничѣмъ неповиннаго мальчишку, нежели се...“

Должно было, однако, наступить и раздумье. На другой день Матренка притихла. Она попыталась какъ-нибудь сговориться съ женихомъ.

„Прости ты меня,—говорила она ему:—любить тебя буду, беречи буду. Вѣтру на тебя вѣнуть не дамъ“... Но онъ на всѣ ея слова говорилъ одно: —Не въ чемъ мнѣ тебя прощать. Горькій я!—А на ласки ея, отталкивая ее локтемъ, онъ только сказалъ грубо:—Не висни! не трогай!—Въ страхѣ, что ее будутъ тиранить и мужъ и „старики“, его родители, она говоритъ ему: „Порѣши ты меня! убей! лучше теперь убей, нежели тамъ меня каждый день изводить будутъ!“ Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Ей показалось, что онъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ постарѣлъ: до такой степени молодое лицо его исказилось ненавистью и злобой.—Такъ неужто жъ тебя жалѣть... поскуду!—прошипѣлъ онъ и съ этими словами всталъ и вышелъ изъ горницы... Естественнымъ, неизбѣжнымъ представлялся для Матренки одинъ исходъ—и она приняла его. Въ темную ночь, когда на дворѣ бушевала вьюга, а въ дѣвичьей все улеглось по мѣстамъ, Матренка въ одной рубашкѣ, босикомъ вышла на крыльцо и сѣла. Снѣгъ хлесталъ ей въ лицо, стужа пронизывала все тѣло. Но она не шевелилась и безстрашно глядѣла въ глаза развязкѣ, которую сама придумала... Утромъ на крыльцѣ нашли окоченѣвшій Матренкинъ трупъ...

Интереснѣйшимъ лицомъ въ дворнѣ, изображаемой Щедринымъ, является Сатиръ-скиталецъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ рѣзко выдѣлялся изъ общей массы дворовыхъ. Въ дѣтствѣ урывками онъ научился разбирать церковную печать и пристрастился къ чтенію божественныхъ книгъ. Ни къ какому другому занятію онъ ни склонности ни способности не имѣлъ—и вышелъ изъ него скиталецъ-богомолецъ. Въ дворнѣ его считали блаженнымъ. Въ двадцать лѣтъ онъ уже убѣжалъ, и черезъ три года воротился съ тремястами рублей, собранными на церковь.

Страшное впечатлѣніе оставляетъ въ читателѣ и „Крестный сынокъ“ барыни, сданный, въ концѣ-концовъ, въ солдаты, и барыня-крестная, прячущая полученную за него квитанцію и вспоминающая Сережку въ дѣтскомъ возрастѣ, когда онъ, пятилѣтній мальчишка, явился къ ней съ пшеничной лепешкой и со словами: „Это, крестненька, вамъ!“ Тяжелое впечатлѣніе производитъ и картина смерти вѣрнаго старосты Ѳедота, умирающаго подъ вліяніями все того же гнетущаго рабства. Почуявъ приближеніе барыни, даже „окутанный облакомъ агоніи“, онъ коснѣющимъ язы-

комъ пробормоталъ: „Молотьба...“ Это было послѣднее его слово...

Закапчивая „портретную галлерею домочадцевъ“, авторъ считалъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку. Въ литературѣ русской есть нѣсколько изображеній крѣпостныхъ людей, преданныхъ своимъ господамъ не по безсмыслію и не по рабскому чувству; среди нихъ первое мѣсто занимаютъ няни. И, по мнѣнію автора, „читателю можетъ показаться страннымъ, что онъ, авторъ, не упоминаетъ въ своихъ очеркахъ о нянькахъ. По этому поводу онъ отвѣчаетъ, устами Затрапезнаго, конечно, что „нянька, какъ профессіональное званіе, почти не существовала въ домѣ“ Затрапезныхъ. Ничего, кромѣ ужасовъ крѣпостничества, такимъ образомъ, не было въ этой семьѣ, поражающей своими свойствами.

8.

Мелочи помѣщичьяго быта крѣпостническихъ временъ кажутся мелочами только издали и врознь, но своей подавляющею массой даютъ тонъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ, именно, настоящая сила, потому что все исключительное, рѣдкое, страстныя проявленія протеста и стремленій, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оказываются безсильными побороть страшное давленіе привычныхъ мелочей. Необыкновенно неприглядным является тутъ бытъ обыкновенной мелкой „помѣщичьей среды“, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи,—на всемъ лежала печать бездѣятельности, отсутствія энергіи и предпріимчивости.

„Помѣщичьи усадьбы,—говоритъ авторъ,—были крайне невзрачны. Задумавши строиться, ставили продолговатый срубъ, въ родѣ казармъ, раздѣляли его перегородками на каморки, прокопачивали стѣны мхомъ, покрывали тесовой крышей, и въ этомъ неприхотливомъ помѣщеніи ютились какъ могли. Подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій, срубъ разсыхался и темнѣлъ, крыша пропускала течь; въ окна дуло; сырость проникала безпрепятственно всюду; полы ходили-ходуномъ, потолки покрывались пятнами—и домъ, за отсутствіемъ ремонта, врасталъ въ землю и ветшалъ“. Конечно, помѣщики побогаче строили дома обширнѣе и прочнѣе, но „общій типъ построекъ былъ одинаковъ“. „Объ удобствахъ жизни, а тѣмъ менѣе о живописной мѣстности,—замѣчаетъ авторъ,—не было и рѣчи. Усадьба ставилась преимущественно къ низинѣ, чтобы отъ вѣтра обиды не было“. Вообще, авторъ констатируетъ крайнюю неприхотливость требованій, господствовавшую въ помѣщичьей средѣ: „было бы жирно и всего

вдоволь"; „тѣмъ не менѣе, въ какой мѣрѣ это относительное безнуждное житіе отражалось на крѣпостной спинѣ—это вопросъ особый, который я оставляю открытымъ", говоритъ сатирикъ.

Образовательный уровень помѣщичьей среды былъ еще менѣе высокъ, нежели матеріальный. Во всей округѣ, гдѣ жили Затрапезные, только одинъ помѣщикъ могъ похвалиться университетскимъ образованіемъ, да двое получили нѣкоторое домашнее воспитаніе—„остальную массу составляли недоросли изъ дворянъ и отставные прапоры". „Нечего грѣха таить, нечестолюбивый, смирный народъ былъ—ни въ высь, ни въ ширь, ни по сторонамъ не заглядывался, рылся около себя". Печатное дѣло успѣхомъ не пользовалось, и политическія представленія ограничивались анекдотами объ иностранцахъ да мнѣніемъ о Россіи, „что это государство пространное и могущественное"... „Но идея объ отечествѣ, какъ о чемъ-то кровномъ, живущемъ одною жизнью и дышащемъ однимъ дыханіемъ съ каждымъ изъ сыновъ своихъ, едва ли была достаточна ясна", говоритъ авторъ. Къ похвалѣ помѣщиковъ описываемаго времени, онъ считаетъ, однако, нужнымъ сказать, что заботы объ образованіи дѣтей, особенно сыновей, были всеобщи. „Недоѣдали куска, въ лишнемъ платьѣ домочадцамъ отказывали, хлопотали, кланялись, обивали у сильныхъ міра пороги... Разумѣется, всѣ взоры были обращены на казенныя заведенія". И какъ ни мало сознательны были эти стремленія къ образованію, все же они являлись свѣтлою стороной жизни уже потому, что открывали надежды на будущее.

Авторъ считаетъ нужнымъ при этомъ заявить, что „все сказанное имъ написано вполнѣ искренно, безъ всякой предвзятой мысли во что бы то ни стало унизить или подорвать". „На склонѣ лѣтъ,—говоритъ онъ,—охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ, и является непреодолимое желаніе высказать правду... Да и нѣтъ никакой цѣли подрывать то, что уже само, въ силу общаго историческаго закона, подорвано". И авторъ справедливо ожидаетъ, что въ „ряду матеріаловъ, которыми воспользуются будущіе историки русской общественности, его хроника не будетъ лишнею". Художественно начертанная сатирикомъ картина русской помѣщичьей жизни будетъ, конечно, драгоцѣнна для будущаго историка.

„Предводитель Струпниковъ"—таково заглавіе одной изъ главъ въ хроникѣ Щедрина. Этотъ „предводитель"—олице-

твореніе того равнодушія къ „общественному дѣлу“, которое служитъ лучшею характеристическою чертой помѣщичьей среды, описываемой авторомъ. Струнниковъ, много трехлѣтій сряду избираемый въ уѣздные предводители и не знавшій конкурентовъ, былъ личностью совершенно ничтожною. Ни ума, ни образованія, ни даже внѣшняго благоприличія онъ не имѣлъ, и единственное свойство, которымъ онъ угождалъ мѣстному дворянству, было то, что „жилъ онъ нараспашку, не по состоянію—имѣлъ отличныхъ поваровъ, выписывалъ изъ Москвы настоящее виноградное вино и всякую бакалею, держалъ открытый столъ для господъ-дворянъ, а псовая охота его даже составляла гордость цѣлой губерніи“. Несмотря на несомнѣнное простодушіе, предводитель былъ „великій дока заключать займы“, и скоро всѣмъ въ окрестности онъ былъ долженъ, не исключая мужиковъ.

Авторъ нарисовалъ прелестную картинку пріемовъ, которую употреблялъ онъ въ случаяхъ займа, и здѣсь Струнниковъ весь на ладони передъ читателемъ. Заслышитъ онъ, что у какого-нибудь мужика-крѣпыша кубышка завелась,—заѣдетъ и начнетъ петлю закидывать. „Ѣхалъ мимо,—скажетъ;—думаю, дай заѣду на кума посмотрѣть. Здорово, куманекъ! Чайку-то дашь, что ли?“ Заводитъ шутя рѣчь о кубышкѣ, полушутя посулитъ „хорошій процентъ“ („такъ, безъ пользы у тебя деньги лежатъ!“)—и будетъ сидѣть и шутить до тѣхъ поръ, пока кумъ хоть двѣ полсотни не выложитъ на столъ. Общественными дѣлами Струнниковъ не затруднялъ себя, а только занималъ деньги, ѣлъ, пилъ, спалъ и скучалъ, если не было гостей. Авторъ приводитъ для примѣра день Струнникова съ его обычными развлеченіями и занятіями, и невообразимая пустота жизни помѣщичьей встаетъ тутъ передъ читателемъ во всей своей наготѣ.

Жилъ беззаботно этотъ человѣкъ вплоть до освобожденія крестьянъ. Но великій освободительный актъ былъ для него тяжкимъ ударомъ. Выкупныхъ суммъ не хватило на покрытіе его долговъ; онъ скрывается въ Москву съ брильянтами жены на довольно крупную сумму, но, испуганный заявленіемъ кредиторовъ о сокрытіи имущества, бѣжитъ за границу вмѣстѣ съ женой (дѣтей у нихъ не было). Тамъ, спустя годы, авторъ встрѣчаетъ его уже въ Швейцаріи, на берегу Женевскаго озера,—трактирнымъ гарсономъ. Эта насмѣшка судьбы надъ злополучнымъ предводителемъ является

до того естественнымъ, логическимъ концомъ его безпутной жизни, что читателя нимало не поражаетъ маловѣроятное превращеніе русскаго исконнаго барина—въ лакея. Не менѣе естественнымъ и логически-послѣдовательнымъ результатомъ всеобщаго равнодушія къ общественному дѣлу является и это безсмѣнное предводительство лица, такъ мало заслуживавшаго общественнаго довѣрія.

9.

Рядомъ съ „предводителемъ", сатирикъ изображаетъ два противоположныхъ типа временъ крѣпостного права, послѣднихъ его лѣтъ: „образцоваго хозяина", настоящаго практика и дѣятеля, и „Валентина Бурмакина", идеалиста, мечтателя, принадлежавшаго къ тому кружку интеллигентной московской молодежи сороковыхъ годовъ, который оставилъ такой яркій слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, передъ нами представители двухъ важнѣйшихъ элементовъ, создающихъ жизнь,—представитель дѣйствительности, настоящаго, и представитель идеальныхъ стремленій, будущаго. Узнать, изслѣдовать эти два типа въ любую эпоху—значитъ постигнуть главнѣйшія черты жизни, понять ея, такъ-сказать, статику и динамику, узнать основы, на которыхъ она стояла и утверждалась, и насколько эти основы были способны противостоять вліяніямъ времени. Поэтому весьма любопытно присмотрѣться къ выведеннымъ Щедринымъ типамъ, которыхъ не игнорировала и, конечно, весьма часто выводила наша прежняя литература, но которые въ сатирѣ являются въ новомъ видѣ, въ окраскѣ, которую не преминулъ дать имъ сатирическій талантъ знаменитаго автора, выдѣливъ и подчеркнувъ такія важныя черты, которыя въ другихъ изображеніяхъ не занимали большого мѣста.

Итакъ, передъ нами „образцовый хозяинъ". Натура энергическая, дѣятельная; этотъ образцовый хозяинъ представляетъ собою одно изъ опроверженій того взгляда, будто бы русская жизнь прошлаго была подъ преобладающимъ вліяніемъ „обломовщины". Арсеній Потапычъ Пустотѣловъ ничего общаго съ обломовщиною не имѣетъ и не можетъ имѣть. Въ три часа лѣтняго утра онъ уже на погахъ и идетъ въ поле присматривать за работами. Конечно, какъ

это и оттѣняетъ авторъ, не самъ работаетъ дѣятельный помѣщикъ; тѣмъ не менѣе, уже одинъ этотъ надзоръ составляетъ значительный трудъ. Тяжелое и отвращающее впечатлѣніе оставляетъ въ читателѣ то, что баринъ присутствуетъ на работахъ съ нагайкой въ рукахъ и тутъ же чинитъ расправу съ тѣми, кто, на его взглядъ, виновенъ въ плохой работѣ; но это обстоятельство, собственно говоря, все-таки остается второстепеннымъ —можно представить себѣ столь же дѣятельнаго помѣщика и образцоваго хозяина безъ этого или еще съ бо́льшими, чѣмъ простая плеть, атрибутами власти и дикими проявленіями самовластія. Нужно еще прибавить, что и нагайка и вообще „крайне суровые“ порядки, заведенные Арсеніемъ Потапычемъ, объясняются его сравнительною бѣдностью при огромной, въ двѣнадцать человѣкъ, семьѣ, заставляющей его думать о каждомъ моментѣ работы и о каждомъ гвоздѣ въ хозяйствѣ. Такъ или иначе, онъ, однако, „всецѣло овладѣлъ рабомъ въ свою пользу и даетъ ему управляться у себя лишь урывками“. Несмотря на то, ему приходится „вздрагивать при напоминаніи, что три года назадъ, въ самый разгаръ надеждъ, откуда ни возьмись градъ, и весь хлѣбъ въ одночасье въ грязь превратилъ“. Словомъ, въ сущности это бѣднякъ, его труды и заботы понятны; даже суровые порядки, заведенные имъ, если не оправдываются, то имѣютъ объясненіе.

Но за этимъ объясненіемъ, въ жизни образцоваго хозяина вы едва ли найдете какой-либо смыслъ. Къ чему всѣ его труды и заботы? Конечно, къ тому, чтобы пристроить дѣтей въ жизни, дать имъ возможное „образованіе“, необходимое для „службы“, выхлопотать мѣста и такъ далѣе. И все это, конечно, дѣлается образцовымъ хозяиномъ. Но въ какихъ формахъ и въ какихъ условіяхъ! Между цѣлью и средствами, для того выбираемыми, нѣтъ никакой разумной связи, и вся жизнь образцоваго хозяина и его семьи имѣетъ характеръ совершенно безсмысленный. То, что́ съ такимъ трудомъ сотенъ людей и заботами добывается лѣтомъ, безумно и безсмысленно растрачивается зимой на пустыя удовольствія, на празднества, именины, на разъѣзды по гостямъ. Не то чтобы ужъ нужно было образцовому хозяину и его дочкамъ сидѣть дома и не принимать гостей; но дѣло въ томъ, что, кромѣ внѣшне-обрядоваго угощенія другихъ плодами тяжкой

работы и угощенія себя у другихъ, въ жизни семьи нѣтъ рѣшительно никакихъ интересовъ. Ихъ удовольствія всѣ направлены исключительно къ тому, чтобы, толкаясь между людьми, находить женіховъ и невѣстъ, которымъ, однако, въ будущемъ проектируется тотъ же безсмысленный образъ жизни, безъ цѣлей и стремленій, исключительно направленный на удовлетвореніе первыхъ побужденій.

Этотъ безсмысленный бытъ, между тѣмъ, до такой степени овладѣлъ живущими въ немъ, такъ съ нимъ сжились люди, что при вѣстяхъ о великой перемѣнѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, о проектахъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, „образцовый хозяинъ“, просто, не представлялъ себѣ возможности жить какою-либо иною жизнью, чѣмъ та, которою онъ жилъ. Любопытны эти страницы, въ которыхъ описывается знаменитымъ сатирикомъ упрямое, упорное невѣріе Арсенія Потапыча въ грядущую перемѣну. „Белиберда“—вотъ слово, отъ котораго онъ не хотѣлъ отрѣшиться. „И я знаю, что белиберда,—говорили ему,—да къ белибердѣ-то къ этой готовиться надобно. Упадетъ она какъ снѣгъ на голову; очнуться придется; туда-сюда—анъ поздно“.—„Отстань!..—былъ его отвѣтъ.—Сказалъ, что никогда этому не бывать—и не будетъ! Не къ чему готовиться!“ Когда новые порядки стали совершившимся фактомъ, съ ними трудно было помириться человѣку такого сорта, какъ „образцовый хозяинъ“. И когда, три-четыре года спустя послѣ освобожденія крестьянъ, авторъ въ церкви увидѣлъ Арсенія Потапыча,—это былъ уже разбитый параличомъ старикъ, который, „неподвижно уставивъ впередъ мутные глаза, казалось, вглядывался въ какой-то призракъ, ежеминутно угнетавшій его мысль“.—„Умирать...“ лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Не менѣе любопытнымъ лицомъ является въ разсказѣ Щедрина и идеалистъ Валентинъ Бурмакинъ, „единственный представитель университетскаго образованія, которымъ обладало пошехонское захолустье“. „Это была чистая, высоконравственная, почти непорочная личность,—говоритъ авторъ.—Бурмакинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ беззавѣтныхъ идеалистовъ, благодаря которымъ во тьмѣ сороковыхъ годовъ сіялъ лучъ свѣта и заставлялъ волноваться отзывчивыя сердца“. Бурмакинъ былъ ученикъ Грановскаго и страстный почитатель Бѣлинскаго. „Не будучи

„ученымъ“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, эти люди будили общественное чувство и въ высшей степени обладали и даромъ жечь глаголомъ сердца“—и Валентинъ Бурмакинъ былъ однимъ изъ тѣхъ страстныхъ и убѣжденныхъ людей, на которыхъ горячее слово Грановскаго и Бѣлинскаго обнаружило свое полное вліяніе.

„Но,—замѣчаетъ самъ авторъ,—какъ ни безупречна была въ нравственномъ смыслѣ убѣжденная восторженность кружка, она въ то же время страдала существеннымъ недостаткомъ. У нея не было реальной почвы. Истина, добро, красота—вотъ идеалы, къ которымъ тяготѣли лучшіе люди того времени, но, къ сожалѣнію, осуществленія ихъ они искали не въ жизни, а исключительно въ области искусства, одного безпримѣснаго искусства“.

Характеристика людей сороковыхъ годовъ, обыкновенныхъ, не выдающихся особенною талантливостью, сдѣланная авторомъ, не представляетъ, конечно, чего-либо новаго—въ этомъ смыслѣ о прекраснодушныхъ идеалистахъ того времени говорилось не разъ. Но черты, которыми сатирикъ обрисовываетъ ихъ отношенія къ живой дѣйствительности заключаютъ въ себѣ и нѣчто новое и оригинальное—такое, чего, пожалуй, невозможно отыскать во всей предыдущей литературѣ. Фигура Валентина Бурмакина является въ произведеніи Щедрина въ одно и то же время глубоко-трагическою и глубоко-комическою. Пока еще дѣло идетъ объ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, зависѣвшимъ отъ него,—комическія черты въ нихъ возбуждаютъ въ читателѣ, если хотите, даже умиленіе, ласковое сожалѣніе, какъ къ любимому ребенку. Вотъ, напр., сцена. Баринъ призываетъ старосту Власа и ведетъ съ нимъ такого рода разговоръ: „Слушай, Власъ! Вѣдь, ты честный человѣкъ? да?“ Староста изумился при этомъ вопросѣ и во всѣ глаза смотрѣлъ на молодого барина. „Я тебя не подозрѣваю, а только спрашиваю: вѣдь, ты честный человѣкъ? да?“ приставалъ Бурмакинъ.—Съ чего вы, кажется...—пробормоталъ Власъ.—„Вотъ и прекрасно. И ты честный человѣкъ, и я честный человѣкъ, и всѣ мы здѣсь честные люди! Я и тебѣ и всѣмъ... довѣряю!“ Валентинъ Осипычъ протянулъ руку, конечно для пожатія, но староста кинулся со всѣхъ ногъ и поцѣловалъ ее. „Ахъ, что ты! Я совсѣмъ не для того... Пожалуйста, ты эти глупости оставь!“—Такова сцена, разсказы о которой обошли всю округу. Что же можетъ она возбудить, кромѣ нѣсколько насмѣшливаго умиленія, особенно когда вы узнаете, что староста оказался

дѣйствительно честнымъ человѣкомъ, не пользовавшимся „простотою“ барина въ свою пользу, и что, такимъ образомъ, прекраснодушіе идеалиста не легло тяжкимъ бременемъ на крестьянъ.

Но этотъ же самый прекраснодушный идеализмъ возбуждаетъ въ читателѣ совершенно иныя чувства въ другихъ случаяхъ. Въ деревнѣ Бурмакинъ встрѣчаетъ красивую дѣвушку, возбудившую въ немъ обыкновенное чувство. Это была натура пустая, умъ неповоротливый и бездѣятельный, погруженный въ тяжелую спячку. Но идеалистъ, съ помощью особой теоріи „святой простоты“, возвелъ на пьедесталъ все въ этомъ тупомъ и пустомъ существѣ—и ея глупость и животную натуру, оказавшись неспособнымъ отнестись къ задачѣ, поставленной передъ нимъ жизнью, хоть сколько-нибудь критически. „Вы святая!—повторяетъ онъ восторженно:—вы сами не сознаете, сколько въ васъ женственнаго, непорочнаго! Вы святая!.. вы та святая простота, передъ которой въ благоговѣніи преклоняются лучшіе умы!..“ Онъ разсказываетъ этой святой, что онъ готовъ „отдать ей всего себя, что ради ея онъ готовъ погубить свою жизнь, свою душу“. А она въ отвѣтъ говоритъ: „А вы будете часто со мной въ гости ѣздить? Будете меня въ платьица наряжать?“ Бурмакина даже удивили эти вопросы, въ которыхъ слышалось „что-то ужъ черезчуръ обнаруженное“, и однакоже, онъ остался глухъ и слѣпъ къ признакамъ несчастія, шедшаго на него, закрытый отъ всего цѣлою непроницаемою бронею мечтаній, отъ которыхъ онъ, конечно, только потому не могъ освободиться, что не хотѣлъ; потому что они, эти мечтанія, доставляли ему наслажденіе. Но вотъ онъ уже женихъ. На каждомъ шагу ему даются доказательства, что передъ нимъ тупое и дряннное существо. „Нѣтъ, ты не глупенькая,—говоритъ онъ ей,—ты святая! Ты истина, ты добро, ты красота, и все это облеченное въ покровъ простоты! О святая! То, что таится во мнѣ только въ формѣ броженія, ты воплотила въ жизнь, возвела въ перлъ созданія“. И такія рѣчи говорятся дѣвушкѣ, о которой первый же непредубѣжденный человѣкъ сказалъ: „Ну, братъ, убилъ бобра... Задастъ тебѣ копоти эта святая!“ И это, конечно, вскорѣ вполнѣ оправдалось. „Святая простота“, полная инстинктовъ разврата, распорядилась съ мужемъ, а главное, съ его имѣніемъ, по-своему. Жизнь Бурмакина была, въ

сущности, совершенно разбита, и онъ исчезъ изъ пошехонскаго захолустья, прикрытый отъ отчаянія только опять своеобразнымъ „идеализмомъ“, граничащимъ съ простымъ легкомысліемъ и игрою красными словами.

Въ изображеніи Щедрина прекраснодушіе и идеализмъ сороковыхъ годовъ теряютъ много симпатичныхъ сторонъ, которыя имъ обыкновенно приписывались. Въ Бурмакинѣ мы видимъ человѣка тѣшащагося, наслаждающагося мечтами и не хотящаго знать дѣйствительной жизни. Онъ упрямо не хочетъ видѣть совершающагося передъ его глазами, а когда зло является торжествующимъ надъ нимъ, онъ уступаетъ ему почву безъ всякой даже попытки не дать ему воли. Въ лицѣ Бурмакина ясно видны причины безсилія людей, подобныхъ ему; фальшивое направленіе ихъ умственной дѣятельности становится ощутительно очевиднымъ. Невольно возникаетъ въ умѣ странное сближеніе между ними и всѣмъ обществомъ. На почвѣ крѣпостнической обезпеченности только могъ возникнуть этотъ безжизненный, безкровный идеализмъ, ничего не приносившій жизни, какъ на той же почвѣ возникали формы разгула чисто-физическаго свойства.

10.

Пошехонская старина оканчивается въ высокой степени знаменательными главами, придающими послѣдніе мастерскіе штрихи громадной картинѣ прошлаго русскаго помѣщичьяго быта. „Славущенскія дамы и проч.“—называется одна изъ этихъ главъ, и эти дамы, вмѣстѣ съ „прочимъ“, придаютъ картинѣ законченность, которой она безъ этого не имѣла бы. *Пошехонская старина*, эта послѣдняя „сатира“ Щедрина, въ сущности не представляетъ собою того, что разумѣется подъ словомъ „сатира“. Авторъ не глазами сатирика смотритъ на явленія быта, изображаемаго имъ, и это тѣмъ болѣе понятно и законно, что бытъ этотъ, если и оставилъ еще въ наслѣдство нашему времени нѣчто, то во всякомъ случаѣ принадлежитъ невозвратному прошлому. Не глазами сатирика смотритъ онъ, и во всемъ его произведеніи разлитъ тотъ юморъ, что поистинѣ представляетъ собою „незримыя слезы“, то чувство глубокаго сожалѣнія къ попранію въ человѣкѣ образа и подобія Божія, которое

исключаетъ одностороннее обличеніе и дѣлаетъ изображеніе жизни многостороннѣе и объективнѣе.

Въ огромной картинѣ, нарисованной авторомъ, передъ нами униженные и унижающіе, оскорбленные и оскорбляющіе, лишенные права на человѣческое существованіе и вооруженные не только правомъ, но и произволомъ; но любопытно то обстоятельство, что счастливыхъ, истинно человѣчески живущихъ и чувствующихъ, нѣтъ между тѣми и другими—и это глубоко вѣрно. Крѣпостническій произволъ одинаково гнетомъ ложился, долженъ былъ ложиться какъ на угнетаемыхъ, такъ и на угнетающихъ, потому что разъ сила являлась рѣшающимъ моментомъ въ жизни, вытѣсняя право, то на каждаго сильнаго находились еще болѣе сильные, и возникала круговая порука насилія и произвола. Знаменитый „сатирикъ“ ставитъ передъ нами цѣлый безбрежный океанъ безсмысленнаго несчастія, обыкновенно не сознаваемаго, но несомнѣннаго. Какая жалкая роль достается на долю, напр., теткамъ Затрапезнаго, когда онѣ, послѣ гнета на мать его, въ свою очередь попадаютъ подъ ея гнетъ; какъ удивительно мучительны для всѣхъ участниковъ эти интриги и борьба изъ-за ожидаемаго наслѣдства, которое, однако, проходитъ мимо всѣхъ рукъ, протягивающихся къ нему. Картину жизни, нарисованную авторомъ, можно назвать картиною добровольнаго самомученія людей, жертвъ предразсудковъ и дикихъ понятій, рядомъ съ мученіемъ другъ-друга. И потому, повторяемъ, напрасно было бы искать въ послѣдней сатирѣ Щедрина какое-нибудь обличеніе; въ ней—скорбное чувство, вызванное въ авторѣ воспоминаніями о печальномъ складѣ жизни, приносившемъ столько несчастія людямъ, такъ развращающе дѣйствовавшемъ на нихъ. И на фонѣ „пошехонскаго раздолья“ съ большою рельефностью выдѣляются фигуры, изображенныя въ послѣднихъ главахъ, придавая основной идеѣ произведенія ясность, очевидность.

Въ лицѣ „Славущенскихъ дамъ“ передъ нами помѣщичья бѣднота, на долю которой доставалось, быть-можетъ не меньше гнета судьбы, чѣмъ на долю дѣйствительно безправныхъ крѣпостныхъ. Печальна, но высоко поучительна судьба Степаниды Михайловны Слѣпушкиной и ея дочери. Одна изъ самыхъ бѣдныхъ дворянокъ захолустья, она владѣла пятнадцатью ревизскими душами, все дворовыхъ, и

сотнею десятинъ земли. Рано осиротѣвши, восемнадцати лѣтъ она уже сдѣлалась самостоятельною хозяйкой, и хозяйкой очень хорошею. Дѣло у нея шло прекрасно, и сами ея дворовые любили ее. Хотя положеніе ихъ было, конечно, нелегкое; но барышня обращалась съ ними такъ просто и ласково, даже въ пищѣ старалась не отличаться отъ нихъ, живя съ ними въ одной усадебной оградѣ общею жизнью. Лѣтъ уже тридцати она вышла по любви за канцелярскаго чиновника Слѣпушкина, который былъ моложе ея на шесть лѣтъ, и полтора года спустя послѣ свадьбы умеръ отъ чахотки, оставивъ жену съ имѣвшею родиться дѣвочкой, которую назвали Клавденькой. Пораженная потерей единственнаго человѣка, который далъ ей недолговременное счастіе, Слѣпушкина искала забвенія въ винѣ—и пріобрѣла болѣзнь, извѣстную подъ именемъ запоя. И вотъ, жизнь ея начинаетъ проходить между припадками этой страшной болѣзни, съ которою она не находитъ силъ бороться, и временемъ печали и отчаянія, вызываемыхъ сознаніемъ своей гибели. А что за страшное положеніе дочери, унаслѣдовавшей отъ отца чахотку и терзаемой припадками матери, которая безпрерывно пристаетъ къ ней съ тяжкимъ вопросомъ: „Клавдюшка, подлячка у тебя мать? Говори—подлячка?“—Это бѣдное существо умираетъ во время болѣзни матери, одинокое, всѣми оставленное. Пораженная этимъ, скоро умерла и мать, покончившая съ собой во время запоя самоубійствомъ. Нельзя забыть, что она, готовясь къ смерти, совершила на имя своихъ дворовыхъ дарственную запись, которою еще при жизни отдавала имъ усадьбу и землю въ полную собственность. „Нашего полку прибыло. Вотъ и еще дворяне проявились у насъ на селѣ!“ иронически поздравляли другъ-друга по этому случаю сосѣдніе помѣщики.

Вотъ вамъ жизнь бѣдной дворянской семьи. На ней, какъ это ясно, крѣпостническій строй жизни, съ его понятіями, съ его безучастіемъ къ ближнему, отразился со всею силой, и мы видимъ, какъ мало счастія способенъ онъ былъ дать. Даже то лучшее, что́ было въ жизни Слѣпушкиной—ея ласковое отношеніе къ дворовымъ и отказъ имъ земли,—является, очевидно, отрицательнымъ результатомъ всеобщаго помѣщичьяго, крѣпостническаго равнодушія къ судьбѣ рядомъ живущихъ сосѣдей.

Совершенную противоположность съ нѣсколько идеалистскою Слѣпушкиной представляетъ другая бѣдная дворянка—Золотухина. Эта особа практическая, видавшая виды—она изъ „духовнаго“ званія—и умѣющая устроить свои дѣла. Къ чести ея нужно сказать, что, переѣзжая изъ одной богатой усадьбы въ другую, эта общая приживалка, однако, не унижалась, умѣла не унижаться и быть полезною тамъ, куда пріѣзжала „въ гости“. У этой дворовымъ уже иное житье, чѣмъ у Слѣпушкиной; но зато она сумѣла устроить своихъ дѣтокъ какъ нельзя лучше: одинъ сынокъ, съ дѣтскихъ лѣтъ постигшій искусство жить, выходитъ въ профессора, а другой преуспѣлъ въ гражданской службѣ. И опять эти сыновья по смерти матери отпустили дворовыхъ на волю, отдавъ имъ усадьбу со всею землей. И грустное и странное впечатлѣніе производитъ исторія Золотухиной съ ея сыновьями. Вы видите, что эта семья по натурѣ необыкновенно эгоистична и практична, совершенно въ противность Слѣпушкиной. Но практичность матери вывела дѣтей на такія дороги умственнаго развитія и гуманныхъ взглядовъ, что общій результатъ здѣсь получился тотъ же, что и у Слѣпушкиной,—„великодушный“, по выраженію автора, отказъ отъ своихъ крѣпостническихъ правъ на ближнихъ.

Интересна параллель, проводимая авторомъ между двумя помѣщиками добраго прошлаго, такъ еще недавно бывшаго далеко не добрымъ настоящимъ. Перхуновъ въ кругу „своихъ“ слылъ вольнодумцемъ и острякомъ („бритва-язычокъ“, говорили про него), хотя, по словамъ автора, лишь въ слабой степени оправдывалъ эту репутацію.

„Вольнодумство его ограничивалось довольно низменнымъ и неопрятнымъ кощунствомъ,—говоритъ авторъ,—да назойливымъ критиканствомъ, для котораго онъ находилъ легкую пищу въ малограмотности и мелкихъ беззаконіяхъ и плутняхъ мѣстной администраціи. Домъ его служилъ центромъ, изъ котораго выходили разнообразнѣйшія розсказни о дѣйствіяхъ приказной братіи“.

Несмотря на безобидность его критическихъ упражненій, начальство смотрѣло на него косо и держало на счету безпокойныхъ людей. Нерѣдко ему дѣлали, черезъ предводителя, реприманды и указывали перстомъ въ ту сторону, куда Макаръ телятъ не гонялъ, и послѣ такихъ указаній нашъ критиканъ временно притихалъ, чтобы снова приняться за прежнее черезъ нѣсколько времени. Очевидно, это чело

вѣкъ пустой. Но репутація вольнодумца и остряка сослужила ему существенную службу. Во времена крестьянской реформы, въ качествѣ „занозы", онъ былъ избранъ въ губернскій крестьянскій комитетъ, а оттуда пробрался даже въ редакціонныя комиссіи.

Передъ нами здѣсь опять—удивительное несоотвѣтствіе результатовъ съ причинами, породившими ихъ. Поистинѣ, этотъ помѣщичій бытъ, какимъ онъ является въ произведеніи Щедрина, былъ бытомъ сюрпризовъ, если смотрѣть съ серіозно-разумной точки зрѣнія. Дичь и безыдейность помѣщичьей среды были настолько разительны, что люди университетскаго образованія и серіознаго развитія служили чуть не посмѣшищемъ, а Перхуновы играли роль серіозныхъ общественныхъ дѣятелей.

Впрочемъ, узнавши того, кто составлялъ противоположность Перхунову, вы удивляться перестаете. Конечно, Перхуновъ пустой, несеріозный человѣкъ. Но что же представлялъ изъ себя серіозный Метальниковъ? Вотъ какъ авторъ характеризуетъ его:

„Насколько Перхуновъ былъ недостовѣренъ и проказливъ, настолько же первый отличался достовѣрностью и серіозностью не только помысловъ, но и тѣлодвиженій. Все въ его міросозерцаніи было ясно, внушительно и безспорно... Онъ жилъ по жизненному пути, инстинктивно угадывая, гдѣ слѣдуетъ остановиться, чтобы упереться лбомъ въ стѣну. И тамъ, гдѣ Перхуновъ тормошился и восклицалъ: „На что похоже!"—онъ учительно и вполнѣ убѣжденно утверждалъ: „Съ насъ будетъ и этого". Естественно, что Метальниковъ слылъ „мужемъ совѣта", но еще естественнѣе было не ожидать отъ него ничего для будущаго, для развитія общественной среды, въ которой онъ вращался. И понятно, что общество, не могшее понять значенія въ жизни истиннаго образованія, все же въ рѣшительный моментъ, когда для великаго дѣла общественной реформы понадобился человѣкъ, остановилось на Перхуновѣ въ качествѣ „занозы", оставивъ Метальникова „мужемъ совѣта"—дома..."

Авторъ останавливаетъ еще вниманіе читателя на семьѣ Урванцовыхъ, которыхъ отецъ, изъ числа „проказниковъ", даже въ завѣщаніи устроилъ злостную штуку съ бѣдственными послѣдствіями, и на Петрѣ Антонычѣ, единогласно прозванномъ Псомъ Антонычемъ, нѣсколько разъ бывшемъ подъ судомъ за свое поведеніе съ крестьянами, наконецъ, убитомъ ими. Но мимо, читатель, мимо этихъ ужасныхъ картинъ прошлаго, годныхъ только на то, чтобы навсегда вылѣчить отъ общей человѣческой слабости—вспоминать прошлое

съ нѣкоторою идеализаціей. Мимо и „пошехонскаго раздолья", состоявшаго исключительно въ ѣдѣ и питьѣ да въ спаньѣ. *Пошехонская старина* займетъ большое мѣсто въ русской литературѣ, какъ глубоко-поэтическое и вполнѣ объективное изображеніе русской крѣпостнической жизни, преимущественно въ ея грустныхъ сторонахъ—преимущественно, но не исключительно, потому что безпристрастно дано мѣсто и другимъ сторонамъ.

А. И. Введенскій.

(1888 г.)

Новѣйшія произведенія Салтыкова [1]).

„Въ жизни знаменитыхъ русскихъ писателей—когда она не обрывается преждевременно какою-нибудь катастрофой—слишкомъ часто наступаетъ раннее утомленіе, оскудѣніе творчества, паденіе или, по крайней мѣрѣ, застой таланта. Въ литературной дѣятельности Салтыкова, продолжающейся уже тридцать-пять лѣтъ, не замѣтно ничего подобнаго. Озираясь мысленно на длинный путь, пройденный нашимъ сатирикомъ, нельзя не замѣтить постепеннаго возрастанія его силъ, постепеннаго расширенія его горизонта". Такъ говорили мы пять лѣтъ тому назадъ, заканчивая нашъ этюдъ о щедринской сатирѣ [2]); то же самое, съ бо́льшею еще увѣренностью и бо́льшею силой, можно повторить и теперь, въ виду новѣйшихъ произведеній Салтыкова. А между тѣмъ, чего только не перенесъ, въ послѣдніе годы, нашъ многострадальный писатель! Говоря его собственными словами (въ первомъ изъ *Пестрыхъ писемъ*), онъ потерялъ, на время, „употребленіе языка"; подобно Крамольникову *(Сказка-элегія)*, онъ ощутилъ, совершенно неожиданно и совершенно явственно, что „его вчерашнее *бытіе* какимъ-то волшебствомъ превратилось сегодня въ *небытіе*". Его постигла, затѣмъ—уже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова,—тяжкая, мучительная болѣзнь. „Боленъ я,—восклицаетъ онъ въ первой главѣ *Мелочей жизни*,—невыносимо. Недугъ впился въ меня всѣми когтями и не выпускаетъ изъ нихъ. Изможденное тѣло ничего не можетъ ему противопоставить. Ночи провожу въ тревожномъ снѣ, пишу рѣдко и съ большимъ мученіемъ, читать не могу вовсе и даже—слышать чтеніе. По-временамъ самый голосъ человѣческій мнѣ нестерпимъ". И все-таки, за исклю-

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1888 г., № 1. (См. стран. 88.)

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1883 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5.

ченіемъ короткихъ вынужденныхъ промежутковъ, больной писатель не покидаетъ пера; его творчество остается сильнымъ и свободнымъ среди самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условій. Написанное въ минуты, „вырванныя у жестокаго недуга“, не уступаетъ созданному въ эпоху полной физической бодрости. Поразительна при этомъ и неуклонная вѣрность однажды избранной дорогѣ; поразительна тѣмъ болѣе, что причину болѣзни, его гнетущей, самъ авторъ видитъ въ *писательствѣ*.

„Ахъ это писательское ремесло! Это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь, прежде нежели попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною ни дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный, вредный. Трудно повѣрить; а въ провинціи власть имущіе дѣлали гримасы, встрѣтивъ гдѣ-нибудь мою книгу. Какимъ образомъ этотъ вредный писатель попалъ сюда?—вотъ вопросъ, который считался самымъ натуральнымъ относительно моихъ сочиненій, встрѣченныхъ гдѣ-нибудь въ библіотекѣ или въ клубѣ... Въ родномъ городѣ нѣкто пожертвовалъ въ мѣстный музей мой бюстъ. Стоялъ-стоялъ этотъ бюстъ года два благополучно—и вдругъ его куда-то вынесли. Оказалось, что я—вредный“...

Не всякому дана способность равнодушно переносить булавочные уколы, обращающіеся иногда въ настоящее истязаніе. Чѣмъ глубже чувство, вдохновляющее писателя, чѣмъ сильнѣе его вѣра въ идеалъ, проповѣдуемый „могучимъ словомъ отрицанія“, тѣмъ оскорбительнѣе для него непониманіе, недовѣріе, достающееся на его долю. Хорошо еще, если бы оно шло только съ одной стороны, выражалось только въ запрещеніяхъ и сокращеніяхъ; въ данномъ случаѣ область его гораздо шире—оно захватываетъ часть публики, возводится въ систему „читателемъ-ненавистникомъ“, принимается на вѣру „солиднымъ читателемъ“, порабощаетъ „читателя-простеца“. Чтобы не сложить оружія, чтобы итти впередъ, несмотря на ужасающую массу намѣренныхъ и ненамѣренныхъ недоразумѣній, нужна та страстная любовь къ печатному слову, которую столько разъ исповѣдывалъ Салтыковъ, нужно твердое убѣжденіе въ его непреодолимой силѣ.

„Литература не умретъ, не умретъ вовѣки вѣковъ! Ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ... Не будь того свѣточа, который литература сюду приноситъ съ собой: и звуки, и краски, и линіи—все было бы смѣшеніе, хаосъ. Одна литература имѣетъ привилегію *гласить во всѣ концы*

она одна имѣетъ даръ всѣхъ соединять подъ сѣнью своею, всѣмъ давать возможность вкусить отъ сладостей общенія".

Этого взгляда на литературу, выраженнаго Салтыковымъ девять лѣтъ тому назадъ *(Круглый годъ)*, онъ держится, очевидно, и до сихъ поръ, и, благодаря ему, раненый, истекающій кровью, остается въ первомъ ряду сражающихся. Понятіе о жизни сливается для него съ понятіемъ о борьбѣ; къ нему примѣнимы вполнѣ слова нѣмецкаго поэта:

Denn ich bin ein Mensch gewesen
Und das heisst—ein Kämpfer sein.

Заглавіе статьи, которую мы теперь хотимъ дополнить—„Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова",—было избрано нами не случайно. Мы думали и продолжаемъ думать, что въ щедринской сатирѣ отражается русское общество—сначала такимъ, какимъ его застала великая эпоха реформъ, потомъ такимъ, какимъ оно постепенно становилось подъ вліяніемъ преобразованій и контръ-преобразованій, подъ вліяніемъ движенія и застоя, прогресса и реакціи. Теперь, какъ и прежде, происходитъ постоянная смѣна теченій, измѣняющихъ внѣшній видъ и внутреннее настроеніе общества; теперь, какъ и прежде, каждая новая метаморфоза, въ главныхъ своихъ чертахъ, переносится на громадное полотно, надъ которымъ уже цѣлую треть вѣка работаетъ кисть Салтыкова. Мы разстались съ этою работой въ то время, когда ея послѣднимъ словомъ были *Письма къ тетенькѣ* (1882) и *Современная идиллія* (1883), послѣдними сюжетами—такъ-называемая „народная политика" и періодъ „выжиданія", характеризуемый девизомъ: „Погодить надо". За періодомъ выжиданія послѣдовала эпоха „перехода отъ фразы къ дѣлу"; въ творчествѣ Щедрина ей соотвѣтствуютъ *Недоконченныя бесѣды* и *Пошехонскіе разсказы* [1]). „Пестрое время" изображено въ *Пестрыхъ письмахъ* (1886), непосредственнымъ продолженіемъ которыхъ являются *Мелочи жизни* (1887). Параллельно съ главною дорогой извивается капризная тропинка *Сказокъ* (1886), то забѣгающая въ область фантазіи, то возвращающаяся на почву реальнаго міра. Во всѣхъ названныхъ нами книгахъ сатирикъ часто уступаетъ

[1]) Отдѣльными книгами „Недоконченныя бесѣды" и „Пошехонскіе разсказы" вышли въ 1885 г., но первое появленіе ихъ въ печати (за исключеніемъ первыхъ пяти „бесѣдъ", написанныхъ еще въ семидесятыхъ годахъ) относится къ концу 1883 и началу 1884 года.

мѣсто художнику; въ авторѣ *Пестрыхъ писемъ* и *Мелочей жизни* мы узнаемъ, на каждомъ шагу, автора *Господъ Головлевыхъ*. Прямымъ дополненіемъ къ исторіи Іудушки служитъ *Пошехонская старина*, еще развертывающаяся передъ глазами нашихъ читателей.

„Наше время—не время широкихъ задачъ". Такова была формула, провозглашенная въ началѣ семидесятыхъ годовъ и долго служившая мишенью для стрѣлъ сатирика. Не успѣли еще отзвучать ея послѣдніе отголоски, какъ на смѣну ея явилась другая, болѣе смѣлая: „Прочь мечтанья, прочь волшебные сны, прочь фразы! пора, наконецъ, за дѣло взяться!" Вооружаясь противъ фразъ, эта формула была сама не чѣмъ инымъ, какъ фразой, и вдобавокъ, по выраженію Салтыкова, „фразой не новою, а засиженною, истрепанною, почти истлѣвшею подъ наслоеніями пыли и плѣсени—фразой, которую въ любомъ архивѣ, на любой полкѣ можно прочесть въ безконечномъ разнообразіи редакцій".

„Я не поклонникъ фразы,—читаемъ мы въ *Пошехонскихъ разсказахъ*,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она представляетъ собою образецъ чеканки и округленности; но въ то же время я не могу не сравнивать. Въ прежней фразѣ, отъ которой мы отрекаемся, все-таки слышалось нѣчто хотя неясное, недосказанное, но не идущее въ разрѣзъ человѣческой природѣ. Прежняя фраза не давала разрѣшеній, не указывала ни прямыхъ цѣлей ни путей для достиженія ихъ; но она не отравляла, не засоряла мозговъ. Нынѣшняя посконная фраза прежде всего противна человѣческому естеству. Надо перестать быть человѣкомъ, чтобъ формулировать ее не краснѣя. Отъ этого-то такъ часто слышится, рядомъ съ нею, напоминаніе объ участкѣ".

Новоявленная формула исполнена внутреннихъ противорѣчій. Она протестуетъ противъ работы мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣпляется за обрывки и кусочки мыслей, чтобы доказать свое право на существованіе. Она взываетъ къ народному здравому смыслу, видитъ въ немъ охрану противъ „растлѣвающей цивилизаціи"—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопіетъ о распущенности и разнузданности народа, о необходимости „страха", какъ средства укрощенія и управленія. Въ сущности, передъ нами происходитъ продолженіе стариннаго спора, вступившаго изъ „періода состязаній" въ періодъ „приказательнаго чревовѣщанія". Въ періодъ состязаній,—говоритъ сатирикъ устами Крамольникова,—вопросъ ставится такъ: одни видятъ высшую задачу человѣческой дѣятельности въ содѣйствіи къ разрѣшенію вопросовъ всесторонняго человѣческаго развитія, и эту задачу называютъ *дъ-*

ломъ; другіе, напротивъ, не признавая неизбѣжности человѣческаго развитія, ту же самую задачу называютъ мечтаніемъ, фразой. Въ періоды чревовѣщаній, ряды защитниковъ высшихъ задачъ постепенно рѣдѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ умолкаютъ; напротивъ того, чревовѣщатели смѣло выступаютъ впередъ и, не встрѣчая ниоткуда препятствія, открываютъ односторонній бой, наполняя при этомъ веси и грады всяческимъ сквернословіемъ и проклятіями". Къ какому же *дѣлу* несутся ихъ сердца?

„А вотъ къ какому: къ упраздненію человѣческой мысли, къ доведенію человѣческой рѣчи до степени бормотанія. Кому же, въ данномъ случаѣ, болѣе приличествуетъ кличка мечтателей? Тѣмъ ли, которые, несмотря на мракъ, окутывающій будущее, все-таки не теряютъ изъ вида законовъ человѣческаго совершенствованія, или тѣмъ, которые осуждаютъ людей на то, чтобы сидѣть, упершись лбомъ въ стѣну, и въ безмолвіи ожидать, пока она на нихъ повалится?.."

Исканіе *дѣла*, лишенное идеаловъ въ будущемъ, непремѣнно должно обращаться къ прошедшему и принимать, такъ-сказать, кладбищенскій характеръ. Какъ бы ни былъ высокъ надгробный холмъ, какъ бы ни былъ тяжелъ надгробный крестъ, они не мѣшаютъ разрытію могилы, раскрытію гроба, извлеченію тлѣющихъ въ немъ костей; не мѣшаютъ попыткамъ воскресить покойника или, по крайней мѣрѣ, пустить въ оборотъ похороненные вмѣстѣ съ нимъ атрибуты его угасшей власти. Покойникъ, котораго стараются поднять наши искатели *дѣла*,—это дореформенный строй, погребенный 19-го февраля 1861 года. Его черты многими уже забыты, многимъ вовсе неизвѣстны по личному опыту; весьма важно, поэтому, показать ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, освѣтить потемки, среди которыхъ работаютъ и на которыя разсчитываютъ гробокопатели. Такимъ лучомъ свѣта является второй изъ *Пошехонскихъ разсказовъ*, повидимому, полный комизма, а на самомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ серіозный. Передъ читателями проходитъ цѣлая вереница „добродѣтельныхъ" представителей „добраго стараго времени"—городничихъ, исправниковъ, предводителей, уѣздныхъ судей. Для тѣхъ, кто способенъ принять эту „добродѣтель" за чистую монету, присовокупляется напоминаніе, что возвращеніе въ потерянный рай сопряжено съ немалыми трудностями.

„Въ дореформенное время почти всѣ служебныя должности занимались въ губерніяхъ и уѣздахъ, по выбору отъ дворянства. Поэтому, все тогда было благородно. Правилъ насчетъ благородства никакихъ не было, а

просто предполагалось, что отъ благородныхъ людей слѣдуетъ ожидать и благородныхъ поступковъ. Благородные люди не входили другъ съ другомъ въ соглашеніе, и, тѣмъ не менѣе, гармонія была полная. Не было ни съѣздовъ, ни обмѣна мыслей, ни возбужденія и разрѣшенія вопросовъ, а всякій понималъ свое дѣло столь отлично, какъ-будто сейчасъ со съѣзда пріѣхалъ. Каждый дѣйствовалъ за себя лично, но эти личныя дѣйствія сливались въ одномъ согласномъ хорѣ, въ которомъ ни единаго диссонанса не было слышно. Удивительное это время было, волшебное, и называлось оно *порядкомъ вещей*... Неудивительно, что оно оставило въ избранныхъ душахъ благодарныя воспоминанія. Еще менѣе удивительно, что въ средѣ этихъ избранниковъ прорывается стремленіе возстановить волшебныя времена и возвратиться къ тому спокойному и величаво-благородному жизненному теченію, которое составляло ихъ существенное обаяніе. Къ сожалѣнію, избранники обыкновенно упоминаютъ при этомъ о какомъ-то *дворянскомъ принципѣ*. Тогда, дескать, дворянскій принципъ господствовалъ, оттого и было всѣмъ хорошо. Возстановимте опять этотъ принципъ—и опять будетъ всѣмъ хорошо. Но это не такъ. Во времена, о которыхъ идетъ рѣчь, никакихъ принциповъ не было—вотъ отчего было всѣмъ хорошо. Это-то именно и называлось *порядкомъ вещей*. Существовало нѣчто въ родѣ запертой пагоды, безъ оконъ и дверей, въ которой хранились никому неизвѣстныя и недоступныя письмена".

Стремиться къ старинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорить о принципахъ—значитъ ломиться въ двери этой пагоды, и рисковать раскрытіемъ письменъ, въ которыхъ не обнаружится, пожалуй, ровно ничего почтеннаго и обаятельнаго. „Ни пытливости ни принциповъ"—вотъ девизъ, рекомендуемый сатирикомъ для движенія впередъ, равносильнаго движенію назадъ. „И главное, чтобы безъ шуму; чтобы никто ни о чемъ никому ни гу-гу". Этотъ послѣдній совѣтъ остался неисполненнымъ, да едва ли онъ и былъ исполнимъ; но насчетъ отсутствія принциповъ наши „назадняки" (новое выраженіе, пущенное въ ходъ профессоромъ Ламанскимъ) не оставляютъ желать ничего лучшаго. Жаль только, что они не перестаютъ что-то „бормотать" о „дворянскомъ принципѣ".

Кромѣ „принциповъ", у искателей „дѣла" есть еще одно излюбленное словечко: *основы*. Исторія этого словечка—фантастическая, но, тѣмъ не менѣе, отнюдь не виснущая на воздухѣ—пріурочена Салтыковымъ къ подвигамъ Никиты Беркутова (второго изъ „пошехонскихъ реформаторовъ") и къ передовицамъ *Уединеннаго пошехонца*. Беркутовъ, прежде дѣйствовавшій больше по части „первыхъ двухъ пунктовъ", пришелъ къ убѣжденію, что „несравненно удобнѣйшимъ поводомъ для уловленій могутъ служить такъ-называемыя

основы, какъ по растяжимости понятія, ими выражаемаго, такъ и потому, что онѣ затрогиваютъ не столько умъ и чувство человѣка, сколько его шкуру". Въ проповѣди *Уединеннаго пошехонца* главную роль изъ числа основъ играла собственность; объ остальныхъ основахъ—говорилъ онъ—„въ полицейскомъ управленіи имѣются лишь скудныя свѣдѣнія, но въ ближайшемъ будущемъ ожидается отъ губернскаго правленія подробное по сему предмету разъясненіе". Къ поддержанію основъ призывалось и общество, но съ такою оговоркой: „Не для того содѣйствіе обывателей нужно, чтобы г. исправникъ потребность въ ономъ ощущалъ, а для того, чтобы сами обыватели въ полезныхъ упражненіяхъ время препровождали". Понимаемыя извѣстнымъ образомъ, *основы* сливаются въ одно цѣлое съ „препонами"— и въ третьемъ *Пошехонскомъ разсказѣ* чиновникъ „департамента Препонъ" недаромъ грозитъ упраздненіемъ не только „департаменту Пересмотровъ и Преуспѣяній", но и „департаменту Оговорокъ", т.-е. самому Жюстмильё. На нижней ступенькѣ лѣстницы, созидаемой во имя „основъ" и „препонъ", стоятъ Скорпіоновъ и Тарантуловъ, добывающіе себѣ пропитаніе „похвальными поступками", испускающіе „охранительные звуки" и довольно дешево продающіе свою снисходительность къ „мечтаніямъ". На другихъ ступенькахъ размѣщаются Скорпяковъ, нѣкогда западникъ, потомъ славянофилъ, еще позже признавшій за благо сдѣлаться „простымъ русскимъ человѣкомъ" и выработавшій себѣ „особую русскую точку зрѣнія, въ основаніи которой лежитъ исполненіе предписаній начальства" (*Пестрыя письма*, IX); „Ѳедотъ, да не тотъ"—превосходный исполнитель и вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимый прожектеръ, къ „волшебнымъ" планамъ котораго мы еще будемъ имѣть случай возвратиться (*Пестрыя письма*, III); „новозавѣтный шалопай" Ростокинъ, „обучавшійся краткимъ наукамъ" и считающій себя, поэтому, въ правѣ не „корпѣть", а прямо „мѣтить", т.-е. принять немаловажное участіе въ предстоящей „общей передѣлкѣ" (исходной его точкой служитъ формула: tout est à refaire); „государственный послушникъ" или „государственный доктринеръ" Люберцевъ, замѣняющій мало-по-малу идею государственности идеей о бюрократіи, интересъ государства—интересомъ казны (*Мелочи жизни*, VII). Къ этимъ представителямъ чиновнаго міра примыкаетъ „счастливецъ" Крутицынъ (*Мелочи жизни*,

XII), всю свою жизнь „высоко державшій сословное знамя“. Было время, когда онъ отвергалъ необходимость борьбы; интересы „знамени“ заставили его измѣнить этому взгляду и приступить къ борьбѣ, наименовавъ ее только, для успокоенія совѣсти, „отстаиваніемъ освященныхъ вѣками интересовъ“. Было время, когда онъ „фыркалъ“ на бюрократію и гордился своею независимостью; теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, „что между интересами бюрократическими и сословными не только не существуетъ ни малѣйшей розни, но, напротивъ, первые споспѣшествуютъ вторымъ, а вторые оплодотворяютъ первые“. „Сословная обезпеченность—таковъ его окончательный выводъ—можетъ быть достигнута только при соотвѣтствующемъ устройствѣ всего государственнаго уклада“... Крутицынъ—открытый союзникъ искателей „дѣла“: но у послѣднихъ есть и тайные приспѣшники, выведенные на сцену въ *Пестрыхъ письмахъ* подъ именемъ „антиреформенныхъ бунтарей“. Правда, эти оригинальные заговорщики были потребованы къ отвѣту, но имъ нетрудно было убѣлиться паче снѣга; вѣдь, на печати изъ общества вырѣзанъ былъ ультра-благонадежный девизъ: поспѣшай обратно! „Идите съ миромъ и продолжайте вашу благонамѣренно-преступную дѣятельность!“ воскликнулъ презусъ слѣдственной комиссіи, отпуская по домамъ безвинно-обиженныхъ генераловъ: „ваши намѣренія благовременны и тайнымъ совѣтникамъ свойственны. Объ одномъ прошу васъ: будьте осмотрительны въ выборѣ вашихъ соумышленниковъ. Помните, что коварство на каждомъ шагу подстерегаетъ васъ, и что, благодаря ему, благовременное можетъ сдѣлаться неблаговременнымъ и благонамѣренное — неблагонамѣреннымъ!“ Въ такомъ напутствіи едва ли предстояла надобность; современнымъ антиреформеннымъ бунтарямъ незачѣмъ вступать въ опасныя связи, потому что они безъ всякихъ затрудненій могутъ пополнять свои ряды соумышленниками, несомнѣнно, благонадежными.

На страницахъ программы, выражаемой, вкратцѣ, словами: tout est à refaire, большую роль играетъ, какъ извѣстно, упраздненіе самостоятельнаго суда, повиннаго въ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ—въ водвореніи „самочиннаго самодержавія“, въ „расхищеніи власти“. „Стоитъ только заправскому властителю думъ—такъ формулируется это обвиненіе въ *Недоконченныхъ бесѣдахъ*—засадить Ивана Непомнящаго въ кутузку,

какъ самочинный властитель думъ въ ту же минуту вырастаетъ изъ-подъ земли и освобождаетъ Ивана изъ кутузки; и наоборотъ, не успѣетъ заправскій властитель думъ поощрить Ивана Благонамѣреннаго, какъ самозванецъ уже тащитъ его на скамью подсудимыхъ. И все—нарочно". Что въ Россіи издавна и непрерывно совершаются расхищенія всякаго рода—въ томъ числѣ и расхищеніе власти—этого сатирикъ не отрицаетъ; ему кажется только, что охранительное усердіе направляется вовсе не туда, куда слѣдуетъ. Настоящіе „расхитители власти"—это „лукавые рабы", обдѣлывающіе, подъ прикрытіемъ ея обаянія, свои личныя дѣлишки", или „самоуправцы, по милости которыхъ существованіе въ провинціи становится годъ-отъ-году болѣе и болѣе загадочнымъ". А между тѣмъ, „о подлинныхъ расхитителяхъ охранительная публицистика, въ большинствѣ случаевъ, проходитъ молчаніемъ, нѣкоторыхъ же изъ нихъ — напримѣръ, самоуправцевъ—даже похваляетъ". Другое дѣло—судебныя учрежденія; по отношенію къ нимъ все считается пригоднымъ и умѣстнымъ—„и слѣпая ярость, и клевета, и раскатистый хохотъ... Не странно ли видѣть, что въ сферѣ охранительной можетъ существовать пресса, которая слово *легальность* произноситъ не иначе, какъ съ прибавленіемъ поскуднаго: risum teneatis amici?"...

„Охранительная", т.-е. псевдо-охранительная, пресса тѣмъ болѣе ненавистна Салтыкову, чѣмъ выше въ его глазахъ призваніе и роль литературы. Мы знаемъ, чего онъ отъ нея ожидалъ, какія возлагалъ на нее задачи—и легко можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе должны производить на него не только „уединенные пошехонцы", проповѣдники систематической травли и насильственнаго „отрезвленія", но и газеты увеселительно-консервативнаго пошиба, брганы Непомнящихъ („Газетчикъ", въ *Мелочахъ жизни*) и Подхалимовыхъ *(Пестрыя письма, V)*. Когда Подхалимовъ говоритъ ему: „Печать—сила", передъ нимъ проносится что-то далекое, свѣтлое, бодрое...

„Ни одинъ изъ бывшихъ свидѣтелей этого далекаго—я не исключаю даже старшихъ изъ Подхалимовыхъ—не можетъ вспомнить о немъ безъ умиленія. Гдѣ-то когда-то я слышалъ эти самыя слова (*печать—сила*); не въ этой обстановкѣ, не изъ этихъ устъ, но слышалъ, несомнѣнно, слышалъ. Я помню, что они поднимали мой духъ и наполняли мое сердце сладостною тревогой. Вмѣстѣ съ другими я вѣрилъ, что печать есть сила и что этой силѣ суждено развиваться и сдѣлаться несокрушимою".

И что́ же? Сила оказывается налицо, но пользуются ею Беркутовы и Подхалимовы! Это случилось не вдругъ; вторженіе улицы въ литературу наблюдалось сатирикомъ уже давно, редакція „Помоевъ“ была выведена имъ на сцену еще въ *Письмахъ къ тетенькѣ*—но потокъ, уносящій старыя литературныя преданія, поднимается все выше и выше, и „ликующая“ печать все больше и больше обрѣтается въ авантажѣ сравнительно съ „трепещущею“. „Спросите Непомнящаго, что́ онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуетъ его газета? И ежели въ немъ сохранилась хоть капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: хочу подписчика“—и тѣсно связанныхъ съ подписчикомъ объявленій. Благодаря подписчикамъ и объявленіямъ, газета составляетъ сокровище, которое Непомнящій бережетъ, какъ зеницу ока.

„Въ виду упроченія ея будущаго, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣжденіяхъ. Непомнящій употребляетъ всѣ средства, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы вліятельной среды, справляется у приспѣшниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостоивается собесѣдованій. Язвитъ онъ исключительно безоружныхъ—тѣхъ, которые на его науськиваніе не могутъ дать прямого отпора“.

Чѣмъ же отвѣчаетъ на „безшабашность“ Непомнящаго общее теченіе жизни? Отворачивается ли оно отъ нея, или идетъ ей навстрѣчу?

„На этотъ вопросъ,—говоритъ сатирикъ,—я не могу дать вполнѣ опредѣленнаго отвѣта. Думаю, однакожъ, что современная жизнь настолько заражена тлѣніемъ всякаго рода крохъ, что одно лишнее злодѣяніе не составляетъ счета. Мелочи до такой степени переполнили ее и перепутались между собою, что критическое отношеніе къ нимъ сдѣлалось труднымъ. Приходится принимать ихъ—только и всего“.

Констатировать пассивное отношеніе общества къ „мелочамъ жизни“—не значитъ еще примириться съ нимъ. Вся послѣдняя книга Салтыкова представляетъ собою страстный протестъ противъ такого примиренія. Въ увеличивающемся господствѣ „мелочей“ онъ видитъ опасность, тѣмъ болѣе грозную, чѣмъ больше надвигаются и растутъ крупные вопросы жизни. Забываемые, пренебрегаемые, заглушаемые шумомъ и трескомъ будничной суеты, они напрасно стучатся въ дверь, которая не можетъ, однако, вѣчно оставаться для нихъ закрытой. „Прозябаніе“, обусловливаемое торжествомъ „мелочей“, также не можетъ быть безсрочнымъ; чрезмѣрная продолжительность его угрожаетъ „гніеніемъ“—или смутой. Сердечная боль, овладѣвающая Салтыковымъ

при мысли о будущемъ, о томъ будущемъ, которымъ чревата покорность „мелочамъ жизни", увлекаетъ его за обычную границу его сатиры. Не довольствуясь образною, иносказательною рѣчью, не останавливаясь на отрицаніи, онъ прямо указываетъ выходъ изъ колеса, въ которомъ вертится современная жизнь. „Человѣчество,—говоритъ онъ,—безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго". Пятая глава *Мелочей жизни*, развивающая этотъ основной тезисъ, памятна, безъ сомнѣнія, читателямъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она бросаетъ отраженный свѣтъ на все творчество Салтыкова; раскрываетъ первоисточникъ его сатиры; устраняетъ возможность сомнѣній въ наличности и окраскѣ положительнаго ея содержанія.

Въ прежнихъ произведеніяхъ Салтыкова мы встрѣчались не разъ съ „тѣнью грядущихъ событій"; оправданіе его „преувеличеній"—т.-е. преувеличеній съ точки зрѣнія данной минуты—не разъ брала на себя позднѣйшая дѣйствительность. Даръ предвидѣнія не измѣнилъ ему и въ послѣднее время. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть слѣдующій отрывокъ изъ *Мелочей жизни*, и вспомнить, что онъ написанъ не въ 1887, а въ 1886 году:

„надъ всей школой тяготѣетъ нивеллирующая рука циркуляра. Опредѣляются во всей подробности не только предѣлы и содержаніе знанія, но и число годовыхъ часовъ, посвящаемыхъ каждой отрасли его. Не стремленіе къ распространенію знанія стоитъ на первомъ планѣ, а глухая боязнь этого распространенія... О личности педагога забыто; онъ обязывается выполнить букву циркуляра—и больше ничего... Мало того, *при самомъ входѣ въ школу о всякомъ жаждущемъ знанія наводится справка—дворянинъ или мѣщанинъ?*".

Всѣмъ извѣстно, какое значеніе дано этой справкѣ съ нынѣшняго учебнаго года... [1]). Тѣмъ же угадывающимъ, если можно такъ выразиться, характеромъ отличается и „проектъ обновленія", составленный Стрѣловымъ *(Пестрыя письма)* и озаглавленный: „Время не терпитъ".

„Въ сущности, это былъ проектъ всеобщаго упраздненія; но такъ какъ нынѣ всѣ уже согласны, что въ упраздненіи-то и заключается обновленіе, то терминологія Стрѣлова была принята безъ особенныхъ затрудненій. Онъ

[1]) Съ 1888 г. затрудненъ доступъ въ гимназіи дѣтямъ низшихъ сословій; съ этою же цѣлью повышена и плата (до 40—70 руб.) за право ученія.

П. Д.

предлагалъ упразднить все: суды, земство, крестьянское самоуправленіе. Всѣ уѣзды онъ дѣлилъ на попечительства, по числу наличныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ, и съ подчиненіемъ всѣхъ попечителей предводителю. Въ рукахъ попечителей перепутана была власть судебная, административная и полицейская. Они завѣдывали народною нравственностью, образованіемъ, зрѣлищами, играми и забавами. Обязаны были устранять вредные обычаи и искоренять сквернословіе. Но преимущественно смотрѣть, чтобъ мужикъ не лѣнился".

Еще раньше, въ *Пошехонскихъ разсказахъ*, мы встрѣчались съ достойнымъ предшественникомъ Стрѣлова; вся разница въ томъ, что Клубковъ не облекалъ свои вожделѣнія въ форму проекта. Идеалъ *дѣла*, о которомъ мечталъ Клубковъ,

„представлялся ему снабженнымъ всѣми атрибутами крѣпостного права. Около этой упраздненной формулы ютились всѣ его помыслы, и никакой иной комбинаціи онъ не только придумать, но и случайно представить себѣ былъ не въ состояніи". Онъ не хотѣлъ понять, что „разъ *жезлъ* выпалъ изъ рукъ за негодностью, гораздо выгоднѣе совсѣмъ о немъ позабыть, нежели изнывать надъ пріисканіемъ средствъ однаковаго съ нимъ воспитательнаго пошиба".

Въ галлереѣ щедринскихъ типовъ Клубковъ — вмѣстѣ съ Конономъ Лукичомъ (*Мелочи жизни*, VI) — имѣетъ еще другое значеніе: онъ служитъ наглядною иллюстраціей тому, что Деруновы, Разуваевы и Колупаевы попадаются не только въ рядахъ средняго сословія, что кулакомъ и міроѣдомъ можетъ быть не одинъ только „чумазый". „Идетъ чумазый, идетъ, и даже уже пришелъ!" — это восклицаніе, раздавшееся въ первый разъ въ *Убѣжищѣ Монрепо*, повторяется и въ *Мелочахъ жизни*; но на этотъ разъ „чумазому" противополагается уже не обитатель Монрепо, а „интеллигенція", гдѣ бы она ни обитала; интеллигенція, безъ которой „мы не имѣли бы ни понятія о чести, ни вѣры въ убѣжденія, ни даже представленія о человѣческомъ образѣ". Успѣшно бороться съ „чумазымъ" она, къ несчастію, не можетъ, потому что „ниоткуда не защищена, и гибнетъ безпомощно, какъ былiе въ полѣ".

Отзываясь на всѣ явленія современной жизни, Салтыковъ не могъ пройти молчаніемъ еврейскій вопросъ, выдвинутый на первый планъ эпохой „народной политики" и не сходящій съ тѣхъ поръ со сцены.

„Исторія,—читаемъ мы въ *Недоконченныхъ бесѣдахъ*,—никогда не начертывала на своихъ страницахъ вопроса болѣе тяжелаго, болѣе чуждаго человѣчности, болѣе мучительнаго, нежели вопросъ еврейскій. Исторія человѣчества, вообще, есть безконечный мартирологъ, но въ то же время она есть и безконечное просвѣтлѣніе. Въ сферѣ мартиролога еврейское племя

занимаетъ первое мѣсто; въ сферѣ просвѣтлѣнія оно стоитъ въ сторонѣ, какъ-будто лучезарныя перспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся... Стигматизированный еврей является на свѣтъ, стигматизированный агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или, лучше сказать, не умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно-стигматизированнымъ въ лицѣ дѣтей и присныхъ".

Предубѣжденіе противъ евреевъ трудно-искоренимо, потому что основами его служатъ преданія, переходящія изъ рода въ родъ, и безсознательные капризы расоваго темперамента. Эти основы всего упорнѣе хранитъ толпа — толпа, „которая сама насквозь пропитана злосчастіемъ, и въ отношеніи которой всякій укоръ былъ бы несправедливостью, всякое рѣшительное воздѣйствіе — дѣломъ, въ высшей степени, щекотливымъ". Не толпѣ, однако, принадлежитъ новѣйшее усложненіе еврейскаго вопроса — „произвольное представленіе о еврейскомъ типѣ, на основаніи образцовъ, взятыхъ не въ трудящихся массахъ еврейскаго племени, а въ сферахъ болѣе или менѣе досужихъ и эксплуатирующихъ". Противъ этого представленія и направлены Салтыковымъ самые тяжелые, самые мѣткіе удары. Эксплуатація — явленіе слишкомъ распространенное, чтобы быть пріуроченнымъ къ извѣстной національности. Формула у всѣхъ эксплуататоровъ одна и та же; разница только въ способѣ ея произношенія. Еврейское: *дурака шашу* — совершенно тождественно съ чисто-русскимъ: *сосу дурака*.

„Говорятъ, будто выраженіе: *дурака шашу*—представляетъ девизъ, которымъ опредѣляется отношеніе *всякаго* еврея къ окружающей средѣ. Но, въ такомъ случаѣ, отчего же не допустить подобнаго же толкованія и для выраженія: *сосу дурака*, которое на практикѣ имѣетъ отнюдь не менѣе обширное примѣненіе? Оба выраженія одинаково омерзительны, оба доступны совсѣмъ не всякому встрѣчному, а только могущему вмѣстить. Сосать простеца или дурака (онъ же рохля, ротозѣй, мужикъ и проч.) очень лестно, но для этого нужно имѣть случай, сноровку и талантъ. Деруновъ и Колупаевъ—сосутъ, а Малявкинъ и Козявкинъ, хоть и живутъ съ ними по сосѣдству,—*не* сосутъ. Тотъ же самый законъ имѣетъ силу и въ еврейской средѣ; и между евреями правомъ лакомиться *дуракомъ* пользуются лишь сильные организмы. Вся разница въ томъ, что коренной Деруновъ, присасываясь къ Малявкину, называетъ его крестникомъ и не чуждается прибаутокъ въ родѣ: по-милу да по-божецки; ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ! А Деруновъ-еврей сосетъ безъ прибаутокъ, серіозно; пососетъ и скорлупу выплюнетъ. Ужасно видѣть это серіозное выплевываніе скорлупокъ, но, право, и прибаутки слышать не слаще"...

Можно ли вообразить себѣ что-либо болѣе правдивое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе убѣдительное, чѣмъ эта простая

параллель между *шашаніемъ* и *сосаніемъ*, между Деруновымъ—евреемъ и Деруновымъ — кореннымъ русскимъ?

Мы касаемся здѣсь одной изъ самыхъ характеристическихъ особенностей щедринской сатиры: способности олицетворенія; способности создавать образы, воплощающіе въ себѣ идею автора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полные движенія и жизни. Иногда эти образы едва намѣчены, иногда они разрастаются въ крупныя, художественно-отдѣланныя фигуры; иногда они соотвѣтствуютъ цѣлой категоріи или группѣ лицъ, сосредоточиваютъ въ себѣ коллективныя черты цѣлаго типа; иногда индивидуализируются ярко и рѣзко, выходя изъ рамокъ сатиры, сближая или отождествляя ее съ повѣстью или романомъ. *Шашущій* еврей и *сосущій* Деруновъ напоминаютъ намъ картины, набрасываемыя на экранъ съ помощью волшебнаго фонаря, чтобы служить иллюстраціей къ публичной лекціи; онѣ быстро проносятся передъ нашими глазами — но цѣль достигнута, сила впечатлѣнія увеличена въ нѣсколько разъ, отвлеченная мысль пріобрѣла осязательную форму. Такое же значеніе имѣетъ эпизодъ съ Иваномъ Рыжимъ въ послѣднемъ изъ *Пошехонскихъ разсказовъ* или бесѣды о „своихъ средствахъ“ въ *Мелочахъ жизни* (глава III). Нѣсколько словъ, брошенныхъ мимоходомъ, часто производятъ дѣйствіе бенгальскаго огня, измѣняющаго колоритъ картины. Такъ, напримѣръ, только-что упомянутая нами бесѣда о „своихъ средствахъ“ происходитъ у соборнаго протоіерея; „нынѣ и онъ—замѣчено въ скобкахъ—играетъ очень немаловажную роль“. Въ послѣдній, удачный пріѣздъ свой въ Петербургъ Стрѣловъ *(Шестрыя письма)* привезъ съ собою и отвезъ, куда слѣдуетъ, „просвирку отъ муромскихъ чудотворцевъ“, а нѣкоторый тайный совѣтникъ еще раньше „въ теченіе всей первой недѣли поста говорилъ по-славянски, какъ бы опасаясь оскоромиться русскимъ языкомъ“ *(Недокончепныя бесѣды)*.

Изображенія „скупого“ или „разсѣяннаго“, „придворнаго“ или „ученаго“ вышли, въ послѣднее время, изъ моды, потому что они рѣдко бываютъ вѣрными дѣйствительности; потому что нѣтъ людей, которые были бы *только* скупыми или разсѣянными, *только* придворными или учеными. Салтыкову удалось обновить и освѣжить старинный жанръ; его „хозяйственнаго мужичка“, его „сельскаго священника“, его „читателя-ненавистника“ (*Мелочи жизни*, VI и VIII)

никто не упрекнетъ въ схематичности или шаблонности. Коллективное лицо является здѣсь столь же живымъ, какъ если бы мы имѣли дѣло не съ представителемъ типа, а съ опредѣленнымъ Петромъ Ивановымъ или отцомъ Петромъ. Объясняется это, прежде всего, самымъ выборомъ темы. Салтыковъ изображаетъ не „мужичка“ вообще, а мужичка извѣстнаго пошиба и склада, и притомъ мужичка, который не весь исчерпывается одною господствующею чертой. Сложность—эта неизбѣжная принадлежность жизни—не чужда „хозяйственному мужичку“ Салтыкова. Онъ дорожитъ каждой копейкой, но теряетъ рубли въ своихъ сдѣлкахъ съ городскимъ торговцемъ. Онъ—пріобрѣтатель и сберегатель, по преимуществу; но ему несвойственна безусловная неразборчивость въ средствахъ пріобрѣтенія: онъ по природѣ „чуждъ кровопійства“. Онъ широко пользуется чужими силами, но не жалѣетъ и собственнаго труда; онъ одинаково строгъ къ другимъ и къ самому себѣ. Главный источникъ его трудолюбія—стремленіе къ обезпеченности, въ самомъ скромномъ смыслѣ этого слова; но ему знакомо и наслажденіе, доставляемое трудомъ... Типичныя фигуры, создаваемыя Салтыковымъ, не выставляются напоказъ совсѣмъ готовыми и неподвижными, какъ восковыя куклы. „Хозяйственный мужичокъ“ выступаетъ передъ нами въ разныхъ положеніяхъ, въ разныя минуты своей жизни. Мы видимъ его весной, лѣтомъ, зимой, въ городѣ и въ дорогѣ, въ полѣ и дома; мы видимъ отношенія его къ семьѣ, къ рабочимъ, къ окружающему міру. Для насъ становится яснымъ не только значеніе „хозяйственности“, но и ея генезисъ; мы понимаемъ, откуда идетъ это вѣчное безпокойство, эта неугомонная тревога, не прекращающаяся до самой смерти. Въ существованіи, наполненномъ дрязгами и суетой, но не лишенномъ, повидимому, своеобразнаго довольства, внезапно раскрываются черты почти трагическаго свойства—отсутствіе любви, отсутствіе надежды на будущее, отсутствіе всего того, что освѣщаетъ жизнь и согрѣваетъ сердце. „Съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?“ Эти заключительные вопросы, остающіеся безъ отвѣта, производятъ подавляющее впечатлѣніе; но не напрашиваются ли они сами собою, если вглядѣться поближе въ нарисованную Салтыковымъ фигуру „хозяйственнаго мужичка“?

Изображеніе „хозяйственнаго мужичка“ или „сельскаго священника“ захватываетъ цѣлое существованіе, цѣлаго человѣка; характеристика „читателя-ненавистника“, „солиднаго читателя“, „читателя-простеца“ заключена, по необходимости, въ болѣе тѣсныя границы, потому что она имѣетъ дѣло только съ однимъ уголкомъ душевнаго міра. И сюда, однако, Салтыкову удалось внести движеніе и жизнь. Онъ беретъ „читателя-ненавистника“ еще неоперившимся вполнѣ, еще неидущимъ дальше „чудачества и брюзжанья“—и доводитъ его мало-по-малу до геркулесовыхъ столбовъ неоскудѣвающей и неумолкающей злобы. „Хитрое подмигиванье“ уступаетъ мѣсто „громкому лаю пса, самочинно ставшаго на стражу“. Изъ среды „ненавистниковъ обыкновенныхъ“ выдѣляются „ненавистникъ-одиночка“ и „ненавистникъ-писатель“. Между различными видами ненавистничества, да и внутри одного и того же вида, господствуетъ полнѣйшее противорѣчіе; „только ненависть къ честнымъ и высокимъ идеаламъ жизни стоитъ неизмѣнно и незыблемо, освѣщая своимъ распространяющимъ чадъ факеломъ путь распри, умственной смуты и лжи“. Въ „солидномъ читателѣ“ и „читателѣ-простецѣ“ также совершаются метаморфозы; они сближаются постепенно съ „читателемъ-ненавистникомъ“, не переставая быть самими-собою. Простецы распадаются на „живчиковъ“ и „байбаковъ“, сходныхъ между собою только въ отношеніяхъ къ „убѣжденному писателю“. И тѣ и другіе игнорируютъ его, „а въ извѣстныхъ случаяхъ не-прочь и погрызть. Что̀ нужды, что они грызутъ безсознательно, не по собственному почину—фактъ грызенія нимало не смягчается отъ этого и стоитъ такъ же твердо, какъ если бы онъ исходилъ непосредственно изъ среды самихъ ненавистниковъ“.

Съ характеристикой группъ близко соприкасаются портреты отдѣльныхъ лицъ, изображаемыхъ въ качествѣ представителей группы. Въ *Пестрыхъ письмахъ* (IX) Салтыковъ различаетъ, напримѣръ, три категоріи „пестрыхъ людей“. Одни „сами себѣ выработали пестрое сердце и пестрый умъ, преднамѣренно освободивъ себя отъ всѣхъ стѣсненій совѣсти“; другимъ „фея жизни пестрое ремесло, въ видѣ дара, въ колыбель положила“; третьи „пестрятъ ради шкурнаго спасенія“. Послѣднія двѣ категоріи Салтыковъ рисуетъ, преимущественно, общими штрихами; первая выступаетъ передъ

нами въ лицѣ Скорнякова. По отношенію къ извѣстнаго рода прессѣ такую же роль играютъ Подхалимовъ и Иванъ Непомнящій. Чѣмъ рельефнѣе обрисовывается, въ подобныхъ случаяхъ, индивидуальность героя, тѣмъ больше художникъ заслоняетъ собою сатирика. Ростокинъ—типичный неошалопай; но рядомъ съ коллективными чертами типа мы видимъ въ немъ черты, свойственныя ему лично, выдѣляющія его изъ среды родственныхъ ему экземпляровъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о „государственномъ доктринерѣ“ Люберцевѣ, о самоновѣйшемъ адвокатѣ Перебоевѣ, объ „отрезвившемся“ земцѣ Красновѣ. Въ „Счастливцѣ“—онъ же „носитель знамени“, Крутицынъ—элементъ личный еще больше преобладаетъ надъ общимъ. Несмотря на сжатость, исторія Крутицына представляетъ собою цѣлый романъ, съ трагическою развязкой. Это не только иллюстрація къ сліянію дворянскаго теченія съ бюрократическимъ: это лучъ свѣта, брошенный въ интимную жизнь мнимо-счастливаго человѣка—мнимо-счастливаго вслѣдствіе бѣдности и узкости избранныхъ имъ идеаловъ. Спиритистомъ, редстокистомъ, проповѣдникомъ какихъ-то собственныхъ измышленій Крутицынъ становится не случайно.

„Въ эпохи нравственнаго и умственнаго умаленія, когда реальное дѣло выпадаетъ изъ рукъ, подобныя фантасмагоріи совершаются не рѣдко. Не находя удовлетвореній въ дѣйствительной жизни, общество мечется на-удачу и въ изобиліи выдѣляетъ изъ себя людей, которые съ жадностью бросаются на призрачныя выдумки и въ нихъ обрѣтаютъ душевный миръ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безсрочно удовлетворяться культомъ какого-то знамени, которое и само-по-себѣ есть не что иное, какъ призракъ, и продолжительное общеніе съ которымъ можетъ служить только въ смыслѣ подготовки къ другимъ призракамъ“.

Главная опасность, угрожающая „счастливцамъ“ въ родѣ Крутицына, заключается въ томъ, что призраки, для самихъ „носителей знамени“ играющіе роль хлѣба, сплошь и рядомъ оказываются камнемъ для натуръ болѣе свѣжихъ—для дѣтей „счастливца“. „Больнымъ мѣстомъ“ молодое поколѣніе является не для однихъ Разумовыхъ. Старшій сынъ Крутицына повѣрилъ розсказнямъ о свойствахъ „знамени“ и выразилъ полную готовность принять его изъ рукъ отца; но въ существованіе младшаго сына еще на школьной скамьѣ закралась „двойственность“, изъ которой онъ не нашелъ другого выхода, кромѣ самоубійства. „Въ наше время господства призраковъ перестаетъ казаться противоестественнымъ и безпощадный призракъ смерти“...

Творческую силу Салтыкова особенно удобно изучать въ тѣхъ разсказахъ, въ которыхъ всего менѣе слышна сатирическая нота. Это зависитъ не отъ того, чтобы тенденціозность шла въ разрѣзъ съ художественностью, а просто отъ того, что вниманіе читателя можетъ сосредоточиться всецѣло на образахъ, выдѣленныхъ изъ водоворота политической и общественной жизни. Таковы, напримѣръ, Черезовы, мужъ и жена; такова Ольга Ладогина *(Христова невѣста)*; таковы Чудиновъ, *Ангелочекъ*, *Полковницкая дочь*. Конечно, Черезовы—прямыя порожденія современной почвы; это своего рода „хозяйственные мужички“, только перенесенные въ сферу городского, умственнаго труда. Возможность появленія ихъ обусловливается господствомъ желѣзнаго принципа: chacun pour soi, chacun chez soi; но этотъ принципъ остается, если можно такъ выразиться, за кулисами; на первый планъ выдвигается психологическій этюдъ, а не соціологическая проблема. Насъ поражаетъ существованіе, проникнутое неувѣренностью и страхомъ—неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, страхомъ за жалкія средства, едва достаточныя для прозябанія. Вопросы о будущемъ не заглушались для Черезовыхъ даже усиленною работою, „а волновали и мучили съ утра до вечера. Некогда было подумать о томъ, зачѣмъ пришла и куда идетъ эта безразсвѣтная жизнь... Но о томъ, что эта жизнь можетъ мгновенно порваться, думалось ежемгновенно, безъ отдыха“. Черезовы не бѣдствуютъ, не терпятъ настоящаго горя; они расположены другъ къ другу, здоровы, заняты, у нихъ есть ребенокъ—и все-таки они производятъ на насъ впечатлѣніе людей глубоко-несчастныхъ, такъ что даже въ смерти Черезова мы видимъ скорѣе избавленіе для него самого, чѣмъ катастрофу для его семейства. Это одна изъ тѣхъ скромныхъ, безшумныхъ житейскихъ драмъ, мимо которыхъ проходитъ толпа, ничего о нихъ не подозрѣвая. Продолжительныя, однообразныя, заурядныя, онѣ сливаются съ сѣрымъ фономъ будничной жизни и выступаютъ на немъ яркимъ пятномъ только передъ вдумчивымъ взглядомъ художника. Для самихъ дѣйствующихъ лицъ ужасъ добровольной пытки, длившейся цѣлые годы, часто становится понятнымъ лишь въ виду близкой ея развязки. „Что я дѣлалъ, зачѣмъ жилъ?“ восклицаетъ Черезовъ во время предсмертныхъ мукъ; „что мы дѣлали, зачѣмъ жили?.. Надя! Вѣдь, мы на каторгѣ были, и

называли это жизнью, и даже не понимали, изъ чего мы бьемся, что дѣлаемъ; ничего мы не понимали!" Для Черезовой „просвѣтлѣніе" умирающаго мужа проходитъ безслѣдно. „Она продолжаетъ работать съ утра до вечера; теряя одну работу, подыскиваетъ другую, такъ что *каторга* остается въ прежней силѣ"... Нѣсколько лучше, чѣмъ жизнь Черезовыхъ, сложилась, въ концѣ-концовъ, жизнь Ольги Ладогиной—но сколько она должна была вынести и перетерпѣть, прежде чѣмъ наполнить свое существованіе коекакими „крохами"! „Бѣдная моя, бѣдная!"—такъ называетъ Ольгу ея отецъ; чувствуется, что то же самое говоритъ о ней мысленно и Салтыковъ. Вся *Христова невѣста* проникнута нѣжнымъ состраданіемъ къ дѣвушкѣ, обреченной на одиночество, на разочарованіе, на безцвѣтную молодость и суетливую старость. При другихъ общественныхъ условіяхъ судьба Ольги, какъ и судьба Черезовыхъ, могла бы быть другая, но только отчасти. Ей было бы легче найти „дѣло", можетъ-быть, даже не совсѣмъ „крохотное"—но не легче было бы найти личное счастіе.

Не въ одной только *Христовой невѣстѣ* выразилась глубокая воспріимчивость Салтыкова къ людскому горю. Мы встрѣчались съ этою чертой и раньше: въ *Госпожѣ Падейковой*, въ *Больномъ мѣстѣ*, въ *Дворянской хандрѣ*, въ *Убѣжищѣ Монрепо*, въ *Господахъ Головлевыхъ*. Мы видѣли отзывчивость автора даже къ такой печали, источникъ которой ему прямо антипатиченъ; мы сожалѣли, вмѣстѣ съ нимъ, даже объ Аринѣ Петровнѣ, даже о Порфиріи Владимирычѣ („Іудушкѣ"), когда ихъ сломила душевная мука. Такое же сожалѣніе внушаетъ намъ теперь Крутицынъ, потерявшій и счастіе и вѣру въ счастіе. Еще сильнѣе впечатлѣніе, производимое горемъ незаслуженнымъ, напрасно гибнущею жизнью. *Сельская учительница* принадлежитъ къ числу самыхъ потрясающихъ страницъ, написанныхъ Салтыковымъ. Простота разсказа доведена до крайнихъ предѣловъ; заурядна сама Анна Петровна, заурядна ея обстановка, заурядна самая причина ея самоубійства—но эта заурядность и составляетъ главный ужасъ сѣренькой драмы, разыгрывающейся передъ нашими глазами. На ряду съ *Сельскою учительницей* стоитъ, съ этой точки зрѣнія, финалъ *Портного Гришки*. „Ничто такъ естественно не вызываетъ любви,—читаемъ мы въ *Пошехонскихъ разсказахъ*,—какъ бѣдность, угнетенность, скорбь

и злосчастіе". Въ этихъ немногихъ словахъ мы видимъ ключъ къ одной изъ самыхъ крупныхъ сторонъ творчества Салтыкова. Его влекутъ къ себѣ „униженные и оскорбленные"—влекутъ къ себѣ и тогда, когда каждый изъ нихъ стоитъ передъ нимъ отдѣльно, и тогда, когда они сливаются въ одну громадную массу. Отсюда его любовь къ „пошехонской странѣ", въ которой ему все родственно и достолюбезно.

„Дороги мнѣ и зыбучіе ея пески, и болота, и хвойные лѣса; но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смирный, слегка унылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи... Бывали минуты, когда пошехонская страна приводила меня въ недоумѣніе; но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болѣть по ней, я рѣшительно не запомню. Бѣдная эта страна—ее надо любить... Эта робкая боль, сказывающаяся всюду, эти подавленные стоны, волной переливающіеся изъ края въ край, могутъ замучить. Они призываютъ къ суду человѣческой совѣсти тѣни прошлаго; побуждаютъ ее разбираться въ томъ, что казалось позабытымъ, канувшимъ въ вѣчность; заставляютъ чего-то искать, какихъ-то лучей, на которыхъ можно было бы успокоиться... искать, искать—и не находить..."

Когда Салтыкову становится душно въ реальномъ мірѣ, онъ даетъ волю своей фантазіи, и она уноситъ его въ сферу „волшебства". Иногда разрывъ съ дѣйствительностью не идетъ дальше преувеличеній, утрировокъ; для содержанія, взятаго прямо изъ жизни, придумываются только небывалыя комбинаціи—небывалыя, но не безусловно невозможныя. Мысли, несомнѣнно, находящіяся въ оборотѣ, принимаютъ, подъ перомъ сатирика, такую форму, въ которую никто не рѣшится облечь ихъ на самомъ дѣлѣ, но которая, въ сущности, вовсе не такъ имъ чужда, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Происходитъ, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ наглядной reductio ad absurdum; безобразные продукты человѣконенавистническихъ мечтаній показываются сквозь увеличительное стекло, усиливающее, конечно, ихъ уродливость, но не измѣняющее истиннаго ихъ свойства. Таковы, напримѣръ, прожекты, авторомъ которыхъ является „Ѳедотъ, да не тотъ". Само-собою разумѣется, что никто не предлагалъ и не предложитъ „упорядочить воспроизведеніе", образовавъ „институтъ племенныхъ молодыхъ людей"; но неужели кто-нибудь рѣшится утверждать, что предначертанія Ѳедота всецѣло висятъ на воздухѣ? Фантастиченъ только заключительный выводъ Ѳедота, но отнюдь не мотивы, на которыхъ онъ построенъ. Когда Ѳедотъ говоритъ самому

себѣ: „Такъ какъ составъ и свойство грядущихъ поколѣній находятся въ тѣсной зависимости отъ состава и свойствъ нынѣ дѣйствующаго молодого поколѣнія, то, дабы усовершенствовать первое, необходимо произвести въ послѣднемъ такой подборъ людей, который представлялъ бы несомнѣнное ручательство въ смыслѣ благонадежности“,—то не обрѣтается ли онъ гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ къ облакамъ? Когда онъ предлагаетъ „признать чисто-правоспособными только тѣхъ молодыхъ людей, кои добрымъ поведеніемъ и успѣхами въ древнихъ языкахъ окажутся того достойными“, то не касается ли онъ, по крайней мѣрѣ одною ногой, весьма твердаго грунта? Наличность реальнаго элемента становится еще болѣе замѣтной въ прожектѣ, относящемся къ печати. На возрожденіе современныхъ литераторовъ и публицистовъ Ѳедотъ надежды не возлагаетъ и находитъ удобнѣйшимъ „оставить ихъ подъ дѣйствіемъ спасительнаго страха, подъ коимъ они доднесь пребывали, не чувствуя оттого для себя отягощенія“(!). „Намордниковъ“ онъ не рекомендуетъ; но почему? Потому что уповаетъ на природу, „которая, наконецъ, возмутится и явится на помощь къ благонамѣреннымъ людямъ съ естественною развязкой. Уже достаточное количество сошло съ арены, остальные... не замедлятъ!“ Можно ли сомнѣваться въ томъ, что эту благодушную надежду питаетъ не одинъ только Ѳедотъ? Вся разница между воображаемымъ Ѳедотомъ и его реальными прототипами заключается, быть-можетъ, только въ степени откровенности, съ которою высказывается общая ихъ задушевная мысль... „Будущихъ“ литераторовъ прожектъ Ѳедота раздѣляетъ на десять отрядовъ, по десяти человѣкъ въ каждомъ; „сто-первому литератору предоставляется переходить по-очереди изъ одного отряда въ другой, пока время не укажетъ на необходимость образованія одиннадцатаго отряда“. Когда отряды будутъ изготовлены и снабжены „штатнымъ содержаніемъ“, тогда, „по воспослѣдованіи пригласительнаго сигнала, между отрядами начнется полемика, но полемика благородная и, притомъ, сливающаяся въ одномъ общемъ чувствѣ признательности“. И что же, развѣ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что въ одинъ прекрасный день не придется сказать, словами одного изъ старыхъ щедринскихъ героевъ: „все сіе совершилось“?..

Въ эпизодѣ съ Ѳедотомъ фантастичны только прожекты,

сочиняемые изобрѣтателемъ племенного института; въ исторіи статскаго совѣтника Передрягина, уведеннаго въ плѣнъ медвѣдями (*Пестрыя письма*, II), фантастичны самыя приключенія героя—но фантазія и здѣсь не вовсе порываетъ связь съ дѣйствительностью. Мы читаемъ сказку, прелестную, игривую, забавную сказку, но никакъ не можемъ перенестись всецѣло въ сказачное медвѣжье царство. Недаромъ же и самъ Передрягинъ сохранилъ между медвѣдями привычки и взгляды, пріобрѣтенные въ департаментѣ. Его рѣшимость дѣйствовать, „не забѣгая впередъ, но и не отступая назадъ“, его зимняя медвѣжья конституція (article premier et unique: „съ наступленіемъ зимы всякій да заляжетъ въ берлогу и да сосетъ лапу“), смѣлымъ взмахомъ руки распространяемая имъ и на лѣтнее время („есть народы и почище васъ, но и тѣ довольствуются зимнею конституціей“)—все это носитъ на себѣ характеръ не исключительно медвѣжій. Передрягинъ въ средѣ Топтыгиныхъ мало чѣмъ отличается отъ Передрягина, возвратившагося въ Гусевъ переулокъ и берущагося ходатайствовать какъ о введеніи реформъ, такъ и объ „упраздненіи таковыхъ“.

Точнѣе опредѣлить значеніе „сказки“, какою она выходитъ изъ-подъ пера Салтыкова, поможетъ намъ слѣдующій отрывокъ изъ рѣчи Крамольникова къ „либрпансёрамъ“ (*Пошехонскіе разсказы*, III).

„Многіе изъ васъ думаютъ, что можно до такой степени умалиться, стушеваться, исчезнуть, что самая суровая дѣйствительность не выдержитъ и поступится хоть забвеніемъ. Тщетная надежда, государи мои! Уступки и забвенія свойственны явленіямъ нарождающимся, не окрѣпшимъ и не увѣреннымъ въ своемъ будущемъ, а не дѣйствительности, имѣющей за собою многовѣковую исторію. Дѣйствительность подчиняетъ себѣ все, находящееся въ районѣ ея кругозора; фасонируетъ все, что поддается ея дѣйствію, а неподдающееся—выбрасываетъ за бортъ. Вотъ будущность, которая предстоитъ. И вы не минуете ея, хотя и надѣетесь, что *норы*, въ которыхъ вы спрятались въ ожиданіи лучшихъ дней, не выдадутъ васъ. Выдадутъ, господа! Да вы и сами, наконецъ, не вытерпите насильственнаго заключенія и выйдете!“

Нетрудно узнать въ этихъ словахъ первообразъ одной изъ лучшихъ сказокъ Салтыкова—*Премудрый пескарь*; но въ сказочной формѣ мысль автора пріобрѣтаетъ еще бо́льшую силу, производитъ еще болѣе неотразимое впечатлѣніе. Все краснорѣчіе Крамольникова блѣднѣетъ передъ послѣдними минутами „премудраго пескаря“.

„Вся жизнь мгновенно передъ нимъ пронеслась. Какія были у него

радости? Кого онъ утѣшилъ? Кому добрый совѣтъ подалъ? Кого пріютилъ, обогрѣлъ, защитилъ? Кто объ его существованіи вспомнитъ? И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣчать: никому, никто. Онъ жилъ и дрожалъ—только и всего. Даже вотъ теперь: смерть у него на носу, а онъ все дрожитъ, самъ не знаетъ изъ-за чего. Въ норѣ у него темно, тѣсно, повернуться негдѣ; ни солнечный лучъ туда не заглянетъ, ни тепломъ не пахнетъ. И онъ лежитъ въ этой сырой мглѣ, незрячій, изможденный, никому ненужный; лежитъ и ждетъ: когда же, наконецъ, голодная смерть окончательно освободитъ его отъ безполезнаго существованія?.. И вдругъ онъ исчезъ. Что тутъ случилось—щука ли его заглотала, ракъ ли клешней перешибъ, или самъ онъ своею смертью умеръ и всплылъ на поверхность—свидѣтелей этому дѣлу не было. Скорѣе всего самъ умеръ, потому что какая сласть щукѣ глотать хвораго, умирающаго пескаря, да къ тому же еще и *премудраго*?"

Какая потрясающая картина; какъ безгранично жалокъ „премудрый" пескарь! Его нельзя даже презирать — до такой степени глубоко состраданіе, которое онъ внушаетъ. Какъ богата, какъ могуча фантазія писателя, превратившая массу горькихъ наблюденій въ одинъ живой образъ, незгладимо врѣзывающійся въ память! Импровизатору нуженъ только одинъ стихъ, чтобы создать цѣлую поэму; для Салтыкова достаточно, кажется, одного слова, чтобы отвлеченная мысль одѣлась сама-собою въ плоть и кровь, расцвѣтилась яркими красками. Въ рѣчи Крамольникова упоминалось о *норахъ*—и вотъ, воображенію сатирика-поэта представилась *темная, тѣсная* нора пескаря, живущаго только для того, чтобы жить, и умирающаго, не знавъ жизни... *Карась-идеалистъ* напоминаетъ, въ свою очередь, Андрея Курзапова *(Пошехонскіе разсказы, IV)*—и обѣ фигуры, сказочная и не-сказочная, дополняютъ одна другую. Бесѣда карася съ ершомъ и щукой—настоящій pendant къ бесѣдамъ Андрея съ Стратиговымъ и Язвило; только Андрей былъ, пожалуй, еще болѣе идеалистомъ, чѣмъ карась. И карась и Андрей нѣкоторое время невозбранно говорили о добродѣтели; но рѣчамъ обоихъ наступилъ конецъ, для Андрея лишь не столь внезапный, какъ для карася. Проповѣдь Андрея о „божескомъ житіи" сначала была подвергнута критикѣ въ *Уединенномъ пошехонцѣ* и признана не то чтобы прямонеправильною, а неблаговременною; потомъ послѣдовало періодическое сажаніе въ кутузку, и наконецъ — „фюить"! Карась диспутировалъ со щукой всего три раза въ теченіе одного дня, и уже на третій диспутъ явился подъ стражей и „съ нѣкоторыми поврежденіями".

Не всѣ сказки Салтыкова такъ тѣсно связаны съ его сатирой; но всѣ лучшія между ними (*Бѣдный волкъ, Вѣрный Трезоръ, Сосѣди, Гіена, Баранъ Непомнящій, Кисель, Коняга*) отличаются необыкновенною внутреннею силой. Нѣкоторыя изъ нихъ — настоящія „стихотворенія въ прозѣ", настоящія пѣсни любви, вдохновляющей „отрицаніе" Салтыкова. *Коняга* напоминаетъ, по глубинѣ чувства, лучшія произведенія Некрасова. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо слышится здѣсь „убѣжденность" автора, та убѣжденность, которая дѣлаетъ творчество источникомъ наслажденій... и страданій. Печальна, въ особенности, судьба „убѣжденнаго" русскаго писателя; помимо всего остального, надъ нимъ тяготѣетъ сознаніе „изолированности" или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ увѣренности въ томъ, что его любятъ и понимаютъ. Онъ встрѣчается на каждомъ шагу „и съ ненавистью, и съ безчестными передержками, и съ равнодушіемъ, и съ насмѣшкой; ему рѣдко улыбается прямое, осязательное сочувствіе". *Читатель-другъ*, несомнѣнно, существуетъ, но онъ „заробѣлъ, затерялся въ толпѣ, и дознаться, гдѣ именно онъ находится, довольно трудно". Къ этой отчужденности писателя Салтыковъ возвращается настойчиво и упорно; мысль о ней все больше и больше составляетъ его „больное мѣсто". Она стоитъ на первомъ планѣ въ заключительной главѣ *Мелочей жизни*, въ воспоминаніяхъ и думахъ „Имярека".

„Въ каждой строкѣ, написанной Имярекомъ, звучало убѣжденіе—такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось;—но убѣжденіе это, привлекая къ нему симпатіи однихъ, въ то же время возбуждало ненависть въ другихъ. Симпатіи утопали въ глубинахъ читательскихъ массъ, не подавая о себѣ голоса, а ненависть металась воочію, громко провозглашая о себѣ и посылая навстрѣчу угрозы. Около ненависти группировалась и обычная апатія средняго человѣка, который не умѣетъ ни любить ни ненавидѣть, а поступаетъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ его жизнь не вкралось недоумѣніе или неудобство. Такое содержаніе жизни Имярека должно было дать и соотвѣтственные результаты. А именно: въ смыслѣ общественнаго вліянія—полная неизвѣстность; въ смыслѣ личной жизни—обрюзгшность, пренебреженіе, почти поруганіе"...

Лозунгъ его, въ кипучее время его дѣятельности, выражался въ трехъ словахъ: свобода, развитіе и справедливость...

„И вотъ, теперь, скованный недугомъ, онъ видитъ передъ собою призраки прошлаго. Все, что наполняло его жизнь, представляется ему сновидѣніемъ. Что такое свобода—безъ участія въ благахъ жизни? Что такое развитіе—безъ ясно намѣченной конечной цѣли? Что такое справедливость, лишенная огня самоотверженности и любви? Слова, слова и слова... Онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ, и что онъ пришелъ къ цѣли поисковъ

всей жизни; что только теперь его мысль установилась на стезѣ правды. Онъ простираетъ руки, ищетъ отклика, онъ жаждетъ итти, возглашать... И сознаетъ, что сзади у него нависъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди—ничего, кромѣ одиночества и оброшенности"...

Да, въ положеніи Имярека много истиннаго трагизма. Мы не станемъ утверждать, что достаточною поддержкой должна служить для него мысль о честно-исполненномъ дѣлѣ, достаточной наградой—„предположительное" сочувствіе „читателя-друга"; мы не станемъ даже указывать на то, что между читателями Салтыкова гораздо больше друзей, чѣмъ „ненавистниковъ" или хотя бы индиферентовъ. Въ минуту раздумья, неизбѣжныя подъ концомъ продолжительной трудной дороги, въ минуты сомнѣнія, переживаемыя каждымъ мыслителемъ или художникомъ—а тѣмъ болѣе мыслителемъ-художникомъ,—безсильны утѣшенія этого рода, все равно, подсказываются ли они своею или чужою мыслью. Успокоить тревогу, поднять упадшій духъ могла бы только масса воздуха и свѣта, ворвавшаяся извнѣ во внутренній міръ писателя. Кто посвятилъ всѣ свои силы борьбѣ съ дремотой и темнотой, тотъ долженъ, чтобы отойти съ миромъ, увидѣть хотя бы зарю новаго дня, услышать хотя бы робкій шелестъ пробуждающейся жизни. Салтыкову до сихъ поръ это не было дано—и вотъ, какъ намъ кажется, разгадка настроенія, въ которомъ Имярекъ ожидаетъ смерти. Но Имярекъ, къ счастію, еще живъ—а гдѣ есть жизнь, тамъ есть и надежда. Отчаяніе могло бы овладѣть Имярекомъ развѣ тогда, если бы онъ самъ пересталъ вѣрить въ спасительную силу своего „лозунга". На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; прежняя его формула оказывается только недостаточной, неполной, но она допускаетъ самыя широкія вставки, усовершимости ея нѣтъ предѣла. Не ей ли, въ сущности, обязанъ Имярекъ тѣмъ стремленіемъ вверхъ и вдаль, которое выразилось съ такою удивительною мощью въ послѣднихъ словахъ *Мелочей жизни*? Не она ли заставляетъ его продолжать „поиски", итти впередъ по „стезѣ правды"? Не она ли возбуждаетъ въ немъ то „недовольство", въ которомъ Некрасовъ видѣлъ характеристическую черту Бѣлинскаго,—„недовольство, при которомъ нѣтъ ни самообольщенія ни застоя?" Конечно, свобода не имѣетъ цѣны безъ „участія въ благахъ жизни"—но можетъ ли участіе въ благахъ жизни быть завоевано безъ помощи свободы? Ко-

нечно, развитіе важно только въ связи съ „ясно намѣченною конечною цѣлью“—но какая же высокая цѣль можетъ быть достигнута безъ предшествующаго развитія? Конечно, холодна справедливость, не согрѣтая „огнемъ самоотверженности и любви“,—но развѣ источникомъ самоотверженія не служитъ, между прочимъ, страстная жажда справедливости?.. Нѣтъ, „лозунгъ“ сохранилъ свою силу, и каково бы ни было настоящее Имярека, будущее едва ли сулитъ ему „оброшенность“ и „изолированность“.

К. К. Арсеньевъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, выпускъ V-й.